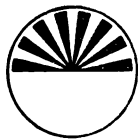

Р.П.Гришина

Возникновение
фашизма
в Болгарии

1919-1925 г.

Българска академия на науките

Р. П. Гришина

Възникване на фашизма в България
1919—1925 г.

София · 1976

Издателство на Българската академия на науките

Болгарская академия наук

Р. П. Гришина

Возникновение фашизма в Болгарии 1919-1925 г.

Глубокоуважаемому
Кириллу Кирилову
на добрую память

13. IV 74.

Гриш

София . 1976

Издательство Болгарской академии наук

Ответственный редактор
Акад мик Д и м и т р К о с е в

Предисловие

Политическая история Болгарии в годы после военно-фашистского переворота 9 июня 1923 г. до победы восстания 9 сентября 1944 г. — это главным образом история героической борьбы трудового болгарского народа под руководством БКП против фашистского режима. И совершенно естественно, что исследователи прежде всего обратились к изучению истории коммунистического, рабочего и антифашистского движения. В работах, посвященных этим проблемам, конечно, уделяется внимание и вопросам происхождения и развития фашизма в Болгарии, его идеологии и политике, но детальное изучение проблематики фашизма долгое время оставалось на заднем плане. В связи с этим многие аспекты деятельности военно-фашистской диктатуры и вообще многие события и процессы, происходившие в лагере реакционной буржуазии, остаются неизвестными или недостаточно освещенными. Только в последние годы некоторые болгарские историки обратились к более глубокому и тщательному исследованию вопросов возникновения и развития фашизма в Болгарии, его специфических черт и проявлений в конкретных условиях страны. Благодаря их усилиям достигнуты серьезные научные результаты, однако эта актуальная и очень сложная тема новейшей истории Болгарии все еще остается недостаточно разработанной.

Книга Р. П. Гришиной — первое в исторической литературе многоплановое монографическое исследование первого и, может быть, самого сложного этапа развития фашизма в Болгарии, начавшегося зарождением фашизма в годы послевоенного революционного кризиса в стране и приобретшего характерные черты в политике фашистского правительства А. Цанкова в бурные 1923—1925 гг.

Монография Р. П. Гришиной обладает рядом ценных качеств, определяющих ее высокий научный уровень.

Во-первых, прежде чем приступить к исследованию фашизма в Болгарии, автор тщательно изучил важнейшую литературу о сущности фашизма, как международного явления, возникшего в условиях общего кризиса капиталистической системы после пер-

вой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции, а также литературу, посвященную фашистским движениям и режимам в различных странах. В основу изучения болгарского фашизма Р. П. Гришина положила результаты исследования советских историков, уделяющих проблематике фашизма в целом большое внимание. Это позволило автору настоящей работы яснее видеть в фашистском режиме в Болгарии как общие черты, характерные для всех фашистских режимов, так и специфические особенности, обусловленные конкретными условиями страны.

Во-вторых, ценность настоящей книги определяется богатством исторических источников различного рода, на которых она основана, и глубоким анализом фактического материала. Р. П. Гришина критически использовала труды болгарских и советских авторов по избранной теме, мемуарную литературу, буржуазную, коммунистическую и антифашистскую прессу, все доступные в настоящее время архивные фонды, протоколы Народного собрания, статистические сборники и т. п. Она сумела глубоко проанализировать и синтезировать хорошо подобранный фактический материал и благодаря этому правильно осветить многочисленные вопросы темы, дать правильную характеристику событиям и личностям, убедительно раскрыть сущность фашизма в Болгарии, его глубоко антинародный, звериный характер.

Ценным качеством монографии является также ее стройная, методологически правильная композиция. Шесть глав книги охватывают и раскрывают в хронологической последовательности основные аспекты генезиса, установления и развития фашизма в Болгарии до падения первого фашистского правительства. Трудно даже сказать, какая из этих шести глав наиболее оригинальна и богата содержанием. Каждая из них содержит свежие факты, новый интересный подход к ним, новые мысли, объяснения, оценки и выводы.

С большим интересом читается, например, вторая глава книги, в которой автор рассматривает процесс консолидации реакционных сил в стране, создание легальных центров борьбы против правительства А. Стамболийского, создание фашистского политического центра «Народный сговор» и его программу, подготовку и проведение государственного переворота 9 июня 1923 г. Хотя по этим вопросам написано сравнительно много, Р. П. Гришина, самостоятельно проанализировав уже известные материалы и используя новые источники, сумела по-новому осветить некоторые события, более полно выяснить ряд вопросов. Глубоко и оригинально исследован вопрос о роли представителей монополистического капитала в военно-фашистском перевороте (§ 4 главы II).

В работе Р. П. Гришиной дано самое полное в настоящее время изложение внешней политики первого фашистского правительства Болгарии. В этом отношении автором критически использованы опубликованные труды болгарских историков и новые важные архивные документы. Особый интерес в этой главе представляет подробное рассмотрение отношений между фашистской Болгарией и Сербско-Хорватско-Словенским Королевством, руководимым реакционными националистическими кругами сербской буржуазии. Конечно, некоторые моменты внешней политики первого фашистского правительства Болгарии требуют дальнейшего, более точного и полного выяснения, для чего необходимо, в частности, исследование документов из архивов министерств иностранных дел Англии, Франции и других стран, игравших в этот период большую или меньшую роль в развитии событий на Балканском полуострове.

Много новых материалов использовала Р. П. Гришина для более полного раскрытия социально-экономической политики правительства Цанкова (глава V). Оригинально разработан ею вопрос об основных направлениях социально-экономического законодательства фашистского режима в рассматриваемые годы.

Столь же оригинальна и последняя глава книги, в которой рассматривается кризисное состояние фашистского лагеря и падение первого фашистского правительства о главе с А. Цанковым. До сих пор падение Цанкова и формирование нового фашистского правительства А. Ляпчева в исторической литературе объяснялось весьма упрощенно. Р. П. Гришина рассматривает этот вопрос на широкой исторической основе. Опираясь на новые архивные документы и другие источники, она рисует картину кризиса в буржуазно-фашистском лагере, приведшего к расколу «Демократического сговора» и смене кабинета А. Цанкова кабинетом А. Ляпчева.

Раскрывая программные начала отдельных фашистских организаций, фашистского режима в целом, антинародную, террористическую политику первого фашистского правительства, Р. П. Гришина подробно останавливается и на роли главных руководителей буржуазно-фашистского лагеря, в частности, царя Бориса III, генерала Ив. Вылкова — главы Военной лиги и др. Понимается, за их спиной стояла крупная болгарская буржуазия, что также показано в монографии. Хорошо освещены в книге и обреченность попыток болгарских фашистов создать режиму широкую социальную базу, и внутренние противоречия в буржуазно-фашистском лагере и многие другие вопросы.

Общественно-политическое развитие Болгарии после первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической рево-

люции, особенно в 1923—1925 гг., когда в рамках общего кризиса капиталистической системы появились признаки относительной, частичной стабилизации, что было характерно и для болгарского капитализма, было чрезвычайно сложным. Поэтому в одной книге, посвященной зарождению и развитию фашизма в эти годы, вряд ли возможно дать окончательное решение всех затронутых вопросов. Некоторые из них в настоящее время не могут быть освещены с исчерпывающей полнотой и из-за отсутствия достаточной документации. Совершенно естественно, что в монографии Р. П. Гришиной встречаются места, разработанные с меньшей полнотой, и положения, которые, наверное, будут предметом дискуссии при дальнейших разработках.

В своей книге Р. П. Гришина уделяет много места ВМРО, как одному из важных факторов политической жизни Болгарии этих лет. Это выдвигало перед автором необходимость подробного выяснения социального состава ВМРО рассматриваемого периода, ее идеологии, характера различных течений среди огромной македонской эмиграции в Болгарии, отношений между легальными организациями («македонскими братствами») и ВМРО. Большого внимания требует также выяснение задач ВМРО. Однако указанные сюжеты не получили в работе достаточного освещения, в результате чего противоречивое поведение ВМРО и колебания в отношениях между этой организацией и буржуазно-фашистским лагерем в 1923—1924 гг. остаются недостаточно мотивированными.

Недостаточно обоснованным кажется мне также утверждение автора, что с конца 1921 г. правление БЗНС стало «скатываться назад» и что этот процесс приобрел «необратимый» характер. Создается впечатление, что свержение земледельческого правительства и установление военно-фашистской диктатуры было объективно неизбежно, а не связано с тем, что субъективный фактор — БКП и БЗНС — не использовал благоприятного для правительства А. Стамболийского соотношения сил в стране.

Эти и некоторые другие дискуссионные положения автора не снижают, разумеется, высокого научного уровня монографии. Ныне она является основным трудом по истории фашизма в Болгарии первого этапа его развития. Все последующие исследователи проблематики фашизма в Болгарии периода между двумя мировыми войнами должны будут принимать за основу книгу Р. П. Гришиной, использовать внесенный ее автором вклад в научную разработку важной темы.

Во введении к книге автор мотивирует выбор темы исследования ее актуальностью, подчеркивая, что фашистские режимы продолжают существовать в некоторых странах и в годы после вто-

рой мировой войны и что опасность возникновения фашистских диктатур остается, пока сохраняется капитализм. И это совершенно правильно. Но в данном случае разработанная Р. П. Гришиной тема актуальна и в том отношении, что раскрытие происхождения, сущности и политики фашизма в Болгарии позволяет яснее и ярче показать героическую борьбу болгарского народа под руководством БКП против фашизма и капитализма, заострить внимание на международном значении уроков этой борьбы.

В заключение нельзя не отметить хороший, живой и местами образный язык автора. Книга Р. П. Гришиной читается с большим интересом и увлечением.

Советские историки-болгаристы своими трудами оказали большую помощь в разработке проблем древней, средневековой, новой и новейшей истории Болгарии, а тем самым — и укреплению болгаро-советской дружбы.

Работа Р. П. Гришиной — новый ценный вклад в развитие советской болгаристики.

Академик Д. Косев

Введение

9 июня 1923 г. в Болгарии был совершен военно-фашистский переворот и у власти утвердилось правительство А. Цанкова. В стране был установлен кровавый, реакционный режим, воцарилась мрачная атмосфера террора и репрессий. Главной задачей фашистских правителей было разгромить Болгарскую коммунистическую партию (тесных социалистов) и руководимое ею революционное рабочее движение и обеспечить таким образом неограниченное господство крупного капитала¹. Добиваясь своей цели, фашистская реакция, как отмечал первый секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии Т. Живков, «поставила вне закона огромное большинство болгарского народа»². Но запугать трудящихся Болгарии не удалось. Дважды — в июне и в сентябре 1923 г. — болгарский народ поднимался на вооруженную борьбу против узурпаторов. Сентябрьское восстание 1923 г., возглавленное коммунистической партией, непосредственно В. Коларовым и Г. Димитровым, было первым в мире вооруженным антифашистским восстанием. Оно стало переломным моментом процесса большевизации БКП, что имело исключительно большое значение для революционной борьбы всего болгарского народа³.

Активное сопротивление рабочих и крестьян Болгарии наступающему фашизму было одним из основных факторов, определявших шаткость и неустойчивость военно-фашистского режима. Хотя события тех лет в Болгарии отделены от нас пятью десятилетиями, их изучение сохраняет свою научную и политическую актуальность, как актуально в целом исследование проблем фашизма, его возникновения, прихода к власти, его общих характерных черт, национальных и региональных особенностей.

Как социально-политический феномен фашизм не исчерпал себя: потерпев величайшее поражение в итоге второй мировой

¹ История на Българската комунистическа партия. С., 1969. с. 277.

² Т. Ж и в к о в. (Речь на национальном собрании-митинге в г. Михайловграде 23. IX. 1973). Работническо дело, 24. IX. 1973.

³ Г. М. Д и м и т р о в. Политически отчет на ЦК на БРП (к) пред Петия конгрес на партията. Съчинения. Т. 14. с. 240.

войны, он в последующие годы проявил способность к возрождению, ибо классовые причины фашизма не устранены. В условиях послевоенного мира фашизм несколько видоизменился, но современный капитализм остается базой для непрерывного репродуцирования фашизма⁴. В течении многих лет после второй мировой войны фашизм продолжает оставаться у власти в Испании и Португалии, силам крайней реакции удалось захватить ключевые политические позиции в некоторых странах третьего мира. Тяжелым кошмаром стали события в Чили. Во многих других буржуазных государствах возродились фашистские организации. В 50—60-е годы ими была предпринята попытка объединиться и создать «Фашистский интернационал», происходили многочисленные международные съезды неофашистских союзов разных стран⁵. В настоящее время партии и группы фашистского толка действуют в 60 капиталистических странах. Эти праворадикальные силы стремятся играть активную политическую роль и исходящая от них опасность велика, ибо поскольку продолжает существовать капиталистическая система, поскольку ничто не может уберечь ее от внутренних катаклизмов экономического и социального порядков, постольку сохраняется и угроза развития той или иной буржуазной страны по пути крайней реакции. Исторический опыт показал, как опасна эта угроза для жизни отдельных народов, для дела мира.

Фашизм появился с началом общего кризиса капитализма. В годы после первой мировой войны и под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции подъем революционной борьбы масс привел к такому расшатыванию политических позиций монополистической буржуазии, что она оказалась не в состоянии удерживать свою власть с помощью прежних методов буржуазной демократии. Кризис буржуазного парламентаризма породил у наиболее реакционных сил стремление к установлению своей диктатуры, к установлению режимов фашистского типа. В разных странах фашизм, проявив большую гибкость и приспособляемость, выступал в зависимости от специфики местных условий далеко не в одной и той же форме. Во многих европейских странах он значительно отличался от известных «образцов» Гер-

---

⁴ Подробнее см. доклад К. И. Зародова на научном симпозиуме Новые формы фашистской опасности, усиления реакции и пути борьбы с ними. — Проблемы мира и социализма. 1973, № 4, с. 28—31; см. также А. А. Галкин. Социально-политическая структура капиталистического общества и фашизм. — Вопросы философии. 1970, № 2, с. 96.

⁵ D. Eisenberg. The Re-Emergence of Fascism. Worcester and London. 1967, p. 20—29.

мании или Италии, в других вообще вынужден был отступить. Выяснение причин того, почему фашистские силы не смогли утвердиться у власти во Франции или захватить ее в Англии, какие факторы помешали приобрести законченные формы, подобные германской или итальянской, где все процессы были выражены с «максимальной резкостью»⁶ (и потому особенно опасные), фашизму в Венгрии, Румынии, Польше, Болгарии и некоторых других странах, является не менее важным, чем изучение фашизма так называемых «классических» образцов, имеет, помимо исторического, и непреходящее политическое значение: в нынешних условиях важно не дать разрастись неофашизму, лишить его благоприятных условий для развития. Озабоченность этим отразилась в документах проходившего в 1969 г. в Москве Международного совещания коммунистических и рабочих партий. Участники его заявили: «Мы считаем, что необходимо усилить борьбу против фашистской угрозы, давать беспощадный отпор профашистским вылазкам»⁷.

Четыре десятка лет назад Коминтерн определил фашизм у власти, как открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала. С докладом «Наступление фашизма и задача Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма» на VII конгрессе Коминтерна выступал Г. М. Димитров⁸, заслуги которого в разработке стратегии и тактики коммунистического движения в условиях наступления фашизма поистине велики; он имел богатый личный опыт борьбы с фашизмом, будучи одним из руководителей и организаторов сопротивления трудящихся, когда к власти в его родной стране пришло военно-фашистское правительство Цанкова. И уже в то время Г. М. Димитров стремился теоретически осмыслить сущность фашизма. В августе-сентябре 1923 г. из-под его пера выходит ряд статей, объединенных идеей создания единого фронта против фашизма⁹. С необычайной для того времени прозорливостью Г. М. Димитров выдвинул в этих статьях тезис

---

⁶ Л. И. Гинцберг. Фашизм и история новейшего времени. — Новая и новейшая история. 1971, № 4, с. 43.

⁷ Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Прага, 1969. с. 37.

⁸ Г. М. Димитров. Избранные статьи и речи. М., 1972. с. 112—187.

⁹ Единый фронт и наступление капитала; Единый фронт и буржуазная реакция; Единый фронт и политический кризис; Страх перед единым фронтом труда (Г. Димитров. Указ. соч.).

о том, что «фашизм — не только антикоммунистичен, он в то же время и антинароден»¹⁰. Эта идея была положена в основу определения тех сил, которые компартия сможет сплотить, организуя антифашистскую борьбу. Так понятие единого пролетарского фронта Г. М. Димитров в условиях борьбы против фашизма в 20-е годы расширил до «единого фронта труда», понятия — очень близкого идее единого народного фронта, ставшей главным лозунгом антифашистской борьбы в 30-е годы. Теоретическое наследие Коммунистического интернационала¹¹, так же как и самого Г. М. Димитрова¹² — важнейшая методологическая основа для изучения проблематики фашизма. За прошедшие десятилетия был накоплен большой исторический материал. Изучение его на базе марксистско-ленинизма не только подтвердило правильность общего вывода VII конгресса Коминтерна о том, что такое фашизм, но и позволило конкретизировать понимание его социальной сути и социальных функций, его эволюции и этапов развития.

Большой вклад в исследование вопросов фашизма с подлинно научных марксистско-ленинских позиций внесли советские историки, особенно в последние 10—15 лет. Само перечисление вышедших работ свидетельствует об успешной разработке этого направления в советской марксистской историографии. В частности специальному исследованию подверглись фашистские и фашистские режимы или фашистские движения в Испании, Португалии, Австрии, Венгрии, Румынии, Франции и др.¹³ Но прежде всего — и это закономерно — советские историки разрабатывали проблемы фашизма наиболее законченных форм — германского и итальянского.

Трудами В. Д. Кульбакина, И. М. Файнгара, В. Б. Ушакова, Г. Л. Розанова, В. Т. Фомина, А. С. Ерусалимского, А. А. Гал-

---

¹⁰ Г. Димитров. Указ. соч., с. 38.

¹¹ XI пленум ИККИ. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1932; Коммунистический интернационал в документах. М., 1933; XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1934; XIII пленум ИККИ. Тезисы и постановления. М., 1934; В. Пик. Отчет о деятельности ИККИ 26 июля 1935 г. М. 1935; П. Тольятти. Лекции о фашизме. М., 1974.

¹² См. также Г. Димитров. О мерах борьбы против фашизма и желтых союзов; Фашизм на Балканах; Положение на Балканах и задачи Балканской коммунистической федерации и др. Его же. Избранные произведения. Т. 1. М., 1957); его же. Лейпцигский процесс. Речи, письма и документы. М., 1961; его же. Писма. С., 1962.

¹³ Х. Гарсиа. Диктатура Примо де Ривера. М., 1963; его же. Испания XX века. М., 1967; С. П. Пожарская. Фашистская фаланга в Испании. Новая и новейшая история. 1972, № 5, 1973, № 1; Г. Н. Коломиец. Очерки новейшей истории Португалии. М., 1965; Ю. М. Кукуш-

кина, Д. М. Прозектора, Л. И. Гинцберга, Г. Н. Горошковой и других¹⁴ разработаны многие важные аспекты гитлеровского национал-социализма.

Литература по вопросам итальянского фашизма менее обильна. Но благодаря таким фундаментальным исследованиям, как работы Б. Р. Лопухова, Г. С. Филатова и др.¹⁵, развитие фашистского движения и фашистского режима в Италии получило разностороннее освещение.

Большим вкладом в теоретическую разработку проблемы фашизма, как явления, присущего капиталистическому миру вообще, особенностей его проявления в межвоенный период и ныне, в 70-е годы, явился симпозиум, организованный журналом «Проблемы мира и социализма» при содействии Германской коммунистической партии и проведенный в г. Эссене. Он был посвящен

к и н. Некоторые особенности португальского фашизма. — Вопросы истории. 1973, № 2; В. М. Турок. Очерки истории Австрии. 1929—1938. М., 1962; А. И. Пушкаш. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966; его же. Возникновение и крах фашизма в Венгрии. Новая и новейшая история. 1970, № 3, 5; Н. И. Лебедев. Падение диктатуры Антонеску. М., 1966; его же. Железная гвардия. Кароль II и Гитлер. М., 1968; А. А. Язькова. Румыния накануне второй мировой войны. 1934—1939. М., 1963; Г. Д. Кирьякидис. Греция во второй мировой войне. М., 1967; А. Я. Манусевич. У истоков «санации». Новая и новейшая история. 1974, № 2, 3; В. П. Смирнов. Внутренняя политика правительства Виши в 1940—1941 гг. — Вестник МГУ. 1967, № 1; Ю. В. Егоров. К вопросу о целях фашистского мятежа 6 февраля 1934 г. во Франции. — Уч. зап. Педагогического ин-та им. Горького. Т. 307. Л., 1969; его же. Фашистские организации во Франции накануне февральских событий 1934 г. (в том же томе); Ю. И. Рубинский. Тревожные годы Франции. Борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена (1919—1939). М., 1973.

¹⁴ В. Кульбакин. Милитаризация Германии в 1928—1930 гг., М.—Л., 1954; И. М. Файнгар. Очерки развития германского монополистического капитала. М., 1959; В. Б. Ушаков. Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961; Г. Л. Розанов. Германия под властью фашизма (1933—1939). М., 1961; его же. Крушение фашистской Германии. М., 1963; В. Т. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939. М., 1963; А. С. Ерусалимский. Германский империализм: история и современность. М., 1964; А. А. Галкин. Германский фашизм. М., 1967; Д. М. Прозектор. Агрессия и катастрофа. М., 1968; его же. Оруженосцы третьего рейха. Германский милитаризм. 1919—1939. М., 1971. Л. И. Гинцберг. Тень фашистской свастики. М., 1967; его же. На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. М., 1972; Г. Н. Горошкова. Становление фашистского режима; узурпация и пропаганда. — Ежегодник германской истории. 1969. М., 1970.

¹⁵ Б. Р. Лопухов. Борьба рабочего класса Италии против фашизма. 1920—1922. М., 1959; его же. Фашизм и рабочее движение в Италии. 1919—1929. М., 1968; Г. С. Филатов. Крах итальянского фашизма. М., 1973; Н. П. Комолова. Новейшая история Италии. М., 1970.

сущности неофашизма и борьбе с ним. В обсуждении доклада, с которым выступил шеф-редактор журнала К. И. Зародов, приняли участие представители коммунистических и рабочих партий из 21 капиталистической страны¹⁶.

Важное значение имеют также обобщающие работы научного плана, в частности исследования А. А. Галкина, Л. И. Гинцберга¹⁷. В значительной степени они вызваны к жизни остротой дискуссии о природе фашизма, развернувшейся между представителями марксистской и буржуазной историографии на XIII Международном конгрессе исторических наук. Эти труды явились своего рода обобщением достигнутого советской исторической наукой в области изучения фашизма.

Утвердившаяся в марксистской историографии концепция фашизма исходит из того, что фашизм и капитализм отнюдь не тождественны, как это пытаются приписать марксистскому толкованию фашизма некоторые из западноевропейских историков, утрируя подчеркиваемую в марксистской литературе связь фашизма с интересами и политикой монополий. Уже в самой формулировке Коминтерна содержится дифференцированный подход к буржуазии, которая, конечно же, не вся целиком выступает сторонницей фашистского образа правления. Речь идет об «определенных группах финансового капитала, т. е. о высшей прослойке буржуазии, состоящей из крупных промышленников — монополистов и банкиров»¹⁸.

Опыт прошедших десятилетий позволил установить вполне определенную связь фашизма с государственно-монополистической формой капиталистических отношений, что с особой очевидностью проявилось в Германии и Италии, но в той или иной степени можно проследить и в других случаях. Установленная фашистами специфическая форма государственно-монополистического капитализма обеспечивала сохранение экономических, социальных и политических позиций господствующего класса¹⁹. Фашизм таким образом выступает как политическая надстройка более или менее развитых государственно-монополистических отношений. Империалистическое же государство, значительно расширяя в условиях господства фашизма свои прерогативы, действует в первую очередь в интересах крупного капитала²⁰.

¹⁶ См. Проблемы мира и социализма, 1973, № 4, 5.

¹⁷ А. А. Галкин. Социология неофашизма. М., 1971; Л. И. Гинцберг. Фашизм и история новейшего времени. — Новая и новейшая история. 1971, № 4.

¹⁸ Л. И. Гинцберг. Указ. статья, с. 35—36.

¹⁹ А. А. Галкин. Социология неофашизма. с. 44.

²⁰ Подробнее см.: Л. И. Гинцберг. Указ. статья, с. 46 и др.

Марксистская концепция фашизма учитывает, с другой стороны, что фашизм тесно переплетается с милитаризмом. И зарождаются фашистские движения, и устанавливаются фашистские режимы при активном участии милитаристских сил. Все известные формы фашизма представляют собой сочетание фашистских и милитаристских элементов. И различия между этими формами очень часто определяются степенью преобладания в них либо одних, либо других. Чем большую роль в руководстве страной играют политические фашистские силы, тем более возникшие режимы приближаются к так называемому «классическому» типу фашистского государства²¹.

Далее, фашизм означает использование чрезвычайных методов управления, к числу которых относится и существенное преобразование структуры власти.

Но фашизм — это не только и не просто террористическая диктатура, средства насилия которой направлены в первую очередь против революционных сил, а также против других демократических элементов. Особенность фашизма состоит в том, что параллельно с террором и репрессиями он устанавливает более или менее широкие связи с определенной, достаточно многочисленной частью населения, не относящейся к правящим классам, стремится мобилизовать и политически активизировать эту часть населения в интересах эксплуататорского строя. Хорошо известно, подчеркивает К. И. Зародов, что фашизм осуществляет открытую террористическую диктатуру через партию, использующую в своих реакционных, контрреволюционных целях массы²². Разнuzданный террор и неслыханная ранее националистическая и социальная демагогия помогают фашистам вести определенные слои населения за собой.

Наконец, в качестве неотъемлемого свойства фашизма выступает его предельно агрессивная внешнеполитическая направленность.

Таковы некоторые узловые моменты концепции фашизма, утвердившейся в советской историографии. В ней отражена и сложность этого социально-политического явления периода общего кризиса капитализма, и переплетение в нем ряда важных факторов социально-экономического, политического и идеологического порядков. Вместе с тем учитывается и наличие национальной специфики, вносящей свои коррективы в общую схему, но не противоречащей основным закономерностям, равно как и существо-

---

²¹ А. А. Г а л к и н. Германский фашизм. с. 108.

²² Проблемы мира и социализма. 1973, № 4, с. 30.

вание различных промежуточных форм²³, не имевших всей суммы качеств фашизма, однако развивавшихся в ряде случаев в направлении к нему.

Разумеется, определенность очертаний изложенной выше концепции фашизма достигнута в первую очередь на основе изучения истории тех государств развитого капитализма, где фашизм приобрел законченные формы. Применительно к странам иного уровня развития она, возможно, требует коррекции в каких-то своих частях²⁴. Но принципиально этот обобщенный опыт советской исторической науки имеет первостепенное значение и для изучения стран с низким или средним уровнем развития капитализма, в том числе Болгарии 20-х гг. Особенно в связи с тем, что вплоть до настоящего времени в литературе «болгарский фашизм» оценивается весьма противоречиво. Последнее связано, с одной стороны, с очень слабой разработанностью проблемы в целом, а, с другой стороны, является следствием различного подхода авторов к фашизму, как к социально-политическому явлению.

Советские болгаристы за редким исключением специально проблемами фашизма в Болгарии почти не занимались. Существует лишь одно исследование, касающееся этого сюжета, — работа В. Д. Вознесенского «Царь Борис, Гитлер и легионеры»²⁵, автор которой привлек интересные архивные материалы. Вопросы фашизма, не будучи предметом специального выяснения, косвенно затронуты также в работах Л. Б. Валева, в частности, в его книге «Болгарский народ в борьбе против фашизма. Накануне и в начальный период второй мировой войны» (М., 1964). В общем плане вопросы развития фашизма в Болгарии освещаются в обобщающем коллективном труде «История Болгарии»²⁶.

В болгарской исторической литературе, естественно, значительно больше работ, посвященных тематике собственно фашизма. К ним следует отнести прежде всего серию статей Я. Йоцова²⁷,

²³ «Наряду с социально-политическими феноменами, выступающими в более или менее чистом виде, существуют различные переходные формы. Для этих форм характерно сочетание традиционно авторитарных и парламентских методов осуществления власти с определенными элементами фашистской политики», — отмечает А. А. Галкин (Социально-политическая структура капиталистического общества и фашизм. с. 94).

²⁴ Ср. Б. М. Лейбзон, К. К. Шириня. Поворот в политике Коминтерна. М., 1965. с. 124, 133.

²⁵ Новая и новейшая история. 1971, № 1, 2. В том же году эта работа была переведена в Болгарии и издана в виде небольшой монографии массовым тиражом: В. Д. Вознесенски. Цар Борис, Хитлер и легионери. С., 1971.

²⁶ История Болгарии. Т. II, М., 1955.

²⁷ Я. Йоцов. Управлението на Сговора (статия първа). — Истори-

исследовавшего некоторые вопросы зарождения фашизма в стране, подготовки переворота 9 июня 1923 г. и деятельность правительства Цанкова. Несомненной заслугой Я. Йоцова является то, что ему удалось документально установить связи между монополистическим капиталом и Военной лигой, подготовившей и совершившей военно-фашистский переворот 1923 г.

В 1956 г. вышла книга Й. Митева «Фашистский переворот 9 июня 1923 г. и июньское антифашистское восстание»²⁸, автор которой ввел в научный оборот новые материалы относительно подготовки переворота в Болгарии. Заслуживает внимания и небольшая монография того же автора «9 июня 1923 г.»²⁹ Новая, недавно опубликованная, полемическая статья Й. Митева об отношении болгарской социал-демократической партии к перевороту 9 июня 1923 г.³⁰ свидетельствует о неослабевающем интересе этого автора к проблемам развития фашизма в Болгарии. Отрадным явлением был выход в свет монографического исследования об идейном кризисе болгарской общественно-политической мысли в начале 20-х годов С. Радулова³¹. Ему принадлежит также статья о создании Демократического сговора³², выполненная на хорошем аналитическом уровне.

Отдельные стороны проблемы фашизма применительно к Болгарии 20-х гг. разработаны в ряде частных исследований, проведенных болгарскими историками. В центре некоторых из них — внутривнутриполитические сюжеты и более всего вопросы формирования сил крайней реакции. Первым к этой тематике обратился Н. Недев. В 1963 г. был опубликован его обстоятельный очерк деятельности

чески преглед. 1948—1949, № 1; (статия втора) — 1949—1950, № 3; За социално-икономическата основа на фашистката диктатура у нас в нейния начален етап (1923—1925). — Исторически преглед. 1959, № 5; Charakteristische Züge, Etappen und Unterscheidungsmerkmale der faschistischen Diktatur in Bulgarien. 1923—1931. — Etudes historiques . . . , t. II. Sofia, 1965; По някои въпроси на българския фашизъм. — Исторически преглед. 1967, № 1; Социално-икономическият облик на България. 1919—1923. — Известия на Института за история, 1968, № 20.

²⁸ Й. М и т е в. Фашистият пр врат на 9 юни 1923 г. и юнското а. ти фашистко въстание. С., 1953.

²⁹ Й. М и т е в. Девети юни 1923. Кратък исторически очерк. С., 1968.

³⁰ Й. М и т е в. Отношението на социалдемократическата партия към военно-фашисткия преврат на 9 юни 1923 г. и правителството на Демократическия сговор (1923—1924). — Академия за обществени науки и социално управление при ЦК на БКП. Научни трудове. Серия «История». Т. 68. С., 1974.

³¹ С. Р а д у л о в. Кризата в общественно-политическите възгледи на буржоазната демокрация в България (1919—1923). — Академия за обществени науки и социално управление при ЦК на БКП. Научни трудове. Серия «История». Т. 52. С., 1972.

³² С. Р а д у л о в. Създаването на демократическия сговор. — Академия за обществени науки и социално управление при ЦК на БКП. Научни трудове. Серия «История». т. 64. С., 1974.

Военной лиги с момента ее образования до победы восстания 9 сентября 1944 г.³³ Тема получила продолжение в интересных работах Ив. Узунова³⁴ и К. Кожухарова³⁵, введших в научный оборот важные документальные материалы.

Однако внешнеполитические сюжеты в целом в большей мере оказались притягательными для болгарских историков.

Благодаря работам Д. Косева³⁶, Й. Митева³⁷, Г. Стефанова³⁸, С. Дамянова³⁹, И. Димитрова⁴⁰ и других одним из лучше всего изученных является вопрос о роли западноевропейских держав в военно-фашистском перевороте 9 июня 1923 г. и закреплении ультрареакционеров у власти. В последнее время появились также работы, касающиеся отдельных аспектов двусторонних отношений Болгарии периода правительства Цанкова с такими странами, как Турция и Сербо-хорвато-словенское королевство (М. Куманов)⁴¹, Чехословакия (В. Василев)⁴², Италия (Ил. Димитров)⁴³. Привлечение обширного документального материала, оставав-

³³ Н. Н е д е в. Поглед върху дейността на Военния съюз (Офицерската лига) от основаването му до 9 септември 1944 г. — Исторически преглед. 1963, № 2.

³⁴ И в. У з у н о в. Легализирането на тайната Военна лига и оформянето на буржоазната бяла гвардия. — Военно-исторически сборник. С., 1965, № 3; е го ж е. Някои противоречия в междусъюзническата военноконтролна комсия и деветоюнски преврат през 1923 г. — Исторически преглед. 1965, № 2.

³⁵ К. К о ж у х а р о в. Военната лига и борбата на реакцията против правителството на Ал. Стамболийски. — Военно-исторически сборник. С., 1969, № 2.

³⁶ Д. К о с е в. Международното значение на Септемврийското въстание през 1923. С., 1964; е го ж е. Септемврийското въстание 1923 г. С., 1973.

³⁷ Й. М и т е в. Фашистският преворот в Болгарии в 1923 г. и западните державы. — Новая и новейшая история. 1960, № 4; е го ж е. Отношението на европейската реакция към военно-фашисткия преврат на 9 юни 1923 г. — Известия на Военноисторическото научно дружество, т. XV. С., 1973.

³⁸ Г. С т е ф а н о в. Международни влияния за фашистския преврат на 9 юни 1923 г. — Годишник на Софийския университет. Юридически факултет, т. LIV. С., 1963.

³⁹ С. Д а м я н о в. Френската общественост и революционните събития в България (1923—1925). — Известия на Института за история при БАН, т. 16—17, 1966.

⁴⁰ И. Д и м и т р о в. Фашистка Италия, земеделският режим и деветоюнският преврат. — Сб. В чест на акад. Д. Косев. Изследвания по случай 70 години от рождението му. С., 1974.

⁴¹ М. К у м а н о в. Възстановяване на дипломатическите отношения между България и Турция (1923—1926). — Исторически преглед, 1971, № 2; е го ж е. Югославия и деветоюнският преврат през 1923 г. — Векове, 1973, № 5.

⁴² В. В а с и л е в. Българо-чехословашките отношения при фашистското правителство на Ал. Цанков (9 юни 1923 — 4 януари 1926). — Известия на Института за история, т. 22, 1972.

⁴³ И л. Д и м и т р о в. Фашистка Италия и сговористкото правителство в България през 1923 г. — Исторически преглед, 1973, № 4.

шегося до сих пор неизвестным, в том числе двумя последними исследователями — из архивов Чехословакии и Италии, позволило их авторам выявить ряд новых важных черт, характеризующих внешнеполитическую деятельность первого кабинета «Демократического сговора».

При всей важности указанных работ нельзя не заметить, что они пока что довольно разрозненны и не могут восполнить отсутствия исследований более широкого плана. В целом разработка проблематики фашизма в Болгарии ведется еще недостаточно широким фронтом. Это отразилось и на содержании дискуссии, проходившей в Софии в конце 1965 — начале 1966 гг.⁴⁴, в центре которой был доклад акад. Ж. Натана о характере, сущности и этапах развития болгарского фашизма⁴⁵. В качестве основных на обсуждение были вынесены вопросы о причинах перехода Болгарии от буржуазной демократии к фашизму, о социальных корнях фашизма в стране и этапах его развития.

Одним из острейших в дискуссии оказался вопрос о периодизации фашизма в Болгарии. Показательно, что почти каждый участник обсуждения предлагал собственное деление на этапы и, соответственно, собственные критерии такого деления. В одном случае критерием служил террор в отношении коммунистической партии, в другом — социальная база, на которую опиралось то или иное болгарское правительство, в третьем — «самая сущность фашизма», под коей понималась степень утверждения господства наиболее реакционных элементов финансового капитала, в четвертом — условия мирного или военного времени, переживавшегося страной. Споры о периодизации отразили разный подход болгарских историков к оценке такого сложного социально-политического и идеологического феномена, каким был фашизм⁴⁶.

Дискуссия болгарских историков, в целом, несомненно, очень полезная, продемонстрировала всю важность скорейшего преодоления периода накопления фактов в области изучения фашизма, создания монографических конкретно-исторических исследований — основы для научно подтвержденной концепции развития фашизма в Болгарии.

В гораздо большей степени, чем собственно фашизм, изучена в Болгарии тематика антифашистской борьбы рабочего класса

---

⁴⁴ Материалы дискуссии опубликованы в журнале *Исторически преглед* за 1966—1969 гг.

⁴⁵ *Исторически преглед*. 1966, № 6.

⁴⁶ Подробнее об итогах дискуссии, см.: Л. Б. Валев, Р. П. Гришина, С. А. Никитин. Обзор журнала «Исторически преглед» — Вопросы истории, 1969, № 3.

и всех трудящихся, роли БКП в организации этой борьбы, в создании союза рабочих и крестьян⁴⁷.

В целом в Болгарии положение с изучением комплекса вопросов, связанных с наступлением фашизма и борьбой против него, близко к ситуации, сложившейся в этом отношении и в остальных странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В них также, особенно в последние годы, проблематике фашизма уделяется большое внимание, но до сих пор конкретных разработок не так уж много.

Сразу после окончания второй мировой войны в государствах этого региона, сбросивших с себя фашистский гнет и добившихся национального и социального освобождения, естественным было

⁴⁷ Д. Косев. Септемврийското въстание 1923 г. С., 1973; его же. Септемврийското въстание 1923 г. в Болгарии. — Новая и новейшая история. 1973, № 5 (весьма интересной как с фактической стороны, так и постановочной вопросов; является также дискуссионная статья того же автора «Положението в България и проблемът за курса на БКП след Септемврийското въстание в 1923 г. (до април 1925 г.)». — Известия на БИД, кн. XXVII. С., 1970); — Х р и с т о в. Велика Октябърска социалистическа революция и развитие класовой борьбы и революционного движения в Болгарии. 1917—1944. С., 1967; П. К о с т о в. Борбата на БКП за преодоляване тактиката на «неутралитет» и за възприемането курс на въоръжено въстание след 9 юни 1923 г. — Известия на ВПШ «Станке Димитров». С., 1957, № 1; его же. Историческото място и значение на Септемврийското въстание. — Ново време. С., 1963, № 9; Ст. П е т р о в. По въпроса за характера на Септемврийското въстание през 1923 г. — Годишник на катедрите по марксизъм-ленинизъм при ВУЗ. С., 1963, № 3—4; его же. Септемврийското въстание 1923 г. и болшевицизацията на БКП. С., 1960; Й. М и т е в. Към въпроса за теорията и практиката на БКП при изграждането на единен антифашистски фронт след поражението на Септемврийското въстание (1923—1924). — Известия на Института по история на БКП. 1964, № 11; его же. Единният фронт в теорията и практиката на БКП в навечерието и по време на Септемврийското въстание 1923 г. — Военно-исторически сборник. С., 1964, № 4; Д. Т и ш е в. Единодействието между комунисти и земеделци в борбата против фашизма. С., 1967; Д. М и ч е в. Четническото движение в България. 1924—1925. С., 1964; Ст. Д и м и т р о в а. Борбата на БКП за свързване с масите. Септ. 1923 — април 1925. С., 1963; ее же. БКП против десния опортюнизм — за победата на ленинизма (1917—1925). С., 1968; Л. П а н а й о т о в. Борбата на БКП срещу ликвидаторството (1923—1934). С., 1962; В. Х а д ж и н и к о в, Д. Е л а з а р, Д. М и ч е в, Л. П а н а й о т о в, П. Р а д е н к о в а. Георги Димитров. Биография. С., 1972; А. Г. А в р а м о в. Политическата стратегия и тактика на БКП по време на Септемврийското въстание през 1923. — Исторически преглед, 1973, № 4; Н. Н е д е в. За характера на Септемврийското въстание 1923 г. С., 1973; Септемврийското въстание 1923 г., т. 1. Документи и материали. С., 1973; Т. К о л е в а. БКП и международното комунистическо движение (1919—1924). С., 1973, и другие. Данные сюжеты получили также отражение в работах советских авторов — см.: М. А. Бирман. Революционное движение болгарского пролетариата в 1918—1923 гг. и антифашистское сентябрьское восстание 1923 г. — Советское славяноведение, 1973, № 5; Р. П. Г р и ш и н а, Сентябрь 1923 года: первое народное антифашистское восстание. — Коммунист, 1973, № 14.

стремление победителей — антифашистов осознать самих себя, те силы, что выстояли и победили в борьбе с фашизмом. Поэтому в годы становления марксистско-ленинской историографии в странах народной демократии внимание исследователей направлялось главным образом на изучение рабочего движения, роли коммунистических и рабочих партий в антифашистской борьбе и т. п. Эти страны встали на новый путь, ведущий их к социализму, и перспектива их развития была связана с партиями пролетариата, с рабочим классом, со всеми трудящимися, выступавшими в союзе с ним.

В этих условиях обращение к проблематике фашизма со стороны историков европейских социалистических стран произошло в целом, за редким исключением, позже, примерно в 60-е годы. Сложность проявления фашистского феномена в странах Центральной и Юго-Восточной Европы⁴⁸, явная недостаточность предварительной монографической разработки отдельных вопросов темы, различие в самом методическом подходе к проблематике, — все это создавало ситуацию, вызывавшую необходимость проведения ряда научных дискуссий национального и более широкого масштаба. Некоторые из этих дискуссий сыграли большую и полезную роль прежде всего тем, что привлекли внимание научных кадров к новой и важной тематике. Не меньшее значение имела и постановка в ходе дискуссий ряда принципиальных вопросов, нуждающихся в разрешении, а также определение направлений, на которых должны быть сосредоточены усилия специалистов.

Дискуссии отразили стремление их участников теоретически осмыслить природу режимов, существовавших в межвоенный период в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, определить черты и признаки, объединяющие их с законченными фашистскими диктатурами и отличавшие их от них. В поисках ответа на этот вопрос был высказан ряд интересных и важных соображений.

Вместе с тем в ходе некоторых национальных дискуссий были выдвинуты и популяризировались спорные, а иногда и просто ошибочные положения. Так, определенное распространение приобрел тезис о том, что в странах указанного региона в период между двумя войнами существовали авторитарные, диктаторские, но не фашистские режимы⁴⁹. В числе аргументов в поддержку этой

⁴⁸ Она выражалась в том, что в этих странах, где уровень развития и организации финансового капитала был сравнительно невысок, некоторые характерные для фашизма процессы имели стертые, нечетко выраженные формы; либо проявлялась только часть компонентов, присущих фашистским партиям, организациям и движениям, или, в еще большей мере, фашистскому государству.

⁴⁹ См. например, J. Żarnowski. Reżimy autorytarne w Europie Środkowej i Południowo-Wschodniej w okresie międzywojennym-analogie i różnice. — Dyktatury w Europie Środkowo-Wschodniej. 1918—1939.

концепции были высказаны и явно крайние суждения, в частности, будто основным и по существу единственным качеством, отличающим авторитарное государство от фашистского, является использование последним войны в качестве главного инструмента действий⁵⁰.

Очевидно, что для глубокого, научно обоснованного вскрытия природы режимов государств Центральной и Юго-Восточной Европы периода между двумя войнами, для конкретизации теоретически правильной позиции в этом отношении, необходима еще большая предварительная исследовательская работа, содержанием которой был бы анализ положения в отдельных странах на основе марксистско-ленинской методологии. Но отставание с развертыванием таких исследований еще не преодолено⁵¹. Более того, приходится согласиться с мнением словацкого ученого Л. Бианхи о незначительности прогресса в исследованиях фашизма в отдельных странах от одного международного обсуждения до другого⁵². Л. Бианхи имел в виду, в частности, период между дискуссией, проходившей в 1966 г. в Братиславе⁵³, и дискуссией, имевшей место в Польше в 1971 г.

Все это отразилось и на обсуждении проблем фашизма на XIII Международном конгрессе исторических наук, состоявшемся в Москве в августе 1970 г. Вместе с тем показательно, что на этот самый крупный международный форум историков был вынесен специальный доклад о фашизме в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Автор его — венгерский историк М. Лацко сделал попытку дать сравнительно-типологическую характеристику европейского фашизма, в зависимости от особенностей его «социально-экономической природы», проведя сопоставление по трем основным группам стран. Болгария была отнесена им в группу отсталых аграрных стран, куда вошли также Сербия, Греция и в известной мере Словакия. Здесь склонными поддержать фашизм, по мнению М. Лацко, были лишь сравнительно узкие социальные слои⁵⁴.

Konferencja naukowa w Instytucie Historii Polskiej Akademii Nauk. 2—3 grud. 1971. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1973. p. 39; A. Ajnenkiel. Ewolucja systemów ustrojowych w Europie Środkowej. 1918—1939. Ibidem. p. 59—61.

⁵⁰ См. F. R y s z k a. Państwo autorytarne. — Dyktatury w Europie Środkowo—Wschodniej . . ., str. 124—125; jego że. Autorytaryzm i fašyzm. — Kwartalnik historyczny. 1972, № 2, p. 344.

⁵¹ Это обстоятельство отмечалось в ходе ряда дискуссий. См. Исторически преглед, 1968, № 1. с. 95; „Z roła walki“, 1972, № 3, с. 328.

⁵² Dyktatury w Europie Środkowo—Wschodniej . . . str. 169—170.

⁵³ См. Príspevky k dejinám fašizmu v Československu a Maďarsku. Bratislava, 1969.

⁵⁴ M. L a c k ó. Le fascisme — les fascismes en Europe Centrale

Доклад М. Лацко, не лишенный спорных с точки зрения марксистской методологии положений, вызвал тем не менее бурную реакцию со стороны ряда буржуазных историков — участников конгресса. В целом дебаты по докладу, вылившиеся в обсуждение общих проблем фашизма, показали, что эта проблематика остается предметом острой идеологической борьбы между представителями буржуазной и марксистской исторической науки⁵⁵.

Для буржуазной историографии фашизма характерен повышенный интерес к этой проблематике, проявившийся уже в годы непосредственно после окончания второй мировой войны, особенно в странах, где фашизм потерпел крах, но господство буржуазии уцелело. При этом между историками разных направлений разгорелась борьба в связи с поисками ответа на вопрос о причинах возникновения и крушения фашизма и, особенно, в связи с его оценкой. В ФРГ преобладающими были реакционные концепции, сторонники и пропагандисты которых, избегая принципиального осуждения развязанных германским империализмом мировых войн, довольствовались лишь порицанием методов, не обеспечивших их успеха⁵⁶. Целый ряд представителей буржуазно-консервативного направления (К. Штехерт, Г. Раушнинг и др.) стремились обелить фашизм, снять с господствующего класса вину за приход фашистов и в первую очередь нацистов к власти. Историки буржуазно-либерального направления в отличие от первых осуждали фашизм, но сама методология их исследований не позволяла им видеть в фашизме более чем случайность, побочный продукт исторического развития⁵⁷. Правда, в начале 70-х гг. реалистические тенденции в западногерманской буржуазной историографии усилились⁵⁸, но по-прежнему они «весьма разрозненны», ни о каком «едином течении говорить не приходится»⁵⁹.

Orienteale. XIII Congrès international des sciences historiques. Moscou, 1970. p. 8.

⁵⁵ С. М. А. Л. Нарочницкий. К итогам XIII международного конгресса исторических наук. — Новая и новейшая история. 1970, № 6, с. 51—52.

⁵⁶ Г. Лоцек. Основные тенденции и направления историографии в ФРГ. — Новая и новейшая история. 1970, № 4, с. 154.

⁵⁷ С. М. А. А. Галкин. Социология неофашизма. М., 1971. с. 16, 18; В. И. Салов. Современная западногерманская буржуазная историография. Некоторые проблемы новейшей истории. М., 1968. с. 269, 280.

⁵⁸ А. М. Мерцалов. Западногерманская буржуазная историография фашизма. — Новая и новейшая история, 1974, № 6, с. 158.

⁵⁹ Г. Лоцек. Основные тенденции и направления. . . с. 159. См. также его же. Дискуссия за фашизма в буржуазной историографии на ГФР. — В кн.: Методологически и историографски проблемы на историческата наука. Т. 1. С., 1973.

Иная, чем в гитлеровской Германии обстановка и расстановка классовых сил, сложившаяся в Италии к концу второй мировой войны, отразилась и на состоянии историографии в этой стране. Здесь господствующее место заняли работы историков — антифашистов, в том числе сторонников марксизма⁶⁰.

Свою лепту в изучение фашизма внесли также буржуазные историки Англии (Г. Л. Моссе⁶¹, Г. Д. Х. Коул⁶²), Франции (К. Виллар⁶³, Ж. Плюмьен и Ф. Лазьера⁶⁴), США (Э. Вебер⁶⁵) и др. При всей неприемлемости для марксистов-ленинцев буржуазной методологии изучения фашизма, работы историков Запада были в известном смысле полезными благодаря конкретному изучению форм фашистской власти и идеологии, их формирования и развития.

60-е годы можно охарактеризовать как новый этап в буржуазной историографии фашизма. Его отличительной чертой стало стремление к изучению фашизма в широком международном плане, попытки сравнительного анализа национальных форм⁶⁶. Однако результаты этих опытов типологического исследования остаются весьма ограниченными, ибо до сих пор буржуазные ученые не могут решить, что же считать фашизмом. Если полтора-два десятилетия назад, когда выяснялся вопрос о связи между консерватизмом и фашизмом, историки Запада, по меткому выражению советского автора П. Ю. Рахшмира, фактически оперировали двумя неизвестными, объясняя одно из них с помощью другого⁶⁷, то примерно то же самое происходит и с другими цепочками понятий: тоталитаризм-фашизм или авторитаризм-фашизм. И не случайно во введении к одной из последних значительных работ, посвященных фашизму в Европе, — сборнике эссе буржуазных

⁶⁰ Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1968. с. 523; Г. С. Филатов. Историография фашизма и антифашистского движения в Италии. — Новая и новейшая история, 1966, № 6.

⁶¹ G. L. Mosse. The Crisis of German Ideology. Intellectual Origins of the Third Reich. London, 1966.

⁶² G. D. H. Cole. Socialism and Fascism. 1931—1939. London, 1960.

⁶³ C. Willard. Quelques aspects du fascisme en France avant le 6 février 1934. — Le Front populaire pour le pain, la liberté et la paix. Paris, 1961.

⁶⁴ G. Plumyène et R. Lasieira. Les fascismes français. 1923—1963. Paris, 1963.

⁶⁵ E. Weber. Action Français. Royalism and Reaction in Twentieth-century France. Stanford, 1962.

⁶⁶ Подробнее см.: П. Ю. Рахшмир. Буржуазная историография о характере связи между фашизмом и консерватизмом. — Вопросы истории международного рабочего движения. Вып. 9. Уч. зап. Пермского государственного университета им. Горького, № 253. Пермь, 1971, с. 76.

⁶⁷ Там же, стр. 87.

ученых, признается, что «... очень трудно с точностью определить, что такое фашизм...»⁶⁸ Подобное же мнение⁶⁹ прозвучало и в связи с выходом несколько ранее другого коллективного труда «Международный фашизм»⁷⁰.

Не находя всей суммы признаков фашизма законченных форм в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы и не ставя во главу угла исследования социально-экономической его сущности, что единственно может дать возможность рассматривать сложный феномен фашизма целостно, в полноте причинно-следственных связей, многие буржуазные историки отрицают наличие фашизма в этих странах вообще. Так, по представлению С. Й. Вульфа, редактора упоминавшегося сборника «Европейский фашизм», содержание последнего свидетельствует о различии между фашизмом и авторитарными движениями, которые и доминировали в Центральной и Восточной Европе после первой мировой войны⁷¹.

Проблемам фашизма в Болгарии в большинстве работ западных авторов, за редким исключением, места не уделяется⁷². К числу таких исключений относится книга Э. Нольте «Кризис либеральной системы и фашистские движения»⁷³. Нольте — фигура сложная. Политически он занимает позиции антикоммунизма и ведет себя в этом отношении агрессивно. В научном же отношении он является одним из наиболее серьезных на Западе буржуазных исследователей фашизма. Но при этом, оставаясь на релсах буржуазной методологии, Э. Нольте так же, как и его коллеги, отрывает фашизм от политики монополистического капитала. Слабость его попытки разрешить проблему фашизма, пишет А. А. Галкин, более всего состоит в недооценке необходимости экономиче-

⁶⁸ European Fascism. London, 1968. p. 1.

⁶⁹ Оно принадлежит западногерманскому историку Й. Энгелю, отмечавшему, что сборник International Fascism свидетельствует о том, «как сильно дискуссия о фашизме и как мало достигнуто согласия насчет того, что называть фашизмом». Цит. по: П. Ю. Р а х ш м и р. Современные тенденции буржуазной историографии фашизма. — Новая и новейшая история. 1971, № 6, с. 28.

⁷⁰ International Fascism. 1920—1945. — Journal of Contemporary History. Vol. 1, No. 1. London, 1966.

⁷¹ European Fascism. p. 2.

⁷² Вот характерный пример: в солидной монографии очень плодovitого английского лейбористского историка Г. Д. Х. Коула. „Социализм и фашизм“ (G. D. H. Cole. Socialism and Fascism. 1931—1939. London, 1960) автор, рассматривая фашизм, обращается к истории 10 стран Европы и США. Болгария среди них не фигурирует (хотя в других случаях, в частности, когда речь идет о социал-демократии, Коул не упускает ее из виду). То же можно сказать и об „European Fascism“ и об „International Fascism“ т. п.

⁷³ E. Nolte. Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen. München, 1968.

ского и конкретно-социологического анализа социальных истоков и корней фашизма⁷⁴.

Э. Нольте принадлежит один из опытов рассмотрения фашистских движений (но не режимов) в Европе в сравнительном плане. Для Болгарии, как и для всего Юго-Востока Европы, Балкан и Прибалтики, он считает общественные условия еще не созревшими для фашизма. В своем обзоре межвоенной истории Болгарии, правда, довольно беглом, Э. Нольте, рассматривая период начала 20-х годов, высказывает мнение, что нельзя правительство А. Цанкова (1923—1925) и последовавшее за ним правительство А. Ляпчева (1926—1931) причислить к фашистским. Кроме того, фашистский характер так называемого национально-социального движения 30-х годов, возглавленного тем же Цанковым, он считает сомнительным⁷⁵.

Подобная позиция⁷⁶ встречает отпор со стороны болгарских историков. На первом международном конгрессе по проблемам Балкан и Юго-Востока Европы (1966 г.) представитель исторической науки Болгарии Ст. Петров заявил о своей несогласии «со взглядами, нашедшими место в некоторых зарубежных трудах, что в Болгарии не было фашистского режима, что таковым была только диктатура царя Бориса»⁷⁷. В докладе акад. Ж. Натана (одном из основных в исторической секции этого конгресса) прозвучала та же мысль: «Фашизм господствовал в Болгарии с 9 июня 1923 г. по 9 сентября 1944 г. В течение всего этого времени не удавалось ликвидировать фашизм как систему управления и господства, хотя в отдельные моменты некоторым правительствам и можно дать несколько иную оценку»⁷⁸. Такая концепционная установка легла в основу общих трудов по истории Болгарии⁷⁹ и является ведущей в болгарской исторической науке. Представляется, однако, что до настоящего времени не все хронологические отрезки означенного периода господства фашизма в Болгарии в одинаковой мере подкреплены доказательным конкретно-историческим материалом и что в этом отношении еще предстоит значительная работа.

Стремясь по мере своих сил принять участие в разработке проблематики фашизма в Болгарии, автор предпринял настоящее

⁷⁴ А. А. Галкин. Социология неофашизма. с. 24—25.

⁷⁵ E. Nolte. Die Krise . . . S. 240, 241.

⁷⁶ См. также H. Seton-Watson. Eastern Europe between the Wars. 1918—1941. Hamden, 1962. p. 242—253.

⁷⁷ Actes du premier congrès international des études Balkaniques et Sud-Est Européennes. T.V. Histoire. Sofia, 1970. p. 294.

⁷⁸ Ж. Натан. Сущность и характер болгарского фашизма и борьба против него. — Actes du premier congrès . . . p. 229.

⁷⁹ Например, История на България. Т. 3. С., 1964.

исследование. Он задался целью выяснить обстановку, в которой происходило зарождение фашизма в Болгарии, факторы, способствовавшие или препятствовавшие его развитию как до прихода к власти правительства Цанкова, так и в годы деятельности этого правительства. Другую свою задачу автор видел в том, чтобы, подвергнув анализу функции режима, существовавшего в Болгарии в 1923—1925 гг., попытаться выявить те характерные для фашистского государства черты, которые проявились в этой стране в период, когда фашизм как международное явление находился еще в начальной стадии своего развития.

Материалы для исследования были почерпнуты из ряда болгарских архивов: Архива министерства внутренних дел (АМВР), Центрального государственного исторического архива (ЦДИА), Архива Болгарской академии наук (АБАН), Военно-исторического архива (ВИА). Среди документальных фондов особую важность представляет 6-томное личное досье Цанкова. К сожалению, оно еще не обработано архивистами и поэтому в подстрочнике читатель найдет лишь ссылку на использование фонда (АМВР, VO—42929), без указания остальных необходимых данных.

Чрезвычайно интересны также документы, содержащиеся в фонде Хр. Калфова, министра иностранных дел правительства Цанкова (ЦДИА, ф. 369). Нельзя не отметить и большой важности материалов судебного процесса 1954 г. над Ив. Вилковым, главой Военного союза и военным министром в том же правительстве, и его сообщниками⁸⁰.

Другой важной группой источников являются официальные материалы, публиковавшиеся в издании «Държавен вестник», а кроме того, документы БКП, парламентские отчеты, статистические ежегодники и справочники разного профиля, отдельные разрозненные документы (программные выступления Цанкова и др.), обнаруженные в книгохранилище Государственной библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии.

Использована также пресса 20-х годов, мемуарная литература, среди которой особое место принадлежит воспоминаниям члена Политбюро ЦК БКП Ц. Драгойчевой⁸¹.

⁸⁰ Правда, они требуют особо критического и осторожного подхода к себе, так как возможность искажения в ходе процесса событий начала и середины 20-х гг. весьма велика и из-за давности времени, и из-за стремления обвиняемых обелить себя. Однако последнее в меньшей мере относится именно к политической деятельности Вилкова, ибо ему было важно уйти от другого, главного из предъявленных ему обвинений — обвинения в организации и руководстве массовым уничтожением антифашистов в 1923—1925 гг.

⁸¹ Ц. Драгойчева. Повеля на дълга. С., 1972. В переводе на русский язык: Ц. Драгойчева. По велению долга. М., 1974.

Политические и социальные условия формирования сил крайней реакции в послевоенный период

1. Своеобразие разрешения революционной ситуации 1918—1919 гг. в Болгарии

Первая мировая война с ее тяготами и потрясениями вызвала в большинстве стран небывало высокий подъем революционного движения. Оно приобрело такую силу и размах, что угроза потери власти стала для буржуазии вполне реальной. Мир вступал в период общего кризиса капиталистической системы. Углублению и обострению этого кризиса способствовала революционная буря в России, победа Великой Октябрьской социалистической революции. Она открыла собой эру крушения капитализма, эру созидания нового социалистического общества. Октябрьская революция «указала пути, открыла формы и методы революционного преобразования»¹ трудящимся других стран. Под воздействием опыта рабочих России, свергнувших под руководством коммунистической партии и в союзе с трудящимся крестьянством ненавистный царизм и взявших власть в свои руки, революционное движение трудящихся капиталистических стран становилось все более мощным, приобретало все более выраженную классовую направленность.

В Болгарии революционная ситуация сложилась в 1918—1919 гг. Ее возникновение было связано с цепочкой трагических событий, которые повлекла за собой империалистическая политика правящих кругов балканских стран. За победой Болгарии и ее союзников в первой Балканской войне последовал разгром Болгарии, оказавшейся затем в изоляции во второй Балканской

¹ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М., 1967. с. 9.

войне 1913 г. Затем — разгром ее в первой мировой войне. В итоге — почти 350 тысяч человек, оставшихся на полях сражений и тяжело раненых. Голод среди населения, начавшийся уже в 1916 г.² Потеря части тех территорий, которые до Балканских войн принадлежали Болгарии.

Солдатские бунты начались еще в 1913 г. в войсках, получивших приказы выступить против прежних союзников Болгарии³: вторая Балканская война совсем не имела той популярности, которая отличала войну 1912 г.⁴

Партия тесняков, которая так мало могла повлиять на общественное мнение в стране в 1912 г.⁵, становится за военные годы

² Х р. Х р и с т о в. Революционната криза в България през 1918—1919 гг. С., 1957. с. 28.

³ А. В е л е в. Политические партии в Болгарии и Балканские войны (1912—1913) — *Études historiques*, t. 4. So ia, 1968, p. 463.

⁴ Подготовка к войне против Турции стала в 1912 г. своего рода фокусом общественной жизни Болгарии, ибо, хотя и по разным причинам, отношение к войне было положительным со стороны почти всех социальных групп болгарского народа. Причина этого лежала в сложном переплетении экспансионистских империалистических устремлений болгарской буржуазии и в основе своей благородных побуждений народных низов Болгарии, искренне хотевших помочь освободиться от турецкого гнета населению Македонии и Фракии. Дело в том, что идеи национально-освободительного движения в их буржуазно-демократическом содержании не были еще исчерпаны, когда болгарская буржуазия встала на путь экспансии. Трансформация этих идей в национализм и шовинизм происходила постепенно, исподволь, сохраняя для широких слоев общества обаяние благородной задачи освободить население Македонии и Фракии от турецкого рабства. Для других же — для людей, стоявших у кормила страны, для буржуазии — эти идеи все более сознательно превращались в средство психологической подготовки завоевательных походов с целью захватить земли Македонии и Фракии, а по возможности и другие земли — и поделить их между балканскими государствами таким образом, чтобы обеспечить Болгарии положение гегемона на полуострове (См. История на Българияката комунистическа партия. С., 1969. с. 139—140).

⁵ Болгарская рабочая социал-демократическая партия тесных социалистов — БРСДП (т. с.) была единственной из болгарских политических партий, которая отрицательно отнеслась к шумной милитаристской кампании 1912 г., увидев в основе ее корыстные захватнические цели правящих болгарских кругов, равно как и правящих сил других балканских государств. Газета «Работнически вестник» писала о национализме и шовинизме болгарской буржуазии, о том, что война с Турцией приведет не к решению македонского вопроса, а к разделу Македонии, к обострению борьбы между балканскими правительствами. В августе 1912 г. состоялся XIX съезд БРСДП (т. с.). Это были дни, когда милитаристско-националистическая шумиха в Болгарии достигла своего апогея. Съезд принял мужественное по тем временам решение, осудив политику болгарской буржуазии, бешено раздуваемой шовинизм среди неосознательных рабочих и народных масс и подталкивающей к войне (Българияката работническа партия (комунисти) в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК. Т. 1. С., 1947. с. 337). Тесняки развернули антивоенную кампанию в рабочей печати, провели во многих населенных

внушительной силой. Ее ряды вырастают к марту 1919 г. до 20,6 тыс. членов⁶, почти 13 тысяч членов насчитывают в мае 1919 г. революционные профсоюзы. О качественном изменении роли партии тесняков свидетельствуют результаты выборов в Народное собрание в августе 1919 г.: партия получила 118,7 тыс. голосов⁷. Это уже не довоенные 2,5% голосов, а без малого 19%.

Мелкобуржуазные партии, проявлявшие до Балканских войн некоторые колебания, но в целом поддерживавшие политику трона⁸, в военные годы быстро левеют. Растут и их ряды, и их влияние. На парламентских выборах августа 1919 г. БЗНС получил 198,4 тыс. голосов; партия широких — 82,8 тыс. голосов. Вместе с третьей мелкобуржуазной партией — радикальной — они располагали в августе 1919 г. почти половиной голосов избирателей (48%)⁹.

В лагерь буржуазии войны внесли раскол и разногласия.

В 1912 г. болгарская буржуазия, несмотря на свою неоднородность, несмотря на враждебные отношения между буржуазными политическими лагерями, в вопросе о необходимости активной внешней политики была едина. В войне против Турции она видела путь к созданию Великой Болгарии — гегемона на Балканском полуострове. Руководящей и направляющей силой этой политики стал царь Фердинанд. Развитие событий поколебало единство монарха и буржуазии. Перед 2-й Балканской войной партии антантофильской ориентации (демократы, народняки, либералы-прогрессисты) занимали уже выжидательную позицию; не отбрасывая возможности новых военных действий, они не принимали фердинандовского лозунга «всё или ничего». В еще большей мере это прояви-

пунктах собрания и митинги, в ходе которых разъясняли выдвигаемые ими лозунги „Война войне“, „Балканская федеративная республика“. Однако так же вместе с немногочисленными группами из некоторых мелкобуржуазных партий не могли преодолеть милитаристского угара большинства: численно БРСДП (т. с.) была невелика — в 1912 г. в ее рядах насчитывалось менее 2 тыс. членов (БРП (к) в резолюции и решения. . . Т. 1, с. 327). Небольшим до Балканской войны было и влияние партии на массы: на выборах в 1911 г. за тесняцких депутатов голосовало всего 2,5% избирателей.

⁶ М. А. Бирман. Революционная ситуация в Болгарии в 1918—1919 гг. М., 1957. с. 192.

⁷ М. А. Бирман. Указ. книга, с. 265.

⁸ Антимилитаристские группы, выступавшие против развязывания балканской войны, существовали в Болгарском земледельческом народном союзе (БЗНС), в Болгарской рабочей социал-демократической партии (широких социалистов) — БРСДП (ш. с.), а также в радикальной партии. Среди них наиболее последовательным в отрицательном отношении к войне было левое крыло БЗНС во главе с А. Стамболийским. Однако БЗНС в целом, как массовая крестьянская организация, насчитывавшая в то время свыше 17 тыс. членов (А. Велев. Политические партии. . . с. 445), как и крестьянство в основном своей массой, оказались в лагере буржуазии.

⁹ М. А. Бирман. Указ. книга, с. 265—266.

лось с началом первой мировой войны. В 1915 г. за неделю до объявления мобилизации и выступления Болгарии на стороне Германии лидеры нескольких буржуазных и мелкобуржуазных партий явились к царю с требованием предотвратить вступление страны в новую войну. Их соображения не были приняты в расчет: болгарская армия стала союзницей германских войск. Поражение Германии предопределило новую национальную катастрофу Болгарии, что в свою очередь привело к глубочайшему кризису болгарских «верхов», кризису всей государственной и политической системы страны. К концу первой мировой войны, некогда могущественные германофильские партии и царь Фердинанд превратились в политические трупы. Положение партий антантофильской ориентации было не намного лучше. Их политический авторитет был невелик, а, главное, в их руках не было фактических сил для того, чтобы справиться с создавшимся положением, преодолеть возникший кризис. Приближалась развязка, тем более очевидная, что многолетние войны до крайности обострили социальные отношения в Болгарии.

Одним из наиболее напряженных моментов революционной ситуации в Болгарии явилось солдатское Владайское восстание в сентябре 1918 г. «Никогда еще за весь период существования буржуазного государства в Болгарии, — пишет исследовавший события этого времени М. А. Бирман, — не было такой крайней поляризации общественных сил, такого обострения социальных противоречий, как осенью 1918 г.»¹⁰

Но кто же возглавит действия низов, которые не хотят жить по-старому?

Партия тесняков? Ее политический вес и авторитет в массах, и в первую очередь среди рабочих, велики. Через несколько месяцев партия станет соучредительницей III Интернационала и назовет себя коммунистической. Само солдатское восстание в значительной степени подготовлено всей предшествующей работой тесняков в армии. Но деятельность партии строится на основе полной самостоятельности и изолированности от мелкобуржуазных масс, от крестьянства. Во время Владайского восстания тесняки занимают позицию нейтралитета. Нет, тесняки не могут еще возглавить революционную борьбу болгарского народа, не понимают необходимости боевого союза рабочих и крестьян, не выдвигают лозунга борьбы за власть.

Партия широких? Эта партия давно не имела ничего общего с революцией, боялась ее.

---

¹⁰ М. А. Бирман, Указ. книга, с. 161.

БЗНС? Да, хотя говорить об этом надо с некоторыми оговорками.

Дело в том, что лидеры правого крыла БЗНС во главе с Д. Драгиевым, имевшие преобладание в руководстве Союза, выступили против восстания и на стороне буржуазных партий. Но в Союзе существовало левое крыло во главе с А. Стамболийским и Р. Даскаловым, которое стремилось к власти и которое, несмотря на свои колебания и нерешительность, смогло использовать революционную ситуацию 1918—1919 гг. для прихода к власти. Правда, восстание было подавлено, и одной из причин было то, что левое крыло БЗНС не сумело обеспечить восстанию действительного руководства. Однако затем последовало несколько кабинетных кризисов, разрешение каждого из которых все более усиливало политические позиции БЗНС. В январе 1919 г. А. Стамболийский стал членом правительства. В октябре 1919 г. он сформировал первое коалиционное правительство, в программную декларацию которого удалось включить почти все требования Земледельческого союза¹¹. В мае 1920 г. был образован первый однопартийный кабинет БЗНС.

Но путь к власти не был столь прямолинеен и прост, как это может показаться с первого взгляда. Стамболийский стремился к ней давно и надеялся получить ее путем завоевания парламентского большинства¹². Однако в сентябре 1918 г. неожиданно открылась совсем иная перспектива прихода к власти — во главе восставших масс: Стамболийский отбывал пожизненное заключение в тюрьме за антивоенную деятельность, когда царь Фердинанд решил освободить его, чтобы он своим авторитетом успокоил взбунтовавшихся солдат. Стамболийский оказался на свободе и мог использовать по своему усмотрению контакты с восставшими. Это значило, что кардинально мог измениться путь возможного достижения цели: уже не выборы в парламент, а руководство револю-

---

¹¹ А. Велев. Трудовата повинност на земеделското правителство и политическите партии. — Исторически преглед, 1974, № 1, с. 8.

¹² В 1921 г. он говорил, что неверно думать, будто «земледельцы» не пришли бы так скоро к власти, если бы не было войн и если бы не было антивоенных выступлений «земледельцев» и выступлений против Фердинанда. Заявляя об этом, А. Стамболийский так оценивал ситуацию: «Задолго до войн мы наступали на пятки каждому правительству». В 1908 г. — правительству демократов, затем правительству народняков и цанковистов, а затем и правительству Радославова. «Если бы дело так пошло и дальше, в одни из выборов мы бы сломали головы всем партиям без всяких войн» (А. Стамболийски. Земледелско управление. Първа година. 15-часова реч на м-р председателя А. Стамболийски, произнесена пред делегатите на XVI редовен земеделски конгрес. С., 1921. с. 14).

ционным вооруженным восстанием. К этому Стамболийский оказался неподготовленным. Отсюда его метания, колебания¹³. Поражение восстания вновь открывало перед левыми лидерами БЗНС более близкий им парламентский путь борьбы за власть, а непрерывавшееся полевание масс создавало реальную базу для этого.

В условиях продолжавшейся революционной ситуации буржуазия вынуждена была шаг за шагом уступать Земледельческому союзу свои позиции в сфере государственной власти, что нашло свое выражение в исходе ряда кризисов кабинета. Ее политические представители пытались, как могли, помешать продвижению БЗНС к власти¹⁴, но более чем 1,5-годовая борьба закончилась в пользу «земледельцев». Единственным путем воспрепятствовать такому развитию событий для партий буржуазии был бы государственный переворот. Но в обстановке глубокого революционизирования масс это было слишком рискованно для нее.

Как бы то ни было, в момент наивысшего накала социальных страстей, не социалисты, а БЗНС — мелкобуржуазная крестьянская партия поставила вопрос о смене власти. Это обстоятельство наложило отпечаток большого своеобразия на течение и исход революционной ситуации в Болгарии. Она завершилась тем, что в мае 1920 г. к власти пришло однопартийное правительство БЗНС во главе с А. Стамболийским, управлявшее страной в течение трех лет.

Среди важных событий того времени отметим только два, так сказать, финальных. Одно из них — отречение Фердинанда Кобургского 3 октября 1918 г., находившееся в непосредственной связи с Владайским восстанием. Некогда носитель идеи Великой Болгарии, олицетворение сильной центральной власти, царь был вынужден бежать из страны, так и не ставшей для него второй родиной.

Другое событие — подписание Нейиского мира в ноябре 1919 г. Согласно его условиям, Болгария вынуждена была отдать в пользу соседних с нею балканских государств около 1/10 части

---

¹³ См. А. Н. К и р ш е в с к а я. А. Стамболийский и идеи Великого Октября. — В кн.: Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов. Минск, 1969. с. 191.

¹⁴ В частности, весной 1919 г. правительство Т. Теодорова попыталось запретить очередной XV съезд БЗНС, что ствечало стремлениям буржуазных политиков помешать консолидации БЗНС вокруг его левых лидеров и выдвинутой ими программы, а это было немаловажным условием для их продвижения к власти. И роспуск Народного собрания XVII и XVIII созывов, и назначение новых выборов, каждый раз дававших все большее парламентское преимущество Земледельческому союзу — все это происходило в борьбе, под резким нажимом Стамболийского и его сторонников.

свсей территории. Ее вооруженные силы значительно ограничивались, из регулярной армия должна была превратиться в наемную. На Болгарию возлагались расходы по содержанию оккупационной армии и различных межсоюзнических контрольных комиссий. Хозяйство и финансы страны ставились под контроль Межсоюзнической комиссии из представителей Великобритании, Франции и Италии. Кроме того, Болгария должна была в течение 37 лет выплачивать репарации — огромную сумму в 2250 млн. франков золотом, передать в пользу своих балканских соседей большое количество скота.

Оба этих события знаменовали собой завершение целого этапа развития Болгарии. Но каждое из них имело свое продолжение, свои последствия в новой эпохе, в которую вступила страна: эпохе общего кризиса системы капитализма. Болгария оставалась монархией: на царском троне Фердинанда сменил его сын Борис. Нейский мир не разрешил балканских проблем, наоборот, он углубил их, добавив новые и в экономическом, и в социальном, и в национальном отношениях.

Вместе с тем своеобразное разрешение революционной ситуации 1918—1919 гг. — приход к власти однопартийного кабинета БЗНС — мелкобуржуазной крестьянской партии, ставило страну перед совершенно новыми проблемами. М. А. Бирман так пишет о необычности положения, сложившегося в Болгарии: «Болгарский пролетариат был еще не в силах обеспечить победоносный революционный выход из революционного кризиса. В то же время болгарская буржуазия, чрезвычайно ослабленная за время революционного кризиса, не имела сил, чтобы установить контрреволюционную диктатуру в стране и нанести решительное поражение революционному лагерю. Сложившаяся в стране своеобразная расстановка классовых сил создала условия, благоприятные для образования такого оригинального в истории классовой борьбы правительства, как однопартийный кабинет Земледельческого союза»¹⁵.

Исход революционной ситуации в Болгарии, приведший к явлению исторически довольно редкому и необычному — к превращению крестьянской партии в главный государственный и политический фактор в стране, определял своеобразие дальнейшего развития Болгарии по крайней мере на ближайшие несколько лет. Весьма важную роль в этом отношении сыграла реформаторская деятельность правительства БЗНС, оказавшая большое влияние на развитие социально-политических процессов в стране

---

¹⁵ М. А. Б и р м а н. Указ. книга, с. 379.

не только в период трехлетнего пребывания кабинета А. Стамболийского у власти, но и в последующие годы.

Направление этой деятельности определялось сословной идеологией БЗНС, исходные принципы которой были выработаны под руководством А. Стамболийского еще в первое десятилетие XX в. Так, идеалом общества провозглашалась сословная демократия, которая придет на смену обществу, разделенному на классы. В этом обществе сословной демократии не будет изживших себя, выродившихся политических партий. Основой каждого государства, согласно идеологам БЗНС, является крестьянское сословие, самое многочисленное, самое здоровое нравственно и физически, гигант, дремлющий до поры, до времени. Но неизбежно пробуждение этого гиганта, его превращение «в решительный фактор окончательной ликвидации политико-общественного неравенства и восстановления равномерного распределения материальных благ, уничтоженных этим неравенством», неизбежно возрастание роли крестьянского сословия в «политико-общественном развитии человечества»¹⁶. Реализация принципов идеологии БЗНС должна была привести, по мнению ее создателей, к радикальному изменению устройства общества. «И когда совершится эта общественно необходимая реорганизация, — писал А. Стамболийский, — т. е. когда люди разных сословий (крестьяне, ремесленники, наемные рабочие, торговцы и др.) под лучами самосознания выйдут из рядов различных политических партий и перейдут в свои сословные организации, — тогда общество будет свидетелем поразительного по своей широте и восхитительности обновления всего общественного строя. Черный рабочий люд будет призван быть носителем судеб этого строя. . . Настоящие господа тогда будут возвышены на господское место и будут управлять рулем государственной машины...»¹⁷

Для сословной теории Стамболийского характерно не только воспевание крестьянства, противопоставление его всем остальным сословиям, в том числе наемным рабочим, но и воспевание мелкого крестьянского хозяйства в противовес крупному, механизированному, культ мелкой частной собственности.

Под влиянием революционных событий во всем мире и особенно в России идеология БЗНС приобретала новые важные черты и нюансы. Известно, что Стамболийский внимательно следил за развитием русской революции¹⁸. Как отмечают болгарские исследова-

¹⁶ А. Стамболийски. Политически партии или съсловни организации? С., 1909. с. 23.

¹⁷ Там же, с. 443—444.

¹⁸ «Все мы живы и здоровы, — пишет он из тюрьмы 19 марта 1917 г. —

дователи, особенно сильное воздействие оказали на него первые декреты советской власти о мире, о земле, мероприятия, связанные с национализацией собственности буржуазии и др.¹⁹ В одном интервью (апрель 1920 г.) Стамболийский заявил, что он распорядился, чтобы специально подготовленные люди обработали все данные о социальных преобразованиях большевиков, выделив те, которые могут быть применены в Болгарии²⁰.

Свою лепту в формулирование идеологических основ и политики БЗНС вносил молодой, энергичный и высокообразованный Р. Даскалов. Он хотел видеть Болгарию республикой, в которой «не будет классового неравенства и борьбы, не будет миллионеров и паразитов, а будут только люди, живущие своим трудом». «Труд, — утверждал он, — должен быть верховным принципом в новом государстве»²¹.

Радикализация левых лидеров БЗНС, выработка ими целой программы реформ происходила и под непосредственным влиянием тесняков. Так, идея о необходимости проведения аграрной реформы возникла в результате тюремных бесед А. Стамболийского и Р. Даскалова с Г. Димитровым, также отбывавшим наказание за антивоенную деятельность.²²

Левые лидеры БЗНС вошли в историю Болгарии как мелкобуржуазные политические деятели, задавшиеся утопической целью уничтожить теневые стороны капитализма, не затрагивая основ самого капитализма, установить царство крестьян в обществе, разделенном на классы. Их теоретические построения были поиском тех форм политической организации общества, в которых нашли бы свое воплощение общественные и экономические идеалы крестьянина, мелкобуржуазного по своей природе. С другой стороны, они явились выражением наивной веры простого человека, не «отягощенного» знанием объективных законов развития общества, в справедливость.

Элементы такой идеологии были присущи крестьянским партиям и других стран, например, хорватской крестьянской партии. Но в Болгарии она получила не только систематизированное вы-

---

Внимание наше — в Русской революции» (Т. Е в т и м о в. Неизвестни писма на А. Стамболийски и други дейци на БЗНС от 1915—1917 г. — «Известия на държавни архиви». Кн. 15, С., 1968, с. 130).

¹⁹ Подробнее см. Д. Т и ш е в. Великата Октомврийска социалистическа революция и Българският Земеделски народен съюз. С., 1967.

²⁰ А. В е л е в. Трудовата повинност. . . с. 22.

²¹ «1918. Войнишкото въстание. — Сборник от документи и спомени. С., 1968, с. 114—115.

²² Д. Т и ш е в. Великата Октомврийска социалистическа революция. . . с. 57.

ражение, а и приобрела самостоятельное политическое значение. Этому во многом способствовал А. Стамболийский, его энергия, помноженная на бурный темперамент, фанатическая преданность своему делу. Этому в еще большей мере способствовало то, что БЗНС сумел прийти к власти, что его идеология достигла ранга государственной. Правда, на короткое время, ибо режим БЗНС — этот своеобразнейший политический и социальный эксперимент — был обречен: история доказала, что сколько-нибудь длительное существование самостоятельной крестьянской власти невозможно. Об этом хорошо сказал В. И. Ленин, опираясь на практику многих революций: «Мы знаем из собственного опыта — и подтверждение этого видим в развитии всех революций, если брать новую эпоху, скажем, сто пятьдесят лет, во всем мире, — что везде и всегда результат был именно такой: все попытки мелкой буржуазии вообще, крестьян в частности, осознать свою силу, по-своему направить экономику и политику кончались крахом. Либо под руководством пролетариата, либо под руководством капиталистов — середины нет»²³. Это вполне подтвердил и болгарский случай — идеального крестьянского царства «земледельцы» построить не смогли.

2. Влияние реформаторской деятельности правительства БЗНС на расстановку классовых и политических сил в стране

Левое крыло БЗНС шло к власти в период революционной ситуации в Болгарии, во времена, когда потрясенное войной и ее результатами сознание народа не могло примириться с мыслью, что в стране все может остаться по-старому, во времена, когда стремление масс к переменам приобрело чрезвычайную остроту. Но Стамболийский и его сподвижники по-своему также стремились к преобразовательной деятельности. Желания широких слоев народа и левых лидеров БЗНС совпадали в преобладающем большинстве пунктов, касавшихся изменения порядков в стране. Это совпадение стремлений широких слоев народа и левых лидеров БЗНС было основой той массовой поддержки, на которую опирались «земледельцы», борясь за власть, и позже, уже осуществляя ее.

---

²³ В. И. Ленин. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих. — Полное собрание сочинений. Т. 43, с. 136—137.

Положение в стране в годы революционной ситуации было столь напряженным, особенно в связи с быстрым нарастанием революционной активности пролетариата, к которому с конца 1918 г. перешла авангардная роль в революционном движении трудящихся²⁴, что часть требований дня вынуждены были удовлетворить еще буржуазные правительства, находившиеся у власти до создания первого коалиционного правительства Стамболийского в октябре 1919 г. Так, в результате борьбы масс за всеобщую амнистию политзаключенным, которой руководили тесняки, в декабре 1918 г. была провозглашена амнистия участникам Влэдайского восстания. Весной 1919 г. были приняты законы о налоге на доходы военного времени, о конфискации имущества, незаконно приобретенного во время войны, о помощи ремесленникам, пострадавшим во время войны, и о предоставлении им кредита, о выплате компенсаций крестьянам, не получившим полного возмещения за реквизированный у них скот²⁵. В июне 1919 г. рабочие, поднявшиеся на широкую стачечную борьбу, вырвали у правительства указ о введении 8-часового рабочего дня.

Придя к власти в мае 1920 г., однопартийное правительство Стамболийского развернуло активнейшую реформаторскую деятельность. Только за один год было принято свыше 100 законов. Характерно, что сам премьер-министр почти две трети времени этого года находился за границей. Столь обширное законодательство, осуществленное в его отсутствие, говорит как о чрезвычайной популярности реформ, так и о своего рода взрыве инициативы со стороны «земледельцев», пришедших к власти.

Четыре из сотни новых нормативных актов Стамболийский называл «нашими великими законами». К ним он относил прежде всего закон о введении всеобщей трудовой повинности для всех мужчин и женщин, независимо от их социальной принадлежности и имущественного состояния. Во всеобщей трудовой повинности «земледельцы» видели «могучий инструмент преобразования и обогащения Болгарии, с помощью которого в 5—10 лет изменится лицо страны»²⁶. Вторым «великим» законом они считали закон об отчуждении частных зданий в пользу государства или муниципалитетов у тех, «кто имеет слишком много». К «великим» относились также закон об отчуждении земли крупных собственников в пользу государства и закон о трудовой поземельной собственности,

---

²⁴ См. М. А. Бирман. Революционное движение болгарского пролетариата в 1918—1923 гг. и антифашистское сентябрьское восстание. с. 16.

²⁵ М. А. Бирман. Указ. книга. с. 209—211.

²⁶ А. Стамболийски. Земледельско управление. с. 89—90.

т. е. нормативные акты, связанные с осуществлением аграрной реформы в интересах неимущего и малоимущего крестьянства.

О социальной направленности законодательства правительства БЗНС достаточно ясно говорит простое перечисление других принятых актов²⁷: закон о налоге на общий доход, согласно которому вводилось прогрессивно-подходящее налогообложение, причем процентная ставка для крупных состояний устанавливалась весьма высокой — 35%; закон о торговле зерновыми продуктами (так называемый закон о Консорциуме), введивший монополию внешней торговли зерном, которая должна была осуществляться через Консорциум, и ограничения во внутренней торговле. Закон предоставлял большие льготы кооперации и значительно ущемлял интересы частных экспортных фирм; закон о налоге на общества (акционерные, кооперативные и др.), явившийся попыткой направляющего вмешательства государства в экономику: налоговые ставки распределялись таким образом, чтобы создать благоприятные условия для перекачки капиталов из торговли и особенно из банковского дела в производительную сферу, главным образом в промышленное производство²⁸.

Наряду с этим целая группа законов была принята специально в интересах крестьянства. Помимо закона об отчуждении земли у крупных собственников и закона об аграрной реформе, к ним относились нормативные акты о поощрении сельскохозяйственного производства, о предоставлении больших ссуд и о других льготах сельскохозяйственной кооперации, особенно сбытовой и снабженческой, закон о помощи розпроизводителям, решения об организации с помощью государственных субсидий питомников по разведению племенного скота и об организации свиноферм.

Реформой Болгарского Сельскохозяйственного банка расширялась сеть его филиалов в провинции: такие филиалы открывались во всех окружных и околийских центрах страны²⁹.

---

²⁷ Сборник на законите, гласувани през XIX ОНС и правилниците към тях. С., 1920.

²⁸ Эта попытка особенно примечательна в связи с тем, что, как отмечал Г. Димитров, крупная болгарская буржуазия «не была заинтересована в развитии национальной промышленности и современного сельского хозяйства. Награбленные капиталы и народные сбережения она употребляла для спекуляции, а не для развития производительных сил страны» (Г. Д и м и т р о в. Към всенародна победа над реакцията и зложелателите на нова България. Съчинения. Т. 11. С., 1954. с. 312).

²⁹ И в. Д е р м е н д ж и е в. Развитие на държавния апарат в България по време на управлението на БЗНС. — Годишник на Софийския у-т, Юридически факултет, т. 55, кн. 2. С., 1964, с. 342.

Конечно, двойственная природа мелкобуржуазного правительства БЗНС не могла не сказаться также на его реформаторской деятельности. Колебания, нерешительность, половинчатость отразились как на внутреннем содержании ряда законов, что становится очевидным при анализе их текстов, так и, особенно, на практическом претворении их в жизнь³⁰. Грандиозное законодательство было осуществлено лишь частично³¹. Но и этого оказалось достаточно, чтобы вызвать большое брожение в обществе, определенные социальные и психологические сдвиги.

Не рассматривая подробно всего комплекса социального и политического законодательства правительства Стамболийского, обратимся к другой стороне проблемы, а именно: как реформаторская деятельность «земледельцев» влияла на расстановку классовых и политических сил в стране.

Общая направленность социально-экономических и других мер БЗНС против крупной городской буржуазии, особенно против ее торгово-ростовщической части, не вызывает сомнений.

---

³⁰ См. А. Н. К и р ш е в с к а я. Реформы правительства Земледельческого союза в Болгарии и их крах. — Учен. зап. П-та славяноведения, т. Х. М., 1964.

³¹ Правда, полного освещения в литературе эта проблематика до сих пор не получила. Виной тому, главным образом, недостаток фактического материала. Свою роль сыграла также некоторая ограниченность методики исследования, свойственная первым после 9 сентября 1944 г. годам изучения истории Болгарии; следуя ей, авторы стремились раскрыть в первую очередь внутреннюю несостоятельность мелкобуржуазных реформ БЗНС, обреченность поисков третьего пути между социализмом и капитализмом. При этом к левым лидерам БЗНС нередко предъявлялись непомерно высокие требования, ибо они и их деятельность не соответствовали сложившимся представлениям, а в качестве таковых зачастую выступали программные требования болгарских коммунистов, хотя и признавалось, что в ряде случаев они носили максималистский характер. Существующая, с другой стороны, тенденция к идеализации правительства БЗНС, деятельность которого будто бы выходила за рамки буржуазной демократии и была даже антикапиталистической, в свою очередь также ограничивает возможности для полного раскрытия темы. Наряду с этим появляются работы, авторы которых стремятся глубже и всестороннее подойти к оценке реформ правительства Стамболийского. См. например, Л. Б е р о в. Социална основа на режима на БЗНС. 1918—1923. — Исторически преглед, 1972, № 4; И. Д е р м е н д ж и е в. Развитие на държавния апарат в България по време на управлението на БЗНС (Годишник на Софийския университет, Юридически факултет, т. 55, кн. 2, 1964); Н. К а т а е в. Централные административно-хозяйственные учреждения Болгарии в период правления Земледельческого союза (1919—1923) (Учен. зап. Саратовского юридического института им. Д. И. Курского, вып. 18. Саратов, 1969) и некоторые другие.

Интересы буржуазии были ущемлены прежде всего в политическом плане. Еще на выборах в августе 1919 г. партии буржуазии, вместе взятые, не собрали даже трети голосов избирателей. К тому же выступали они разобщенно, каждая со своим списком, так что итоги голосования для них были совсем плачевными. В. Коларов отмечал, что во время выборов 1919 г. партии буржуазии не могли даже организовать публичных собраний³².

В результате следующих выборов, проведенных в марте 1920 г., буржуазные партии, вместе взятые, располагали в Народном собрании лишь 28% всех депутатских мест.

В итоге представительство буржуазных партий в Народном собрании настолько сократилось, что парламент, как легальное средство политического давления на исполнительную власть, фактически был потерян для буржуазии.

Это положение правительство БЗНС решило закрепить: весной 1923 г. пропорциональная избирательная система была заменена по существу мажоритарной. Вслед затем (в апреле 1923 г.) на основе нового избирательного закона состоялись выборы, в результате которых произошло дальнейшее сокращение позиций буржуазии в важнейшем представительном органе государства — Народном собрании: БЗНС, за кандидатов которого голосовало почти 53% избирателей, получил благодаря новой системе 212 мандатов (без немногого 90%), в то время как все партии буржуазии, за которые отдали свои голоса около 24% избирателей, получили всего 14 мест в парламенте (меньше 6%). За коммунистов было подано 18,9% бюллетеней, за партию широких — 2,6% (соответственно 16 и 2 депутатских места)³³.

Ущемление политических прав буржуазии происходило и в других формах. Так, над буржуазными газетами была установлена цензура, существовавшая вплоть до весны 1923 г. А. Стамболийский в связи с этим во всеуслышание заявлял: буржуазные партии «должны почувствовать, что мы имеем власть над ними»³⁴. Более того, в результате референдума по вопросу о виновности прежних министров в национальных катастрофах, который был проведен осенью 1922 г., бывшие «первые люди» государства оказались за тюремными решетками. В официальных речах и материалах о буржуазии говорилось не иначе, как о предательской.

Одним из пунктов ожесточенного отношения правительства Стамболийского к буржуазии, противопоставления ее всему на-

³² В. Коларов. Спомени. с. 477.

³³ Статистика на изборите за народни представители за ХХ Обикновено народно събрание. С., 1927. с. 16.

³⁴ А. Стамболийски. Земледелско управление. с. 161.

роду были ее национализм и шовинизм, ее внешняя политика в прошлом. Буржуазные партии, говорили руководители БЗНС, должны нести не только моральную, но и материальную ответственность за исход войн, т. е. предполагалось не только судить виновников войн, но и изъять 50% капитала «у всех тех, кто в качестве министра или депутата, будучи видным политиком или спекулянтом причастен к возникновению войн и последовавшим за ними катастрофам»³⁵. Даже скот, который Болгария должна была передать соседним государствам в счет репараций, А. Стамболийский предлагал не изымать у малоимущих и неимущих крестьян, а покрыть расходы в этом отношении «за счет всех глупцов, поддерживавших Фердинанда», или за счет партий, доведших страну до военного поражения. Эти меры не были осуществлены, но сами разговоры о них встречались крестьянством с восторгом и в обстановке бурной реформаторской деятельности не казались нереальными.

Внешнеполитическая линия правительства БЗНС была в свою очередь полным отрицанием прежнего курса, формировавшегося националистическими шовинистическими силами. Свою задачу руководители БЗНС видели в том, чтобы убедить западные страны и балканских соседей в глубокой трансформации болгарского государства, в полном разрыве с прежней авантюристической внешней политикой, в том, что перед ними — новая, демократическая, миролюбивая Болгария. С этой целью А. Стамболийский совершил в 1920—1921 гг. 100-дневную поездку по странам Европы, побывал в Англии, Франции, Бельгии, Польше, Чехословакии, Румынии. «Вместо винтовок и снарядов, — заявлял премьер-министр, — мы выдвигаем лозунги миролюбия, дружеских отношений с соседями и с великими державами Антанты»³⁶.

А. Стамболийскому удалось добиться принятия Болгарии, единственной из побежденных стран, в Лигу наций. Но надежды на смягчение жестких условий Нейского мира, в частности, на сокращение репараций, а также на то, что великие державы позволят Болгарии иметь выход в Эгейское море, важный для нее прежде всего с экономической точки зрения³⁷, оказались иллюзорными: Болгария была лишь одной из карт в большой игре великих держав за преобладание в Юго-Восточной Европе, и судьба балкан-

---

³⁵ А. Стамболийски. Земледелско управл. ни. с. 58.

³⁶ Там же, с. 141.

³⁷ По условиям Нейского мирного договора 1919 г. страны Антанты брали на себя обязательство гарантировать Болгарии «экономический выход» в Эгейское море, по поводу чего они должны были принять дополнительное решение.

ских стран во многом зависела от того, как складывалась эта игра. Под нажимом Англии, соперничавшей с Францией, которая хотела покровительствовать и Болгарии, и Королевству сербов, хорватов и словенцев (СХС), Болгария была лишена возможности иметь выход в Эгейское море, и Западная Фракия, обеспечивавшая такой выход, была передана Греции, находившейся в орбите английского влияния.

В стремлении разорвать обруч внешнеполитической изоляции, стянутый вокруг Болгарии ее балканскими соседями, великодержавные руководители которых не желали идти ни на какие уступки кабинету БЗНС и подозрительно относились к отказу «земледельцев» от прежнего столь же великодержавного курса болгарской внешней политики, правительство А. Стамболийского пыталось предпринять ряд конкретных шагов для улучшения отношений с Королевством СХС (далее для краткости — Югославией).

Однако это не приносило результатов до тех пор, пока не произошло определенного изменения общевосточной ситуации. Оно было связано с тем, что в сентябре 1922 г. Турция одержала победу в греко-турецкой войне и таким образом освободилась от навязанного ей после первой мировой войны империалистического мирного договора. В глазах югославских правящих кругов эти события представляли угрозой улучшения турецко-болгарских отношений, что отнюдь не соответствовало интересам политики Белграда. А после того, как в октябре 1922 г. к власти в Италии пришли фашисты, последовала активизация итальянского внешнеполитического курса на Балканах³⁸. Первоочередным объектом итальянской экспансии стала Югославия. Сразу же после фашистского переворота в Италии в политических кругах Белграда стали распространяться слухи о предполагаемом нападении Италии на ряд югославских областей, и слухи эти не опровергались итальянскими официальными представителями³⁹. Столь опасная угроза на западных границах Югославии заставила руководство этой страны уже в октябре—ноябре 1922 г. искать контактов с представителями ряда балканских государств, в том числе Болгарии. Этот вынужденный со стороны Югославии поворот к некоторому улучшению отношений с Болгарией сделал возможным в ноябре

---

³⁸ М. Куманов. Нишката спогодба от 1923 г. — *Векове*. С., 1972, № 5, с. 39.

³⁹ А. А. Язькова. Малая Антанта и итало-фашистская экспансия в Юго-Восточной Европе после прихода к власти Муссолини. — В кн.: *Балканские исследования. Международные отношения на Балканах*. М., 1974, с. 153.

1922 г. визит А. Стамболийского в Белград, во время которого была достигнута договоренность рассматривать спорные вопросы между обоими государствами в двусторонних комиссиях⁴⁰. Чтобы доказать свою добрую волю, правительство БЗНС начало преследовать македонских четников, активизировавших свою деятельность. Весной 1923 г. состоялось первое заседание двусторонней комиссии в Нише, работа которой способствовала урегулированию ряда вопросов, связанных с обеспечением безопасности болгаро-югославской границы⁴¹. Разумеется, проведение миролюбивой внешней политики было связано для правительства А. Стамболийского со многими трудностями. Одна из них состояла в отсутствии равноправного партнерства в отношениях с соседними государствами (не говоря уже о странах Запада), в неадекватности основного содержания их внешнеполитических линий, поскольку руководство большинства балканских стран оставалось на прежних агрессивно-шовинистических позициях. Более того, в практическом аспекте внешняя политика БЗНС, особенно на европейской арене, и не могла быть эффективной, ибо фактически руководители ее были лишены самостоятельности: западноевропейская дипломатия в союзе с дипломатией своих балканских подопечных имела возможность распоряжаться судьбой Болгарии, не делая последней никаких уступок. Но как государственная политика, лишенная шовинизма и агрессивности, являвшаяся полным опровержением внешнеполитической линии, которой следовали стоявшие раньше у власти буржуазные шовинистические группировки, она имела очень важное значение. Отказ от прежнего курса, подтвержденный конкретными шагами, способствовал закреплению в народе негативного в целом отношения к обанкротившейся идее создания путем войны Великой Болгарии, к политическим спекуляциям на национальных чувствах. Представления радикальных деятелей БЗНС о характере внешней политики страны, о необходимости добиться действительного улучшения отношений с соседними странами, в 1912 г. присущие небольшой группе «земледельцев», после прихода БЗНС к власти стали государственной политикой, одним из принципов идеологии наиболее массовой партии. Как таковые они широко пропагандировались в самых глубинах народных масс. Наслаиваясь на горький жизненный опыт послед-

---

⁴⁰ Ž. A v r a m o v s k i. O stavu jugoslovenske vlade prema devojunskom prevratu u Bugarskoj 1923 godine. Istorija XX veka. — Zbornik radova, IX. Beograd, 1968, str. 140.

⁴¹ М. К у м а н о в. Нишката спогодба. . . с. 40.

них, линия на отрицание прежнего внешнеполитического курса давала определенные результаты⁴².

Обстоятельством большой важности было то, что БКП (т. с.) с ее значительным идейным влиянием на передовые слои болгарского общества, не имела принципиальных расхождений с «земледельцами» по этим аспектам внешней политики. Это отразилось на результатах референдума по вопросу о виновности в национальных катастрофах членов бывших правительств 1911—1913 гг., 1918 г.

Положительно на поставленный вопрос ответило примерно 70% голосовавших. Преимущественно это были члены БЗНС и БКП (т. с.) и те, кто шел за ними. Условно к ним можно было бы добавить 6% голосов широких социалистов, писавших лозунги на своих бюллетенях, что делало их недействительными⁴³.

Итоги референдума были важны не только сами по себе. Они явились показателем того, как за прошедшие десять лет трансформировалось отношение масс к вопросам внешней политики Болгарии. Те ростки противодействия национализму, которые были едва заметны в 1912 г., в результате крови, пролитой на полях сражений, и страданий в годы войн сотен тысяч людей, дали обильные всходы. В начале 20-х гг. в Болгарии сложилась психологи-

---

⁴² Это характерное для Болгарии рассеивание в значительной степени националистических настроений в массах после войн, окончившихся поражением, вряд ли можно назвать типичным. Скорее наоборот, ибо мелкобуржуазные слои других побежденных стран оказывались очень восприимчивыми к идее реванша, к идее объединения всех сил нации вокруг лозунгов пересмотра мирных договоров путем применения силы, а пока для этого не сложились условия — к националистической пропаганде. Болгарский же случай не может быть понят без учета того огромного влияния, которым располагал в мелкобуржуазной стране Земледельческий союз, без учета того, какой авторитет имела и его идеология, и практическая деятельность. Свою роль также играла возникшая в результате войн проблема беженцев. После Балканских войн в Болгарии нашли прибежище около 50 тыс. беженцев из Македонии, около 60 тыс. из Южной Добруджи и около 110 тыс. из Фракии. Все они нуждались в крыше над головой и пропитании. Так попытка болгарской буржуазии осуществить свои цели путем войны оборачивалась новыми большими тяготами и для освобожденного из-под власти Турции населения и для населения самой Болгарии. Болгарский исследователь акад. Х р. Х р и с т о в пишет: «Руководящими органами организаций македонских беженцев издавались обращения, из которых явствует глубокое разочарование и недовольство политикой болгарской буржуазии. В одном из таких обращений говорится: «Мы пресытились вульгарными и навязчивыми освободителями и глубокие страдания лишний раз убедили нас в том, что шовинистическая и завоевательная политика не может принести свободы. . .» (Х р. Х р и с т о в. Указ. книга. с. 370).

⁴³ См. История на България. Т. 3. С., 1964. с. 88.

чески совершенно новая атмосфера⁴⁴, в которой националистические и шовинистические лозунги звучали значительно глуше, не находя ни поддержки со стороны официальных властей, ни массового общественного отклика. Разумеется, это не означает, что подобные лозунги не звучали вообще. В Болгарии оставались силы, национализм которых вряд ли был преодолим. Ими были прежде всего руководство наиболее крупных партий буржуазии, националистические организации, в значительной степени — военные круги и реакционная интеллигенция. Но в целом положение в Болгарии несомненно отличалось от положения, существовавшего, например, в Венгрии, где сами правительственные круги уже в начале 20-х годов раздували активную националистическую и шовинистическую пропаганду, используя для этого постановления Трианонского мирного договора и уверяя, в частности, что в установленных им границах с территорией около 33% и с населением в 41% по сравнению с 1914 г. Венгрия нежизнеспособна и что необходимо бороться за возрождение «Великой Венгрии»⁴⁵.

Деятельность «земледельцев» существенно затронула также экономические, материальные интересы буржуазии. «Земледельческие» законы ограничивали ее инициативу, ее доходы. Они означали решительное вмешательство радикального крестьянского правительства в сферу делового предпринимательства, где до сих пор капиталисты чувствовали себя полными и бесконтрольными хозяевами. Стремясь дать развитию народного хозяйства в целом новое направление, «земледельцы» подчеркнуто подчиняли интересы буржуазии общегосударственным.

Реформы БЗНС вызвали отчаянное сопротивление буржуазии. Эта борьба за срыв «земледельческих» реформ сама по себе говорит об отнюдь не формальном характере законодательства БЗНС. Дело дошло до вмешательства во внутренние дела Болгарии со стороны Межсоюзнической комиссии⁴⁶. Это вмешательство не было случайным: реформаторы не щадили интересов не только отече-

---

⁴⁴ Характерны в этом отношении признания А. Малинова, лидера демократической партии: «В конце концов мы были биты и жестоко наказаны. Народная психика глубоко изменилась. Появились новые общественные настроения, были выдвинуты революционные лозунги. Уже после первых двух войн чувства озлобления, ненависти, бунтарства и глубокого разочарования охватили наш народ. . .» (А. М а л и н о в. Под знака на острастени и опасни политически борби. С., 1934. с. 9).

⁴⁵ История Венгрии. Т. 3. М., 1972. с. 179—180.

⁴⁶ Межсоюзническая комиссия по репарациям прибыла в Болгарию в феврале 1921 г., фактически она поставила под контроль всю финансовую и хозяйственную деятельность в государстве. Ультимативные требования комиссии сопровождались нотами стран Антанты.

ственного, но также и иностранного капитала, для которого не делалось исключений из вновь принятых законов⁴⁷.

Межсоюзническая комиссия, поставив правительство БЗНС в безвыходное положение, добилась отмены ряда законов, действие которых распространялось на сферы, где позиции иностранного капитала были очень сильными (экспортная торговля, акционерное дело). Так она добилась отмены закона о Консорциуме⁴⁸, изменения законов о подоходном налоге и о трудовой повинности и даже отмены одной из важных статей закона о суде над виновниками народной катастрофы.

Наибольшие выгоды из режима БЗНС извлекало крестьянство, различные его социальные группы.

В частности, благодаря введению монополии на экспорт зерновых, осуществлявшуюся через Консорциум, который скупал зерно у крестьян через посредство сбытовой кооперации, минуя крупных скупщиков и экспортеров, не могло не улучшиться положение сельских товаропроизводителей в целом. В 1919 г. прибыль консорциума составила 153 млн. левов; при свободной торговле эта сумма оказалась бы в руках частных торговцев. В 1921 г. консорциум передал товаропроизводителям 85 млн. левов прибыли⁴⁹. Н. А. Катаев, исследовавший этот сюжет, пишет: «Нельзя. . . отрицать бесспорно положительную роль Консорциума в экономическом укреплении крестьянских хозяйств путем справедливого возмещения затраченного труда за сданные государству зерновые продукты. Таким образом, Консорциум как учреждение, монополизировавшее внешнюю торговлю зерном и регулирующее внутренний рынок, было создано и осуществляло свою практическую деятельность в интересах широких слоев крестьянского населения»⁵⁰.

⁴⁷ Й. М и т е в. Отношението на европейската реакция към военното фашисткия преврат на 9 юни 1923 г. — Известия на Военно-историческото научно дружество, т. XV. С., 1973, с. 7.

⁴⁸ Характерны в связи с этим оценки деятельности Консорциума, данные в свое время руководителями БКП. Так, В. Коларов отмечал, что создание Консорциума было «страшным ударом для крупных экспортеров зерна, которые в тот момент представляли из себя сильнейшую капиталистическую группу» (В. К о л а р о в. Социальные основы цанковского режима. — Коммунистически интернационал, 1925, с. 71); Г. Димитров в свою очередь писал, что деятельность консорциума лишила «спекулянтский капитал его прежних огромных прибылей» и «нанесла тяжелый удар крупным экспортерам хлеба» (Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения. Т. I. С., 1967. с. 337, 365).

⁴⁹ Н. А. К а т а е в. Центральные административно-хозяйственные учреждения Болгарии в период правления Земледельческого союза (1919—1923). — Учен. зап. Саратовского юридического института им. Д. И. Курского, вып. 18. Саратов, 1969, с. 189.

⁵⁰ Там же, с. 187.

С помощью консорциума представители сельскохозяйственной кооперации в нем могли следить за соблюдением интересов крестьян-производителей, а самое главное — крестьяне, объединенные в кооперации, получали благодаря этой системе справедливую плату за свою продукцию⁵¹. Правда, главными зернопроизводителями были кулацкие хозяйства, и, следовательно, кулаки были более всего заинтересованы в консорциуме. Но свою долю выгоды имели и хозяева средней и мелкой руки. Их интересы в консорциуме защищала кооперация, пользовавшаяся специальным покровительством государства. Не случайно, только за 1919—1920 гг. в Болгарии возникло несколько сот новых кооперативов (в основном сбытовых, потребительских и т. п.), а в 1922 г. всего в стране насчитывалось 1731 кооператив⁵². Именно трудящиеся крестьяне шли прежде всего в кооперацию, видя в ней средство самозащиты от ограбления их со стороны городской буржуазии, сельских ростовщиков и богатеев⁵³.

Некоторому улучшению экономического положения крестьянства способствовали также реформа налогообложения (поземельный налог перестал собираться уже в 1921/22 финансовом году, а во взыскании подоходного налога фискальные органы не проявляли большой настойчивости в отношении крестьян)⁵⁴, аграрная реформа и т. п.

Но дело не только в материальных выгодах, которые крестьянство получило в результате реформ БЗНС. Не менее важны были изменения в его общественном положении. Вся совокупность реформ правительства БЗНС создавала условия для резких сдвигов в этом отношении, она способствовала также определенным изменениям в сознании крестьян. Крестьянство становилось более динамичным, более мобильным в социальном отношении. Человек из деревни получал возможность занять более или менее высокую ступеньку общественной лестницы, стать государственным деятелем местного или даже более крупного масштаба. Партийное положение, членство в БЗНС имело при этом очень важное значение. «Земледельческие дружки»⁵⁵ играли роль первостепенного политического фактора, во всяком случае в деревне⁵⁶. Об

⁵¹ И в. Д е р м е н д ж и е в. Указ. статья, с. 308—309.

⁵² Икономика на България. Т. 1. С., 1969. с. 465. Сам по себе столь значительный размах кооперативного движения при немногочисленности в целом кулацкой прослойки свидетельствует о том, что в кооперативы объединялись прежде всего представители широких слоев крестьянства.

⁵³ См. подробнее Б. М а т е в. Движението за кооперативно земеделие в България при условията на капитализма. С., 1967. с. 30, 69 и далее.

⁵⁴ Стенографски дневници на ХХI Обикновено народно събрание (ОНС), II редовна сесия (р. с.), кн. II. С., 1925. с. 895.

⁵⁵ Дружба — низовая организация БЗНС.

⁵⁶ К. К о ж у х а р о в. Александър Стамболийски. С., 1968. с. 92.

этом не раз с раздражением говорили представители буржуазных партий. Так, радикал С. Костурков отмечал: «Каждый земледелец. . . был представителем власти, каждый земледелец претендовал на то, чтобы стать не только фактическим, но и формальным представителем власти и считался способным и подготовленным для этого. . . Любой член дружбы мог быть муниципальным советником и кметом; любой член дружбы — в большинстве своем они претендовали на это — мог быть депутатом; а каждый депутат в свою очередь претендовал на то, чтобы стать министром»⁵⁷.

Известно, что правительство Стамболийского не сломало, да и не собиралось ломать буржуазной государственной машины. Тем не менее государственный аппарат претерпел изменения: с одной стороны, происходила обычная реорганизация учреждений и служб, а с другой — создавались новые учреждения, необходимые для проведения реформ. Иллюстрацией последнего может служить тот же консорциум по торговле зерновыми на экспорт и его многочисленные службы на местах или вся администрация, связанная с проведением аграрной реформы, которая действовала независимо и не подчинялась местным органам власти и в которую представители буржуазии вообще не допускались. Все эти новые звенья государственного аппарата, как и некоторые другие, пополнялись за счет «земледельцев».

В качестве боевой единицы на чрезвычайные случаи была создана так называемая «оранжевая гвардия». Характерно замечание В. Коларова в связи с мнением о том, что «оранжевая гвардия» состояла будто бы из сыновей кулаков: «Нет, там была сельская беднота; ей платили, ее одели и послали в города»⁵⁸. Помимо «оранжевой гвардии» была создана также жандармерия, имевшая полицейские функции. Подчинялась она одновременно двум министрам: военному и внутренних дел⁵⁹. Определенные изменения претерпела и система судопроизводства.

Смена кадрового состава прежнего государственного аппарата по замыслу руководителей БЗНС должна была быть весьма масштабной. В феврале 1921 г. на XVI съезде БЗНС А. Стамболийский упоминал о том, что чиновничий персонал сокращен на 30% и что вскоре следует новое сокращение. При этом важно подчеркнуть характер и направление кадровой реорганизации. Они отчетливо проступают в словах, с которыми Стамболийский обращался к делегатам съезда: «Мы потребуем вашего участия в

⁵⁷ Стен. дневници на XXI ОНС, I р. с. С., 1924. с. 104.

⁵⁸ В. Коларов. Спомени. с. 376.

⁵⁹ Р. Иванов. Военните закони и реформи на земеделското правителство (1920—1923). — Военно-исторически сборник. С., 1972, № 2, с. 165.

деле улучшения чиновничьего персонала. . . Весь низший чиновничий персонал будет определяться организациями Земледельческого союза и таким образом постепенно станет выборным». Далее премьер-министр говорил о необходимости чистки государственного аппарата от чиновников, которые мешают проведению реформ, и о замене их чиновниками, преданными делу БЗНС⁶⁰. Хотя осуществить это не удалось и государственный аппарат остался в целом невычищенным⁶¹, само стремление руководства БЗНС к этому не могло не воздействовать на умонастроения крестьянства.

Кроме того, не надеясь на этот чиновничий механизм, «земледельцы» нередко использовали для нужд управления партийный аппарат БЗНС. Недаром представители буржуазии обвиняли «земледельцев» в создании наряду с законной, государственной властью «параллельной власти»⁶², в ликвидации перегородок между «государством, администрацией и властвующей партией»⁶³. Показательно, что правительство БЗНС отчитывалось в своей деятельности перед съездом своей партии, ему приносило отставку и от него получало мандат на формирование кабинета. Это имело место дважды: в феврале 1921 г. и в мае 1922 г.

Свое влияние на определенное изменение психологии крестьянства, на осознание им себя в качестве главной силы в государстве, осознание своей причастности к власти оказывала также пропагандистская и агитационная деятельность «земледельцев». Благодаря ей в крестьянских массах, которые были лишены иных средств информации, создавалось определенное, нужное властям представление и о деятельности правительства БЗНС, и о положении самих болгарских крестьян. Цитировавшаяся выше речь Стамболийского, изобиловавшая многими преувеличениями, очень показательна в этом отношении⁶⁴.

---

⁶⁰ А. Стамболийски. Земледельско управление. с. 81, 82.

⁶¹ А. Велев. Аграрная реформа правительства Земледельческого союза. Actes du premier congrès international des études Balkaniques et Sud-Est Européennes. T. V. Histoire. Sofia, 1970. p. 125.

⁶² Стен. дневници на XXI ОНС, I р. с., с. 1991.

⁶³ Там же, с. 1980.

⁶⁴ Так, характеризуя расстроенное народное хозяйство, полученное «земледельческим» правительством в наследство, Стамболийский говорил, что вначале не были даже точно известны ни приходы, ни расходы государства. Правительство же БЗНС добилось того, что государственный бюджет почти сбалансирован. «Нет другого государства в мире, — продолжал он, — участвовавшего в войне, которое имело бы сбалансированный бюджет. Болгария является может быть единственной страной, поспешившей опередить в этом отношении мир» (А. Стамболийски. Земледельско управление.

Характерный штрих — эта знаменитая 15-часовая речь премьер-министра была рассчитана не только на делегатов съезда, а на гораздо более широкую аудиторию: основные положения речи делегаты должны были обсудить на собраниях «земледельческих» дружб. Каждый из них должен был увезти из Софии сборник законопроектов, изданный правительством, и также обсудить его на крестьянском собрании: «Рассмотрите, что надо убрать, а что надо прибавить (в этом законнике — Р. Г.). Попытайтесь и вы делать законы. . .»⁶⁵. Немаловажным фактором, способствовавшим изменению психологии крестьянства, была также неслышанная при прежних правительствах практика публичного обсуждения в дружбах важнейших законопроектов до внесения их в парламент⁶⁶.

Определенную роль в осознании крестьянством своей силы и роли в государстве играли также случаи, когда БЗНС призывал крестьян — «земледельцев» продемонстрировать верность режиму. Так, в ответ на убийство террористами ВМРО в октябре 1921 г. Александра Димитрова, министра внутренних дел, в Софию прибыли тысячи крестьян. Вечером в столице было устроено факельное шествие по центральным улицам, а затем на площади «Св. Неделя» перед людьми, стоявшими с горящими факелами, выступил Р. Даскалов. В некоторых местах крестьяне силой заставляли горожан в знак траура снимать головные уборы.

Все это, конечно, не исключало и отдельных проявлений недовольства режимом со стороны крестьянства и требований последнего к своим руководителям действовать в ряде случаев гораздо более радикально. Важно другое. Важно то, что размах реформаторской деятельности правительства БЗНС был столь значительным и имел столь ярко выраженный демократический характер⁶⁷,

с. 100). Вот другой пример: указав, что правительство Земледельческого союза способствовало удержанию цен на сельскохозяйственную продукцию на одном уровне, премьер-министр не упускал случая подчеркнуть: «Если бы у власти было неземледельческое правительство, вы определенно имели бы более низкую цену за килограмм зерна. . ., а промышленные товары покупали бы по таким ценам, как их определяют сами торговцы. Наконец, существовали бы и реквизиции сельскохозяйственных продуктов, чтобы кормить непроизводительное городское население» (там же). И далее, сравнивая положение Болгарии с теми странами, где Стамболийский побывал: «даже наши враги скажут, что в Болгарии — самые дешевые товары. Во всех других странах — гораздо большая дороговизна» (там же, с. 101).

⁶⁵ А. Стамболийски, Земеделско управление., с. 106.

⁶⁶ А. Велев. Трудовата повинност. . . с. 10.

⁶⁷ Разумеется, эта демократия, в основе своей буржуазная, принципиально отличалась от пролетарской. Существо ее в целом хорошо выражает характеристика Яр. Йоцова: «Правление Болгарского земледельческого сою-

что именно широкие слои крестьянства могли извлечь и извлекали из нового режима непосредственную пользу. Потому-то крестьяне в большинстве своем видели в правящей партии свою партию и оказывали ей массовую поддержку. Яркое тому доказательство — почти 140-тысячный состав БЗНС в 1921 г., из которых 30 тыс. имели двухлетний стаж пребывания в Союзе, а другие 35 тыс. — один год.⁶⁸

Существуют и более конкретные данные, говорящие о том, какие социальные группы в деревне более всего выигрывали или надеялись выиграть от режима БЗНС: за период между XV (1919 г.) и XVII (1922 г.) съездами БЗНС общая численность Союза возросла почти вдвое. При этом доля крестьян, не имевших земли, увеличилась с 1% до 2,5%; доля бедняков, владевших участками от 0,1 до 5 га, возросла с 51% до 74,1%, в то время как доля середняков (владельцев участков от 5 до 10 га) и зажиточных, в распоряжении которых было свыше 10 га, снизилась соответственно с 32% до 20,5% и с 16% до 2,9%⁶⁹.

Ту же самую тенденцию — прилив к БЗНС бедняков и определенный отлив от него зажиточного крестьянства — отражают результаты парламентских выборов 1919, 1920 и 1923 гг. при сопоставлении их с переписями населения. Они тщательно, с применением математических методов исследованы болгарским специалистом Л. Беровым. Согласно его подсчетам, в 1919 г. доля сторонников БЗНС была значительно выше среди среднего и зажиточного крестьянства, чем среди бедняков (владельцев до 4 га земли) и сельскохозяйственных рабочих. Это объясняется главным образом переориентацией на БЗНС большей части тех средних и зажиточных слоев деревни, которые раньше голосовали за представителей буржуазных партий, а после проигранных войн отошли от них⁷⁰. Однако к 1923 г. отчетливо обозначилось их возвращение к преж-

---

за по своему классовому характеру, политике и реформам было высшей точкой развития буржуазной демократии в Болгарии» (Яр. Йоцов. По някой въпрос. . . с. 83). Конечно, на протяжении трех лет существования режима «земледельцев» в его деятельности можно обнаружить различные отклонения от этой «высшей точки», например, в сторону анархии и т. п., но эти отклонения имели преимущественно функциональный характер.

⁶⁸ А. Н. Киршевская. Реформы правительства Земледельческого союза. . . с. 68.

⁶⁹ Эти данные приведены в другой статье А. Н. Киршевской — «Падение правительства Земледельческого союза в Болгарии» (Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. XI. М., 1955, с. 84).

⁷⁰ Л. Беров. Социална основа на режима на БЗНС. 1918—1923. — Исторически преглед, 1972, № 4, с. 53.

ним политическим привязанностям, причину чего Л. Беров видит в обеспокоенности зажиточных крестьян принятием закона об аграрной реформе, исключением правых «земледельцев» из правительства БЗНС (Қ. Томова, М. Турлакова и Хр. Манолова) и т. п.

В то же время к Земледельческому союзу устремилась большая часть бедных крестьян и сельскохозяйственных рабочих, а также много деревенских ремесленников. Разумеется, в первую очередь это было связано с рядом социально-экономических мероприятий правительства БЗНС и особенно с аграрной реформой и надеждами на перераспределение земли⁷¹, но, кроме того, и с введением обязательного голосования, что привело к избирательным урнам определенной количества бедняков (особенно турецкого и цыганского происхождения и помаков), которые прежде оставались политически индифферентными. Голосовали они, как это происходит чаще всего в таких случаях, за правящую партию⁷². В итоге Л. Беров уверенно делает вывод: «. . . в отличие от положения, существовавшего в 1919 г., социальный состав сторонников БЗНС за 1920—1923 гг. полевел, особенно в деревне, в направлении к более бедным и полупролетаризированным слоям крестьянства», за эти годы произошло очищение избирателей — сторонников БЗНС от определенного количества временных попутчиков из среды зажиточного крестьянства⁷³.

Взаимоотношения между рабочими и мелкой буржуазией города, с одной стороны, и режимом БЗНС, с другой стороны, отличались сложностью и противоречивостью. Сословная идеология отводила городу в целом весьма негативную роль, всему городскому противопоставлялось здоровое деревенское начало. Естественно, при такой официальной доктрине все партии, представлявшие интересы городского населения, в том числе его низов, находились в оппозиции к режиму, а большинство, получаемое БЗНС на выборах, состояло в преобладающей своей части из голосов крестьян. Например, во время выборов в муниципальные советы, состоявшиеся в мае 1922 г., в Софии не прошел ни один депутат от БЗНС. Вместе с тем массам рабочих, мелких лавочников, торговцев, ремесленников не могли не импонировать общая демократизация общественной жизни, реформы, направленные на ущемление интересов буржуазии. Помимо косвенного воздействия,

---

⁷¹ См. по этому поводу также: А. Велсв. Аграрная реформа правительства Земледельческого союза. . . с. 119.

⁷² Л. Беров. Социална основа. . . с. 53—54.

⁷³ Там же, с. 57—58.

реформы «земледельцев» в той их части, правда очень небольшой, которая была обращена непосредственно к трудно жившим городским низам, оказывали прямое влияние на положение и настроения городского населения. Так, правительством БЗНС были приняты шаги для облегчения жилищного кризиса⁷⁴, для облегчения положения квартиросъемщиков, для облегчения положения мелких должников и некоторые другие. В результате значительные прослойки городской мелкой буржуазии оказались вовлеченными в ряды Земледельческого союза⁷⁵ и, следовательно, в какой-то своей части мелкая буржуазия города не только была опорой режима БЗНС, но и приобщалась к идеологии Союза, к его политике и практической деятельности.

Весьма показательны в связи с этим признания Я. Сакизова, одного из лидеров партии широких социалистов, ощутившей за годы «земледельческого» режима определенное падение своего влияния на городские мелкобуржуазные элементы: «режим дружбашей, — говорил он в парламенте в 1924 г., — сумел за время своего существования привязать к своей колеснице массу городских элементов, которых мы считали неспособными поддерживать политику дружбашей»⁷⁶. Правда, эту опору Земледельческого союза трудно назвать прочной. Свойственные мелкой буржуазии двойственность и противоречивость не могли не проявляться и в этом отношении. Но в целом социальная база БЗНС в городах, как показали исследования Л. Берова, также расширилась за период 1920—1923 гг. Во время выборов 1923 г. БЗНС собрал часть голосов, прежде отдававшихся за буржуазные партии. За Земледельческий союз голосовали городские хозяева земельных участков (особенно владельцы более 4 га), часть городских самостоятельных ремесленников⁷⁷ и т. п. Но следует признать, что сокращение числа избирателей в городах, голосовавших в 1920—1923 гг. за кандидатов буржуазных и мелкобуржуазных партий, было сравнительно меньшим, чем в деревне⁷⁸. Политические симпатии мелкой буржуазии города в значительной степени адресо-

---

⁷⁴ Ив. Дерменджиев стмечает, от прчедусмотренные законом жилищные органы наделались большими, почти чрезвычайными полномочиями: жилищные комиссии могли выселять из городов лиц, «занимающихся спекуляцией, развратом или бездельничающих; уплотнять или перемещать частные учреждения, заведения или семьи. . .» Были установлены жилищные нормы (Ив. Дерменджиев. Развитие на държавния апарат. . . с. 331—332).

⁷⁵ Я. Й о ц о в. По някои въпроси на българския фашизъм. — Исторически преглед, 1967, № 1, с. 93.

⁷⁶ Стен. дневници на ХХI ОНС, II р. с., с. 23.

⁷⁷ Л. Б е р о в. Социална основа. . . с. 56—57.

⁷⁸ Там же, с. 57.

вались радикальной партии и партии широких социалистов. Кроме того, спецификой болгарской политической структуры было то, что представители мелкой буржуазии составляли большую часть членского состава партий средней и крупной буржуазии⁷⁹.

Что касается рабочих, то специального законодательства для улучшения их положения правительство Стамболийского не предусматривало. Все, чего рабочие добились в начале 20-х гг., было результатом их собственной борьбы против предпринимателей. Конечно, общая атмосфера антибуржуазных настроений, царившая в годы режима БЗНС, в какой-то мере облегчала эту борьбу. Но, с другой стороны, именно этот период характеризуется быстрым ростом монополистических объединений, заявлять о своих правах перед которыми было труднее, чем перед отдельными предпринимателями.

Стачечное движение болгарского пролетариата, снизившееся в 1920—1921 гг.⁸⁰, вновь значительно оживилось в 1922—1923 гг. Это было связано с переходом предпринимателей в наступление на экономические позиции рабочих: на завоеванный ими еще в 1919 г. 8-часовой рабочий день, право на оплачиваемый отпуск, которого добилась часть рабочих в начале 20-х гг.⁸¹, некоторое улучшение условий труда и др.

Руководителем стачечных боев выступала главным образом БКП (т. с.), выступала самоотверженно, по праву пользуясь среди рабочих большим авторитетом.

В мае 1919 г. на съезде тесняков было принято решение о переименовании партии в коммунистическую и о присоединении ее к III Интернационалу. БКП (тесных социалистов) восприняла идею диктатуры пролетариата, пролетарские методы борьбы за нее от массовой политической стачки до вооруженного восстания.

В начале 20-х годов БКП (т. с.) все в большей степени играет роль авангарда трудящихся в их борьбе против капитала. Партия растет количественно, укрепляет свои связи с массами. Она выступила инициатором и организатором ряда важных политических кампаний, в частности кампании за амнистию участникам всеобщей политической стачки декабря 1919 г. и стачки транспортных рабочих декабря 1919 — февраля 1920 г., кампании по оказанию помощи голодающим Поволжья и других.

⁷⁹ Я. Й о ц о в. По някои въпроси на българския фашизъм. с. 93.

⁸⁰ В. Х а д ж и н и к о л о в и др. Стачните борби на работническата класа в България. С., 1960. с. 257.

⁸¹ Там же, с. 97.

Особое внимание коммунисты и руководимый ими Общий рабочий синдикальный союз (ОРСС) обращали на организацию стачечной борьбы пролетариата. Большой положительный резонанс имела крупнейшая в 1922 г. забастовка табачников, в которой участвовали почти все рабочие отрасли. Проведенная под руководством ОРСС исключительно организованно, она завершилась победой табачников, как и многие другие стачки, охватившие в 1922 — начале 1923 г. важнейшие отрасли промышленности.

Если в годы послевоенного экономического кризиса рабочий класс сумел благодаря упорной борьбе завоевать определенную компенсацию за подорожание жизни в стране, добиться и некоторых других успехов⁸², то заслуга в этом в основном принадлежала коммунистам. Нет ничего удивительного в том, что преобладающая часть болгарских рабочих шла именно за коммунистами, а не за оппортунистами, предательская роль которых наглядно проявилась в ходе стачечных боев.

Межпартийные отношения между БЗНС и БКП (т. с.) складывались очень непросто. Идеологически они были непримиримыми противниками. Руководители режима позволяли себе самые низкопробные, злобно-презрительные выпады в адрес коммунистов. Но периоды острой вражды сменялись улучшением отношений вплоть до заявления руководящих деятелей режима о том, что единственной партией, которой «земледельцы» в будущем могут передать управление, будет коммунистическая⁸³.

Не подлежит сомнению, что из всех партий, отвергаемых словной идеологией, БКП (т. с.) была единственной сильной партией, с которой «земледельцы» ощущали определенную близость и в ряде случаев были готовы действовать совместно⁸⁴.

В свою очередь БКП (т. с.), столкнувшаяся с весьма необычной политической ситуацией — властью крестьянской партии, не сумела выработать в этом сложном случае правильной тактической линии. Исследователи истории партии отмечают, что БКП (т. с.) должна была бы возглавить борьбу против наступления

---

⁸² Л. Б е р о в. Положението на работническата класа в България при капитализма. С., 1968. с. 289.

⁸³ В одной из речей в Народном собрании А. С т а м б о л и й с к и й говорил: «Народные массы в большинстве своем — за нами. . . На втором месте стоите вы (коммунисты. — Р. Г.). И если мы отойдем от власти, должны прийти вы. А эти — народняки, демократы и радикалы — умершие, их воскрешать не надо, если сделаем это — грех непростимый будет и на нас, и на вас» (Стен. дневници на XIX ОНС, I р. с., кн. 3. С., 1922, с. 1974).

⁸⁴ Не случайно в августе 1919 г., когда А. Стамболийский еще не был уверен, что «земледельцы» смогут сами взять власть, он в первую очередь обратился именно к Д. Благоеву с предложением составить кабинет из представителей БЗНС и партии тесняков.

буржуазии, добиться единых действий с БЗНС и со всеми рабочими организациями для отпора силам реакции, для преграждения им пути к власти и вместе с тем бороться за улучшение положения масс, за соблюдение рабочего законодательства и за расширение его⁸⁵. Но сделать этого в то время БКП (т. с.) еще не могла. Это и не удивительно: теоретически вопросы отношения коммунистических партий к крестьянским организациям еще не были разработаны в Коминтерне, сама же болгарская компартия находилась только в самом начале трудного и длительного периода большевизации. Коммунисты Болгарии ориентировались на пролетарскую революцию, на завоевание советской власти. Роль гегемона они отводили рабочему классу, но союзником его должна была стать главным образом мировая пролетарская революция. Революционная потенция крестьянства отрицалась вплоть до III съезда БКП (т. с.) 1921 г. Политический режим БЗНС болгарские коммунисты воспринимали как реакционный, враждебный им. Деятельность правительства Стамболийского подвергалась в устной и печатной пропаганде коммунистов, на сессиях парламента резкой критике, правда, нередко обоснованной. Но отношение к ней в целом как к контрреволюционной, которая служит заблуждению масс, мешает им видеть правильный путь к освобождению⁸⁶, было неоправданным. Следуя своей линии, фракция коммунистов в парламенте голосовала против законов об аграрной реформе, о консорциуме, о трудовой повинности⁸⁷, считая их недостаточно радикальными, но поддерживала законы антибуржуазные — о налоге на акционерные общества, о прогрессивно-подходящем налоге, об отчуждении частных зданий.

После обсуждения в 1921 г. аграрного вопроса в Коминтерне и принятия соответствующих тезисов на очередном III съезде БКП (т. с.), состоявшемся в мае 1921 г., был поставлен и положительно решен вопрос о необходимости союза рабочего класса и трудящихся крестьян, причем впервые революционные качества признавались даже за середняками. Это было важным теоретическим завоеванием болгарских коммунистов, шагом, необходимым для изменения отношения к крестьянству вообще и к БЗНС в частности. Однако одного этого шага было недостаточно, а другие в ту пору не были сделаны. БКП (т. с.) продолжала выдвигать

---

⁸⁵ Т. Колева. БКП и международното комунистическо движение (1919—1924 гг.) С., 1973. с. 292—293.

⁸⁶ Д. Тишев. Третият конгрес на Българската комунистическа партия. — Известия на Ин-та по история на БКП, т. 17. С., 1967, с. 150.

⁸⁷ Д. Тишев. За съюз между работниците и селяните. 1917—1923. С., 1964. с. 79.

лозунг национализации земли, хотя он был непопулярен среди крестьян, по-прежнему считала возможным обходиться без программы-минимум.

В июне 1922 г. состоялся IV съезд БКП (т. с.), рассмотревший в качестве основного вопрос о борьбе против наступления фашизма. Понимая необходимость организации масс для отпора силам крайней реакции, коммунисты наметили ряд мер для расширения и укрепления своих связей с массами. Большим достижением было восприятие разработанной Коминтерном тактики единого рабочего фронта⁸⁸. Однако пересмотра тактической линии в отношении БЗНС не последовало.

Несмотря на периодическое ухудшение отношений между БЗНС и БКП (т. с.), в целом условия для работы коммунистической партии в годы «земледельческого» режима были относительно благоприятными. Как уже упоминалось, коммунисты возглавили ряда крупных политических кампаний, кампании против дороговизны. Они работали во многих массовых беспартийных организациях, распространяя свое влияние далеко за пределы рабочего класса. Работали среди инвалидов войны, бывших военнопленных, беженцев, вдов и сирот, объединенных в «Союз жертв войны»⁸⁹, среди различных отрядов трудовой интеллигенции: учителей, государственных служащих, театральных работников и т. п. Коммунисты работали среди солдатских масс, среди офицеров запаса и т. п. Значительным было их влияние в деревне, особенно среди ее беднейшей части⁹⁰.

Росту политического авторитета БКП (т. с.) во многом способствовала деятельность коммунистов в завоеванных ими муниципальных советах, так называемых коммунах. В результате выборов в местные органы власти, проведенных в 1920 г., коммунистическими стали 65 сельских и 32 городских муниципалитета. В 1922 г. коммунисты возглавляли уже 74 сельских общинных совета. Это была деятельность главным образом хозяйственная, культурно-просветительная, работа по благоустройству населенных пунктов. Хотя руководство БЗНС, пытаясь подорвать влияние БКП (т. с.) в массах, распустило ряд коммун, в целом в годы режима БЗНС налично оказались условия для того, чтобы придать деятельности коммунистических муниципальных советов определенное социальное направление: коммуны перекладывали бремя муниципальных

⁸⁸ БКП в решения и резолюции. . . Т. II. с. 235—238.

⁸⁹ Н. Д о й ч е в. Борбата на БКП (т. с.) за свързване с трудещите се маси в периода на следвоенната революционна криза (1919 — 9. VI. 1923). С., 1964. с. 105—108.

⁹⁰ Л. Б е р о в. Социална основа. . . с. 54.

налогов главным образом на зажиточных, вели борьбу за обеспечение населения продовольствием, организовывали общественные столовые, прачечные, муниципальную торговую сеть, непрестанно заботились об обеспечении трудящихся жильем и т. п.⁹¹ В результате, — пишет болгарский историк Н. Дойчев, — «экономические мероприятия коммун ощутимо затронули интересы буржуазии. Они носили ярко выраженный демократический характер и способствовали переходу части доходов капиталистов в распоряжение коммун, смягчению капиталистической эксплуатации»⁹².

О степени влияния коммунистов, выраженного итогами парламентских выборов, говорят следующие цифры: число избирателей, голосовавших за БКП (т. с.), составило 119,4 тыс. в августе 1919 г. и 184,6 тыс. в апреле 1920 г. (соответственно 20,7% и 20,2%), 204 тыс. в апреле 1923 г.⁹³ Это значит, что БКП (т. с.) по степени влияния на массы была первой в городе и второй, после БЗНС, в деревне, что она превратилась в силу первостепенной политической важности. Характерный момент: примерно 68% голосов, полученных БКП (т. с.) в апреле 1923 г., принадлежало крестьянам⁹⁴. Такова была специфика положения марксистской партии в крестьянской стране: в самой БКП (т. с.) из 38 тыс. членов партии в мае 1922 г. около 29 тыс. были членами сельских партийных групп⁹⁵.

Тем более важной была та огромная идеологическая работа, проводившаяся БКП (т. с.), которая охватывала и самих коммунистов, и широкие слои трудящегося населения. В пропаганде идей марксизма-ленинизма БКП (т. с.) видела одну из центральных своих задач. В этом отношении партия опиралась на ценный опыт тесняцкого периода, когда было сделано многое для пропаганды социалистических идей⁹⁶. Однако не все наследие теснячества было положительным. Оценивая роль и характер БКП (т. с.) начала 20-х гг., Г. Димитров говорил в 1948 г.: «Но, являясь уже членом Коммунистического интернационала, одержав серьезные и значительные успехи в своем росте как руководитель классовый борьбы трудящихся и в условиях революционной обстановки непо-

---

⁹¹ История на Българската комунистическа партия. с. 248.

⁹² Н. Дойчев. Указ. книга, с. 161.

⁹³ Там же, с. 135; Д. Тишев. За съюз между работниците и селяните. . . с. 100.

⁹⁴ Д. Тишев. Третият конгрес на БКП. с. 154.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ М. Маврудиев. По въпроса за положителните черти на тесняк социализъм в България. — В: По някои въпроси на марксистско-ленинската теория и практика в България. Пловдив, 1964. с. 257—258.

средственно после войны, партия все еще не сознавала, и партийное руководство не сумело указать конкретно и тогда коренное различие между теснячеством и большевизмом, извлечь из этого все необходимые уроки для партии и возглавить борьбу за преодоление отрицательных пережитков теснячества, за перевооружение партии марксистско-ленинским учением»⁹⁷.

Одну из унаследованных от периода теснячества слабостей БКП (т. с.) составляло отношение компартии к крестьянству, к БЗНС. Это мешало установлению действительного, прочного союза между рабочими и крестьянами (хотя эпизодически коммунисты и «земледельцы» действовали совместно и не только на местах⁹⁸, но это было скорее исключением, чем правилом), выступлении их общим фронтом против буржуазии. С другой стороны, большая ответственность за это ложится и на руководство БЗНС с его приступами откровенной враждебности к коммунистам, с его культивированием сословной идеологии.

Отношения между БЗНС и БКП (т. с.) резко ухудшились в начале 1923 г. Правительство Стамболийского, считая буржуазные партии уже неопасными для себя, направило удар против компартии. Коммунисты, в свою очередь, главного врага стали видеть именно в БЗНС, который неправомерно стали оценивать как партию реакционной сельской буржуазии. В этой неправильной оценке, замечает акад. Д. Косев, уже был заложен зародыш опасной тактики нейтралитета в случае вооруженного столкновения между сельской и городской буржуазией, т. е. между правительством БЗНС и реакционными силами⁹⁹.

Действительно, враждебность отношений между потенциальными союзниками, не преодоленная за годы режима БЗНС, была тем опаснее, что поднимавшаяся реакция стремилась сокрушить и «земледельцев», и коммунистов.

В итоге деятельность правительства БЗНС привела к такой расстановке сил, когда крестьянство, особенно его середняцкая

---

⁹⁷ Г. Димитров. Политический отчет, сделанный на V съезде БРП (к). С., 1948. с. 20.

⁹⁸ Т. Колева рассматривает факты совместных действий коммунистов и «земледельцев» как результат творческого подхода болгарских коммунистов к разработке вопросов тактики международного коммунистического движения. Она подчеркивает, что БКП (т. с.) сделала ряд шагов в этом направлении еще до того, как Коминтерн поставил на обсуждение проблему единого фронта всех трудящихся и определил отношение коммунистов к партиям типа БЗНС и возглавляемым ими правительствам (Т. Колева. БКП и международного коммунистического движение. с. 293—294).

⁹⁹ Д. Косев. Сентябрьское восстание 1923 г. в Болгарии. — Новая и новейшая история, 1973, № 5, с. 6.

и бедняцкая часть, оказалось резко противопоставленным городской буржуазии. При этом позицию пролетариата и мелкой буржуазии города в силу специфики создавшегося положения было бы трудно определить однозначно: она колебалась на протяжении существования режима «земледельцев», становясь в зависимости от событий то враждебной, то выжидательной, то дружелюбной вплоть до действий единым фронтом.

В политическом же отношении БЗНС, не блокируясь ни с одной из партий, находился в положении изоляции: до союза с самой близкой ему крупной партией — БКП (т. с.) дело не дошло. В то же время на другом полюсе болгарского политического мира Земледельческому союзу противостояли все буржуазные и мелкобуржуазные партии. К ним следует прибавить военных, находившихся в большинстве своем в резкой конфронтации режиму, а также часть интеллигенции, царя, националистические организации, роль которых в мобилизации сил реакции была столь велика, что линия их взаимоотношений с режимом БЗНС требует специального рассмотрения.

3. Складывание лагеря крайней реакции

Военные были одной из важных сил, противостоявших «земледельческому» режиму.

Мировая война, ее трагический для Болгарии исход были тяжелым испытанием для командного состава армии. Для большинства офицеров военное поражение страны стало крахом не только в общественном, но и в личном плане. Условия Нейского мира, требовавшие резкого сокращения войска и замены регулярной армии добровольческой, самым непосредственным образом касались будущего офицеров, их карьеры. Рушились личные планы, надежды, перспективы. Обезлюдели казармы: прежние контингенты были распущены, а добровольцы на их место не являлись. Опустошенные и озлобленные бродили офицеры по казарменным помещениям и «поросшим бурьяном дворам», — пишут в своих воспоминаниях бывшие офицеры Хр. Стойков, Г. Иванов и П. Хаджииванов. — «Пустотой и бесперспективностью обдает на каждом шагу. Закрыты окна и двери помещений, в которых недавно кипела жизнь, которые оглашались буйными песнями, криками, шутками. В мелькающих кое-где фигурах офицеров и унтер-офицеров — уныние и отчаяние. . . и все это время в часы, определенные уставом, единственный оставшийся на службе сигнарист регулярно подает установленные сигналы: отбой, подъем,

обед, учения. Зловеще звучат сигналы одинокой трубы¹⁰⁰. . .». Для уволенных из армии во весь рост вставала проблема трудоустройства и обеспечения себе средств существования, а это было нелегким делом в условиях послевоенного кризиса. Да и необходимых навыков и специальности у большинства отставников не было.

Но бытовые неурядицы только усиливали поиски военными ответа на вопрос, как и почему Болгария пришла к национальной катастрофе, кто в этом виноват: генералы или политики, царь, министры? Где была проиграна война: на боевых фронтах или за столом дипломатических переговоров? К ним присоединялись не менее трудные вопросы об отношении к великой революции в России, к революционным событиям в собственной стране.

Позиция офицеров в связи с этими сложными социальными проблемами зависела от множества факторов, среди которых одним из важнейших была их прежняя политическая ориентация. А она не была одинаковой, что в свою очередь в большой мере зависело от особенностей формирования командного состава болгарской армии. Дело в том, что крупная городская буржуазия, промышленная и торговая, не стремилась определять своих сыновей на офицерскую службу — это было не слишком выгодное занятие: бедность государственной казны не позволяла платить офицерам высокое жалованье. Пополнение офицерского состава происходило в значительной степени за счет выходцев из городской мелкой буржуазии, ремесленников, чиновников, из кулацких семей¹⁰¹. Включение их в касту военных, воспитание в духе преданности монарху превращало офицерство в реакционно настроенную в своем большинстве массу. Но сам принцип набора офицеров, возможность проникновения в командный состав представителей низов заключал в себе противоречие, следствием которого были внутренние разногласия среди офицерства, различие их политических взглядов. Часть из них находилась под влиянием тесняков: в 1919 г. во главе многих организаций и групп БРСДП (т. с.) стали вернувшиеся с фронта офицеры. В ряде городов распространялись листовки, в которых офицеры запаса приветствовали победу Великой Октябрьской социалистической революции¹⁰². Реакция другой части на Октябрьскую революцию в России, на револю-

---

¹⁰⁰ Х р. С т о й к о в, Г. И в а н о в, П. Х а д ж и и в а н о в. Офицерские конспирации в България. — Военно-исторически архив. ф. 3, оп. 1, ед. хр. 29, с. 154—155.

¹⁰¹ П. А в р а м о в. Българияската комунистическа партия и формиране на социалистическата интелигенция. С., 1966. с. 49.

¹⁰² Х р. Х р и с т о в. Указ. книга, с. 395.

ционные события в собственной стране, на поражение Болгарии в войне носила совершенно противоположный характер.

Одним из практических результатов идейного брожения среди офицерства явилось создание в 1919 г. Военной лиги. Собственно первая офицерская организация появилась в январе этого года в Шумене. Почти одновременно с нею — и это показатель настроений военных — подобная организация возникла в Софии. И все это — тайно. Попытка создать офицерскую лигу борьбы против большевизма на открытом собрании в военном клубе Софии вызвала сопротивление части молодых офицеров, что заставило реакционное офицерство действовать в дальнейшем конспиративно¹⁰³.

Вскоре шуменская и софийская организации слились. В сентябре 1919 г. нелегально был проведен 1-й учредительный съезд Военной лиги, собравший около 50 участников — делегатов от различных гарнизонов.

Характерный момент: Лига объединяла офицеров только младшего, среднего и старшего командного состава, в создании тайной организации не участвовал ни один генерал. И среди членов руководства Лиги, избранного на учредительном съезде, нет ни одного чином выше полковника. Создание Военной лиги, явившееся своеобразным ответом части офицеров на вопросы, поставленные эпохой, одновременно было отражением недоверчивого отношения среднего командного состава к высшему: молодые офицеры были разочарованы в своих командирах, их угодничеством и лакейством перед царем и немецким командованием¹⁰⁴.

На съезде 1919 г. был принят устав, который не сохранился¹⁰⁵. Но члены Лиги по памяти так определяли позже основные его пункты: укрепление дисциплины в армии, улучшение материального положения офицеров, защита их от увольнений, предусмотренных условиями Нейского мира¹⁰⁶. Устав содержал также пункт, выражавший претензии военных на особую роль в государстве и говоривший о необходимости «противопоставления себя каждому, кто ведет отечество к гибели»¹⁰⁷. Некоторые из бывших членов Военной лиги комментировали спустя многие годы эту статью устава следующим образом: «Имелись в виду главным образом политические лидеры, которых офицерство считало ответственными за проигрыш за дипломатическим столом успехов, достигнутых

¹⁰³ Х р. Х р и с т о в. Указ. книга, с. 395—396.

¹⁰⁴ Х р. С т о й к о в и др. Указ. соч., с. 66.

¹⁰⁵ Там же, с. 71.

¹⁰⁶ Из показаний Поркова на судебном процессе 1954 г. — АМВР, II създ., д. 1556, т. II, л. 13—14.

¹⁰⁷ Х р. С т о й к о в и др. Указ. соч., с. 72.

на полях сражений. А может быть (! — Р. Г.) и постоянно растущие революционные силы в стране»¹⁰⁸. Но на поверку вышло, что главного врага Лига видела именно в последних. Этого, впрочем, не отрицают и только что цитировавшиеся авторы: чуть ниже они пишут, что согласно представлениям большей части офицеров того времени, врагами отечества («безотечественици») были социалисты, коммунисты, анархисты, борющиеся за разрушение государства¹⁰⁹. Но гораздо более четко эту позицию Военной лиги сформулировал С. Василев — один из ее организаторов и руководителей. С трибуны Народного собрания он говорил в 1924 г., что главной задачей Лиги с момента ее создания было не допустить в Болгарию того, что произошло в России и Венгрии¹¹⁰.

В уставе говорилось также о неких социальных реформах¹¹¹, но на основании доступных в настоящее время материалов невозможно судить, что имелось под этим в виду конкретно.

Таким образом, Военная лига 1919 г. предстает как организация офицеров, в сознании которых весьма специфично преломился кризис буржуазной системы. Они противопоставляют себя, с одной стороны, всем тем, кто выступает в качестве носителей существующего порядка: и собственному армейскому начальству (лига создается втайне от него), и правящим кругам (им они не доверяют), и всем другим политическим партиям буржуазии (лидеров их они причисляют к виновникам национальной катастрофы). Они противопоставляют себя, с другой стороны, и революционному движению. И таким образом, хотя видеть себя в качестве некоей надпартийной, надклассовой силы, озабоченной возрождением отечества. Они отрицают положение, существующее в стране¹¹². Но кроме этого отрицания, они не могут предложить ничего конструктивного¹¹³. Их идеалы расплывчаты, не оформлены. Единственной константой является враждебность к революционному движению вообще, к коммунистической партии как партии, борющейся за разрушение буржуазного государства, в

---

¹⁰⁸ Х р. Стойков и др. Указ соч., с. 72—73.

¹⁰⁹ Там же, с. 77-а.

¹¹⁰ Стен. дневники на XXI ОНС, I р. с., кн. II, с. 2584.

¹¹¹ Х р. Стойков и др. Указ. соч., с. 76.

¹¹² Уже осенью 1919 г. офицерство вынашивало планы военного переворота.

¹¹³ Сознывая свою политическую беспомощность, главари Военной лиги обращались к руководителям различных буржуазных партий попеременно, предлагая им стать политическим прикрытием военного переворота. Но все эти переговоры к успеху не привели: обстановка в Болгарии продолжала оставаться революционной, военный переворот мог только ухудшить ситуацию для партий буржуазии.

частности. Они очень непоследовательны: не доверяя буржуазным партиям и их лидерам, испытывая к ним неприязнь, они в борьбе против коалиционного правительства Стамболийского сами пытаются наладить сотрудничество с ними, в том числе с социалистами. И характер предлагаемого сотрудничества весьма показателен для политического уровня офицерства. Так, к руководству реформистского Союза союзов при партии широких делегация Военной лиги обращается следующим образом: «Вы видите, господа, положение становится все более нетерпимым. Готовы ли к тому, чтобы вместе с нами свергнуть Стамболийского и взять власть? Дайте состав нового кабинета и завтра мы проснемся при новой власти»¹¹⁴.

Недовольство собственной участью, своим материальным и общественным положением, Нейским диктатом, разрушением прежних идеалов отечества и другими обстоятельствами трудного существования военных, проистекавшего из национальной катастрофы, — все это у большинства их, настроенных реакционно, вызывало в условиях революционного кризиса усиление контрреволюционных тенденций. Потому и Военная лига была организацией в первую очередь контрреволюционной и реакционной. Но политическая физиономия ее в значительной степени еще не приобрела четкости, а это значит, что дальнейшее развитие ее в этом отношении во многом зависело от конкретных обстоятельств. Не последнюю роль играло, в частности, то, что, не имея собственной конструктивной программы, лига готова была служить любой политической единице. И даже с руководством Земледельческого союза в первое время руководство лиги находилось в хороших отношениях. И Стамболийский в начале своей государственной деятельности не отказывал лиге в поддержке: он приветствовал пункты устава этой организации, требующие сохранения армии и укрытия оружия от контрольной комиссии Антанты¹¹⁵.

Намечавшемуся взаимопониманию содействовали меры правительства по обеспечению увольняющихся офицеров, на принятии которых настаивало руководство Военной лиги.¹¹⁶ Согласно специальному закону, каждый из увольняющихся офицеров мог получить должность в государственных или муниципальных учреждениях, с которой не подлежал увольнению в течение 5 лет. Часть нетрудоустроенных офицеров поглотила вновь созданная Дирекция трудовой повинности. Были организованы также ускоренные

---

¹¹⁴ Д. К а з а с о в. Видяно и преживяно. 1891—1944. С., 1969. с. 211.

¹¹⁵ Х р. С т о й к о в и др. Указ. соч., с. 110.

¹¹⁶ Там же, с. 90.

курсы для педагогической подготовки бывших военных. Те, кто все же оставался без работы, получал единовременное пособие. Исключение составляли отказавшиеся от предложенного места, а также офицеры, не принимавшие в 1915—1918 гг. непосредственного участия в боях, обладающие доходом свыше тысячи левов в месяц и члены тайных и запрещенных организаций¹¹⁷. «Земледельцы» не мешали офицерам проявлять и личную инициативу при устройстве на работу, в результате чего часть уволенных в отставку стала заниматься торговлей, получила «доходные службы при разных банках»¹¹⁸.

Но период хороших отношений не был долгим.

Общая атмосфера социальных взаимоотношений в стране способствовала превращению «земледельцев» и офицеров в антагонистов, а не в союзников. Отрицательное отношение правительственной власти ко всему тому, что прежде составляло главный смысл офицерской жизни, было едва ли не основным фактором, формировавшим настроения офицерства в то время. Слова А. Стамболийского, являвшегося тогда главой кабинета и военным министром, обращенные к офицерскому корпусу: «Господа, вы видите, я кладу конец старой политике. А старая политика, которой вы служили, имела целью достижение национальных идеалов огнем и кровью и укрепление царского трона»¹¹⁹, воспринимались как унижение офицерского достоинства. Само резкое изменение направления внешней политики не оставляло места никаким иллюзиям о скором возвращении к прежним идеалам. Офицерство, которому в целом были близки идеи реванша и национализма, лишалось надежды на сколько-нибудь широкое их распространение при официально провозглашенном внешнеполитическом курсе. Политика Стамболийского, направленная на достижение «взаимопонимания с победителями», — пишут авторы воспоминаний «Офицерские заговоры», — была правильной с позиций реальных требований момента, но огорченные и непобежденные на полях сражений офицеры воспринимали ее как унижительную¹²⁰.

К тому же происходило не менее резкое изменение положения армии. Она переходила под непосредственное руководство правительства. Монарх только формально сохранял свои функции главнокомандующего. Из первостепенной в государстве силы, ближе

¹¹⁷ Сборник на законите, гласувани през XIX ОНС. . . с. 287—290.

¹¹⁸ Из показаний Ив. Вылкова на процессе 1954 г. — АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 257.

¹¹⁹ Цитируется по кн.: Й. Митев. Фашисткият преврат на 9 юни 1923 г. и юнското антифашистско въстание. С., 1956. с. 80.

¹²⁰ Х р. Стойков и др. Указ. соч., с. 155.

всего расположенной к трону и подчинявшейся только «самому» царю, армия и офицерство низводились на незначительные роли. Более того, на местах офицеры нередко подвергались преследованию, становились мишенью для насмешек. В Ямболе муниципальный совет принял решение, запрещавшее офицерам посещать городской сад¹²¹. При увольнении военнослужащих, осуществлявшемся согласно требованиям мирного договора, имели место случаи произвола. Так, в первую очередь увольнялись офицеры городского, а не деревенского происхождения.

Военная лига не оставалась в долгу. По свидетельству одного из ее членов Д. Поркова, руководство Лиги стало настраивать офицеров организации против БЗНС. Соответствующие материалы помещались в специально издававшемся бюллетене и читались в частях¹²². Тот же Порков следующим образом сформулировал причины ухудшения отношений между «земледельцами» и лигой: увольнение офицеров из армии и вмешательство «друзб» в это дело, плюс рекомендации, дававшиеся центральным руководством Военной лиги посредством своих бюллетеней. Свое влияние оказывал и царь¹²³.

Между тем, используя трудности положения правительства БЗНС, Военная лига сумела добиться того, что фактически превратилась в главную вершительницу армейских дел. Ее руководство присвоило себе функции, находившиеся в ведении военного министерства: перевод офицеров, кадровые изменения, распределение должностей командиров дивизий и т. п. Оно предлагало к увольнению офицеров, провинившихся не по службе, а перед лигой¹²⁴. Организация добилась того, что во главе канцелярии военного министерства, ведающей расстановкой кадров, стал член ее Постоянного присутствия С. Василев и таким образом с февраля 1920 г. влияние лиги на армейские дела возросло в значительной степени¹²⁵. Офицеры настойчиво стремились к тому, чтобы освободиться от «опеки» власти «земледельцев», вернуть свои утраченные позиции.

¹²¹ Хр. Стойков и др. Указ. соч. с. 47.

¹²² Из показаний Д. Поркова. — АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 15.

¹²³ Там же, л. 54—55.

¹²⁴ Хр. Стойков и др. Указ. соч. с. 114. При этом авторы ссылаются на сохранившиеся протоколы заседаний руководства Лиги.

¹²⁵ Хр. Стойков, Г. Иванов, П. Хадживанов пишут даже, что «Лига целиком овладевает военным министерством» (там же, с. 126). См. также К. Кожухаров. Военная лига и борбата на реакцията против правителството на А. Стамболийски. — Военно-исторически сборник. С., 1969, № 2, с. 36.

Конфликт неизбежно должен был принять открытую форму. В июне 1920 г. С. Василев был уволен с должности начальника канцелярии, а на его место был назначен полковник Личев, не принадлежавший к Военной лиге. За этим следует «Постановление о службе, правилах (поведения. — Р. Г.) и обязанностях офицера болгарской армии». Цель его — изолировать офицерство от политической жизни, для чего запрещались организация и посещение офицерами каких-либо собраний, членство в политических партиях и т. п.¹²⁶

Ответом на эти меры правительства БЗНС стала демонстрация 9 сентября 1920 г., когда 150 вооруженных офицеров явились в военное министерство с требованием к новому начальнику канцелярии подать в отставку.

В этой острой ситуации А. Стамболийский созвал Высший военный совет, который принял решение о роспуске Военной лиги, насчитывавшей к тому времени около 1700 членов¹²⁷. Оно сопровождалось перемещением в провинциальные гарнизоны, а затем и увольнением из армии членов руководства Лиги. Лига была обезглавлена, А. Стамболийский даже говорил в 1921 г., что она больше не существует. Это — момент окончательно оформившейся конфронтации реакционно настроенного офицерства и власти БЗНС. Красноречивым отголоском этих событий был поворот в союзах офицеров и унтер-офицеров запаса, организациях, родственниках Военной лиге. Как отмечал в своих «Воспоминаниях» В. Коларов, до 1922 г. коммунистам удавалось вести большую работу среди солдатских масс и офицеров. Она была настолько успешной, в частности, в Союзе офицеров запаса, что «. . . если бы противник не изменил тактики, Союз был бы в наших руках»¹²⁸. Изменение же тактики состояло в том, что офицеров-коммунистов и «земледельцев» стали исключать из рядов Союза. В резолюции IV съезда Союза офицеров запаса, состоявшегося в 1922 г., говорилось, что коммунисты усилили за последние годы свою деятельность в Союзе, а так как коммунистическая партия не только «не служит общebolгарским интересам», но кроме того опасна для самого существования организаций Союза и их целостности, офицеры запаса — коммунисты не могут более оставаться в рядах

---

¹²⁶ И в. У з у н о в. Легализирането на тайната Военна лига и оформяването на буржоазната бяла гвардия. — Военно-исторически сборник. С., 1965, № 3, с. 17.

¹²⁷ Х р. С т о й к о в и др. Указ. соч., с. 181.

¹²⁸ В. К о л а р о в. Спомени. с. 478.

Союза¹²⁹. С самого съезда офицеры-делегаты, имевшие отношение к БКП, были удалены¹³⁰.

Изгнание коммунистов и «земледельцев» из Союза офицеров запаса способствовало кристаллизации этой организации в реакционном направлении. Осуществив лозунг «Вон коммунистов из Союза», — писал В. Коларов, — реакционеры «сумели создать небольшие, но сплоченные военные организации из фашистских элементов»¹³¹.

Между тем уволенные из армии бывшие руководители Военной лиги возвращаются в Софию и здесь возобновляют свою деятельность уже на совершенно конспиративных началах. Чтобы не оставлять следов, заседания проводятся без протоколов. Руководители те же — Н. Рачев (он становится «душой» заговора), К. Георгиев, Д. Велчев. Но их политические представления приобретают несколько большую четкость: в отношении режима БЗНС — только борьба, притом, поскольку возможностей для борьбы на легальной основе не существует, главным методом провозглашается военный переворот. Кроме того, в их взглядах появляются и новые моменты, а именно: поскольку при организации власти после переворота нельзя рассчитывать на буржуазные партии, «отвергнутые народом», нужно создать новую политическую силу¹³². Однако все еще до конца не додумано, не решено: вопрос о конкретном содержании и форме этой новой политической силы остается открытым. А пока необходимо возродить лигу.

В ноябре 1921 г. нелегально был проведен ее съезд. Состав его делегатов был «сокращенным»: в работе съезда участвовало не больше 10 человек, но решения он принял весьма важные. Во-первых, было решено реорганизовать структуру лиги: вместо центрального правления, состоявшего из 10—12 членов, во главе ее стал

---

¹²⁹ Слово, I. VI. 1922.

¹³⁰ Там же. 29. V. 1922; см. также Н. Д о й ч е в. Указ. книга, с. 113. Правда, коммунисты сумели уже в том же году объединить прогрессивных офицеров, создав Народный союз офицеров и унтер-офицеров запаса. В начале 1923 г. в его состав входило свыше 3 тыс. членов, в то время как всего уволенных офицеров насчитывалось, по утверждению того же автора, 12 тыс. человек (там же). В отношении количества офицеров, уволенных в запас в годы «земледельческого» режима и остававшихся на службе, в литературе существует разноречивая: И. М и т е в принимает численность офицерского корпуса равной 2400 человек (Фашисткият преврат. . . с. 77). Ив. Узунов дает другую цифру — 1650 человек (указ. статья, с. 20). Упомянутое выше количество офицеров, уволенных в запас (12 тыс.), не согласуется с заявлением А. Стамбулийского от 1921 г. о том, что государству предстоит выбросить на улицу ок. 8 тыс. офицеров (Земледельско управление. с. 29).

¹³¹ В. Коларов. Спомени. с. 478.

¹³² Х р. С т о й к о в и др. Указ. соч., с. 150.

вожак (водач) с двумя помощниками¹³³; таким образом на смену относительной организационной демократии пришла глубокая централизация, единоначалие. В связи с этим особое значение имел вопрос о том, кто же возглавит лигу. «Инициативная тройка», стремясь придать лиге вес в глазах офицеров, с одной стороны, и сохранить в ней свою собственную направляющую роль, с другой стороны, пришла к выводу, что возглавить организацию должен офицер с именем, но без больших претензий, так сказать, «свадебный генерал»¹³⁴. Остановились на начальнике Картографического института полковнике (позднее стал генералом) Ив. Вылкове. Он и был избран на съезде в качестве вожака Военной лиги. Его помощниками стали К. Георгиев и Д. Велчев¹³⁵, а третий член «инициативной тройки» — Н. Рачев стал политическим секретарем организации. Во-вторых, было принято решение о государственном перевороте, который был назначен на февраль 1922 г.¹³⁶ Но скоро обнаружилось, что «земледельцы» знают о принятом решении и от совершения его в назначенную дату пришлось отказаться. Новый съезд лиги, состоявшийся в конце 1922 г., подтвердил стремление заговорщиков совершить переворот, время и способ которого должно выбрать руководство лиги¹³⁷.

Стягивание сил реакции происходило и по линии активизации Союза офицеров и Союза унтер-офицеров запаса. Хотя в отличие от Лиги, они существовали легально, между всеми этими организациями офицеров (запасных и состоявших на действительной службе) осуществлялось тесное взаимодействие. Так, формирование Центрального правления Союза офицеров запаса происходило под контролем Военной лиги. Более того, председателем этого Союза в 1920 г. стал В. Лазаров¹³⁸, входивший в состав руководства лиги, а в сентябре 1922 г. среди членов правления Союза фигурируют уже К. Георгиев и Н. Рачев¹³⁹.

Одним из симптомов активизации Союзов было проведение их съездов, в ходе которых вносились изменения и дополнения в уставы этих организаций. На чрезвычайном съезде Союза офицеров запаса (сентябрь 1920 г.) подвергся изменению устав 1908 г. В новом его варианте отразилось стремление руководителей организации превратить офицеров запаса в важный фактор политиче-

¹³³ Из показаний Д. Поркова. — АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 16.

¹³⁴ Х р. С т о й к о в и др. Указ. соч., с. 151.

¹³⁵ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 17.

¹³⁶ Из показаний Ив. Вылкова — АМВР, II съд., д. 1556, т. I, л. 4.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Й. М и т е в. Фашисткят преврат. . . с. 76.

¹³⁹ Слово, 15. IX. 1922.

ской жизни. Ближайшей целью Союза провозглашалась борьба против БЗНС и его правительства¹⁴⁰.

В мае 1922 г. состоялся IV съезд Союза офицеров запаса, явившийся своеобразной вехой в процессе мобилизации реакционно настроенных военных. Это выразилось не только в изгнании офицеров-коммунистов со съезда и из Союза, но и в намеченной на дальнейшее программе. Так, в резолюции съезда участники его выразили готовность немедленно собрать всех офицеров запаса на внеочередной съезд, если только Центральное правление Союза посчитает, что «власти своими действиями угрожают безопасности и порядку в стране и посягают на свободу граждан»¹⁴¹. Иными словами, руководство Военной лиги получало возможность по своему усмотрению привести в движение более 4 тыс. членов Союза офицеров запаса, которые были представлены на этом съезде¹⁴².

Съезд обратил специальное внимание на необходимость усилить идейное влияние Союза офицеров запаса на трудящихся. Как явствует из принятой резолюции, Центральное правление должно было принять меры к расширению тематики печатного органа Союза газеты «Отечество» и для распространения его среди широких масс народа, с тем, однако, чтобы он оставался «органом военной мысли и носителем национальной идеи»¹⁴³.

О чрезвычайном характере съезда 1922 г. свидетельствует содержание полемики между «земледельческой» печатью, оценивавшей работу съезда как создание новой политической партии, и оппозиционной прессой, отрицавшей это, но признававшей, что Союз офицеров запаса «вынужден выйти из орбиты своих профессиональных интересов и задуматься о средствах обеспечения верховных интересов страны»¹⁴⁴.

Стремление Военной лиги играть направляющую роль в делах организаций чинов, уволенных в запас, с целью мобилизации их сил проявилось в речи Н. Рачева, с которой он выступил на этом съезде. Н. Рачев призвал офицеров запаса к единству, сплочению сил, установлению тесных контактов с народом, а также к «ликвидации пропасти» между офицерами запаса и офицерами, состоящими на службе. Активнейший член руководства Военной лиги Н. Рачев рекомендовал, кроме того, Союзу офицеров запаса и Союзу унтер-офицеров запаса и другим родственным им органи-

---

¹⁴⁰ И в. У з у н о в. Указ. статья. с. 21.

¹⁴¹ Слово, 1. VI. 1922.

¹⁴² Там же, 30. V. 1922.

¹⁴³ Там же, 1. VI. 1922.

¹⁴⁴ Там же, 8. VI. 1922.

зациям объединиться в федерацию «для отстаивания чести и прав нации»¹⁴⁵.

Союз унтер-офицеров запаса был создан в 1912 г. как благотворительная организация. В послевоенные годы на съездах Союза в 1919, 1921 и 1923 гг. также происходила «доработка» его устава¹⁴⁶.

О характере этих изменений нельзя точно судить на основании материалов, имеющихся в настоящее время в распоряжении исследователей, но скорее всего они шли в том же направлении «политизации» Союза, усиления реакционных тенденций в нем. И показательно, что уже в сентябре 1922 г. рекомендации Н. Рачева были выполнены — было провозглашено создание Федерации союзов офицеров и унтер-офицеров запаса¹⁴⁷. В «Обращении к болгарскому народу» по этому поводу, подписанном руководством обоих Союзов, заявлялось, что Федерация готова «подставить свои мощные плечи в любой момент, когда Болгария почувствует необходимость в верных, доблестных болгарях, способных жертвовать собой за нее»¹⁴⁸.

Сила военных организаций заключалась в том, что они сами были довольно многочисленными и, кроме того, располагали возможностью повести за собой армию, а частично и тех, кто после демобилизации не порывал контактов с военной средой¹⁴⁹. Их слабость состояла в отсутствии опоры на массы, в нечеткости и расплывчатости пунктов программного позитива, чего не могла уравновесить категоричность их негативных требований. Предлагавшиеся ими идеи — активное участие офицерства в политической жизни, «авторитетная» надклассовая и надпартийная власть, борьба против коммунизма и против «земледельческого» режима, возрождение поверженного отечества были лишь набором отдельных положений, далеким от разработанной и целостной идеологической системы. Сами по себе они не отличались ни особой новизной, ни оригинальностью.

---

¹⁴⁵ Слово, 30. V. 1922.

¹⁴⁶ Сведения об изменениях устава Союза унтер-офицеров запаса от 2 мая 1938 г. — ЦДИА, ф. 264, оп. 2, ед. хр. 7892, л. 212.

¹⁴⁷ Й. М и т е в. Фашисткият преврат. . . с. 81.

¹⁴⁸ Слово, 15. IX. 1922.

¹⁴⁹ В этой связи важно подчеркнуть, что, как утверждает Й. Митев, во время первой мировой войны в Болгарии была проведена фактически сверхмобилизация: при населении, составлявшем тогда около 5 млн. человек, в армию было призвано 857 тыс. человек. Ни в одной стране доля мобилизованных относительно численности населения не была столь высокой (Й. М и т е в. Девети юни 1923 г. Кратък исторически очерк. С., 1968. с. 5).

Некоторые из них уходили своими корнями в «доброе старое время» эпохи личного режима Фердинанда. Другие были вызваны к жизни конкретной внутривнутриполитической обстановкой, сложившейся в Болгарии в результате мировой войны. Такие же или подобные им существовали во многих странах послевоенной Европы. В ряде случаев они были использованы первыми фашистскими образованиями. Острота классовых и политических отношений в послевоенном мире, стремление реакции дать отпор повсеместному подъему революционной борьбы, могучему влиянию Великой Октябрьской социалистической революции на трудящихся способствовали все более громкому звучанию националистических лозунгов, призывов к установлению сильной надпартийной и надклассовой власти.

Категоричность этих лозунгов была обманчивой. В большинстве случаев применительно к началу 20-х годов можно говорить лишь о зачатках фашистской идеологии.

И в Болгарии реакционный милитаризм, выступавший на авансцену политики, не мог предложить сколько-нибудь цельной идейной основы борьбы за новые порядки в стране. Даже в конкретном случае, требовавшем заглянуть в ближайшее будущее, которое наступит после государственного переворота, и составить программу будущего правления военные оказались беспомощными.

Сознавая это свое идейное и политическое бессилие, усугублявшееся отсутствием сколько-нибудь массовой опоры, военные проявляли особую заинтересованность в союзе с другими силами, недовольными режимом БЗНС и ростом коммунистического влияния. Они пытались вербовать себе сторонников не только в военной, но и в гражданской среде. И не случайно именно бывшие военные оказались инициаторами создания ряда реакционных националистических организаций.

В октябре 1922 г. возникла националистическая организация «Кубрат»¹⁵⁰, само название которой должно было пробуждать «патриотические» и шовинистические настроения. Оно происходило от имени хана Кубрата, жившего в VI—VII вв. и прославившегося объединением праболгарских племен в «Великую Болгарию» — большой племенной союз. Основателями организации и членами первого Верховного комитета были чины болгарской армии, уволенные в запас, — генералы, полковники, майоры, в

---

¹⁵⁰ Сведения о состоянии Болгарского народного союза «Кубрат», адресованные в Министерство внутренних дел 18 января 1928 г. — ЦДИА, ф. 264, оп. 2, ед. хр. 8062, л. 17.

том числе генерал Владимир Вазов¹⁵¹. До этого конституирования «Кубрата» в отдельный союз, он, по-видимому, организационно не расчленился с Военной лигой¹⁵². Характерна деятельность «кубратистов»: они объезжали города, создавали в них ячейки организации, привлекая на свою сторону «наиболее смелых и выдающихся людей из партий порядка и из македонской среды», а также офицеров¹⁵³. Вершилось это во имя определенной цели — государственного переворота для свержения правительства Стамбулийского. Но в целом в эти годы «Кубрат» не представлял собой большой силы. В программном отношении организация ограничивалась выдвижением националистических и антиправительственных лозунгов.

Еще более слабым, но таким же реакционным, националистическим образованием, возникшим по инициативе военных в 1921 г., была «Родна защита». Тоже конспиративная, она старалась привлечь к себе не только бывших военных и «наиболее достойных представителей партий порядка», но и ремесленников, мелких торговцев и т. п.¹⁵⁴

Среди организаций националистического толка особое место занимала Внутренняя македонская революционная организация (ВМРО). Она была восстановлена в 1918 г. на базе так называемого верховистского, шовинистического течения Внутренней македонской революционной организации начала века, деятельность которого в значительной своей части обслуживала интересы царской династии Болгарии, ее националистическую политику. Инициатива восстановления организации после первой мировой войны принадлежала генералу А. Протогерову, являвшемуся в 1918 г. военным комендантом Софии и одним из организаторов подавления Владейского восстания. На съезде македонских благотворительных обществ 1918 г. был избран Исполнительный комитет во главе с И. Каранджуловым. В дальнейшем правые деятели ВМРО направили большие усилия на то, чтобы подчинить своему влиянию

---

¹⁵¹ Заявление Верховного комитета БНС «Кубрат» от 9 мая 1938 г. ЦДИА, ф. 264, оп. 2, ед. хр. 8062, б/л.

¹⁵² В книжке В л. К о ц е в а. «Родна защита», «Кубрат», выпущенной в Бургасе в конце 20-х—нач. 30-х гг. (год издания не указан), говорится, что в 1919—1921 гг. «Кубрат» был названием лиги офицеров, поставившей своей задачей остановить разрушительное движение коммунизма, что в 1920 г. Лига сотрудничала с режимом Стамбулийского, но затем произошел конфликт. Наиболее «заслуженные» офицеры были уволены из армии. Тогда-то они образовали конспиративную организацию с непосредственной целью свержения правительства (с. 3).

¹⁵³ В л. К о ц е в. Указ. книга, с. 4.

¹⁵⁴ Там же, с. 5.

довольно многочисленные македонские группы и организации, находившиеся в то время в состоянии идейного и организационного брожения. В этих целях правые лидеры ВМРО выдвинули и популярный лозунг автономии Македонии.

Военная катастрофа, постигшая Болгарию, не обескуражила воинствующих националистов. Лозунг автономии Македонии они противопоставляют официальному курсу внешней политики правительства БЗНС, стремлению установить добрососедские отношения со всеми странами Балканского полуострова. Они резко выступают также против «федералистов» — сторонников решения вопроса о Македонии путем федерации южнославянского населения, которым в этом отношении были близки идеи «земледельцев» и коммунистов. Их они провозглашают орудием правительственной политики, а самую эту политику — предательством национальных интересов, платой за что может быть только смерть. Террористическая группа ВМРО во главе с Т. Александровым — одним из руководителей прежнего верховистского течения — встает на путь организации террористических актов, убийство политических противников для «устрашений изменников» становится одной из главных целей ВМРО. Террористическая деятельность ВМРО приобрела действительно большой размах, поскольку «наказывать» надо было многих, ибо, по мнению руководителей организации, «...безволие, беззаботность и отрицательное отношение к национальному вопросу проникло в широкие слои народа»¹⁵⁵, ибо, по их оценке, Болгария «была почти убита духом и вместо прежних симпатий в отношении македонской борьбы, на которую шли сотни добровольцев, теперь налицо были неприязненность левых течений и равнодушие патриотических слоев»¹⁵⁶.

Местом террористических акций чаще всего оказывалась София. Чрезвычайно сложным было положение, сложившееся в пограничном с Югославией Петричском округе. ВМРО чувствовала себя здесь господином положения. Она облагала налогами население, которое платило их организации исправнее, чем государству, увольняла и назначала чиновников, наказывала, истязала, похищала и убивала граждан. Ее неписаные законы были над законами болгарского государства. При этом произвол, творимый ВМРО, оставался безнаказанным.

Убийства на улицах столицы и других городов, бесчинства в целом округе. . . Так «патриоты» поднимали «дух всей болгарщины», находившейся, по их мнению, в опасности.

---

¹⁵⁵ И в. М и х а й л о в. Спомени. Т. 2, Брюксел, 1965. с. 44.

¹⁵⁶ Там же, с. 87—88.

Кроме того, ВМРО развернула бешеную пропагандистскую кампанию против режима «земледельцев».

Стамболийский обвинялся в предательстве, в том, что он не печется о «национальных интересах болгарского народа», свидетельством чего были, дескать, и аресты македонских четников, и реформа правописания и, особенно, заключение Нишского соглашения. Кампания эта не была изолированной и вполне отвечала общему духу, царившему в лагере противников режима БЗНС, перекликалась, например, с настроениями военных и части интеллигенции¹⁵⁷. Террористы не ограничивались угрозами: в декабре 1921 г. они убили министра внутренних дел Александра Димитрова, в феврале 1923 г. совершили покушение на А. Стамболийского, окончившееся неудачей. Это не остановило националистов — после заключения Нишского соглашения они послали «земледельческому» премьеру «последнее предупреждение», за которым по заведенной ими традиции должна была последовать кровавая расправа.

Среди всех «патриотических» организаций ВМРО занимала первое место по накалу националистических страстей. Она была довольно массовой, ибо, прикрываясь традиционным знаменем и лозунгами старой ВМРО, пользовавшейся популярностью в народе, ее лидеры при помощи демагогии и ловкой пропаганды сумели увлечь за собой в эти годы значительную часть наивных, плохо разбиравшихся в политике македонских четников¹⁵⁸. Кроме того, правые лидеры ВМРО, используя демагогию и угрозы, сумели добиться объединения своей организации с федералистами. В январе 1923 г. состоялся объединительный съезд. Вскоре после него объединительная платформа была отброшена, руководителей федералистов начали физически истреблять¹⁵⁹, но массы, шедшие за ними, оказались таким образом в русле политики правой части ВМРО.

ВМРО была определенно опасна и в идейном плане, как рассадник реакционного национализма, несмотря на сдвиги в сознании народа в этом отношении, и в плане непосредственной военной угрозы для режима БЗНС, как организация, располагавшая оружием, тем более, что правых ее лидеров поддерживали итальянские фашисты, предоставившие Т. Александрову финансовую помощь в размере 7 млн. лир. Средства и возможности для обучения

¹⁵⁷ Х р. Стойков и др. Указ. соч., с. 156.

¹⁵⁸ История Болгарии. Т. 2. М., 1955. с. 84.

¹⁵⁹ К. Битоски. Македонските добротворни братства на Бугарија и нивната активност за создаване на обединета и независна Македонија (1918—1934). — Гласник, Скопје, 1971, № 2, с. 116.

своих кадров правое крыло ВМРО получало также из Венгрии¹⁶⁰. Эта опасность усугублялась тем, что ВМРО имела широкие связи с кругами, враждебными «земледельцам»: с военными, с буржуазными политиками, с частью интеллигенции и, что очень немало важно, — с дворцом, выступавшим покровителем верховистов с довоенного времени.

Что касается интеллигенции, то положение ее в целом в годы режима БЗНС оказалось сложным. Законодательная деятельность «земледельцев» в значительной степени коснулась культуры и просвещения. Были приняты законы о строительстве школьных зданий, об учреждении доступных народных библиотек, о детской литературе, за которой устанавливался надзор со стороны министерства просвещения, о народном образовании, о реформе правописания, о депозировании печатных и литографических произведений в народной библиотеке, об открытии училищ для сестер милосердия, о введении обязательного семилетнего образования, об открытии реальных училищ и т. п. И далеко не все новшества пришлись по сердцу интеллигенции. Но дело даже не в самих реформах. Отношения между правительственной властью и интеллигенцией формировала больше всего та накаленная атмосфера, в которой они проводились. «Земледельцы», стремясь осуществить свою мечту о создании своей, «земледельческой» интеллигенции¹⁶¹, резко противопоставили себя существовавшим кадрам интеллигенции. «Адвокатское же сословие» просто подверглось травле, т. к. в глазах крестьянина адвокат был фигурой, игравшей роль защитника эксплуатации деревни городом и государством.

Интеллигенты были недовольны грубым вмешательством «некомпетентных мужланов» в сферу их деятельности и стремились избавиться от их опеки. Но в общем лишь часть из них, главным образом связанная с буржуазной средой, перешла на позиции открытой борьбы с режимом БЗНС, составив одну из активных сил в стане врагов правительства А. Стамболийского. Дело в том, что интеллигенция, формировавшаяся в такой мелкобуржуазной в целом стране, как Болгария, в значительной степени не успела еще порвать связей с народом и превратиться в элитарную прослойку интеллектуалов. Более того, для всего развития болгарской интеллигенции в XX в. характерно, что большая ее часть связала

---

¹⁶⁰ St. Palmer, R. King. Yugoslav Communism and the Macedonian Question. Hamden, 1971. p. 39

¹⁶¹ Для этого при Софийском университете были открыты агрономический, ветеринарный и медицинский факультеты, созданы лесная и торговая академии.

свои чаяния с чаяниями рабочих, трудящихся крестьян, народных масс и накануне второй мировой войны включилась в борьбу за мир, демократию и социализм — черта, довольно необычная для интеллигенции буржуазных стран¹⁶². Этот аспект развития болгарской интеллигенции представляется тем более важным, что в ряде стран роль интеллигенции в формировании фашистской идеологии, а затем и ее пропаганда была очень велика.

И в Болгарии реакционные ее представители не ограничились словесным возмущением. Члены появившегося в 1921 г. общества молодых интеллигентов «Отец Паисий» решили «делать то же, что в Италии»¹⁶³. Чуть позже в университете сбивается кучка профессоров, устанавливающая связи с реакционными военными. Это — не случайные связи: интеллигенция выделяет из своей среды целую группу настроенных наиболее реакционно, которые готовы не только принять участие в кампании против правительства Стамболийского, но и в подготовке идеологической платформы борьбы с ним, а также готовы оказать поддержку плану государственного переворота.

Очень важная роль во фронте врагов режима Земледельческого союза принадлежала царю Борису III.

Правительство БЗНС не посягнуло на институт монархии. Хотя Р. Даскалов и некоторые другие деятели БЗНС были против примирения с монархией, против царя Бориса, взгляды А. Стамболийского по этому вопросу возобладали. Стамболийский же, боясь внутренних и международных осложнений и испытывая непосредственное давление со стороны представителей великих держав, стремившихся всячески поддержать авторитет монархии в Болгарии, не решился форсировать реализацию республиканских лозунгов. Более того, с течением времени он стал видеть в царе Борисе, умело подлаживавшемся под характер премьер-министра, своеобразную защиту и опору, в том числе защиту от Военной лиги, готовившей государственный переворот¹⁶⁴. Видимо Стамболийский проявил излишнюю доверчивость, считая царя человеком, неспособным действовать, слишком рассчитывал на «смирение» монарха, на его согласие «царствовать, но не управлять».

В этом отношении Стамболийского к царю Борису заключался элемент большого политического просчета, ибо, в конце концов,

¹⁶² Н. Ф и л ч е в. Интеллигенция в Народной Республике Болгарии. С., 1964. с. 46.

¹⁶³ Н. Г е н ч е в. Нужни са сериозни изследвания за фашизма в България. — Исторически преглед, 1968, № 4, с. 90.

¹⁶⁴ А. С т а м б о л и й с к и. Земледелско управление. с. 123.

именно Борис III оказался едва ли не единственной фигурой в болгарском политическом мире, способной действовать не вообще, а на основе трезвой оценки положения, умеющей выбрать благоприятный момент для такого действия, опереться на нужных людей. Тщеславный и честолюбивый монарх не мог согласиться с тем, что единственное, что он мог себе в открытую позволить, были советы, призывы к умеренности. С ними Стамболийский не считался. Царские биографы свидетельствуют: советы Бориса III не ценились и не уважались в должной степени, царь Борис был бессилён изменить что-либо¹⁶⁵.

Никто не мешал, однако, царю пристально следить за развитием событий в стране. Не удовлетворяясь информацией дворцовой канцелярии и министерства иностранных дел, он ежедневно получал весь комплект софийских газет, в том числе коммунистических. Были у царя и специальные люди, снабжавшие интересовавшими его сведениями. Это позволяло Борису ориентироваться во всех перипетиях внутривластной борьбы¹⁶⁶. Он искал силу, на которую мог бы опереться для возвращения себе действительной власти. Военный по образованию, формальный (по конституции) главнокомандующий болгарской армией царь стремился сделать своей опорой прежде всего Военную лигу. Эта задача оказалась вполне осуществимой, особенно после того, как во главе лиги стал И. Вылков, который ничего не предпринимал без ведома монарха¹⁶⁷.

Однако одной Лиги было недостаточно. Царь не мог не видеть слабости ее политических позиций, отсутствия сколько-нибудь массовой поддержки планов государственного переворота. В начале 20-х гг. исторически существовал уже опыт Капповского путча в Германии. Предпринятый в марте 1920 г. узкой группой военных заговорщиков, путч потерпел поражение из-за сопротивления, которое было ему оказано со стороны рабочих и крестьян. Кроме того, влиятельные круги немецкой буржуазии, считая путч несвоевременным, не оказали военным поддержки. Капповский путч про-

---

¹⁶⁵ Н. В. Борис III, цар на българите. Животописание и бойна дейност. С., 1926. с. 144; Н. И л и е в. Борис III, цар на българите. С., 1940. с. 48.

¹⁶⁶ N. P. Nikolaev. Le règne et la mort de Boris III, Roi des Bulgares (1894—1918—1934). Uppsala, 1952. p. 106.

¹⁶⁷ Позже современники напишут о нем: «... Вылков в качестве начальника Картографического института исполнял роль связного между царем и лигарями. Он, Вылков, был человеком медлительным, ограниченным. Он не принимал ни одного решения без того, чтобы не уведомить царя и не получить его согласия». Слова эти приписываются Кимону Георгиеву. См. И в. М и х а й л о в. Спомени. Т. 2. Брюксел, 1965. с. 267.

демонстрировал всю рискованность попытки устранить существующее правительство, а тем более удержать власть, в расчете только на военную силу, без опоры на массы или хотя бы на определенную политическую группировку. Он показал необходимость введения в игру политических сил, стремящихся к тому же результату, что и военные, но с помощью иных методов¹⁶⁸.

Вряд ли Капповский путч, произошедший в Германии, где пребывал изгнанный из Болгарии отец Бориса Фердинанд, мог пройти мимо внимания болгарского царя¹⁶⁹. Результаты же такого путча не могли не интересовать Бориса с чисто практической точки зрения: Военная лига готова была действовать немедленно.

Так или иначе царь Борис не торопился дать санкцию на военный переворот, особенно в первый период существования режима БЗНС. Акция откладывалась несколько раз, причем наиболее рьяные сторонники переворота чувствовали себя чуть ли не обиженными осторожным отношением царя к планам военных, считали, что царь замедлял, если не сказать, саботировал переворот. А царь Борис выжидал, пока «для действия наверняка» не сложатся благоприятные условия. Он зондировал почву в разных кругах общества, по тем или иным причинам недовольных «земледельческим» режимом, искал контактов с представителями буржуазных оппозиционных партий. При этом он стремился быть не только в курсе дел, но и оказывать направляющее воздействие на ход событий, и оказывать его таким образом, чтобы самому оставаться за кулисами.

Подводя итоги, отметим, что круг врагов «земледельческого» правления был весьма широким и многочисленным. Но ни одна из сил, противостоявших режиму БЗНС, не могла рассчитывать на успех в борьбе против правительства БЗНС в случае самостоятельных действий. Объединению же их воедино мешала политическая и социальная разношерстность компонентов, составляющих враждебный БЗНС лагерь. Однако тенденция к сплочению сил реакции постепенно пробивала себе дорогу. Одним из факторов решающего значения в этом отношении было установление

---

¹⁶⁸ Подробнее см. Ф. И. П а н к е в и ч. Капповский путч в Германии. М., 1972.

¹⁶⁹ Весьма интересными в связи с этим представляются сведения о том, что Фердинанд, находясь в Германии, вращался в наиболее реакционных кругах. Немецкий генерал Сект, осведомленный о готовящемся выступлении военных во главе с Каппом, фактически ставил об этом в известность Фердинанда: «Среди правых кругов в Германии, — писал он ему, — многие являются сторонниками насильственной акции против правительства». (Цит. по: Ф. И. П а н к е в и ч. Указ. книга, с. 53).

союза между Военной лигой и монархом, в котором негласно царь с появлением Вылкова в качестве руководителя офицерской организации стал играть главенствующую роль. Для Военной лиги оформление военно-монархического союза явилось завершением определенного этапа в ее развитии и привело к росту шансов военных играть одну из важнейших ролей в политической жизни страны.

Помимо этого первого серьезного шага свою роль в стягивании сил реакции играли контакты между определенными кругами военных и реакционной интеллигенции и между ними и националистическими организациями.

* * *

Конец 1921 — начало 1922 г. стали переломным моментом в развитии режима БЗНС. Под влиянием внутренних и международных трудностей, усугублявших положение, в условиях, когда повсюду в Европе стали появляться признаки начинавшегося отлива революционной волны, процесс «скатывания назад»¹⁷⁰ Земледельческого союза приобрел необратимый характер.

Правда, правительству БЗНС еще удавалось в кое-каких направлениях вести наступательную политику и добиваться успехов (референдум по вопросу о виновности прежних министров в национальных катастрофах осенью 1922 г., победа на выборах в апреле 1923 г.). И тем не менее не будет ошибкой утверждать, что главным содержанием этого второго периода деятельности правительства БЗНС было отступление. Оно совершалось под нажимом международного капитала, противостоять ультимативным требованиям которого «земледельцы» не были в состоянии — итогом была отмена или изменение важнейших государственных актов, а с конца 1922 г. и переход к более жесткому курсу в отношении коммунистической партии¹⁷¹, что способствовало полной политической

---

¹⁷⁰ В. И. Ленин говорил в 1919 г.: общий ход революции показал, что «бывали краткосрочные диктатуры трудящихся, поддержанные временно деревней, но не бывало прочной власти трудящихся; все в короткое время скатывалось назад. Скатывалось назад именно потому, что крестьяне, трудящиеся, мелкие хозяйчики своей политики иметь не могут, и после ряда колебаний им приходится идти назад» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 43. с. 140—141).

¹⁷¹ Опираясь на новые документы, Й. Митев приходит к выводу, что Англия и Франция, недовольные контактами А. Стамболийского с советскими дипломатами на Генуэзской конференции (апрель—май 1922 г.) заявили болгарскому премьер-министру, что нужно прекратить преследование врангелевцев в Болгарии и что, поскольку «игра Болгарии в коммунизм более не

изоляции БЗНС. Оно было также следствием внутренней противоречивости, колебаний, недостаточной последовательности всей деятельности «земледельцев». Оно происходило в результате кризисных явлений в самой правящей партии и в правительстве А. Стамболийского. В конце 1922 г. в БЗНС оформилась оппозиционная группа правых, возглавленная министрами М. Турлаковым, К. Томовым, Х. Маноловым. Вскоре они были выведены из состава совета министров и исключены из Земледельческого союза за поддержку связей с буржуазными кругами, что расценивалось как предательство интересов БЗНС, и за использование власти в корыстных целях. Кроме того, с поста министра был уволен Р. Даскалов, домогавшийся, якобы, полного сосредоточения власти в своих руках¹⁷². Месяцем позже из кабинета были удалены А. Радолов, неразделявший официальных взглядов относительно характера и направления внешнеполитического курса, и Ц. Бакалов, один из ближайших сподвижников А. Стамболийского.

Разрешение кризиса кабинета не означало действительного оздоровления правительства. Некоторые министры не гнушались связями с членами царской семьи, другие проявляли колебания, непоследовательность. На линию поведения части министров сильное влияние оказывали постоянные угрозы расправы, исходившие от ВМРО. Хотя эти угрозы адресовались непосредственно лишь двум-трем членам кабинета, страх быть убитыми из-за угла сковывал деятельность остальных. Недаром так трудно оказалось найти кандидата на пост министра внутренних дел: несколько человек, которым последовательно было сделано соответствующее предложение, ответили отказом.

Членам правительства не хватало компетентности, давало себя знать отсутствие политического и государственного опыта. При этом фактическая неограниченность власти Земледельческого союза в центре и на местах открывала большие возможности для злоупотребления ею. Широкое распространение получило взяточничество, использование власти в личных целях, что, конечно,

---

может быть терпима», необходимо ограничить свободу деятельности БКП (И. М и т е в. Девети юни 1923 г. . . с. 24, 27).

¹⁷² Причины отставки Р. Даскалова до сих пор остаются невыясненными. По предположению Й. Митева, недоразумения между А. Стамболийским и Р. Даскаловым могли возникнуть из-за интриг правых элементов БЗНС, стремившихся поссорить двух лидеров. С другой стороны, некоторые косвенные данные свидетельствуют, по мнению того же автора, о том, что увольнение Р. Даскалова с поста министра внутренних дел произошло под давлением стран Антанты, настаивавших на передаче этого поста другому лицу. (И. М и т е в. Девети юни 1923 г. . . с. 27).

отрицательно сказывалось на крепости административного аппарата, всех его звеньев, как старых, так и новых. Нередко «земледельцы», созываемые по какому-либо поводу из деревень в город, позволяли себе просто анархические действия, которые отнюдь не способствовали политической стабильности режима.

В итоге режиму БЗНС противостояли не только его политические противники в лице буржуазных и мелкобуржуазных партий, а также националистических организаций и царя, не только такие социальные прослойки, как реакционное офицерство и реакционная интеллигенция. Опаснейшим его врагом было отсутствие в нем внутреннего единства и дисциплины, отсутствие слаженности в государственном аппарате, нередко саботировавшем мероприятия правительства, и даже автономность некоторых его звеньев (например, столь важного, каким является армия).

Попытка «земледельцев» создать партийную вооруженную силу — «оранжевую гвардию», оказалась малорезультативной. Гвардия, насчитывавшая, по свидетельству современников, около тысячи солдат-добровольцев, не имела опытных командиров и не была соответствующим образом обучена. Использовалась она главным образом для манифестационных целей и не могла служить надежным стражем режима БЗНС.

Фактически не выполнял своих функций и отдел «Общественной безопасности» Дирекции полиции: ни один из заговоров против безопасности Стамболийского не был расследован, участники их не были наказаны, так же как и участники многочисленных покушений, в том числе на членов совета министров.

Если учесть, что и международный капитал занимал в отношении режима БЗНС недвусмысленно враждебную позицию, а отечественная буржуазия сохраняла свою экономическую мощь, поскольку меры «земледельцев» против нее были не более, чем паллиативом, становится понятным, почему «земледельческий» режим при всей массовости его социальной опоры оказался беспомощным перед лицом реакции, собиравшей силы для окончательного избавления от «диктатуры простолюдинов».

* * *

Из своеобразия исхода революционной ситуации 1918—1919 гг. в Болгарии проистекала и специфичность попытки преодолеть в этой стране кризис буржуазного парламентаризма. Сам режим БЗНС был попыткой такого рода. И хотя «земледельцы» не сходили с капиталистической основы, этот опыт БЗНС болгарскую буржуазию не устраивал. Она хотела взять дело укрепления

своих расшатанных позиций в собственные руки. Определенную активность в этом направлении проявляли и милитаристские силы, стремившиеся стать массовыми организациями и взять на себя ведущую роль в решении политических судеб страны. Лютая контрреволюционность, национализм и шовинизм, тяготение к установлению «надклассовой и надпартийной» власти — на этой основе постепенно все более выкристаллизовывалась сущность Военной лиги, как милитаристской организации фашистского типа.

Вместе с тем и в режиме Земледельческого союза проявились некоторые из черт, характерных для того времени вообще, когда повсюду в странах капиталистического мира буржуазия в поисках пути для преодоления кризиса буржуазного парламентаризма, кризиса буржуазного государства пересматривала арсенал прежних средств осуществления власти — в новых условиях они были явно недостаточны.

Обновление идей, методов и средств осуществления власти, с помощью чего буржуазия стремилась удержать свое господство, имело самое непосредственное отношение к вопросу о позиции мелкой буржуазии — одной из самых многочисленных категорий населения капиталистических стран, выведенной революционными событиями из состояния политической пассивности. Найти пути к ней, завоевать ее на свою сторону, удовлетворить ее запросы, то революционные, то реакционные — в зависимости от обстоятельств — все это означало для буржуазии возможность во многом преодолеть тупик, в котором она оказалась в результате кризиса буржуазного либерального государства. Не случайно эти вопросы занимали одно из важнейших мест в практике фашизма, как идущего к власти, так и пришедшего к ней, так же как и в практике политиков, не прибегавших к столь крайним средствам, но стремившихся приспособить буржуазное государство к послевоенным условиям существования с помощью специальных программ обновления, самым ярким примером чего может служить «новый курс» Ф. Рузвельта конца 20-х — начала 30-х гг.

Что касается фашизма, то роль мелкой буржуазии в нем была настолько велика, что в течение какого-то времени фашизм считали вообще мелкобуржуазным движением. Но мелкая буржуазия играла в нем всего лишь служебную роль, за исполнение которой она получала определенные льготы и привилегии социального и экономического порядка. Сколько бы фашисты не рекламировали свои «заботы» о мелкой буржуазии, высшими интересами для них оставались интересы совсем иных групп общества, а они, как правило, не имели никакого отношения к мелкой буржуазии.

В Болгарии благодаря трехлетнему правлению БЗНС в этом отношении сложилась специфическая ситуация. В практическом, социальном плане правительство БЗНС сделало так много для мелкой буржуазии, ее деревенской части особенно, что за годы правления Стамболийского мелкобуржуазные массы Болгарии в преобладающей своей части оказались в лагере сторонников глубоко демократического режима, стали его главной опорой и поддержкой. А это означало необычайное усложнение проблемы создания массовой опоры для формировавшихся фашистских сил Болгарии.

Консолидация сил реакции и военно-фашистский переворот 9 июня 1923 г.

1. Создание легальных центров борьбы против правительства БЗНС. Программные установки „Конституционного блока“

Буржуазные партии, стремясь парализовать процесс их вытеснения с политической арены, начали объединяться. В мае—ноябре 1920 г. слились народно-либеральная, младо-либеральная и либеральная радославистская партии, в результате чего образовалась национал-либеральная партия. Осенью 1920 г. произошло слияние двух наиболее реакционных партий — народной и прогрессивно-либеральной, образовавших объединенную народно-прогрессивную партию¹. Нынешнее состояние изучения вопроса о перегруппировке в лагере буржуазии не позволяет говорить о том, сопровождалось ли объединение некоторых партий какими-либо существенными качественными изменениями их. Можно только отметить, что во главе основных буржуазных партий, существовавших с довоенных времен, оставались, как правило, прежние кадры.

Вместе с тем налицо было стремление буржуазии мобилизовать в поисках выхода из политического кризиса, в котором она оказалась, арсенал ее идейных средств. На съездах партий, на страницах буржуазной печати все чаще начали звучать высказывания о роли государства и парламента в условиях режима БЗНС и после его, как надеялись буржуазные партии, устранения. Но сколь нестроен этот хор! И хотя все партии — от объединенной народно-прогрессивной, в которой задавали тон представители круп-

---

¹ Я р. Й о ц о в. Управлението на Земерделския съюз. 1919—1923. — Исторически преглед, год. VII, № 3. С., 1951, с. 252.

ного капитала, до мелкобуржуазной радикальной — тянули одну мелодию: восстановить «порядок и законность» в стране, каждая из них по-своему интерпретировала эту мелодию.

Одним из наиболее распространенных становится тезис о необходимости усиления роли государства. Но если народняки и демократы² в общем считают, что усиления государства можно достичь путем укрепления его конституционно-парламентарных основ, то национал-либералы уже в 1921 г. говорят об «открытой буржуазной диктатуре», а радикалы стремятся к ликвидации монархии и переходу к республиканскому строю³. По мнению последних, новое государство должно «нести на себе отпечаток трудовой политико-социальной организации»⁴.

Различное толкование получают и такие «обновленные» идеи, как идея о посреднической роли государства в отношениях между трудом и капиталом. Крупные буржуа, входившие в народняцкую партию, провозглашают одной из главных функций государства защиту интересов капитала от чьих-либо посягательств на него. Для представителей радикальной партии, наоборот, объектом такой защиты являются «экономически слабые слои»⁵.

Широкое хождение приобретает в буржуазных кругах также идея нации как единого общественного организма. Однако если для народняков нация — это исходный пункт для тезиса об «общественной солидарности» и гармонии интересов труда и капитала, то национал-либералы идею нации кладут в основу проповеди национализма и шовинизма, а демократы используют ее для выдвижения лозунга экономического равенства людей всех социальных разрядов⁶.

Так же мало единства между буржуазными партиями в вопросе о судьбе парламента. Наряду с тезисом о необходимости укрепления этого института (демократы), циркулирует идея о реорганизации его в двухпалатный орган (национал-либералы). Радикалы высказываются за превращение парламента в «экономический», с представительством в нем по профессиям, и в этом отноше-

---

² В демократическую партию входили представители как крупного, так и среднего промышленного капитала.

³ С. т. Р а д у л о в. Кризата в общественно-политическите възгледи на буржоазната демокрация в България (1919—1923). — Академия за обществени науки и социално управление при ЦК на БКП. Научни трудове. Серия «История», т. 52. С., 1972, с. 56, 71, 124, 126.

⁴ Радикал, 31. III. 1921.

⁵ С. т. Р а д у л о в. Кризата. . . с. 57—58, 129.

⁶ Там же, с. 110, 116—117, 124, 139—140.

нии их взгляды оказываются созвучными со взглядами крайне реакционной национально-либеральной партии⁷.

Подобные представления на протяжении нескольких лет эволюционируют, претерпевают те или иные изменения. Кроме того, внутри каждой партии постепенно формируются более правые группировки со своим идейным профилем.

Муассирование этих идей со всей разновариантностью их толкования отражало тенденцию к обновлению идейной оснастки буржуазных партий, стремление буржуазии по-своему приспособиться к значительно изменившимся условиям ее послевоенного существования. Однако в целом эти идеи оказались для болгарской буржуазии не более чем строительным материалом, ибо ни одна буржуазная партия не смогла сложить из него нужного ей здания — создать на основе «обновленных» идей программу преодоления кризиса буржуазно-парламентарного государства, убедительную для более или менее широких слоев общества, программу, которая могла бы стать руководством к действию. В этом, несомненно, проявилась растерянность болгарских буржуазных партий перед лицом кризиса, их идейная и политическая слабость.

С конца 1920 г., когда характер власти БЗНС с ее мероприятиями против крупной буржуазии стал очевиден и не мог вызывать уже никаких кривотолков, с одной стороны, а с другой, когда революционная волна спала и подъем борьбы трудящихся перестал быть непосредственной угрозой, буржуазные партии начали открытую борьбу против правительства А. Стамболийского. Газеты наполнились антиправительственными материалами, но, не имея конструктивной программы, буржуазные партии, оппозиционные режиму БЗНС, не имели и ясности в вопросе о методах устранения этого режима. Правда, буржуазные политические деятели все более отчетливо понимали, что без объединения сил буржуазных партий успеха в борьбе против «земледельческого» режима им не добиться. Но в подходе и к этой проблеме проявилось то же отсутствие единства мнений. Так, народняки считали необходимым полное объединение партий вплоть до их слияния в одну, которой принадлежала бы монополярная роль на политической сцене. Демократы соглашались лишь на межпартийную коалицию, а радикалы в большей своей части вообще не были склонны идти на какое-либо объединение⁸.

---

⁷ Ст. Радулов. Кризата... с. 119—120, 129.

⁸ Там же, с. 63, 89, 100.

В поисках союзника отдельные буржуазные деятели обращались к царю Борису, стремясь побудить его к активным действиям. Царь выслушивал сочувственно, но, считал, что на политически слабую, раздробленную оппозицию надежды невелики. Личный секретарь Бориса III констатировал: «Партии оппозиции оставались разобщенными, они казались неспособными сформировать блок, который единственно мог заменить диктатуру Стамбульского»⁹.

В качестве другого возможного союзника всплывала ВМРО. Во всяком случае Ат. Буров, лидер народняцкой партии, один из наиболее реакционных деятелей, проводил зондажи в этом направлении¹⁰. Определенные надежды связывались также с врангелевскими частями, которым в 1921 г. правительство Стамбульского под прямым нажимом Антанты, продолжавшей «шефство» над антисоветскими силами, разрешило расквартироваться в стране. Прибывшие в Болгарию войска белогвардейцев фактически не были разоружены, сохраняли качества боевой единицы¹¹.

С появлением в Болгарии готовой вооруженной силы, руководимой контрреволюционными генералами, отмечено оживление деятельности буржуазных оппозиционных партий. В честь белогвардейцев стали устраиваться банкеты, молебны, возникли комитеты болгаро-русского сближения. Особую активность в этом отношении проявляли деятели демократической и народно-прогрессивной партий, но контакты с руководством белогвардейцев осуществляли также представители Военной лиги, духовенства¹². Контакты между врангелевскими офицерами и представителями болгарской реакции происходили и в форме тайных совещаний, что породило тревогу по поводу возможного государственного заговора¹³. Коммунисты, имея в виду угрозу дальнейшего раз-

⁹ N. P. Nikolaev. Op. cit., p. 39.

¹⁰ И в. Михайлов. Спомени. Т. 2. с. 221.

¹¹ Численность белогвардейских войск в Болгарии в литературе не уточнена. Если судить по секретной сводке штаба врангелевцев, то в январе 1922 г. в их кадровых частях находилось 6708 офицеров и 12 457 солдат. Вместе с военнослужащими различных подсобных военных организаций на территории Болгарии имелось в это время около 21 тыс. вооруженных белогвардейцев. В их распоряжении было около 25 тыс. винтовок, 156 пулеметов, около 1,5 млн. штук патронов (См. А. Н. Киршевская. Падение правительства Земледельческого союза в Болгарии. — Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. XI. М., 1955, с. 69). Согласно сведениям болгарского Военного министерства, в стране находилось 15 040 солдат и офицеров белой армии, а по данным Советского Красного креста — свыше 30 тыс. «Октябрь и болгарские интернационалисты». М.—С., 1973. с. 114.

¹² Г. И. Чернявски, Д. Даскалов. Борбата на БКП против врангелисткия заговор. С., 1964. с. 80—85.

¹³ В литературе, даже специальной, существует мнение, что белогвар-

вития контактов между русскими и болгарскими реакционными силами, имея в виду вообще опасность пребывания в стране контрреволюционных иностранных военных контингентов, фактически не подчинявшихся законам страны, имея в виду и то, что их пребывание способствовало общему подъему реакции в Болгарии, развернули обширнейшую кампанию за разоружение армии Врангеля, за изгнание ее штабов из Болгарии, за создание условий для возвращения русских солдат на родину, за установление экономических, политических и культурных отношений с Советской Россией. Преодолевая частично собственные слабости, они пошли в этой борьбе на единые действия с Земледельческим союзом. Партийный совет БКП (т. с.), заседавший 12—13 апреля 1922 г., принял специальную резолюцию, в которой говорилось: «Хотя никакое политическое соглашение между Коммунистической партией и Земледельческим союзом сейчас невозможно, техническое сотрудничество между ними допустимо»¹⁴. Правда, формального соглашения о единстве действий заключено не было, но, по оценке В. Коларова, весной 1922 г. в Болгарии фактически

дейское руководство при содействии буржуазных болгарских партий готовило переворот с целью изменения государственного строя Болгарии (см. напр., указ. книгу Г. Чернявского и Д. Даскалова, с. 74, 75). Между тем подлинных документов, в которых были бы зафиксированы конкретные планы государственного переворота в Болгарии, задуманного врангелевскими генералами и руководством болгарских оппозиционных сил, до сих пор не обнаружено. Авторам приходится оперировать в основном материалами пропагандистского свойства, почерпнутыми из прессы, из выступлений депутатов парламента и т. п. Обнаруженный же протокол тайного совещания 28 марта 1922 г. не подтверждает, что на этом сборище «обсуждались меры по усилению конспирации в связи с подготовкой к открытым действиям» (Указ. книга. с. 105), ибо среди многочисленных цитат из этой записи, приводимых Г. Чернявским и Д. Даскаловым, нет ни одной, которая подтверждала бы готовность болгарской буржуазии и врангелевцев к «открытым действиям». Совещание же, как можно судить по тону выступлений большинства его участников, стало, главным образом,говорильней для представителей эмигрантов-белогвардейцев и болгарской оппозиционной буржуазии, стремившихся взбодрить друг друга. Нельзя упускать из вида, что армия Врангеля к весне 1922 г. была далеко не монополитной, в ней уже отмечались признаки брожения, которое спустя короткий промежуток времени привело к ее разложению. Активизация этого процесса содействовала работа болгарских коммунистов внутри белогвардейских войсковых единиц. С другой стороны, Врангель, увязывавший свои планы с Антантой, не мог не учитывать определенной стабилизации положения Республики Советов к 1922 г. Наконец, сама болгарская реакция была еще далека от консолидации, от выработки политических перспектив, связанных с устранением «земледельческого» режима. Поэтому правомернее, на наш взгляд, говорить о врангелевском заговоре весной 1922 г., исходя из общего, широкого, а не конкретного значения слова «заговор».

¹⁴ БКП в резолюции и решения. . . Т. II, 1951. с. 159.

возник единый фронт рабочих и крестьян¹⁵. Результаты не замедлили сказаться: в середине мая 1922 г. было арестовано и выслано из страны около 150 высших врангелевских чинов. Вслед за обезглавливанием белогвардейской армии Врангеля она была разоружена.

Пока буржуазные политики думали-гадали, какой путь борьбы против правительства Стамболийского предпочтительнее, военные довели до стадии организационной свою идею создания новой легальной политической силы. Весной 1922 г. заявил о своем существовании «Народный сговор». Это была узкая по составу организация, своеобразный симбиоз реакционно настроенных военных и интеллигентов, а также представителей крупного капитала, взаимное тяготение которых друг к другу возникло значительно раньше¹⁶.

Иностранные газеты писали о «Народном сговоре» как о беспартийной политической группе, в которой объединились противники режима Стамболийского, о том, что ее ядро составляли интеллигенты и офицеры запаса¹⁷. Во главе новой организации стал Александр Греков, юрист, считавшийся беспартийным. Характерно, что будучи в свое время секретарем дворцового политического кабинета, он имел связи с царем¹⁸. Секретарские функции в новой организации были доверены беспартийному профессору Т. Кулеву. Членами «Народного сговора» были также профессора Цанков, Мишайков. Все они еще до официального образования «Народного сговора» встречались в университете со Славейко Василевым, членом руководства Военной лиги¹⁹. Эта группа интеллигентов, особенно Цанков, как говорил на процессе 1954 г. Вылков, вообще имела большие контакты с офицерской средой.²⁰ Вылков подтверждал также, что руководство Военной лиги всецело одобряло создание «Народного сговора» и проводило агитацию среди офицерства в его пользу²¹.

Идейное тяготение их друг к другу и сделало возможным возникновение «Народного сговора». Вошедшие в него реакционные офицеры, реакционные интеллигенты, крупные буржуа стреми-

¹⁵ В. Коларов. Спомени, с. 371.

¹⁶ См. Ст. Радолов. Кризата. . . с. 73—75.

¹⁷ Berliner Tageblatt, 12.VI.1923, Morgen-Ausgabe; Le Temps, 11.VI.1923.

¹⁸ Д. Косев прямо называет царский дворец в числе создателей «Народного сговора» (Д. Косев. Септемврийското въстание 1923 г. С., 1973. с. 66—67).

¹⁹ Й. Митев. Фашисткият преврат. . . с. 86.

²⁰ Из показаний И. Вылкова. — АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 250.

²¹ Там же.

лись устранить правительство БЗНС любым путем и установить в стране власть «твердой руки».

Однако пока что новая организация была очень слабой и в организационном, и в политическом отношениях: число ее членов не превышало 50²², среди них не было ни одного, кто обладал бы солидным общественным авторитетом. Понимая слабость своих позиций, руководство «Народного сговора» не выражало претензий на то, чтобы сделать «сговор» единственным центром борьбы против «земледельческого» режима. Наоборот, наибольшие надежды оно возлагало на традиционные буржуазные политические партии, точнее — на их объединение. Вот почему тематика, связанная с блокированием партий, заняла одно из важнейших мест в органе «Народного сговора» — газете «Слово», как только она начала издаваться.

В начале 1922 г. сплочение буржуазных партий продвинулось на шаг вперед: переговоры между центральными комитетами народно-прогрессивной и демократической партий об их блокировании стали оцениваться печатью как весьма перспективные. Однако переговоры затянулись на несколько месяцев. Проблематичным оставалось включение в союз радикальной партии, руководство которой не склонно было идти на уступки.

Затягивание наметившегося было союза буржуазных партий вызвало недовольство руководства «Народного сговора», которое в ряде материалов, появившихся в «Слове», выражало свою позицию по этому вопросу в весьма категоричных тонах. А. Греков, председатель «Народного сговора», в статье под характерным названием «Веление момента» писал: сплочение партий, прежде находившихся у власти, является железной необходимостью. «Однако взаимопонимание налаживается медленно. . . длительные и безрезультатные переговоры между демократами и народно-прогрессистами, с одной стороны, между демократами и радикалами, с другой стороны, вызвали в общественных кругах недоумение и мучительную тревогу». В конце статьи обеспокоенность сменялась резкостью: эти три партии должны немедленно объединиться, «нынешнее время исключительно, оно требует действий, а не обсуждений»²³.

Определенный нажим содержался и в статье Цанкова, писавшего: «Думаю, что радикалы не имеют никаких оснований держаться в стороне и быть вне такого блока»²⁴.

---

²² История на България. Т. III. С., 1964, с. 85.

²³ Слово, 22. IV. 1922.

²⁴ Там же, 20. IV. 1922.

Руководство «Народного сговора» провозгласило лозунг: сплочение политических сил — единственный путь для спасения страны, и разработало своего рода программу блокирования партий.

Первым этапом такого блокирования должен был быть союз народно-прогрессивной, демократической и радикальной партий. В последующем к ним присоединятся национал-либералы и СДП (широкие), которые пока что, в силу ряда причин, не могут проявлять достаточной активности.

Однако и намеченный первый этап преодолевался с большими трудностями²⁵. За всеми перипетиями этого процесса внимательно следило «Слово», не упуская возможности подтолкнуть его. В частности, когда договоренность между демократами и народно-прогрессистами была достигнута, «Слово» выступило с редакционной статьей, в которой говорилось, что настал час радикалов присоединиться к блоку двух партий. С другой стороны, выдвигалось требование, чтобы уже зафиксированный союз двух партий не остался на бумаге: «решение должно быть осуществлено. . . Понятно, что на этом пути есть трудности, необъяснимо, если они не будут преодолены», — писала газета²⁶.

Наконец, летом 1922 г. союз трех буржуазных партий был достигнут. Он получил название «Конституционного блока», поскольку одной из своих основных задач провозгласил борьбу против «диктаторского режима» БЗНС и за восстановление конституции. Но враждебной силой объявлялся не только БЗНС, а и коммунисты, которые, по мнению Г. Василева, одного из инициаторов создания блока, фактически находятся в негласном союзе с «земледельцами». «А если бы коммунисты взяли власть, — писал Г. Василев, — это означало бы конец болгарского государства»²⁷.

«Конституционный блок» учреждался, кроме того, чтобы в будущем партии, входящие в него, могли взять на себя управление страной. В специальном «Обращении к болгарскому народу», подписанном руководством трех партий, говорилось об этом следующее: «Чтобы создать общественно-политическую силу, способную помешать этим (связанным с деятельностью «земледель-

---

²⁵ Как отмечалось в «Слове» от 17. V. 1922 г., много вопросов должно быть согласовано прежде чем блок станет крепким, ибо «все болгарские партии платят дань давно накопившемуся недоверию и они не могут сразу освободиться от неприятного осадка прошлого».

²⁶ Слово, 16. V. 1922.

²⁷ Там же, 17. V. 1922.

цев» — Р. Г., гибельным для страны замыслам, с успехом вынести спасительную борьбу по устранению нынешнего правительства и дать Болгарии разумное правление, партии — демократическая, объединенно прогрессивная и радикальная — решили объединить свои усилия в конституционный блок для борьбы против правительства и для возможного взятия власти на основе политической программы, принятой всеми тремя»²⁸.

Руководители блока рассчитывали на поддержку своих планов со стороны «всех общественных сил, порицающих политику правительства, на поддержку партий, не входящих в блок, и всей интеллигенции». «Оформление тройного блока, — писал несколько раньше Г. Василев, — будет означать цементирование общего недовольства, борьба усилится и при очевидном разложении дружбашей новая общественная сила с содействием не только партий блока, но и более широких сельских и городских масс, сумеет осуществить смену правления»²⁹.

«Обращение к болгарскому народу» содержало также основные пункты программы «Конституционного блока». В области внешнеполитической выдвигались лозунги миролюбия и лояльности. Одной из главных практических задач партии блока считали реализацию тех немногих положений мирного договора, которые «отвечают интересам болгарского народа»³⁰, а также необходимость добиваться смягчения тяжелых финансовых условий его.

Эти внешнеполитические принципы формально не отличались от тех, которыми руководствовалось правительство Стамболийского³¹. Но партии буржуазии выступали против конкретных шагов «земледельческого» премьера на международной арене, поскольку, по их мнению, они ставили Болгарию в неравноправное положение и в целом не могли обеспечить защиты национальных интересов Болгарии. Поэтому в программе «Конституционного блока» специально оговаривалось, что названные принципы внешней поли-

---

²⁸ Радикал, 15. VII. 1922; Мир, 15. VII. 1922 г. Заинтересованность «Народного сговора» в блокировании буржуазных партий проявилась и в том, что программа «Конституционного блока» была опубликована в «Слове», притом буквально в тот же день, когда она была подписана руководством трех союзных партий. В органе «Народного сговора» публиковались и другие материалы «Конституционного блока».

²⁹ Слово, 17. V. 1922.

³⁰ Имелись в виду пункты о признании прав национальных меньшинств и о возможном предоставлении Болгарии выхода к Эгейскому морю.

³¹ Это признавали и сами «блокари». По мнению одного из них — П. Стайнава, «внешняя политика партий блока, как и любого другого болгарского правительства, в настоящий момент не отличается и не могла бы отличаться от внешней политики земледельческого правительства». (Слово 6. IX. 1922).

тики должны проводиться так, чтобы не ущемлять государственного суверенитета Болгарии.

В разделе о внутренней политике в программе выдвигались требования восстановления «поруганных конституционных прав и свобод»; создания условий, необходимых для воцарения мира, порядка и законности в стране; установления «твердой и сильной власти, опирающейся на народное доверие и действующей в рамках законов»; повышения силы и значения парламента, а также престижа государственной власти; «моральное укрепление нации»; «беспощадная борьба против коррупции»³².

В специальном разделе программы, посвященном экономической политике, фигурировали пункты об улучшении личного состава финансовых органов, о вреде расточительства, о необходимости иметь сбалансированный бюджет и добиться повышения стоимости лева, о неправомерности введения новых налогов и необходимости реформировать существующую налоговую систему с целью «справедливого обложения», о борьбе против дороговизны и другие подобные пункты.

Программа содержала также требования дешевого и легко доступного кредита, «создания для обезземеленного и малоземельного сельского населения жизнеспособных хозяйств из общественных участков и за счет крупных землевладений при справедливой компенсации из хозяев, как это обусловлено конституцией». Первое требование выдвигалось, очевидно, в интересах ремесленников, второе — в интересах крестьянства, обоиться без чего, обращаясь ко всему народу, партии «Конституционного блока» не могли. Но это сделано так небрежно, словно бы вскользь, мимоходом, даже без указания точного адресата в первом случае, что вряд ли могло вызвать доверие. Столь же глухо упоминает программа о рабочих, которым обещает «постепенное введение участия рабочих в доходах предприятий».

В целом скорее можно говорить о наметках программы, чем о ней самой, настолько неразработанной, малоаргументированной она выглядит. Пункты ее со всей очевидностью обнаруживают ее утилитарный, сиюминутный характер. Эта, в лучшем случае, программа-минимум служила одной цели — устранить от власти «земледельцев», передать власть в руки буржуазных партий. Основная мысль составителей «Обращения» — роль буржуазии должна быть восстановлена в государстве вообще, в парламенте в частности, и только таким образом можно добиться повышения авторитета государственной власти и ее органов. В документе не

---

³² Радикал, 15. VII. 1922; Мир, 15. VII. 1922.

выдвигалось никаких положений более широкого плана, в которых отражалась бы попытка традиционных буржуазных партий нарисовать перспективу развития социальных и политических отношений в стране после возможного прихода их к власти, в которых учитывался бы опыт классовой борьбы последних лет, факт пробуждения к политической жизни масс народа. Очевидно буржуазные политические деятели, так и не сумев преодолеть своих идейных разногласий, стремились на данном этапе главным образом лишь к восстановлению прежних порядков. Разве не эта мысль была главной в статье А. Ляпчева, являвшегося одной из центральных фигур «Конституционного блока», с которой он выступил вскоре после опубликования программы! Идеалом блока Ляпчев провозглашал поддержание государства, которое, несмотря на свои недостатки, до недавнего времени имело крепкие основы. Ныне «земледельцы» — продолжал он — представляют собой угрозу самому существованию государства. Необходимо устранить их и «восстановить общественный порядок», «закрепить наши политические достижения»!³³

В целом «Обращение к болгарскому народу» трудно назвать буржуазной программой обновления. Партии «Конституционного блока» выступали в нем прежде всего с позиций реставрации, и в этом они видели главный смысл своей борьбы против правительства БЗНС.

И после выработки «программы» вступившие в союз партии не чувствовали себя достаточно крепкими. А. Ляпчев считал, что основным достоинством блока является его «моральная сила», и отмечал, что «блок еще не организован настолько, чтобы мог предать гласности сведения о числе своих подражателей. . .»³⁴.

Тем не менее для решения стоящих перед ним задач «Конституционный блок» разработал план действий. Прежде всего центральные комитеты партий, заключивших союз, разослали своим организациям циркуляры, в которых содержалась информация о создании блока и о том, что «и в оппозиции, и у власти партии будут работать сообща» при соблюдении представительства на основе «выработанной и принятой таблицы». В циркулярах давалась директива в 15-дневный срок сформировать местные комитеты «Конституционного блока» в составе двух представителей от каждой партии³⁵.

План политических действий блока, основывавшийся на принципе легальности, стоял в проведении серии массовых митингов.

³³ Слово, 26. VII. 1922.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, 15. VII. 1922.

Первой «грандиозной акцией» должен был стать митинг против правительства и в защиту конституции, назначенный на 17 сентября в Тырнове, городе, где в 1878 г. была принята конституция. Затем 1 октября должна была последовать подобная же акция в Пловдиве, а потом и в Софии. Предполагалось, что митинг в столице будет последним выступлением легальной оппозиции, поскольку вся эта митинговая деятельность при решительном вмешательстве царя должна была «сместить» правительство БЗНС.

Военная лига и «Народный сговор» внимательно следили за действиями оппозиционного блока и всячески поддерживали ее. «Слово» охотно предоставляло свои страницы для выступлений буржуазных политиков различной партийной принадлежности и даже гордилось тем, что в газете печатаются наиболее крупные представители буржуазных партий: А. Ляпчев, А. Буров, А. Малинов, П. Стайнов, Г. Василев, Т. Теодоров и др. По мнению руководителей «Народного сговора», сотрудничество в их органе политических деятелей разных партий только подчеркивало его «надпартийный», общенациональный характер.

Полную поддержку оказали Военная лига и «Народный сговор» и готовящейся акции в Тырнове. И не только моральную поддержку! В дневниковых записях одного из офицеров запаса, члена Военной лиги, 12 сентября 1922 г. отмечается: «В отношении борьбы против власти, опасной для отечества, мы не можем только держаться сочувственно. Некоторые из нас отправляются наблюдать предстоящие «операции»³⁶. Во время процесса 1954 г. выяснилось, что по указанию софийского комитета Военной лиги в канун Тырновских событий Русенский гарнизон был приведен в боевую готовность, чтобы при необходимости оказать помощь партиям блока³⁷.

Итак, в сентябре 1922 г. борьба сил, недовольных «земледельческим» режимом, достигла важного рубежа: они объявили открытое, на легальной основе, выступление против правительства БЗНС. Центром, который взял на себя подготовку и руководство

---

³⁶ Лъч, 16. XII. 1928. Публикация в 1928—1929 гг., когда влияние Военной лиги шло на убыль, дневниковых записей бывшего офицера и члена Лиги, участвовавшего в государственном заговоре против правительства Стамбульского, произвела на общественность большое впечатление своей откровенностью. Для историков материалы «Из дневника заговорщика» (автор их пожелал остаться неизвестным) интересны главным образом тем, что передают настроения военных в 1922—1923 гг. и содержат подробности подготовки переворота. Однако, пользование ими требует большой осторожности, поскольку «Дневник» мог быть и ловкой мистификацией.

³⁷ Из показаний бывшего члена Военной лиги Кефсизова. — АМВР, II сьд., д. 1556, т. VI, л. 225.

этой попыткой устранить «земледельцев» от власти был блок трех буржуазных партий легальной оппозиции, имевший контакты с военными и рассчитывавший на них и на вмешательство царя в свою пользу.

2. Программные положения „нового политического фактора“ — „Народного сговора“

«Народный сговор», поощрявший сплочение буржуазных партий и поддерживавший «Конституционный блок», не терял при этом качеств самостоятельной политической единицы. Это относится не только к его организационному существованию. Синтезирование реакционных военных и интеллигентов, а также крупных буржуа в составе одной организации способствовало оформлению общих для них идеологических принципов. В том или ином виде идеи, легшие в основу их, существовали и прежде, они активно муссировались и деятелями «Конституционного блока», но только с образованием «Народного сговора» и при составлении его программы эти принципы получили известную определенность и направленность.

В отличие от платформы «Конституционного блока», содержание которой в общем означало идейное топтание большинства традиционных буржуазных политиков на одном месте и выражало их в то время не более, чем реставраторские планы, программные установки «Народного сговора» были разработаны с гораздо большей тщательностью и были оснащены рядом положений, важных не только с точки зрения устранения правительства БЗНС, но и с точки зрения функционирования будущей государственной власти.

Трибуной для пропаганды идей «Народного сговора» стала газета «Слово». Уже первый ее номер, вышедший 10 апреля 1922 г., вводил читателя в курс «Нашей программы». Однако тогда основные требования новой организации были сформулированы еще весьма аморфно и нечетко. В значительно большей степени деятелям «Народного сговора» это удалось сделать спустя некоторое время: с 3 июля по 11 августа 1922 г. в «Слове» были опубликованы 5 статей, каждая из которых была посвящена одному из разделов программы организации (внешней политике, внутренней, экономической, финансовой и социальной).

Сравнение программных положений «Народного сговора» и «Конституционного блока», касающихся внутренней политики,

обнаруживает полное совпадение в них некоторых пунктов (требования восстановления конституционных прав и свобод, соблюдения парламентских форм и т. п.) и гораздо более сильное звучание в программе «Народного сговора» некоторых других. Так, если в программе «Конституционного блока» об идее государства говорилось мимоходом, то именно эта идея была выдвинута на первое место в программной статье «Слова». Делая на ней ударение, руководители «Народного сговора» и формулировали ее весьма энергично: «всех граждан должно объединять нечто общее, а именно: верховная идея, смысл которой — государство должно быть поставлено над всем»³⁸.

Такое государство, продолжало «Слово», отрицает всякую сословность, равно как и диктатуру в любой ее форме³⁹. Нет сомнений, что программные требования «Народного сговора» были отрицанием не только сословий (упор на это был естественным в обстановке «земледельческого» режима, основывавшегося на сословной идеологии), но и классов, интересы которых должны были нивелироваться перед общегосударственными интересами.

Мотив создания сильных партий звучал со страниц «Слова» также гораздо более сильно, чем в программе «Конституционного блока». Орган «Народного сговора» напористо подчеркивал, что стремлением внутренней политики должно быть «создание сильных партий. . . , ликвидация политической раздробленности, размельченности и бессилия, сплочение усилий крепких партий. . . »⁴⁰.

Особенно велик контраст в степени разработанности программных положений «Конституционного блока» и «Народного сговора» в той их части, которая касается экономической, финансовой и социальной политики. В этом отношении важно подчеркнуть, что «Слово», формулируя экономическую программу, обращалось ко всем остальным группам населения страны, и в первую очередь к крестьянству. Крестьянам, не имеющим земли или имеющим ее в недостаточном количестве, обещалось наделение этим основным средством производства путем «разумной кредитной политики» или отчуждения участков у тех, кто сам их не обрабатывает, а сдает в аренду. Наделение землей провозглашалось предвари-

---

³⁸ Слово, 10. VII. 1922.

³⁹ Отрицание диктатуры не было просто демагогическим приемом, но самым тесным образом было связано с тем, что формирование идеологических принципов крайней реакции происходило в условиях борьбы против специфической крестьянской власти, воспринимавшейся реакционным меньшинством как диктатура. Это способствовало закреплению лозунгов отрицания диктатуры и в более поздних фашистских программах.

⁴⁰ Слово, 10. VII. 1922.

тельным условием проведения широкой аграрной и агрокультурной политики, основанной на современных принципах, организации и развития на научной базе опытного дела, организации агрономической помощи.

Первоочередное внимание земледелию вообще и крестьянству в частности обуславливалось в программе необходимостью учитывать структуру экономики страны.

Далее предусматривалось «гармоничное развитие основных отраслей хозяйства», причем государство должно было покровительствовать «жизнеспособным отраслям, связанным с массовым потреблением и перспективным с точки зрения экономического прогресса всей страны»⁴¹. Специально подчеркивалось, что следует сохранить естественно сложившееся соотношение отраслевой структуры, что «Болгария не имеет претензии стать индустриальной страной». В замаскированной форме эта часть программы была обращена к буржуазии. Подчеркнутый консерватизм этих пунктов должен был отвечать настроениям предпринимателей, стремившихся к стабилизации своего положения и источников дохода в противовес условиям их деятельности при «земледельцах».

И в экономической части программа «Народного сговора» в некоторых пунктах перекликалась с программными требованиями «Конституционного блока», например, с требованием строжайшей экономии средств в связи с тяжелым финансовым положением страны. В программных статьях «Слова» говорилось даже о том, что парламент должен добровольно отказаться от инициативы предлагать новые расходы или увеличивать существующие и что эта инициатива должна принадлежать только министру финансов⁴².

Но были и серьезные различия. Так, военные и интеллигенты, игравшие главную роль в «Народном сговоре», выдвигали пункт о «максимальном налоговом обложении»⁴³, считая его распространяющимся, видимо, и на буржуазию, считая также, что нужно сделать «героические усилия», не постоять перед большими жертвами и лишениями, чтобы сохранить политическую и финансовую независимость Болгарии⁴⁴. В программе же «Конституционного блока» в отношении налогов было записано: «Никаких но-

---

⁴¹ Слово, 25. VII. 1922.

⁴² Там же, 4. VIII. 1922.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Однако требование о «максимальном налоговом обложении» не означало, что «Народный сговор» принимает налоговую систему «земледельцев».

вых налогов и тягот; реформирование существующих налогов с тем, чтобы добиться справедливости обложения»⁴⁵.

Более подробно руководителями «Народного сговора» был разработан и специальный раздел о социальной политике. Последнему термину, не слишком ходкому среди старых буржуазных политиков, давалось такое разъяснение: эгоистические инстинкты капиталистов не позволяют им понять, что необходимо соблюдать интересы рабочих, ибо именно неимущее и малоимущее население является потребителем продукции, без сбыта которой капитал становится мертвым; именно поэтому в отношении труда и капитала необходимо вмешательство государства и «именно это вмешательство мы называем социальной политикой»⁴⁶. В разделе, отличавшемся большим налетом демагогии, разрабатывались основные линии социальной политики, а именно: провозглашались меры по улучшению материального положения рабочих, по охране их здоровья, по созданию условий для их духовного развития. Подвергался также критике резкий контраст в уровне потребления различных слоев общества, что «оказывает большое психологическое воздействие на развитие антисоциальных чувств». А потому одна из задач будущей социальной политики должна состоять в «постоянной и систематической борьбе с роскошеством»⁴⁷.

Отличительной чертой программы «Народного сговора» были пункты, говорившие о роли рабочего в обществе, о том, что место, которое ему отведено в распределении материальных благ, не соответствует его усилиям по их производству. Стремясь привлечь к себе пролетариат, составители программы выдвигали тезис о необходимости участия рабочих в прибылях предприятий и о создании на фабриках и заводах рабочих советов. В них должны были входить представители хозяев и рабочих, а заниматься они должны были вопросами условий труда, отношений между предпринимателями и рабочими, отношений между самими рабочими.

Не были оставлены без внимания и ремесленники, составлявшие значительный слой городской мелкой буржуазии. «Ремесленники, — говорилось в программе, — самая крепкая опора общественного порядка. Они словно бы по инстинкту привязаны к государству и труднее всего поддаются противогосударственным идеям. . .⁴⁸. Стремясь видеть их своими союзниками, руководители «Народного сговора» обещали ремесленникам снижение налогов, организацию профессионального и технического образо-

⁴⁵ Слсво, 15. VII. 1922.

⁴⁶ Там же, 11. VIII. 1922.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, 25. VII. 1922.

вания и — самое главное — предоставление кредита, т. е. в целом реализацию как раз тех требований, с которыми выступали сами ремесленники.

«Забота» обо всех классах общества подводила составителей программы к формулировке важнейшего ее принципа — принципа социального мира. «Народный сговор» ратовал за такое урегулирование отношений между трудом и капиталом, которое «отвечало бы требованиям времени» и создало бы «социальный мир между классами самого общества»⁴⁹. Роль инструмента в регулировании социальных отношений отводилась государству, которое, как мы уже видели, должно было быть поставлено над всем, которое провозглашалось «надклассовым» и «надпартийным». Этим оно должно было отличаться от «прежнего государства», которое оставалось идеалом традиционных буржуазных партий Болгарии и в котором именно им принадлежала руководящая роль.

При всей очевидной преемственности и родственности с платформой традиционных буржуазных партий программа «Народного сговора» содержала в себе элементы иного качества. Идеи, которые в теоретических изысканиях лидеров буржуазных партий существовали разрозненно и в общем почти не прозвучали в платформе «Конституционного блока», составители программы «Народного сговора» сумели мобилизовать и, опираясь на них, предложить более действенный, по их мнению, путь для преодоления кризиса либерального буржуазного общества.

С одной стороны, очевидным было желание «Народного сговора» заручиться поддержкой различных социальных групп общества, добиться значительного расширения своей массовой базы. Отсюда — обращение ко всем общественным слоям, обещания провести экономические и социальные мероприятия в пользу каждого из них, наряду с признанием особого места рабочих в производстве материальных благ и требованием повысить долю малоимущих в потреблении этих благ, наряду с осуждением «роскошества» и «потребительских излишеств».

С другой стороны, характерен сам идеал — «надклассовое», «надпартийное» государство и стремление к установлению в стране власти твердой руки. Очевидно, осуществление такой власти «Народным сговором» означало бы ни что иное, как установление режима фашистского типа, ибо объединение усилий столь реакционных и воинственных деятелей, поддерживаемых хотя бы частью крупного капитала и домогающихся государственного

---

⁴⁹ Слово, 25. VII. 1922.

кормила, а тем более дорвавшихся до него, превращает их в своеобразный генератор фашистских тенденций.

В связи с этим следует подчеркнуть, что идея надклассового, надпартийного государства, ставшая центральной в программе «Народного сговора», обнаруживает несомненную близость с идеей нации, явившейся стержнем программы итальянских фашистов, которые в ноябре 1921 г. образовали свою партию. Идея нации заключалась в том, что именно она, нация, а не классы представляет собой господствующую форму социальной организации современного общества. Отсюда все личные и групповые интересы должны подчиняться высшим интересам нации. Если данное государство не отвечает этим интересам, оно должно быть заменено новым⁵⁰.

Конечно, программа итальянской фашистской партии в начале 20-х гг. была наиболее разработанной в сравнении с программой любой организации фашистского типа где-либо в Европе. И само фашистское движение в Италии, шедшее снизу, было сравнительно массовым и выраженным политическим движением. Однако несоизмеримость масштабов Италии и Болгарии в этом отношении не должна помешать увидеть очевидное родство центральной, стержневой идеи, заложенной в программе партии Муссолини и в программе «Народного сговора». «Народный сговор» — политический симбиоз самых реакционных в то время в Болгарии сил — в 1922 г. делал лишь свои первые шаги, но фашистская окраска его программы была предпосылкой дальнейшей эволюции идеологии этой организации в фашистском направлении.

Правда, уже на раннем этапе условия для этого оказались ограниченными. В самом деле, в Италии, а позже и в некоторых других странах, идея нации, идея объединения всех слоев населения выдвигалась не просто во имя общих интересов народа, но в первую очередь во имя его внешнеполитических интересов, которые искусственно превращались в главные. Социальный мир становился необходимостью не абстрактной, а конкретной, задача его достижения подчинялась важнейшей общенациональной цели. Получив такое направление, фашистская программа вообще, идея нации в частности приобретала в ряде стран большую силу, помогала фашистам завоевать поддержку различных социальных групп.

В Болгарии же в начале 20-х гг. этого не случилось. Конечно, и в программе «Народного сговора» не обходились молчанием

---

⁵⁰ Б. Р. Л о п у х о в. Фашизм и рабочее движение в Италии. с. 142.

внешнеполитические сюжеты. Но поражение Болгарии в мировой войне, условия ее международного существования в первые послевоенные годы фактически свели на-нет возможности формирувавшихся фашистских сил эксплуатировать лозунги активной внешней политики, а, следовательно, «плодотворно» использовать в своих интересах один из психологически наиболее действенных рычагов — идею нации. Все, что могли себе позволить руководители «Народного сговора» в этом отношении, состояло в констатации: Болгария должна выполнять условия Нейиского мира, стараясь по возможности добиться смягчения их, а также стараясь «реализовать тот минимум прав, которые договор дает нам». «Лучшая внешняя политика для Болгарии, — говорилось в программной статье «Слова», — в настоящее время, когда страна расстроена, а мир бурлит, — это политика воздержания и полной корректности в отношении всех государств, скромная политика, вытекающая из нашего положения и наших сил»⁵¹. Правда, материалы о неправильном решении ряда вопросов в результате войн и об угнетении национальных меньшинств в соседних с Болгарией странах не сходили с газетных полос, но в тогдашних условиях они были лишены мобилизующего воздействия.

В итоге программа «Народного сговора» как программа фашистского типа была лишена боевого, активного заряда. Стержневой стала идея сильного надпартийного и надклассового государства во имя внутривнутриполитического идеала — социального мира. В такой интерпретации социальный мир из средства достижения цели представлял собой самую цель, и в таком своем качестве идея социального мира теряла видимый смысл для многих категорий людей, которых должна была примирить и сплотить.

Идейная слабость «Народного сговора» не могла не отражаться и на его политических позициях. Вряд ли вне связи с этими обстоятельствами находится тот факт, что летом — осенью 1922 г. «Народный сговор» и не пытался стать главным центром борьбы против «земледельцев», а согласился на исполнение этой роли «Конституционным блоком». Однако нельзя преуменьшать значение создания «Народного сговора», означавшего появление в Болгарии военно-фашистской организации, сильной своими связями с армией, с царем, с кругами реакционной интеллигенции и с националистическими организациями, а также, как увидим ниже, и с монополистическими кругами.

---

⁵¹ Слово, 3. VII. 1922.

Руководителем и одним из главных идеологов «Народного сговора» после убийства А. Грекова в мае 1922 г.⁵² стал А. Цанков. Поскольку ему принадлежала большая роль в последующих событиях, расскажем о нем подробнее.

Родился А. Цанков в 1879 г. Окончил гимназию, посещал Софийский университет. В качестве стипендиата этого университета продолжал образование за границей, учился в Бреславле (ныне Вроцлав), Берлине, Мюнхене. Одним из его учителей был реакционный немецкий политэконом И. Конрад. Другим был В. Зомбарт, принадлежавший к числу главных идеологов немецкого империализма, а позже и фашизма. В. Зомбарт, в частности, был сторонником теории «трех факторов» (капитала, земли и труда), участвующих в создании дохода, которая изображала буржуазное общество как гармонию классов. Он был также одним из авторов теории «организованного капитализма», фашистских геополитических построений и т. д. Последователем Зомбарта Цанков оставался всю свою жизнь. По возвращении из-за границы Цанков стал преподавать политэкономии в Софийском университете, в 1920 г. был избран его ректором. Одновременно редактировал журнал Болгарского общества экономистов.

Политическая эволюция Цанкова в общих чертах такова. Будучи студентом, вступил в социалистическую партию. В 1902 г. за участие в движении против тогдашнего руссофильского правительства был исключен из университета, годом позже — восстановлен на курсе. Накануне первой Балканской войны выступал на митингах, требуя «автономии для Македонии и войны против Турции»⁵³.

Характерный момент: в июне 1919 г., еще до того как было составлено первое коалиционное правительство А. Стамболийского, Цанков обратился к XV съезду БЗНС с просьбой принять его в Земледельческий союз. По настоянию Стамболийского эта просьба была отклонена⁵⁴. И позже Цанков пытался заигрывать с «земледельцами», стремился внушить им идею о необходимости примирения всех социальных сил, но «лидер крестьянской партии не захотел слушать дружеских советов»⁵⁵. Затем в журнале

---

⁵² Силы, враждебные режиму БЗНС, связывали это убийство с опубликованием в газете «Слово» антиправительственной статьи А. Грекова «Анархия». Другая версия приписывала заинтересованность в устранении Грекова самого монарха.

⁵³ В. А. Жебокрицкий. Болгария накануне Балканских войн 1912—1913 гг. Киев, 1960. с. 206.

⁵⁴ Й. Митев. Фашистският преврат. . . с. 87.

⁵⁵ Le temps, 11. VI. 1923; см. также Berliner Tageblatt, 12. VI. 1923. Morgen-Ausgabe.

Болгарского общества экономистов Цанков стал выступать с позиции резкой критики реформ правительства БЗНС.

С таким политическим багажом вступил он весной 1922 г. в «Народный сговор». Позже он так характеризовал этот шаг: «Я никогда не думал заниматься политикой, я — ученый. В 1921 учебном году я вступил в связь с военными кругами, которые поставили меня во главе движения, имевшего целью свергнуть существовавший тогда режим А. Стамболийского. . .»⁵⁶.

На формирование взглядов Цанкова оказало влияние его участие в деятельности Дирекции по снабжению и общественному планированию (Дирекция за стопански грижи и обществена предвидливост — ДСГОП) — государственно-монополистической организации по регулированию народного хозяйства, возникшей в годы первой мировой войны. Цанков занимал в ДСГОП пост заместителя директора экономического отдела. Свои впечатления о деятельности ДСГОП он попытался систематизировать и даже придать им наукообразный вид, прочитав в 1919 г. специальный курс лекций в Софийском университете. В том же году лекции были изданы отдельной книгой под названием «Последствия войны».

В этой книге Цанков в качестве одного из главных своих постулатов выдвигает право государства вмешиваться в хозяйственную жизнь страны. Экономическую политику Дирекции СГОП Цанков именует социализацией, под которой понимает подчинение интересов частного производства общественным потребностям. Конкретно это означало вот что: «Заставишь крестьянина передать свой скот для пользы другого, чтобы обеспечить общество молочными продуктами, возьмешь у него шерсть и заставишь фабриканта принудительным образом обрабатывать ее, принудишь безработного подчиниться твоим распоряжениям, заставишь хозяина засеять определенные культуры, не руководствуясь его частными интересами, изымешь его продукцию и пр. пр. — все это и есть политика социализации»⁵⁷. Характерно, что по признанию Цанкова наибольших успехов в «практическом осуществлении социализации» ДСГОП добилась не в промышленности и не в торговле, а в сельском хозяйстве, т. е. за счет крестьянства, за счет широких масс народа. Здесь легче было осуществить различные принудительные меры, вплоть до реквизиций. Помимо выгодных сделок и доступа к государственной казне, это было еще одним источником обогащения для участников ДСГОП. И всю эту деятельность

---

⁵⁶ АМВР, VO—42929. Из заявления Цанкова корреспонденту белградской Правды от 7. IV. 1936.

⁵⁷ А. Цанков. Последствия от войната. С., 1919. с. 74.

по организованному ограблению и казны, и народных масс⁵⁸, А. Цанков прикрывает интересами государства, его авторитетом: государство, заявляет он, говоря о политике социализации ДСГОП, выступало при этом суверенным представителем общественных интересов⁵⁹.

Исходной точкой другого важного постулата Цанкова является признание того, что в результате войны повсюду произошла перегруппировка классовых сил. Цанков отмечает возрастание роли пролетариата, роли идей социализма, переставшего быть «далеким идеалом», но превратившегося в «программу, которая должна быть осуществлена». Он констатирует: «Социализм завоевывает сторонников во всех слоях общества и становится настроением народных масс, тех, кто против старого», и тут же предупреждает: «. . . Но именно эта широкая популярность ведет к его профанации и грозит превратить его в кредо деклассированных и тех элементов общества, которые потеряли во время войны моральную устойчивость и которые поминают новый грядущий общественный строй, как строй неограниченного интереса или как строй, опирающийся на односторонние интересы лишь одного единственного класса, строй необузданной свободы и анархии»⁶⁰.

Рецепт, предлагаемый Цанковым во избежание этого зла, таков: социализм должен претерпеть существенную коррекцию, он «по необходимости должен стать несколько буржуазным, а буржуазия несколько социалистической. Взаимное проникновение двух противоположных сил не только желательно, но и обязательно»⁶¹. Той же цели — обеспечению благоденствия общества в целом, без классовых различий, должна служить и частичная социализация, полезная, по мнению Цанкова, и в мирное время⁶². Речь идет, поясняет он, вовсе не об отказе от частной собственности, а об умеренном контроле государства над экономикой.

В итоге основные мысли Цанкова, высказанные им в книге «Последствия войны», можно было бы свести к следующему: государство должно координировать и хозяйственную жизнь страны, и социальные отношения в обществе, стремясь к идеалу — некоему буржуазному социализму. Для примирения интересов буржуазии и рабочего класса Цанков предусматривает защиту национальной промышленности, но одновременно — меры против рантье, против непроизводительных вложений капитала, и спе-

⁵⁸ Х р. Х р и с т о в. Революционната криза в България. . . с. 25.

⁵⁹ А. Ц а н к о в. Последствия от войната. с. 74.

⁶⁰ Там же, с. 101.

⁶¹ Там же, с. 102.

⁶² Там же, с. 114.

циально для рабочих — регулирование рабочего дня, социальное обеспечение по старости, а также в случае увечья, привлечение рабочих к техническому руководству предприятиями. От этих построений до теории социального мира, гармонии классовых интересов — прямая дорога. Насквозь фальшивая и глубоко реакционная эта теория стала одним из краеугольных камней идеологии фашизма.

Преемственность между идеями, высказанными Цанковым в 1919 г., и идеями, заложенными в программе «Народного сговора», представляется очевидной. В связи с этим само выдвижение Цанкова в качестве руководителя «Народного сговора» не могло быть случайным: он устраивал военных, которые нуждались в оснащении их движения идеологической платформой, ибо вынашиваемые им идеи отвечали представлениям военных о необходимости «надклассовой, надпартийной силы», способной вывести общество из кризиса. В создании программы «Народного сговора» участвовали, очевидно, и другие представители интеллигенции, но, видимо, именно Цанков играл в этом главную роль. Он чаще других выступал на страницах «Слова» со статьями, написанными в духе программных положений «Народного сговора»⁶³. Однако политический капитал Цанкова был невелик. Среди деятелей буржуазных партий он, дотоле не игравший никакой роли на политической арене, не пользовался авторитетом.

* * *

Итак, появление «Народного сговора» и «Конституционного блока» было отражением процесса мобилизации противников «земледельческого» режима. Этот процесс шел по двум основным линиям: концентрации сил крайней реакции, развивавшейся в направлении фашизма и не отказывавшейся от планов государственного переворота, и сплочения традиционных буржуазных партий в блок, который, конечно, также был реакционным, но при этом оставался на почве легальной оппозиционной борьбы и стремился по существу лишь к реставрации порядков, существовавших до прихода БЗНС к власти. Линии эти не были параллельными, в ряде моментов они перекрещивались и переплетались, но не сливались, оставались самостоятельными. Поскольку сами по себе оба центра борьбы против «земледельцев» были слабы в политическом и идеологическом отношениях, каждый из них был заинтересован в суще-

---

⁶³ См. Слово, 20. IV, 1. VI, 21. VI — 1922 г. и др.

ствовании другого. Отсюда — взаимоподдержка «Народного сговора» и «Конституционного блока», сотрудничество между ними.

Но была и другая сторона отношений: оба центра испытывали взаимное недоверие друг к другу. Фашиствующие лидеры «Народного сговора», ратовавшие за «обновление» политической жизни, весьма сомневались в способности «старых» партий сыграть положительную роль в этом обновлении. Не отказываясь видеть в «Конституционном блоке» исходную точку «нового правления», руководители «Народного сговора» предупреждали, что «блок не должен послужить завесой, за которой партии, вошедшие в него, незаметно для общества вернутся назад к своим старым представлениям и методам партизанского правления и групповщины, хотя бы и в форме блока»⁶⁴.

Со своей стороны буржуазные политики страшились того, что главенство в событиях перейдет к политическим парвеню из «Народного сговора». «Лидеры старых буржуазных партий, — пишет Й. Митев, — больше всего боялись, что на политической арене их заменят лидеры «Народного сговора»⁶⁵. В борьбе за устранение «земледельческого» режима они стремились закрепить за своими партиями самостоятельную роль, с целью сохранения за ними решающих позиций и в период, который должен был последовать за ликвидацией правительства Стамболийского. Как иначе объяснить тот факт, что «Конституционный блок» выработал свой проект состава будущего кабинета, в котором не было предусмотрено ни одного места для фашиствующих представителей «ученого мира», вошедших в «Народный сговор»? Весь кабинет был составлен из деятелей традиционных буржуазных партий⁶⁶. Военные также исключились из этого варианта правительства, хотя лидеры буржуазных партий и не решались на полное выведение их из игры на этапе, задачей которого было устранение правительства Стамболийского.

Разработанный «Конституционным блоком» план легальных политических действий предусматривал организацию собраний и демонстраций под лозунгами восстановления конституции,

---

⁶⁴ Слово, 20. VII. 1922.

⁶⁵ Й. М и т е в. Фашисткият преврат. . . с. 86.

⁶⁶ Вот состав этого кабинета по замыслу «Конституционного блока»: от демократической партии — Ал. Малинов (премьер-министр), Ан. Ляпчев, Н. Мушанов, Р. Маджаров; от народно-прогрессивной партии — Теод. Теодоров, Ат. Буров, д-р Ст. Данев, Дим. Христов; от радикально-демократической партии — П. Стоянов, Й. Фаденхехт, Т. Г. Влайков (См. Я р. Й о ц о в. Управлението на Земеделския съюз. 1919—1923. с. 268).

«попраной земледельцами», а затем, в высший момент этого движения — проведение массового митинга в Тырново. С этого партии блока думали начать переворот. «Буров и его сторонники, — писал В. Коларов, и нам важно подчеркнуть это, — хотели остаться руководителями движения, но одновременно думали ввести в действие военные силы и офицеров запаса»⁶⁷. Военная лига и «Народный сговор» оказывали поддержку планам «Конституционного блока» и предоставляли ему возможность выступить первым.

При таком распределении ролей лагерь реакции приступил к решительной атаке против правительства БЗНС.

3. Подготовка государственного переворота и его осуществление

«Всеболгарскому митингу» в Тырново предшествовала широкая устная и печатная антиправительственная кампания. Однако подготовка выступления реакции политически была на довольно низком уровне. В потоке раздраженных словопрений требования позитивного характера звучали глухо и разрозненно, преобладающим мотивом было злобное отрицание «земледельческого» режима.

Выступление «Конституционного блока» в Тырново закончилось полным и совершенно очевидным провалом. Толпы оппозиционеров во главе со своими руководителями Буровым, Малиновым, Теодоровым, Даневым, были буквально сметены превосходящими силами крестьян, отправившихся в Тырново, якобы, на слет свеклопроизводителей, а фактически мобилизованных БЗНС в защиту режима. Столкновения, рукопашные схватки начались еще на железнодорожных станциях по пути в Тырново. Руководители «Конституционного блока» были арестованы. Военные даже не пытались выступить. Не заявил о своих верховных правах и царь Борис III.

В эти опасные дни сентября 1922 г. БКП (т. с.) была начеку. Коммунисты проводили специальные сборы по мобилизации революционных сил. «В некоторых местах, — вспоминает В. Коларов, — сборы превратились в боевые массовые демонстрации с ясными лозунгами, дисциплиной, с военной маршировкой и т. п. Некоторые демонстрации приобрели характер пробных мобилизаций: имелись действующие отряды, тыл, транспорт и санитарная служба; имелась конная кавалерия, пехота — только без оружия»⁶⁸. Ряд местных организаций БКП (т. с.) выступил 17 сентя-

⁶⁷ В. Коларов. Спомени. с. 483.

⁶⁸ Там же, с. 484—485.

бря единым фронтом с БЗНС для отпора реакции. Замыслы реакции в сентябре 1922 г. были сорваны. Будучи разгромлены сами, реакционеры в эти критические для них дни требовали решительных действий от царя, который должен был, по их мнению, отобрать мандат у Стамболийского за противоконституционные меры против легальной оппозиции. Газета «Слово» писала: «Как поступит теперь царь? Осуществит ли он наконец свои права и выполнит ли свой долг? . . . Болгария верит, что корона — не праздное украшение ее государственной системы. Государственный глава должен избавить страну от неминуемых сотрясений, немедленно и без колебаний употребив данные ему конституцией права»⁶⁹.

Военные со своей стороны горели желанием действовать. Борис III, однако, отвечал молчанием на все призывы, обращенные к нему. Более того, именно вскоре после Тырновских событий он вынужден был — таково было соотношение классовых сил в стране — подписать указ о референдуме по вопросу о виновности буржуазных партий в национальных катастрофах. Военные, однако, считали возражения царя против выступления «формальными» и «загадочными». Рассказывали, будто недовольный линией Бориса III его адъютант Хр. Калфов демонстративно подал в отставку, вернув во дворец полученные за годы военной службы ордена и что он даже сорвал с себя погоны в присутствии царя⁷⁰.

В такой ситуации среди оппозиционных буржуазных деятелей возникла мысль использовать предстоящий референдум в своих интересах, повернув его так, чтобы поставить на голосование главный для них вопрос: быть или не быть правительству БЗНС, за или против него⁷¹. Но эти были расчеты без хозяина положения.

Результаты референдума показали всю бесосновательность надежд буржуазных лидеров на успех массового политического движения в стране под их лозунгами, против «земледельческого» режима. Исход как Тырновских событий, так и референдума смял сам «Конституционный блок» и его планы устранения правительства Стамболийского. Лидеры блока, как виновные за национальные катастрофы Болгарии, были отправлены за тюремные решетки, лишь единицам из них удалось бежать за границу.

---

⁶⁹ Слово, 18. IX. 1922.

⁷⁰ Х р. С т о й к о в и др. Указ. соч., с. 162. Вопрос о действительных причинах отставки Калфова и о том, в каком качестве он участвовал в подготовке переворота, остается невыясненным. Современники указывали на его роль связанного то между военными и ВМРО, то между царем и Военной лигой.

⁷¹ Слово, 25. X. 1922. Резолюция высшего партийного совета объединенной народно-прогрессивной партии о положении в стране от 21—22. X. 1922.

Тырновские события и референдум явились поворотным моментом в действиях противников «земледельческого» режима. Отныне единственным средством избавления от правительства Стамболийского становился тайный государственный заговор с целью военного переворота и именно в это время фиксируется переход части руководителей традиционных буржуазных партий к поддержке метода насильственного устранения кабинета БЗНС⁷². Но одновременно это означало, что не будучи в состоянии сами осуществить подобные планы, они должны были уступить другим силам свою роль главного организатора борьбы против власти БЗНС. После событий осени 1922 г. все нити по подготовке и осуществлению этого способа ликвидации «земледельческого» режима сосредоточились в руках Военной лиги, тесно связанной с «Народным сговором», с армией и монархом. Она стала безраздельным руководителем подготовки переворота, притом не только военной его стороны, но и политической.

Прежде всего предстояло обеспечить техническую сторону акции. Для этого необходимо было иметь боевые группы во всех основных гарнизонах. Поскольку «все были в неопишемом возбуждении и настаивали на немедленных действиях»⁷³, выполнение этой задачи, видимо, шло споро. Уже в конце декабря 1922 г. анонимный участник заговора записывает в своем дневнике: мы «теперь совершенно уверены в участии последней, чрезвычайно важной, воинской части, которая до сих пор держалась очень сдержанно»⁷⁴.

Заговорщики изучают структуру оранжевой гвардии, чтобы при перевороте сразу парализовать действия вооруженной силы, на которую опирается правительство. Устанавливаются связи с националистическими организациями. Руководитель «Кубрата» Вл. Вазов отвечает согласием на предложение действовать совместно: «Если вы решитесь действовать, «Кубрат» не только не помешает, но обещаю вам полную поддержку»⁷⁵. Полную готовность выражают также союзы офицеров и унтер-офицеров запаса. На процессе 1954 г. ген. Вылков показывал: накануне переворота представителям обществ офицеров запаса было сообщено о предстоящей акции и о том, что они должны быть готовы⁷⁶.

---

⁷² Ст. Р а д у л о в. Кризата. . . с. 64, 93—94.

⁷³ Лъч, 7. 1. 1929.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Х р. С т о й к о в и др. Указ. соч., с. 166.

⁷⁶ АМВР, II съд., д. 1556, т. VI, л. 124.

Сложнее обстояло дело с ВМРО. Содействие этой вооруженной организации было весьма желательно для руководителей подготовки переворота «для большей надежности акции», но они должны были думать и о международной реакции на переворот, которая в случае открытого участия ВМРО в свержении правительства Стамболийского могла существенно изменить свой характер. В дневнике анонимного заговорщика в связи с этим записано: «Иза внешней реакции и деликатного положения, которое создал бы переворот при подобном участии, большинство из нас было против [участия ВМРО — Р. Г.]»⁷⁷. Он указывает далее на прямую заинтересованность «высокого места», т. е. царя, в отрицательном решении вопроса: «Известно, что этот страх побудил и высокое место пригласить к себе нашего фактического вожака и просить его посоветовать «македонским кругам ничего не предпринимать», т. к. это могло бы вызвать «страшную ярость в правительственных сферах» [других стран — Р. Г.]»⁷⁸.

В результате в ходе переговоров политического секретаря Военной лиги Н. Рачева с лидером правого крыла ВМРО Т. Александровым была достигнута договоренность, что ВМРО формально должна держаться таким образом, чтобы ее нельзя было обвинить во вмешательстве во внутренние дела Болгарии и в частности в переворот, что могло бы помешать политике будущего правительства в отношении соседей и в том числе вызвать ухудшение отношений с Югославией⁷⁹. Однако фактически чета ВМРО не только стояла наготове, но в некоторых местах приняли в ночь переворота непосредственное участие в действиях⁸⁰.

Если ВМРО в планах заговорщиков отводилась во время переворота роль резерва, то в период подготовки акции она играла роль несравненно более важную. В начале декабря 1922 г. чета ВМРО внезапно захватила г. Кюстендил, причем местный гарнизон не оказал ей сопротивления. Нападение было совершено под тем предлогом, что в городе укрылись федералисты, которых правое крыло ВМРО считало изменниками и потому истребляло. В течение двух дней Кюстендил был фактически оккупирован чет-

⁷⁷ Лъч, 6. II. 1929.

⁷⁸ Там же, 3. II. 1929 г.

⁷⁹ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 194. Из показаний И. Вылкова.

⁸⁰ Это признавал тот же Вылков: «... на практике были некоторые македонские группы, появившиеся в Родопах, и они действовали там и творили произвол» (там же, л. 251). Другой современник событий Ст. Мошанов заявил: в самом акте переворота ВМРО организованного участия не принимала, но после 9 июня члены ее действовали в некоторых местах, там, где положение нового правительства находилось под угрозой, в поддержку его (там же, т. X, л. 122).

никами, производившими многочисленные аресты. Правительство БЗНС отправило к Кюстендилу армейские части во главе с военным министром К. Томовым, но последний не предпринял решительных действий: он вступил с захватчиками в переговоры, которые кончились удовлетворением требования четников свободно уйти из города и увести арестованных ими горожан. Поведение К. Томова было не случайным: он был одним из тех, кто поддерживал контакты с буржуазными кругами, способствовавшими расколу кабинета А. Стамболийского.

Дерзкое нападение четы ВМРО сыграло роль разведки боем. Оно показало заговорщикам не только возможность военных действий против «земледельческой» власти, но и определенную легкость достижения успеха. Оно обнаружило, кроме того, возможность использовать в своих интересах отсутствие единства в руководстве БЗНС, а также неподготовленность «земледельцев» к боевым действиям, их нерешительность в ситуации, требовавшей применения силы.

Именно в связи с нападением на Кюстендил анонимный заговорщик записывает в своем дневнике: «Все товарищи — в неописуемом возбуждении. Настаивают на незамедлительных действиях.»⁸¹

Весьма существенную роль ВМРО сыграла в дезориентации правительства А. Стамболийского. С начала 1923 г. царь и заговорщики из Военной лиги стали действовать совсем конспиративно. Последние царские приемы каких-либо оппозиционных деятелей имели место в конце февраля 1923 г., остальные контакты осуществлялись в глубокой тайне.

Что касается Военной лиги, то весной того же года правительство БЗНС произвело новые перемещения командного состава в важнейших гарнизонах и Стамболийский уверовал, что тем самым ему удалось окончательно оборвать связи между членами Военной лиги. Отсутствие налаженной контрразведки лишало «земледельцев» возможности выявить конспиративную жизнь этой организации.

В этих условиях, когда правительство БЗНС считало разгромленным легальный центр буржуазной оппозиции — «Конституционный блок» и не обнаруживало признаков враждебной деятельности со стороны тайной Военной лиги, возможность переворота оно связывало только с ВМРО. И действительно, резко активизировавшаяся с весны 1923 г. ВМРО выдвигается на первый план в качестве главного открытого противника режима БЗНС.

---

⁸¹ Лъч, 7. I. 1929.

Террористическая деятельность этой организации, направляемая ее реакционным правым руководством, сосредотачивается в это время на «земледельцах». Цель ее — не только и не столько физическое уничтожение отдельных деятелей, сколько стремление внести тревогу и разложение в ряды сторонников режима. Ожесточению отношений между правительством БЗНС и ВМРО способствовал ход самих событий: свою роль в этом сыграло и специфически понятое Нишское соглашение, и попытки Стамболийского разоружить четников и другие меры. Но, бесспорно, что особая активность ВМРО в месяцы, предшествовавшие перевороту, как нельзя лучше отвечала интересам истинных заговорщиков, отвлекая от них внимание властей.

Не менее важной была подготовка политической стороны самого переворота⁸². С провалом «Конституционного блока» исчезало возможное политическое прикрытие акта голого военного насилия при перевороте. Наличие другого легального центра борьбы против «земледельческого» режима — «Народного сговора» не меняло существенно положения, ибо руководители Военной лиги вынуждены были признать, что попытка создания «новой политической силы», в целом не удалась. Организация оставалась крайне малочисленной. Несмотря на собрания, проводившиеся в 1922 г. в провинции и в некоторых городах с целью агитации за «Народный сговор», оказалось, что особого успеха он не имеет⁸³. Поэтому в поисках политической опоры верхушке Военной лиги не оставалось ничего другого, как вновь обратиться к старым буржуазным партиям. «Другого выбора не было», — говорил Вылков в 1954 г.⁸⁴.

Тем не менее деловые контакты и взаимопонимание с буржуазными политиками, лишившимися своего руководства и в немалой части ориентировавшимися еще по-прежнему на легальные методы борьбы, налаживались с трудом: сказывалась разница в подходе к решению задачи устранения правительства БЗНС. Запись в дневнике анонимного заговорщика весьма характерна в этом отношении: «То, что мы видим, нельзя назвать даже сектантством... Во что они еще верят? Так называемые их лидеры — в тюрьме. Верят, что народ поднимется и с бюллетенем ли, с оружием ли в руках будет их освобождать? . . . Но почему никак не договорятся

---

⁸² Вылков показывал, что Военная лига вначале приступила к политической подготовке акта, а затем — к военной (АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 191).

⁸³ АМВР, II съд., д. 1556, т. VI, л. 119; т. II, л. 250. Из показаний Вылкова.

⁸⁴ Там же, т. II, л. 264.

заместители «шефов», чтобы мы поняли, кто является нашей политической опорой?»⁸⁵

На политическую обработку буржуазных деятелей ушло несколько месяцев. Сложность для фашиствующих лидеров Военной лиги состояла в том, чтобы не просто заручиться поддержкой буржуазных партий, но по возможности приспособить сами эти партии к задачам дня, как они их понимали. Вот что говорил об этом Вылков в 1954 г.: «Для нас было важно, чтобы сила, на которую будет опираться будущее правительство, была единой. Но у нас не было выбора. В соответствии с тогдашними нашими представлениями о том, что мы должны идти вместе с буржуазными партиями, мы потребовали, чтобы они распустили по крайней мере руководящие бюро партий с тем, чтобы существовало одно единственное бюро одной единой партии, которая позже получила название «Демократический сговор». И на этой основе приступили к подбору будущих министров будущего правительства»⁸⁶.

Проектирование состава кабинета было следующим важным этапом политической подготовки переворота.

О военном правительстве и открытой военной диктатуре нечего было и мечтать в поверженной Болгарии, осужденной, как ни демагогически это звучало в устах откровенно империалистических политических деятелей Запада, за милитаризм и агрессивность. Балканские соседи относились к Болгарии подозрительно, не жаловали ее своей благосклонностью и великие державы — победительницы.

Но не только внешнеполитическими обстоятельствами объясняется курс Военной лиги на «национальный», а попросту — коалиционный кабинет, разумеется, без БЗНС и БКП (т. с.). Этого требовала также внутривнутриполитическая ситуация, вынужденность тесного политического сотрудничества со «старыми» буржуазными партиями и необходимость считаться с их нежеланием отказываться от власти в пользу политических нуворишей. Включение представителей всех буржуазных партий в правительство формально означало участие всех их во власти, удовлетворяло притязания каждой из них. Кроме того, при коалиционном составе будущего правительства ответственность за переворот распространялась и на все партии буржуазии.

Особо важным был вопрос о будущем премьер-министре. Сложность этого вопроса состояла в отсутствии признанного авторитета, который пользовался бы соответствующей общественной репута-

---

⁸⁵ Лъч, 5. I. 1929.

⁸⁶ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 189.

цией и мог бы стать руководителем движения и главой исполнительной власти. Такого человека не было среди деятелей буржуазных оппозиционных партий, ни один из них не смог выступить в качестве объединителя раздробленных сил оппозиции. И среди тех, кто тяготел к фашизму, ни военные, ни гражданские деятели не выдвинули личности, которая открыто претендовала бы на роль фашистского руководителя и вождя и могла бы справиться с нею.

Поэтому руководство Военной лиги перепробовало несколько вариантов, прежде чем пришло к решению. Генерал Георгий Выхов, участвовавший в заговоре, рассказывал о муках «творчества» политического секретаря лиги Н. Рачева в связи с этим вопросом: «Помню, что в начале лета 1922 г. Колю Рачев... с которым я встретился в кафе против пехотных казарм, жаловался мне, что совсем измучился — не мог остановиться на подходящей (для поста премьер-министра — Р. Г.) личности»⁸⁷.

Вначале в качестве будущего премьера фигурировал один из лидеров партии широких социалистов Кр. Пастухов: он считался удобным «для успеха акции и для более безболезненного ее осуществления, с одной стороны, и учитывая возможную международную реакцию, с другой стороны»⁸⁸. Потом на авансцене появился А. Греков⁸⁹, а после его убийства и после разгрома «Конституционного блока» в кругах военных стал котироваться Цанков. Однако Цанков чувствовал себя на политической арене, по-видимому, неуверенно, отказывался от поста премьер-министра. Для такой неуверенности он имел основания: занятию премьерского кресла не предшествовали годы «черновой» политической работы.

Принять предлагаемое заговорщиками кресло Цанков согласился только после поездки весной 1923 г. в Германию, где по предложению Й. Митева консультировался с немецкими политическими деятелями и с В. Радославовым, жившим там в эмиграции⁹⁰.

Практические шаги по привлечению будущих министров осуществлялись, за небольшим и более поздним исключением, в основном политическим секретарем Военной лиги. Так, Н. Рачев договорился с Цв. Бобошевским (народняк) и П. Тодоровым (радикал).

⁸⁷ Цит. по: Хр. Стойков и др. Указ. соч., с. 176.

⁸⁸ Там же, с. 168; см. также Й. Митев. Отношението на социалдемократическата партия към военно-фашисткия преврат на 9 юни 1923 г. и правителството на Демократическия сговор (1923—1924). — Академия за обществени науки и социално управление при ЦК на БКП. Научни трудове. Серия «история», т. 68. С., 1974, с. 311.

⁸⁹ Й. Митев. Фашисткия преврат... с. 137.

⁹⁰ Там же, с. 99. См. также «Vorwärts» от 14 июня 1923 г. Газета выражала мнение, что эта поездка Цанкова дала ему представление об обстановке в Германии.

Он же вел переговоры с Кр. Пастуховым о вступлении в кабинет, но последний отказался. Тогда представлять партию широких социалистов в кабинете Цанкова согласился Д. Казасов. По предложению И. Вылкова, в состав будущего правительства включили Б. Смилова (национал-либерал) и генерала запаса И. Русева. На долю Цанкова выпало привлечь своего друга агронома Я. Моллова из «Народного сговора» и Янко Стоенчева (демократ). В ночь самого переворота был решен вопрос о включении в министерский совет полковника Х. Калфова, бывшего адъютанта царя⁹¹.

В итоге представителями буржуазных партий в правительстве оказались лишь второстепенные фигуры. Правда, Военная лига и стремилась к тому, чтобы опереться на «новых людей», новых и более молодых⁹². Вылков позже специально подчеркивал, что «в правительстве нет никого из старых государственных деятелей»⁹³. Но ведь особого выбора и не было у военных: наиболее крупные буржуазные деятели сидели в тюрьмах, осужденные как виновники национальных катастроф, другие вынуждены были скрыться за границу.

Военная лига спроектировала состав будущего совета министров⁹⁴ таким образом, что центральная роль в нем была предназначена ее собственным представителям и их соратникам из «Народного сговора». Однако даже в преддверии самого переворота для организаторов его оставалось неясным, сколько времени должно функционировать это правительство после свержения «земледельцев». Только в конце мая 1923 г., если судить по уже цитированному дневнику участника заговора, было принято определенное решение. Автор дневника делает 27 мая весьма интересную запись: «Вопрос, давно встававший в наших кругах, поднимается вновь: кто, собственно, будет управлять после переворота? Мнения по этому поводу совершенно противоположные и до того отличаются друг от друга, что едва ли могут быть примирены за тот небольшой срок, что нам остается. . . Одни считают, что сразу после акции власть следует передать конституционным факторам, т. е. государственный глава должен дать власть политикам, которые выйдут из тюрьмы. Кому именно? Это — его дело и дело тех, с кем он будет вести переговоры. Другие считают, что кабинет, проектируемый нами, должен управлять длительное время — пока страна не

⁹¹ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 191—193.

⁹² Там же, л. 246.

⁹³ Там же.

⁹⁴ На судебном процессе 1954 г. на вопрос прокурора, кто назначил нового премьер-министра, И. Вылков прямо ответил: «Военный союз». (АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 198).

успокоится. Мнение третьих — можно надолго обойтись без вмешательства политиков, вообще до тех пор, пока и они не поймут, что власть не означает использование ее главным образом в корыстных целях или ряд катастроф. . . После долгих обсуждений решено: кабинет заговорщиков продолжит свою работу»⁹⁵.

Итак, выбор сделан, решение — очень важное: военно-фашистская верхушка станет у кормила власти после переворота, принято. Это, однако, не означало, что у руководителей Военной лиги и «Народного сговора» представления о будущей их деятельности уже выкристаллизовались. Позже, спустя десяток лет, часть активных участников переворота подпишется под документом, в котором есть такие строки: «Правительство 9 июня не имело окончательно отработанной идеологии и принципов устройства современного государства. . . Задачей правительства было политически морализовать общество и государство, укрепить государственные учреждения в духе истинного демократизма, поднять авторитет государства, усилить национализм и создать большую организованную и дисциплинированную общественную силу, на которую будет опираться власть»⁹⁶. Если отбросить демагогию относительно «истинного демократизма», на первый план всплывают такие задачи, осуществление которых давало определенное направление развитию будущего режима; особенно характерны в этом отношении задачи «усиления национализма» и «создания большой и организованной общественной силы» — опоры правительства, выражавшие, учитывая, что исходили они от военно-фашистской группировки, тенденции к установлению режима фашистского типа.

В весьма сложном положении оказались деятели буржуазных политических партий, включенные Военной лигой в правительство. Им не была ясна ни их дальнейшая роль, ни то, как они будут участвовать в осуществлении власти. Впервые будущие министры собрались вместе в ночь самого переворота с 8 на 9 июня 1923 г. в доме генерала Русева. Анонимный заговорщик делает в связи с этим такую запись: некоторые из собравшихся в доме генерала Русева не знают друг друга⁹⁷. Другой посвященный в заговор — Д. Казанов подчеркивает политическую разнородность членов будущего кабинета: до 8 июня они «не имели никаких общих совещаний. Никаких общих обсуждений программы правления. Никаких общих оценок о выборе наиболее удобного для действий момента.

⁹⁵ Лъч, 8. II. 1929.

⁹⁶ «Истината върху преживеното в бившето народно-социално движение». — АМВР, VO — 42929, с. 9 брошюры.

⁹⁷ Лъч, 15. II. 1929.

Все эти люди, принадлежавшие к различным партиям, имеющие самые различные и даже противоположные политические взгляды, не имеющие никаких личных связей друг с другом, часто даже незнакомые между собой, объединились во имя одной задачи — свержения правительства земледельцев. . . . Что последует за свержением кабинета Стамболийского? Какой кабинет станет его наследником? Как и кто образует этот кабинет? Кто войдет в его состав? Какой внешней и внутренней политики будет он придерживаться, какова будет его социальная и экономическая программа? На какую общественную силу будет он опираться? Каково будет его отношение к главе государства, к существующим в стране общественным силам и пр. пр. По поводу всех этих вопросов до вечера 8 июня не было ни одного общего обсуждения, ни одного конкретного решения»⁹⁸. Представляется, что картина, нарисованная Д. Казасовым, если и искажает несколько действительность из-за чрезмерной эмоциональности автора, однако в целом правильно передает отношение к будущим гражданским министрам со стороны руководства Военной лиги, которое лишь за две недели до переворота приняло решение относительно своей собственной роли в управлении.

Трудно предположить, чтобы по всем вопросам, связанным с будущей деятельностью, будь они поставлены на обсуждение в ночь переворота, можно было достичь согласованных позиций. Однако по некоторым из них была достигнута договоренность. В частности, как сообщает анонимный заговорщик, было решено, что администрация будет составлена из военных — офицеров и унтер-офицеров⁹⁹: руководство Военной лиги, определив свою роль в будущем правлении, намечало конкретные шаги для исполнения этой роли.

Откуда такой кураж у «лигарей»? Ведь своим планам военного переворота они так и не сумели обеспечить полновесного политического прикрытия, без которого в течение нескольких лет не решались выступить. Видимо, главную роль в переходе Военной лиги к конкретным действиям сыграла позиция Бориса III. В апреле 1923 г. тайно в царском ботаническом саду состоялась встреча монарха с председателем Военной лиги. Последнему было дано понять, что царь не видит другого средства для устранения Стамболийского, кроме армии¹⁰⁰. Видимо, момент для подобных указаний был выбран царем не случайно: отношения между БЗНС

---

⁹⁸ Д. Казасов. Указ. книга, с. 272.

⁹⁹ Лъч, 17. II. 1929.

¹⁰⁰ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 190. Из показаний Вылкова.

и БКП, резко ухудшившиеся с конца 1922 г., в апреле 1923 г. были совсем разорваны¹⁰¹. Тем самым правительство БЗНС в лице коммунистической партии теряло своего единственно возможного союзника в борьбе против реакции и оказывалось в положении полной политической изоляции. Царь Борис, так долго осторожничавший и очень боявшийся совместных действий БЗНС и БКП, только теперь счел ситуацию благоприятной для приведения в исполнение замыслов заговорщиков. Следствием явилась активизация Военной лиги, хотя мнение царя и не рекламировалось. Наоборот, даже «инициативная тройка» (Н. Рачев, К. Георгиев, Д. Велчев) держалась в неведении относительно переговоров Вылкова с Борисом III: Д. Велчев сообщал авторам воспоминаний «Офицерские заговоры», что «инициативной тройке» об этих переговорах стало известно лишь после переворота; тогда им стало ясно, почему именно в апреле Вылков стал действовать быстро и решительно, в то время как до этого он проявлял большие колебания¹⁰².

Роль монарха в июньских событиях 1923 г. этим не ограничивается. Воинские части, выступившие против законного правительства БЗНС, были приведены в действие именно авторитетом царя. Так, согласно показаниям участников переворота на процессе 1954 г., командиры эскадронов были собраны в ночь с 8 на 9 июня 1923 г. и им был прочитан приказ, в котором говорилось, что его величество издал указ об устранении правительства Стамболийского и что армия должна охранять порядок и спокойствие в стране¹⁰³, хотя фактически такого указа не было: царь вовсе не стремился к тому, чтобы какими-либо действиями или актами обнаружить свою причастность к заговору. Его целью было остаться за кулисами и иметь возможность контролировать ход событий при любом их исходе. Чтобы обеспечить себе алиби на случай провала попытки государственного переворота, Борис III в самый канун переворота — 7 июня нанес визит А. Стамболийскому на его даче, расположенной в провинции (дер. Славовица, Пазарджикской околии, откуда Стамболийский был родом). Здесь он вместе с адъютантом провел целый день. А когда через сутки произошел переворот, оказалось, что «земледельческий» премьер-министр не может ни с кем оперативно связаться, потому что его радиостанция была выведена из строя.

В 22 ч. 30 мин. 8 июня телефонные разговоры по всей стране были прерваны. Сигнал к действию был повторен кратковременным

¹⁰¹ Й. Митев. Девети юни 1923 г. . . . с. 23—24.

¹⁰² Х. Стойков и др. Указ. соч., с. 170.

¹⁰³ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 22.

прекращением подачи электроэнергии¹⁰⁴. В 3 часа утра 9 июня началось выступление военных в Софии, действиями руководили члены верхушки Военной лиги В. Лазаров и Д. Велчев. Осуществляя план Военной лиги, заговорщики овладели рядом ключевых позиций. Они захватили почту и телеграф, вокзал, овладели полицейскими участками. Одновременно были проведены массовые аресты, в результате которых были лишены свободы министры правительства БЗНС и «земледельческие» депутаты, в том числе провинциальные, поскольку парламент еще не был распущен на летние каникулы и они находились в столице. Все они в ночь переворота спокойно спали в своих постелях, несмотря на то, что за несколько дней до этого правительство Стамболийского уже располагало некоторыми сведениями о готовящемся перевороте, знало о его возможной дате и о его руководителях, и даже трижды 4, 6 и 7 июня совет министров на своих заседаниях обсуждал этот вопрос¹⁰⁵. На заседания были приглашены высшие офицеры-командиры частей Софийского гарнизона, от которых потребовали, чтобы их части защитили полицейские органы в случае выступления заговорщиков или, по крайней мере, сохранили нейтралитет¹⁰⁶ (!! требование, свидетельствующее о том, что правительство БЗНС фактически не владело таким важным звеном государственной машины как армия). Совет министров возложил на двух членов кабинета обязанности принять все меры для срыва планов заговорщиков. Ими были военный министр К. Муравиев, но как оказалось, он находился в связи с царским двором, и министр внутренних дел Х. Стоянов, отнесшийся довольно беспечно к поручению. В результате не только не были арестованы руководители Военной лиги, имена которых стали известны «земледельцам», но и «Оранжевая гвардия» не была приведена в боевую готовность: софийский отряд ее в составе 700 человек целиком был взят в плен в ночь переворота в собственной казарме.

Успешные действия заговорщиков в Софии позволили им рано утром 9 июня 1923 г. объявить о переходе власти в руки нового правительства во главе с Цанковым, хотя в провинции во многих городах власть еще принадлежала наполовину военным, наполовину БЗНС, а в селах и в небольших городках в первые дни вообще не ощущалось перемены¹⁰⁷.

Весть о свержении правительства А. Стамболийского всколыхнула широкие народные массы. В ряде районов Болгарии трудя-

¹⁰⁴ Й. М и т е в. Девети юни 1923 г. . . . с. 35.

¹⁰⁵ История на България. Т. III, с. 92—93.

¹⁰⁶ Там же, с. 93.

¹⁰⁷ Д. К о с е в. Септемврийското въстание 1923 г. с. 91.

щиеся стихийно поднялись на борьбу против узурпаторов. В стране создалась благоприятная обстановка для организации решительного выступления масс трудового народа против реакции, возглавить которое могла единственная до конца революционная партия — БКП (т. с.). В самом деле новая власть была еще совсем непрочной, а главное — налицо была готовность сотен тысяч рабочих и крестьян к вооруженной борьбе. Во многих местах организации коммунистической партии приготовились действовать совместно с боевыми отрядами «земледельцев» и ждали только сигнала от ЦК БКП (т. с.). В других местах совместная борьба развернулась уже 9 июня.

Наибольший размах восстание приобрело в северной части страны. 9—10 июня восстали почти все села Плевенской околии¹⁰⁸. Отличительной чертой боев здесь было боевое содружество и совместные действия рабочих и крестьян, коммунистов и «земледельцев». Массовый характер восстания в районе Плевена позволил повстанцам перейти в наступление и овладеть рядом населенных пунктов.

Столь же массовым было выступление трудящихся в Шуменском округе. Ожесточенные бои происходили под г. Шуменом; здесь 10—15 тыс. повстанцев окружили город и вступили в схватку с правительственными войсками.

Боевые операции повстанцы проводили и в Тырновском округе, где восстание также было массовым.

Тяжелые бои развернулись и в южной части Болгарии. Восстание охватило отдельные районы Софийского, Пловдивского, Старозагорского, Хасковского, Бургасского и Кюстендилского округов¹⁰⁹. Наиболее массовыми действия повстанцев были в Пазарджикской и Карловской околиях. В районе Пазарджика сражался отряд во главе со Стамболийским, состоявший в основном из «земледельцев». Но в других местах в ходе борьбы сложился союз БКП (т. с.) и БЗНС; например, в Карловской околии борьба велась не только совместно коммунистами и «земледельцами», но и под лозунгом рабоче-крестьянского правительства.

Однако использовать благоприятный момент для свержения неокрепшей еще власти узурпаторов не удалось. На заседании 9 июня ЦК БКП (т. с.), считая, что речь идет о борьбе за власть между городской и сельской буржуазией, о «смене одного буржуазного, насильнического режима другим таким же режимом»¹¹⁰, заявил о невмешательстве в борьбу, о нейтралитете коммунистической партии.

¹⁰⁸ Д. Косев. Септемврийското въстание 1923 г. с. 104.

¹⁰⁹ Там же, с. 114—115.

¹¹⁰ История на БКП. С., 1969. с. 273.

Тысячи коммунистов, ждавшие только сигнала к началу действий, вынуждены были, узнав о решении своего Центрального комитета, разойтись по домам. В тех местах, где коммунисты уже участвовали в боях, они, подчиняясь дисциплине, прекратили борьбу¹¹¹.

Плохо вооруженные, не связанные между собой отряды «земледельцев» продолжали сражаться с армейскими частями. Но в военном отношении превосходство было на стороне новой власти. Повстанцы были рассеяны, очаги сопротивления подавлены, хотя это произошло не так скоро, как хотелось бы узурпаторам: жесткая гражданская война бушевала по всей стране в течение 6 дней, в отдельных районах бои продолжались вплоть до 20-х чисел июня¹¹².

Июньское вооруженное антифашистское народное восстание было подавлено. Успешным действиям узурпаторов способствовала неправильная, сектантская позиция, занятая ЦК БКП (т. с.) в связи с событиями. В докладе на V съезде Болгарской рабочей партии (коммунистов) Г. М. Димитров, анализируя деятельность партии начала 20-х годов, говорил: «Партия действительно накопила свой собственный революционный опыт, но в ней продолжали преобладать еще легальные пропагандистские навыки, понимание марксизма скорее как доктрины, а не как руководства революционными действиями. Это особенно ярко видно из позиции партийного руководства 9 июня 1923 г., когда в нем взяло верх именно «тесносоциалистическое» доктринерское понимание революционного процесса»¹¹³. В результате была упущена «чрезвычайно благоприятная обстановка для полного разгрома монархо-фашистских сил в самом начале их наступления»¹¹⁴.

---

¹¹¹ Решение ЦК БКП (т. с.) о нейтралитете было опубликовано в органе партии газете «Работнически вестник». 11 июня известие о позиции ЦК дошло до всех местных партийных организаций; тогда же коммунисты, участвовавшие в боях, прекратили боевые действия. (См. И. М и т е в. Девети юни 1923 г. . . . с. 54).

¹¹² Д. К о с е в. Сентябрьское восстание 1923 г. в Болгарии. с. 7.

¹¹³ Г. Д и м и т р о в. Политический отчет ЦК БРП (к), сделанный генеральным секретарем ЦК Г. Димитровым на V съезде. 19. XII. 1948. С., 1948, с. 20—21.

¹¹⁴ Там же, с. 21—22.

4. К проблеме связи между государственно-монополистической стадией развития капитализма в Болгарии и военно-фашистской властью

Изучение фашизма, имевшего место в той или иной форме в ряде стран, неизбежно заставляет историков фиксировать связь между фашизмом и государственно-монополистической стадией капиталистических отношений.

Болгария 20-х гг. не принадлежала к числу стран с высоким уровнем развития монополистического капитализма. Зарождение монопольных объединений и начало сращивания банковского капитала с промышленным в этой стране болгарские ученые относят к периоду еще до Балканских войн. Переломным же моментом в переходе от домонополистических форм капиталистических отношений к монополистическим они считают, как мы уже имели случай отметить, годы послевоенного экономического кризиса и инфляции, т. е. именно начало 20-х гг. Эта стадия характеризовалась неустойчивостью связей между банками и торгово-промышленными предприятиями, слабой зависимостью вторых от первых, невысокой степенью концентрации банковского капитала. В организационном отношении болгарский финансовый капитал был в те годы слаб, наиболее распространенной его формой были деловое участие и персональная уния¹¹⁵.

Несмотря на это, в Болгарии тех лет уже обнаруживали себя известные государственно-монополистические тенденции. Еще до войн 1912—1913 гг., отмечает болгарский ученый С. Цонев, началось сращивание финансового капитала с государственным аппаратом¹¹⁶. Это проявлялось в том, что в правления и контрольные советы всех крупных по условиям страны финансовых центров входили представители высшей администрации. Это проявлялось и в том, что государство как таковое вкладывало средства в банковское дело, в развитие транспорта, в промышленные предприятия (хотя в последние и в значительно меньшей степени), в страховое дело¹¹⁷. Так, государство выступило в качестве основателя Болгарского сельскохозяйственного и Болгарского центрального кооперативного банков, вложило свои капиталы в основной фонд Бол-

¹¹⁵ Ж. Натан, Л. Беров. Монополистическият капитализъм в България. С., 1958. с. 133; Икономика на България. Т. I. С., 1969. с. 504.

¹¹⁶ С. Цонев. Към въпроса за началото на монополистическия капитализъм в България. — Трудове на Висшия институт за народно стопанство «Д. Благоев». Т. 37, кн. I. Варна, 1965. с. 19.

¹¹⁷ Там же, с. 23—28.

гарского торгового и ипотечного банка. Под его контролем создавался один из крупнейших в стране — Болгарский народный банк¹¹⁸. Государственными, а не частными предприятиями были болгарские железнодорожные линии, большая часть каменноугольных шахт. Это огосударствление некоторых отраслей народного хозяйства вовсе не ущемляло интересов монополистов, наоборот, обслуживало их, т. к. государственные средства вкладывались в значительной степени в малорентабельную сферу¹¹⁹. Тем самым монополисты ограждали свои личные доходы от потерь.

Сильным стимулятором развития государственно-монополистических форм капитализма явилась первая мировая война. В Болгарии, как и в других странах, государственно-монополистические тенденции в это время значительно возросли. Прежде всего количественно, по объему, ибо контроль государства распространился на внешнюю, а частично и на внутреннюю торговлю, притом, что и в тех отраслях, о которых речь шла выше, позиции государства не сокращались, а расширялись. Но роль войны как стимулятора развития государственно-монополистических отношений выразилась и в появлении новых их форм, связанных с необходимостью мобилизовать ресурсы страны для ведения войны. Это касается прежде всего деятельности Дирекции по снабжению и общественному планированию.

В болгарской историографии существует несколько работ, преимущественно статей, в которых описываются возникновение и характер ДСГОП. Правда, материальная база этих работ весьма ограничена, поэтому составить полное представление о том, как функционировала ДСГОП трудно. Болгарские историки и экономисты совершенно справедливо рассматривают Дирекцию СГОП как одну из первых государственно-монополистических организаций. Однако, поскольку в болгарской историографии проблема связи между развитием государственно-монополистических отношений в стране и появлением фашизма до сих пор не выдвигалась, Дирекция СГОП рассматривается в литературе преимущественно с одной стороны — с точки зрения датировки появления более высоких форм капитализма в Болгарии. Между тем даже те далеко не полные сведения о ДСГОП, которые в настоящее время введены в научный оборот, позволяют, на наш взгляд, подойти к постановке указанной проблемы совсем не отвлеченно.

Формирование Дирекции СГОП прошло через несколько этапов. Весной 1915 г. был создан Комитет общественного планирова-

¹¹⁸ С. Цонев. Към въпроса за началото на монополистическия капитализъм в България, с. 23—24.

¹¹⁹ Там же, с. 28.

ния, деятельность которого по организации производства и торговли для нужд военного времени дала очень незначительные результаты. В 1916 г. он был заменен новым комитетом, а еще через год — в апреле 1917 г. — была создана Дирекция СГОП.

Ежегодная смена одного комитета другим была связана не только с отсутствием опыта государственного регулирования хозяйственной жизни, но в огромной степени с заинтересованностью различных кругов буржуазии в участии в этом выгодном предприятии и с борьбой между ними за преобладание. Учреждение Дирекции СГОП было победой части военных кругов в борьбе, которая велась между прежней Дирекцией СГОП, Советом министров и Штабом армии¹²⁰, за определяющее влияние в хозяйственной жизни страны. За каждым из этих государственных и военных органов стояли определенные группы промышленников и торговцев. Сосредоточение в руках одного из них руководства экономической страны означало для группы, стоявшей за ним, новые льготы, выгодные торги и другие выгодные сделки¹²¹.

О борьбе между гражданскими и военными деятелями за «захват» в свои руки крупнейшей государственно-монополистической организации свидетельствует, в частности, А. Цанков. В качестве представителя экономического общества он входил еще в первый комитет 1915 г. Второй комитет Цанков оценивает как «гораздо более серьезную попытку организовать хозяйственную жизнь», а недостаток его видит в том, что он был составлен из представителей политических партий¹²². С этим гражданским комитетом и повели борьбу военные. Цанков пишет об этом так: стремление комитета внести порядок в сбор и распределение продуктов, поставить под свое руководство промышленность, особенно ее важнейшие отрасли, вызвали противодействие военных, в том числе тылового управления и интендантства¹²³.

В результате в 1917 г. Дирекция СГОП была создана как военно-хозяйственное учреждение. Возглавил его и распоряжался в нем единоначально генерал А. Протогеров, в будущем ближайший сподвижник правого лидера ВМРО Т. Александрава. О характере этой организации Цанков пишет следующее: «Это было военное учреждение, обладавшее широкими, почти абсолютными правами, лишь в определенных случаях контролировавшееся советом ми-

---

¹²⁰ В. К а ц а р к о в а. Опити за държавно регулиране икономиката на България през първата световна война (1915—1918). — Военно-исторически сборник, 1968, № 6, с. 62.

¹²¹ Там же, с. 73.

¹²² А. Ц а н к о в. Последствия от войната, с. 51.

¹²³ Там же.

нистров»¹²⁴. Никто не мог вмешиваться в его деятельность. Само же оно находилось в непосредственной связи с властями, его распоряжения были обязательны для всех военных и гражданских органов. В аппарате Дирекции было много военных. На местах существовали комитеты, осуществлявшие программу Дирекции по организации сельскохозяйственного производства, по распределению товаров среди населения¹²⁵.

Помимо военных, большую роль в деятельности ДСГОП играли представители «делового мира». Деталей относительно участия финансовых тузов в ДСГОП до сих пор обнаружено не так уж много, но известно, что помощником директора этой организации был крупнейший финансист и монополист П. Петрович. Прямое отношение к ДСГОП имел другой крупнейший финансист — Ат. Буров¹²⁶, выступавший кроме того в качестве лидера народно-прогрессивной партии. Один из главных акционеров Болгарского банка Г. Т. Данаилов был заместителем председателя центрального комитета Дирекции СГОП¹²⁷.

Указанными тремя фигурами вряд ли исчерпывается круг лиц, олицетворявших связь монополистического капитала с государственным механизмом. К сожалению, более полные данные в настоящее время отсутствуют.

Вместе с тем характерно, что спустя несколько лет, а именно после переворота 9 июня 1923 г. и П. Петрович, и А. Буров, и Г. Т. Данаилов оказались в центре политической жизни Болгарии, заняли важные места в государственной-партийном механизме. Первый стал председателем Высшего экономического совета, второй выполнял специальные поручения правительства Цанкова за границей, представлял Болгарию в международных органах, третий занял пост секретаря исполнительного комитета правительственной партии «Демократический сговор».

Более головокружительная, хотя бы с формальной точки зрения, карьера ожидала в будущем и некоторых работников аппарата Дирекции СГОП. После военно-фашистского переворота 9 июня 1923 г. заместитель директора сельскохозяйственного отдела ДСГОП Я. Моллов станет министром земледелия и государственных имуществ, помощник заместителя директора ДСГОП П. Тодоров получит портфель министра финансов, а юрисконсульт Дирекции Я. Стоенчев — портфель министра общественных зданий, путей и благоустройства.

¹²⁴ А. Цанков. Последствия от войнаты, с. 52.

¹²⁵ С. Цонев. Указ. статья, с. 50.

¹²⁶ В. Кацаркова. Указ. статья, с. 62.

¹²⁷ С. Цонев. Указ. статья, с. 52.

Вместе с Цанковым эти второразрядные политические и общественные деятели составили в конце войны часть реакционной интеллигенции и политиканов, которая оказалось связанной самыми тесными узами с представителями военщины и финансового капитала. Клубок взаимоотношений, завязавшийся между ними в годы первой мировой войны, по-своему реализовался спустя несколько лет, после удачи военно-фашистского переворота. На наш взгляд, несмотря на скудость материалов, есть основание утверждать, что будущие носители военно-фашистской власти в Болгарии вышли в значительной степени непосредственно из государственно-монополистической организации, какой была Дирекция СГОП. При этом связь между государственно-монополистической стадией развития капитализма как базисом и военно-фашистской властью как политической надстройкой оказалась опосредствованной лишь в небольшой степени.

При земледельческом режиме связи монополистов с государственным аппаратом в значительной степени были нарушены¹²⁸. Но именно в эти годы экономическая мощь буржуазии усилилась. Процесс этот начался еще в условиях военного времени, способствовавших концентрации капиталов; выгодную военную конъюнктуру буржуазия использовала для умножения своих богатств. Появился и новый слой молодых предпринимателей, порожденных благоприятной для наживы обстановкой войны и военных поставок. Этому процессу режим БЗНС, не сходявший с капиталистических рельс, несмотря на всю свою радикальность, в конечном счете помешать не мог. В результате и период послевоенного экономического кризиса и инфляции для части буржуазии¹²⁹ оказался во

¹²⁸ С. Цонев, П. Близнаков. Икономически предпоставки на социалистическата революция в България. Варна, 1964. с. 26. К сожалению, никто из болгарских исследователей, как и указанные авторы, не занимался этим вопросом конкретно. Даже в такой фундаментальной работе, как книга Ж. Натана и Л. Берова, посвященной специально развитию монополистического капитала в Болгарии, о государственно-монополистических отношениях не говорится ничего. Не исследуется этот вопрос, в частности, применительно к «земледельческому» режиму, и в недавно вышедшем первом томе «Экономики Болгарии» (Икономика на България. Т. 1, София, 1969). Правда, там упоминается о «процессе подчинения государственного аппарата финансовому капиталу, хотя этому до 1923 г. мешала власть БЗНС» (с. 503), но вопрос, на наш взгляд, ставится неточно, т. к. приведенная посылка подтверждается примером, из которого видно, что банковский капитал срашивался не с государственным аппаратом, а с руководством буржуазных партий, что, конечно же, не одно и то же, поскольку при однопартийном режиме БЗНС буржуазные партии были отстранены от государственной власти.

¹²⁹ Численно слой болгарской буржуазии был сравнительно невелик. Как утверждает болгарский историк Я. Йоцов, он не превышал в 1919—1923 гг. 20—25 тыс. человек, а вместе с членами семей — 60—65 тыс. человек, что при

многих отношениях благоприятным. В это время отмечается значительное развитие некоторых отраслей промышленности. Только за 1920—1922 гг. возникло 379 новых частных предприятий, было основано 211 акционерных обществ¹³⁰. Но главное—именно в первые послевоенные годы в развитии болгарского капитализма происходит качественный скачок, что выразилось в том, что практика создания дочерних предприятий, сращивания банковского капитала с промышленным, создания монополистических объединений получила массовое распространение¹³¹. К примеру, в конце 1919—начале 1920 г. возникло Объединение экспортеров и фабрикантов табака, одной из целей которого было установление монопольно низких закупочных цен на табак и защита интересов крупного табачного капитала от мероприятий правительства БЗНС¹³². Кроме того, появились «Табачный консорциум», «Типографский картель», «Синдикат объединенных текстильных фабрик Сливена», «Сахарный картель» и некоторые другие¹³³. Всего в годы послевоенного экономического кризиса было создано 7 картелей; три из них стали самыми крупными монополистическими объединениями в стране¹³⁴.

Другой характерной чертой развития капиталистических отношений в Болгарии начала 20-х гг. является возрастание мощи финансовых центров, притом не только иностранных, игравших основную роль в экономике, но и собственно болгарских, национальных. Иностранному капиталу принадлежала вообще большая роль в создании системы финансовых центров в Болгарии. Приток его продолжался и в годы «земледельческого» режима, причем особую активность проявляли французские капиталисты. Ж. На-

---

населении страны, равно в это время почти 4 млн. 850 тыс., составляло примерно 1,3%. При этом в группу крупной буржуазии, платящей налоги с доходов свыше 500 тыс. левов, входило не более 100—120 чел. (Я. Й о ц о в. Социально-экономический облик на България. 1919—1923 — Известия на Ин-та за история, т. 20. С., 1968, с. 26). Но на фоне страны, бедной капиталами, слабо развитой в промышленном отношении, и эта узкая прослойка людей выступала значительной экономической силой.

¹³⁰ История на България. Т. III. С., 1964. с. 68.

¹³¹ Ж. Натан, Л. Беро в. Монополистический капитализм. . . с. 133.

¹³² Там же, с. 188. Заметим, что директором этого одного из наиболее крупных в Болгарии объединений был А. Греков, первый председатель «Народного сговора», и что А. Цанков принимал участие в издании органа объединения журнала «Тютюн» (там же, с. 189).

¹³³ С т. Ц о н е в, П. Б л и з н а к о в. Икономически предпоставки. . . с. 16.

¹³⁴ Ж. Натан и Л. Беро в. Монополистический капитализм. . . с. 193.

тан и Л. Беров отмечают: «. . . в период послевоенного кризиса и инфляции до 1923 г., несмотря на определенные опасения иностранного капитала в связи с экономической политикой земледельческого правительства до 9 июня 1923 г., наблюдался наплыв в страну иностранного капитала, вкладывавшегося во множество отдельных промышленных и торговых предприятий, которые не были связаны с. . . 7 центрами иностранного финансового капитала в Болгарии. . .»¹³⁵. В частности, благодаря притоку французских капиталов значительно возросли фонды таких национальных финансовых центров, как Болгарский торговый банк (БТБ), Франко-болгарский банк для международной торговли и др. Банки, располагая многомиллионными средствами, вкладывали их в разнообразные по профилю акционерные общества (текстильные, строительные, снабженческие, табачные, страховые и т. п.). В результате вокруг Болгарского торгового банка, например, сложилась солидная финансовая группа, в состав которой входили 13 родственных ему акционерных обществ, многие из них в свою очередь имели зависимые от них дочерние предприятия. Оба этих банка финансировали предприятия наиболее доходных в то время отраслей народного хозяйства — табачное производство и вывоз табака-сырца. Видную роль в их правлениях играли А. Буров, И. Буров, Г. Губиделников, П. Быклов (БТБ), Х. Николов, П. Г. Петрович (Франко-болгарский банк для международной торговли) и другие капиталисты, составлявшие основное ядро народно-прогрессивной партии¹³⁶. Политическое родство акционеров этих крупнейших финансовых центров, видимо, оказало свое влияние на установление между банками в 1921 г. дружественных связей и отношений.

К этому центру тяготел также Болгарский банк¹³⁷, главными акционерами которого были С. Стефанов, Д. Беров и другие представители крупного капитала. Видные фигуры здесь — Г. Т. Данаилов, Г. Василев, Н. Мушанов, А. Ляпчев, В. Моллов, Р. Маджаров, А. Гиргинов, в политическом отношении представлявшие главным образом демократическую партию, ее руководство.

Другими национальными финансовыми центрами были Балканский и Франко-бельгийский банки. Также довольно мощные, они отличались таким соотношением в своем основном фонде ино-

---

¹³⁵ Ж. Натан и Л. Беров. Монополистический капитализм. . . с. 165.

¹³⁶ История на България. Т. III, с. 70.

¹³⁷ Ж. Натан, Л. Беров. Монополистический капитализм. . . с. 174.

странного (главным образом французского) капитала и капитала болгарского происхождения, которое обнаруживало явное преобладание первого. Партийно-политическая ориентация акционеров Балканского и Франко-бельгийского банков была гораздо менее определенной, чем в названной выше группе банков.

Монополистические формы приложения капитала обеспечивали финансистам и в годы «земледельческого» режима получение в основном высоких доходов. Так, прибыль Объединенных табачных фабрик, являвшихся дочерним предприятием Франко-болгарского банка для международной торговли, составила в 1920 г. 61% от размера его основного капитала и резервных фондов, а в 1922 г. — 67% (правда, эти доходы не держались на одном уровне: в 1921 г. — 24%, в 1923 г. — 27%)¹³⁸.

Большие прибыли реализовал и БТБ. Показателем этого служит расширение деятельности банка по кредитованию: если в 1919 г. он выдал кредитов на сумму 135,7 млн. лев., то в 1923 г. — уже на 191,4 млн. лев. Другие банки также получали монопольно высокие доходы¹³⁹.

При всем этом буржуазия чувствовала себя весьма стесненной. Поражение Болгарии в первой мировой войне означало для буржуазии крах надежд на расширение государственных границ, на приобретение новых рынков, а, следовательно, ограничение возможностей для получения прибылей в основном рамками собственной страны. Но и этому в определенной степени мешал политический режим, установленный БЗНС. Меры «земледельческого» правительства ущемляли экономические интересы буржуа, затрудняли свободное проявление предпринимательского духа. Ненависть буржуазии вызвало также сильное сужение при «земледельцах» ее возможностей использовать государственный аппарат в интересах своего кармана. Неслучайно в глазах представителей «делового мира» «земледельцы» выступали чуть ли не как большевики: многие из них называли режим БЗНС «оранжевым большевизмом». Вот почему в вопросе о необходимости устранения правительства Стамболийского буржуазия была единодушна. Другое дело — в отношении форм и методов осуществления этих планов.

Не делая ставки на одну какую-то силу, крупные буржуа участвовали в финансировании различных организаций, заинтересованных в борьбе против БЗНС, в том числе организаций, имевших фашистские тенденции, оказывали покровительство военным: получение монопольно высоких прибылей позволяло им расходовать часть их на реализацию своих политических надежд.

¹³⁸ Ж. Натан, Л. Бероу. Монополистический капитализм. . . с. 162.

¹³⁹ См. там же, с. 135, 180.

Разумеется, выяснение связей между монополистическими кругами и мобилизовавшей свои силы военно-фашистской реакцией — дело очень сложное и в полном объеме вряд ли выполнимое. Я. Йоцову тем не менее удалось обнаружить некоторые, вполне определенные связи такого рода. Он отмечает, что в 1922 г. группой офицеров запаса было основано акционерное общество «Каучук». В числе его основателей — член «инициативной тройки» Военной лиги подполковник Кимон Георгиев, ставший председателем правления общества. Создано же это общество было при содействии Софийского банка и крупного капиталиста Николы Иванова, являвшегося главным акционером одного из крупнейших в стране предприятий «Гранитоид». Н. Иванов был избран почетным председателем «Каучука»¹⁴⁰.

Для финансовой поддержки органа «Народного сговора» газеты «Слово» весной 1922 г. в Софии было создано книгоиздательское акционерное общество «Стопанско развитие». У истоков этого предприятия — финансист П. Г. Петрович (председатель правления Франко-болгарского банка для международной торговли, председатель Объединения экспортеров и фабрикантов табака, акционер многих других обществ, в 1917 г. — помощник директора ДСГОП) вкуче с двумя другими монополистами А. Буоровым и Г. Губиделниковым¹⁴¹.

Материальные связи подкреплялись политическими: П. Петрович вошел в состав руководства «Народного сговора». Он имел близкие отношения с руководящей верхушкой Военной лиги — Вылковым, Лазаровым, Георгиевым, Рачевым, Велчевым¹⁴².

Поддержка военных со стороны крупного капитала носила и более широкий характер. В частности, Союз акционерных обществ выступил с инициативой оказать помощь офицерам запаса. В октябре 1921 г. руководство Союза обратилось ко всем своим членам — акционерным банкам и обществам — с просьбой в каждом из них открыть по несколько вакантных мест и принять на них офицеров запаса¹⁴³. С другой стороны, орган Союза офицеров запаса газета «Отечество» содержался благодаря рекламным объявлениям крупных банков и акционерных обществ¹⁴⁴.

¹⁴⁰ Я. Й о ц о в. За социално-икономическата основа на фашистката диктатура у нас в нейния начален етап (1923—1925). — Исторически преглед, 1959, № 5, с. 7—8; Я. Й о ц о в. По някои въпрси на българския фашизъм. — Исторически преглед, 1967, № 1, с. 90—91.

¹⁴¹ Я. Й о ц о в. По някои въпрси. . . с. 91.

¹⁴² Я. Й о ц о в. За социално-икономическата основа. . . с. 9, 13.

¹⁴³ К. К о ж у х а р о в. Военната лига и борбата на реакцията. . . с. 40.

¹⁴⁴ Я. Й о ц о в. За социално-икономическата основа. . . с. 26.

Реакционно настроенные военные и интеллигенты в свою очередь не были чужды предпринимательской деятельности. Так, будущий министр внутренних дел в правительстве Цанкова генерал в отставке И. Русев был в числе основателей софийского «Одринского банка», участвовал он и в других акционерных обществах. Профессор Д. Мишайков, вошедший в состав «Народного сговора», являлся членом контрольного совета банка «Гирдап»¹⁴⁵. Подобных примеров можно было бы привести значительно больше¹⁴⁶.

Итак, в Болгарии, как и в других странах, связи монополистических кругов с верхушкой реакционной, профашистски настроенной военщины и интеллигенции обнаруживаются вполне определенно.

Однако отношения между поднимавшимся фашизмом и буржуазией во всех странах отличались сложностью и противоречивостью. Часть буржуазии субсидировала фашистов, оказывала им и моральную поддержку, но не потому, что ее интересы целиком совпадали в тот период с интересами фашистских организаций или фашистского движения. Пытаясь справиться с послевоенным революционным подъемом, буржуазия поддерживала различные партии и группировки, которые могли оказаться полезными для восстановления ее пошатнувшегося положения. Не делая определенного выбора сразу, буржуазия не выпускала из поля зрения и новую общественную силу в лице фашистов. Многие либеральные политики, далекие от фашизма, видели в нём явление преходящее, считали возможным прибегнуть к нему лишь на время как к удобному оружию против революционного лагеря. Фашистские силы в свою очередь не могли рассчитывать прийти к власти без материальной и политической помощи финансовых кругов. Когда же фашисты приходили к власти, оказывалось, что фашизм угрожает самой буржуазии, ее либеральной части в особенности, руководимому ею в буржуазно-демократическом духе государству, что буржуазия оказывается бессильной противостоять ему¹⁴⁷.

Разумеется, эта схема не отражает всей сложности отношений между буржуазией и фашизмом на начальном этапе его развития в каждой отдельной стране, да и в чистом виде она просто не существовала. Что касается Болгарии, то и здесь часть монополистов материально поддерживала ультрареакционные органи-

---

¹⁴⁵ Ж. Н а т а н, Л. Б е р о в. Монополистический капитализм. . . с. 183.

¹⁴⁶ Подробнее см. цитировавшиеся выше работы Я. Й о ц о в а.

¹⁴⁷ См. П. А л а т р и. Происхождение фашизма. М., 1961. с. 234.

зации. Существовали между ними и политические контакты. Более того, и буржуазия, и круги фашиствующей интеллигенции и военщины были объединены общностью политической цели. В борьбе за устранение «земледельцев» от власти и сформировались два центра — «Конституционный блок», как союз традиционных буржуазных партий, и «Народный сговор», как организация фашистского типа. При этом они взаимно поддерживали друг друга, ибо, хотя методы достижения главной цели представлялись руководством каждого из этих центров различными, политически они были слабы и без такой поддержки ни один из них не мог рассчитывать на успех. Что касается «Народного сговора», то его политические позиции были настолько незначительны, что он и не пытался помешать планам прихода к власти «Конституционного блока»: в 1922 г. о фашистских силах в Болгарии трудно было бы сказать, что они рвались к власти.

Такая «непритязательность» фашистских сил объясняется, на наш взгляд, несколькими обстоятельствами. Во-первых, главенствующей ролью среди них военных, которые из-за сложного международного положения Болгарии были лишены перспективы установить в стране открытую военную диктатуру. Во-вторых, отсутствием сколько-нибудь массового фашистского движения, которое из-за специфических политических условий, сложившихся в Болгарии, и в первую очередь благодаря разносторонней реформаторской деятельности правительства БЗНС, а также благодаря тому, что по многим вопросам принципиальной важности БЗНС и БКП (т. с.) — две самых массовых партии, занимали близкие позиции, имело в Болгарии очень малую питательную базу.

В конечном счете условия для развития фашизма в Болгарии с точки зрения его массовости резко отличались, например, от современных ему итальянских. В Италии не только мелкая буржуазия города, но в немалой своей части и крестьянство в силу ряда причин отказались идти за коммунистами и составили армию фашистского движения, что позволило Муссолини и его сторонникам прийти к власти снизу, на гребне этого движения.

В Болгарии же поворот к решительным действиям военно-фашистской верхушки произошел в результате поддержки, полученной ею сверху, от царя. Но приняв решение совершить государственный переворот и взять на себя власть после свержения правительства Стамболийского, Военная лига и «Народный сговор» стали проводить это решение с твердостью и жестокостью. Фашизм в Болгарии, не сумевший до тех пор добиться сколько-нибудь значительного общественного влияния, заявил о себе кро-

вавыми действиями в ночь на 9 июня 1923 г. и кровавым подавлением вспыхнувшего в ответ на эти действия восстания.

Приход фашистов к власти в Болгарии путем государственного переворота не снимает ответственности за это с буржуазных партий. Ибо все партии болгарской буржуазии в конце концов заняли по отношению к фашизму не только позицию непротивления ему, так хорошо знакомую по другим странам, но и поддерживали планы заговорщиков, а затем и прикрыли их, официально одоблив после переворота происшедшую перемену.

Становление военно-фашистского режима

1. Формирование механизма власти

Убедившись, что переворот удался, царь Борис подписал указ о составе нового правительства. Тем самым акт государственного переворота был узаконен.

С самого начала формирования органов новой власти главную роль играло решение руководства Военной лиги не упускать инициативы из своих рук в этом важном вопросе. Министрами правительства были утверждены те самые лица, что были подобраны лигой. Внешне, по формальным признакам кабинет не выглядел диктаторским. Однако никакая широта партийного представительства в нем не могла скрыть факта, что основные командные посты в государстве отводились военным. Хотя из 10 министров военными в правительстве были только трое, именно в их руках сосредоточились нити руководства всей внутренней и внешней политикой: министерство внутренних дел возглавил генерал И. Русев, министерство иностранных дел — полковник Х. Калфов, военное министерство — ген. И. Вылков. Их ставленник и доверенное лицо профессор Цанков стал премьер-министром и министром просвещения. Его приятель по «Народному сговору» Я. Моллов получил министерство земледелия. Остальные пять портфельей были распределены между представителями буржуазных партий. Но военные теперь и не собирались предоставлять им сколько-нибудь самостоятельной роли.

Более того, руководство Военной лиги, стремясь стать полным и бесконтрольным хозяином положения в стране, словно забыло о существовании самой лиги¹. Особую прыть проявил генерал

---

¹ Бывшие члены лиги пишут в своих мемуарах: никто из руководства не интересовался рядовыми членами Союза, никто не собирался созывать очеред-

Вылков. Этот «тихий» и «скромный» генерал, ставший главой Военной лиги благодаря старшинству своего чина, «в отношении которого инициаторы переворота думали, что у него нет амбиций стать вождем и вмешиваться в дела лиги, скоро проявил свой властный характер. Он уже не нуждался в своих бывших товарищах, их вмешательство уже раздражало его. Он искал опору не в них, а в царе, с которым легче достигал взаимопонимания»².

Вокруг Вылкова формируется так называемый «политический эскадрон»: это министры правительства, имеющие военные чины, а после выборов в парламент также и депутаты Народного собрания — военные. К ним примыкают офицеры высоких званий, входящие в состав Центрального правления Военной лиги, благодаря чему они могут оказывать влияние на государственные дела. Появляется и третья группа офицеров — в качестве актива Центрального правления³. Так образуется новый орган Военной лиги, который был назван «Конвентом»^{3а} за ту большую власть, что он себе присвоил.

Власть Конвента была поистине очень велика. Г. М. Димитров называл его фактическим правительством, действовавшим закулисно, для которого официальный Совет министров был только внешней мантией⁴. «Во всех важных случаях, — отмечал Г. Димитров, — Совет министров оказывается поставленным перед свершившимися фактами и в роли обыкновенного регистратора решений «Конвента»^{4а}.

Подробности функционирования Конвента, его персонального состава остаются невыясненными и по сей день⁵: Конвент действо-

---

ного его конгресса, чтобы обсудить возникшие после переворота политические вопросы (Хр. Стойков и др. Указ. соч., с. 222).

² Хр. Стойков и др. Указ. соч., с. 211.

³ Там же, с. 209.

^{3а} Там же.

⁴ Г. Димитров. Кой управлява България. — Съчинения. Т. 7, с. 291.

^{4а} Там же, с. 292.

⁵ В статье, датированной ноябрем 1923 г., Г. М. Димитров писал, что «так называемый «Конвент десяти», состоит из верных людей Военной лиги, «Кубрата» и действует по договоренности и с помощью правых автономистов Тодора Александрова» (там же, с. 291). Позже исследователи приравнивали Конвенту Центральное правление Военной лиги (см. Й. Митев. Фашистският преврат. . . с. 157) или ограничивались утверждением о том, что Конвент состоял из группы офицеров, действовавших по приказам царя (см. К. Кожухаров. Земледельческият съюз и българския фашизъм. — Исторически преглед, 1967, № 6, с. 113). Современники-члены Военного союза пишут в своих воспоминаниях, что в первое время в Конвент входили генерал И. Вылков, полковник Д. Велчев, полковник Г. Вылков, генерал Велизар

вал конспиративно и члены его, по-видимому, не стремились как-то фиксировать свои решения⁶.

Несмотря на жалобы членов Военной лиги, что после переворота с ними перестали считаться, фактическая роль военных в государстве выросла многократно.

Прежде всего, часть офицеров, уволенных при Стамболийском в запас, была вновь принята на военную службу. Среди них — В. Лазаров, Д. Велчев, Д. Порков, сыгравшие важную роль в последующих событиях. А события в стране в месяцы после свержения правительства Стамболийского развивались бурно — вооруженная борьба в ряде мест Болгарии в июне 1923 г. в ответ на переворот, а затем грандиозное героическое антифашистское Сентябрьское восстание рабочих и крестьян под руководством коммунистической партии.⁷

Целью Сентябрьского восстания было свержение правительства Цанкова и установление власти рабоче-крестьянского правительства. Восстанию предшествовала военно-техническая и политическая подготовка его коммунистами, которая, хотя и не смогла быть доведена ими до конца, позволила повстанцам в течение двух недель вести ожесточенные бои.

В ходе восстания возник боевой революционный союз рабочих и крестьян, что было важнейшим политическим завоеванием БКП (т. с.) и всего болгарского народа. Хотя работа по формированию антифашистского блока, в основу которой была положена выработанная коммунистами демократическая платформа единых действий, не прошла еще до начала восстания начальной стадии, в самом восстании участвовали не только рабочие и крестьяне, но и ремесленники, служащие, представители демократической части интеллигенции.

Наибольший размах действия повстанцев приобрели на Северо-Западе Болгарии. Здесь во главе окружного революционного комитета встали В. Коларов, Г. Димитров, Г. Генев. Они лично руководили военными операциями, заботились о вооружении повстанцев. Крупные бои развернулись за г. Фердинанд (ныне Михайловград). Повстанцы стремительно атаковали правительственные

Лазаров, полковник П. Петров, офицер запаса Н. Рачев, полковник запаса Вл. Начев, назначенный начальником полиции, Мих. Савов, генерал И. Русев, полковник С. Василев (Х р. С т о й к о в и др. Указ. соч., с. 209—210).

⁶ Нет сведений и о том, как долго он существовал, какие изменения претерпели его власть и влияние с годами.

⁷ В существующей литературе события, связанные с Сентябрьским восстанием 1923 г., отражены весьма полно, что дает возможность автору не останавливаться на них подробно.

войска и в результате ожесточенного сражения овладели городом. Власть перешла в руки революционного комитета, в который вошли коммунисты и представители БЗНС. Город был объявлен временным центром восстания.

Повстанцы одержали победу в боях за города Оряхово, Берковица, освободили десятки сел Северо-Западной Болгарии.

Упорные бои развернулись и в других районах страны. Восставшим удалось овладеть, хотя и ненадолго, таким центром, как Нова-Загора; тяжелые сражения велись за Стара-Загору. Пламя восстания охватило Чирпанскую околию, почти целиком перешедшую в руки восставших, а также Казанлыкскую околию. Серьезные бои происходили в целом ряде околій Пловдивского округа и в других местах.

В населенных пунктах, занятых восставшим народом, власть переходила в руки революционных комитетов. Вся их деятельность была подчинена главной цели — обеспечить успех восстания. Комитеты создавали новые отряды, вооружали их, формировали рабоче-крестьянскую милицию, устанавливали революционный порядок и законность, снабжали продовольствием повстанческие войска и семьи бойцов.

Во время Сентябрьского восстания впервые в истории Болгарии восставший народ приступил под руководством коммунистической партии к организации подлинной революционной власти рабочих и крестьян. Это отчетливо проявилось в Северо-Западной Болгарии, где была освобождена значительная территория от Дуная до гор Стара-планины и от р. Искыр до болгаро-югославской границы. Здесь власть перешла к революционным комитетам, причем все они — от сельских до Главного военно-революционного комитета — состояли из коммунистов и земледельцев-единофронтовцев. Рабоче-крестьянская власть была установлена в 8 городах и 440 селах. Но просуществовала она недолго. Как отмечал Г. Димитров, условия, в которых произошло Сентябрьское восстание, были уже не столь благоприятны, как в июне с 923 г., когда переворот только что был совершен⁸.

---

⁸ Причины поражения восстания этим не исчерпываются. В результате тщательного анализа причин неудачи Сентябрьского восстания 1923 г. болгарские коммунисты пришли к выводу, что главной из них, определившей все другие недостатки и ошибки, является недостаточная тогда еще большевизация БКП (т. с.). Это проявилось в недооценке партией июньских событий, как самого благоприятного момента для нанесения сокрушительного удара по реакции, в том, что с революционной решительностью не были отстранены сторонники позиции нейтралитета. Это выразилось и в том, что союз рабочего класса и крестьянства не был еще достаточно прочным, в том, что коммунисты не вели настойчивой борьбы за завоевание армии, не развер-

В целом попытка народных масс Болгарии покончить с фашизмом в начальный период его развития успехом не увенчалась.

Сентябрьское восстание также, как и июньское, было жестоко подавлено. Против повстанцев была брошена армия, развернувшая настоящие боевые действия. В сентябрьские дни в стране было объявлено военное положение и санкции военно-полевых судов распространены на гражданских лиц. Генерал В. Лазаров, один из главных усмирителей восставших, отдал приказ повстанцев и их сообщников в плен не брать, а убивать на месте⁹: это развязывало руки фашиствующим элементам, оставило безнаказанными сотни убийц коммунистов и «земледельцев» — едиnofронтцев. Особую активность развернула при подавлении восстания шпиц-команда из македонских террористов, приданная армии¹⁰. Да и сама армия была увеличена, в сентябрьские дни 1923 г. в нее влились офицеры запаса, переодетые солдатами¹¹: правительство Цанкова добилось у Межсоюзнических контрольных органов разрешения на увеличение армии на три тысячи человек против того, что устанавливалось условиями Нейского мира¹².

Отсутствие широкой социальной опоры у правительства Цанкова, активное сопротивление его приходу к власти со стороны масс народа, вплоть до крупных вооруженных восстаний — все это заставляло узурпаторов укреплять в первую очередь аппарат подавления. Армия стала использоваться не только по своему прямому назначению. Проведение арестов, допросов, экзекуций стало новым амплуа для болгарских офицеров. Эта сомнительная честь выпала сотрудникам 3-й секции военного министерства, реорганизованной вскоре после переворота. Во времена Стамболийского 3-я секция выполняла разведывательную службу в отношении реквизиционных органов западных держав, помогала гарнизонам укрывать оружие от конфискации. Военный министр Вылков поставил перед секцией новую задачу: разведывательная деятельность против Болгарской коммунистической партии, борьба с нею¹³. Секция была немногочисленна, имела всего с десяток офицеров, но, подчиняясь одному лишь военному министру, обла-

---

нули широкой политической работы среди восставших масс. Отрицательную роль сыграли также медлительность и инертность некоторых руководителей среднего звена партии и т. п. В ходе самого восстания был допущен ряд ошибок военно-оперативного характера.

⁹ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 28. Из показаний Д. Поркова.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Т. III, л. 183.

¹² Там же. Т. II, л. 185.

¹³ Там же, л. 27.

дала огромной свободой действий. Секция работала в непосредственном контакте с Дирекцией полиции. До Сентябрьского восстания 3-я секция в основном вела лишь разведывательную деятельность. Но после того, как борьба с коммунистическим движением вступила в открытую стадию, 3-я секция военного министерства превратилась в одно из самых страшных инквизиторских учреждений. Сотрудники секции оплачивались из безотчетных фондов, заведенных для этой цели военным министром, получал которые на всех начальник секции майор Порков.

Так расширились функции армии после переворота 9 июня. Но этим дело не ограничилось: военные проникли по существу во все поры государственного механизма. Они стали руководить сменной дипломатического корпуса¹⁴, реорганизацией органов принуждения и в первую очередь полиции, жандармерии, а также обеспечением их новыми кадрами, формированием органов местной администрации взамен разогнанных после переворота.

Полиция была предметом особых забот новой власти. Вначале директором полиции был назначен Х. Чемширов, но несколько месяцев спустя он был заменен полковником В. Начевым, активным членом Военного Союза и близким другом политического секретаря Союза Н. Рачева¹⁵. Тогда-то Дирекция полиции стала превращаться в «образцовое» заведение с дифференцированными политической, уголовной и административной службами¹⁶. В качестве сотрудников на работу в Дирекцию полиции стали приниматься офицеры запаса и солдаты. Для повышения их профессиональной квалификации, в общем вначале очень невысокой, в Вену было командировано несколько человек. Там они специализировались при местной полиции. О таких командировках и на дальнейшее была достигнута договоренность с австрийским правительством, которое, кроме того, обещало прислать в Болгарию своих инструкторов¹⁷. В речи, произнесенной в парламенте спустя год после переворота, министр внутренних дел генерал Русев, хотя и в косвенной форме,

---

¹⁴ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 563, 585, 588, 641.

¹⁵ По мнению некоторых современников, Н. Рачеву вообще принадлежали весьма ответственные функции в создании нового административного аппарата. Он стал главным секретарем Министерства внутренних дел, т. е. ведал кадрами этого важнейшего органа. С. Мошанов считает, что таким образом в его лице объединились функции «внутренней и военной администрации» и что он держал в своих руках всю гражданскую администрацию страны (АМВР, II съд., д. 1556, т. III, л. 187; т. X, л. 120).

¹⁶ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 27; т. III, л. 137.

¹⁷ Стен. дневници на ХХI ОНС, I р. с. С., 1924, с. 2024.

признал факт глубокого обновления личного состава органов полиции¹⁸.

Как же была организована под эгидой военных власть на местах? Ц. Драгойчева свидетельствует, что во всех городах тайно существовали «конвенты», в которые входили члены Военной лиги и местные реакционеры. Они-то были фактическими вершителями всех дел и играли на местах ту же роль, что и центральный Конвент в масштабе всей страны¹⁹. Но военным приходилось считаться с ограниченностью своих возможностей осуществить открытую милитаризацию государственного аппарата по причинам, о которых говорилось выше. Поэтому формально система административных органов оставалась традиционной, но при этом кадровый состав их менялся кардинально. «Земледельцы» не просто смещались с административных постов, а в ряде случаев, особенно в связи с июньским восстанием, физически уничтожались, расстреливались, вырезывались. Министр внутренних дел позже отмечал, что новая администрация формировалась в тревожное время, когда после переворота 9 июня 1923 г. в стране «начались мятежи»²⁰.

Поскольку формально к власти пришла коалиция партий, их представители, участвовавшие в правительстве, получали доступ и в органы местной власти. Достаточно было зарекомендовать себя рьяными и активными противниками «дружбашей». Вот как говорил об этом в парламенте широкий социалист Х. Баралиев: «Одним из лозунгов 9 июня была беспартийная администрация; «после 9 июня в качестве окружных управителей, околийских начальников мы имели во многих местах назначенных достойных людей, которых события выдвинули вперед, которых граждане, независимо от их партийной принадлежности указали ввиду опасности момента как наиболее преданных, честных и энергичных»²¹. Правда, спустя короткое время положение стало меняться: как только в правительственной коалиции появились трещины, отношение военных руководителей министерства внутренних дел к партийной принадлежности членов административного аппарата стало более строгим. Тот же Х. Баралиев жаловался в Народном собрании: «Все социалисты систематически были уволены с постов, которые они заняли после 9 июня»²². Но уволялись не только социал-демократы, а и радикалы, демократы, все те, грех которых

---

¹⁸ Стен. дневници на XXI ОНС, 1 р. с., с. 2024.

¹⁹ Ц. Драгойчева. Повеля на дълга (Спомени и размисли). С., 1972. с. 379.

²⁰ Стен. дневници на XXI ОНС, 1 р. с., с. 2007.

²¹ Там же, с. 1982.

²² Там же.

состоял в том, «что они думают не так, как люди правительственной партии»²³.

Наличные материалы не позволяют охарактеризовать административный аппарат с точки зрения партийного состава его кадров. Бесспорно, однако, что и в этой системе без военных не обошлось. Это видно из данных министра внутренних дел относительно уровня образования подчиненного ему персонала: все, не имеющие высшего образования, по утверждению генерал Русева, являются офицерами запаса с 15—20 летним стажем, они «знают, что такое власть и власть их не смущает; это не парвеню»²⁴.

Действительно, не говоря уж об окружных управителях, и в околийские начальники назначались офицеры запаса довольно больших званий. Так, в Елховскую околию был назначен вначале подполковник запаса Г. Николов, замененный вскоре еще более высоким чином — полковником запаса Велевым. Ни один из них не был родом из Елхово²⁵.

Если окружные управители и околийские начальники и в прежние времена назначались министром внутренних дел, то самой мелкой административной единицей — общиной (городской или сельской) управлял выборный совет. Он подчинялся окружному совету, также выборному органу. После переворота 9 июня эта форма местного самоуправления в большинстве случаев²⁶ была заменена назначаемыми так называемыми трехчленными комиссиями, в просторечье трехчленками. Так же, как из других органов административного аппарата, и из трехчленок постепенно были удалены многие представители буржуазных партий, проявившие оппозиционные настроения.

Сами по себе трехчленки не были нововведением новой власти. Они создавались и прежде, но лишь в исключительных случаях, когда общинный или окружной совет по каким-либо причинам не мог функционировать или не устраивал правительство и подлежал роспуску. «Земледельцы» также прибегали к использованию трехчленных комиссий и при этом значительно расширили их права.

Сохранив полную преемственность в отношении последнего обстоятельства, руководители министерства внутренних дел правительства Цанкова направляли деятельность трехчленок в первую

---

²³ Стен. дневници на XXI ОНС, I р. с., с. 2007.

²⁴ Там же, с. 2024.

²⁵ ЦДИА, ф. 252, оп. 1, ед. хр. 271, л. 1. Письмо председателя бюро Демократического сговора с Омана Елховской околии министру от 4. VII. 1926.

²⁶ В газете демократов «Знаме» сообщалось, что после 9 июня ушло в отставку более половины окружных советов (Знаме, 19. X. 1925).

очередь против революционных или просто подозрительных для узурпаторов элементов. Трехчленки существовали в течение почти целого года после переворота, присвоив себе все права органов местного самоуправления и выступая активными проводниками внутренней политики нового правительства.

Новая администрация выполняла не только свои прямые функции. По признанию министра внутренних дел, летом 1923 г. окружным управителям было вменено в обязанность «разъяснять в народе программу правительства»²⁷.

Итог сказанному лучше всего подвести словами буржуазного политического деятеля С. Мошанова: «Правление после 9 июня до созыва нового парламента и до выборов находилось исключительно в руках политического руководства Военного союза. . . Военный союз держал в своих руках армию, дирекцию полиции и администрацию. С 9 июня 1923 г. до того, как началось действительное функционирование Народного собрания, власть была исключительно в руках Военного союза, а политические партии играли второстепенную роль»²⁸.

Итак, военный характер власти, установленной в результате переворота 9 июня 1923 г., несмотря на все попытки завуалировать его²⁹, не подлежит сомнению. Но этим далеко не исчерпывалось существование нового режима.

В течение месяца после переворота болгарская и международная общественность могли судить о платформе нового правительства только по короткому Манифесту, с которым узурпаторы обратились к народу 9 июня 1923 г. С большой же программной речью премьер-министр впервые выступил в Софии только 8 июля³⁰, затем последовала 27 июля речь в Варне³¹. Оба выступления Цанкова были энергичным отрицанием «земледельческого» режима. В противоположность прошлому провозглашалось, что новое правительство не должно быть ни классовым, ни сословным, но должно быть «народным», должно вести политику социального

---

²⁷ Стен. дневници на XXI ОНС, I р. с., с. 2008.

²⁸ АМВР, II съд., д. 1556, т. III, л. 187; т. X, л. 120.

²⁹ По наблюдению В. Коларова, приехавшего в конце июня 1923 г. в Болгарию из Москвы и арестованного, столичные власти вынуждены были, хотя бы внешне, следить за «законностью» своих действий. «В провинции было совсем иначе. Здесь безответственные элементы действовали свободно и именно они не хотели выпустить меня из своих клещей». (В. Коларов. Спомени. с. 512).

³⁰ «Реч, произнесена от министър-председателя проф. Ал. Цанков пред публичното събрание в гр. София на 8. VII. 1923 г.» С., 1923.

³¹ Речта на министър-председателя Ал. Цанков, произнесена в летния общински театър на 27. VII. 1923 г. (по стенографски бележки).

мира. Незачем делать различие между горожанами и крестьянами, главное, что они — болгары, что в их жилах течет болгарская кровь.

Программные речи премьер-министра в основном были выдержаны в духе платформы «Народного сговора», изложенной в «Слове» год назад. Внешнеполитическая их часть по-прежнему была лишена и перспективы, и боевого активного заряда. Из-за невозможности выдвинуть ревизионистские и реваншистские лозунги³² Цанкову приходилось заунывно твердить: мы будем уважать великие державы и мирный договор. Но мы не можем не скорбеть о частях, оторванных от нашего тела. Мы будем лечить наши раны, однако, не методами войны и воинственности. Единственное, чего мы требуем, чтобы наши братья, разбросанные повсюду, уважались как люди и как национальность³³.

Обращаясь к каждому «классу и сословию болгарского народа», премьер-министр обещал крестьянам землю; рабочим — контроль государства за чрезмерной эксплуатацией, установление длительности рабочего дня, «отвечающей интересам народа и государства»; ремесленникам — покровительство государства, достаточный и легко доступный кредит; чиновникам — повышение зарплаты. Промышленникам адресовались такие слова: правительство не будет предпринимать против них никаких исключительных мер, к которым прибегало прежнее правительство. Основой политики в этом отношении будет координация действий капитала, труда и государства, но при этом капитал будет находиться под зорким оком государства³⁴.

Итак, никто не забыт. Но достаточно ли обещанного, чтобы сплотить народ вокруг нового правительства? Компенсировали ли обещания Цанкова те экономические и политические потери, которые понесло крестьянство в результате переворота 9 июня? Рабочие, добившиеся в 1919 г. указа о 8-часовом рабочем дне, также вряд ли могли чем-либо прельститься в предложенной им программе. Некоторый положительный резонанс речи Цанкова имели только среди городской мелкой буржуазии, но этого было

---

³² В 40-е годы Цанков в одной из своих речей заявил: «Этот диктат (Нейский договор. — Р. Г.) как будто бы положил конец всем нашим желаниям и идеалам. . . » В то время мы давали себе отчет в том, что «если не считать пути, связанного с новой войной, национальное объединение Болгарии остается суетной мечтой». Никто в Болгарии не верил в ревизию мирного договора. Мы знали, что только новая война сможет радикально изменить создавшееся неестественное положение, но никто не верил, что вся эта система договоров рухнет раньше, чем через 25 лет» (АМВР, УО—42929).

³³ Речь, произнесена. . . на 8. VII. 1923, с. 8.

³⁴ Речта. . . на 27. VII. 1923, с. 20.

совершенно недостаточно для того, чтобы новое правление могло рассчитывать на массовую поддержку.

Чувствуя шаткость власти, опирающейся только на штыки, Цанков в своих программных речах делал особый упор на необходимость создания новой общественной силы путем объединения политических партий вплоть до их полного слияния³⁵. Имеющиеся идейные различия могут быть преодолены, считал он, так чтобы образовалась не коалиция партий, а произошло их полное слияние, означающее создание новой политической силы, причем подразумевалось, что она будет находиться под эгидой фашиствующего «Народного сговора». А затем — подбор кадров, достойных принять участие в управлении³⁶.

Программные речи премьер-министра отличаются большой рыхлостью и нечеткостью даже по сравнению с разработками такого рода, опубликованными в свое время в «Слове». Но, несомненно, что существом этих программных речей оставались идеи социального мира, гармонии интересов труда и капитала. Будучи руководством к действию для крайне реакционных сил, пришедших к власти в результате переворота 9 июня 1923 г., они придавали военному режиму, установленному в стране, фашистскую окраску.

Особенно важным в связи с этим представляется тезис Цанкова об «обновлении» жизни государства «новой общественной силой». В нем отчетливо проявилась характерная для фашизма тенденция к изменению существующей к моменту прихода фашистов к власти политической структуры в таком направлении, чтобы обеспечить главенствующую роль в политической жизни общества «новому общественному движению» за счет оттеснения, а еще лучше поглощения наиболее авторитетной части традиционных буржуазных партий. Проявление этой тенденции в Болгарии на очень ранней стадии развития фашизма как международного явления, когда нигде, кроме Италии, он еще не выкристаллизовался в достаточной степени ни политически, ни идеологически, объясняется особыми условиями его прихода к власти в этой стране и необходимостью удерживать ее при отсутствии массовой социальной опоры.

Премьер-министр сам возглавил эту реорганизацию политической структуры. Функционально он играл очень важную роль в системе военно-фашистской власти, будучи своего рода связующим звеном между тайным, нелегальным военным правительством и официальным кабинетом министров. Хотя кресло главы кабинета Цанков получил из рук военных в буквальном смысле слова, он

---

³⁵ Речта... на 27. VII. 1923, с. 28.

³⁶ Реч, произнесена... на 8. VII. 1923, с. 25.

не был просто подставной фигурой, но с энергией и активностью принялся за претворение в жизнь планов, которые тогда были общими и для него, и для военной верхушки.

В случае удачи осуществления плана создания новой политической силы, как опоры военно-фашистского режима, это означало бы ликвидацию большинства старых буржуазных партий, т. е. подчинение нефашистской части буржуазии новому руководству государства, потерю ею своей самостоятельной политической роли.

Задача создания новой политической силы являлась для Цанкова и К⁰ тем более важной, что они не имели массовой поддержки и не рассчитывали получить ее в близком будущем. По поводу этой идеи, вынашивавшейся военными еще до переворота, генерал Вылков в специальном заявлении в связи с 9 июня говорил: «Армия воодушевлялась и воодушевляется идеей согласия всех партий порядка и законности, исходя из лозунга «Объединение дает силу». . . Симпатии армии будут отданы тем, кто больше всего делает для согласия. . .»³⁷. Вылкова всецело поддерживал в этом начинании Цанков, который позже так оценивал усилия по созданию новой партии «Демократический сговор»: «В 1923 г. я был одним из первых, если не первый, кто сказал: наступает новое время, растет новое поколение, формируются новые силы и старые, как бы не были велики их заслуги, должны отступить. . . Интуитивно и по логике вещей я видел то новое, что идет. Партии сходили со сцены, потому что идеи, двигавшие политическую жизнь, переживали кризис. Это были идеи демократизма, принцип равенства и идея либерализма, идея свободы. Партии погибают, потому что они классовые, сословные, а время требует объединения народа, всех его сословий, всех его социальных подразделений. Партии погибают или отступают, будучи непривлекательными для поколений молодых, для молодежи»³⁸. Эти слова вполне отражают смысл предпринимавшейся политической реконструкции, социальной функцией которой было способствовать преодолению кризиса буржуазного парламентаризма на путях фашизации.

Однако осуществить эту задачу оказалось совсем не просто. Буржуазные партии с ликованием встретили весть о свержении ненавистной «диктатуры мужиков». Что уж говорить о крайне правых партиях народняков и национал-либералов, если социал-демократы в лице их лидера Я. Сакизова позволяли себе такие публичные заявления: «Переворот полностью удался, возникшее вначале на местах сопротивление подавлено, все земельные

---

³⁷ Демократически сговор, 6. XI, 1923.

³⁸ АМВР, VO—42929.

лидеры арестованы. Среди населения городов и деревень царит всеобщая радость. Население оказывает полное доверие коалиционному правительству. переворот означает разрыв с прежней политикой. Правительство ориентируется влево. Социал-демократия поддерживает новый кабинет, чтобы поддерживать и укреплять левое направление»³⁹.

В начале июля каждая из буржуазных партий провела заседание своего центрального руководства и все они высказались в поддержку правительства Цанкова.

Но это было только одной стороной дела, ибо в целом положение в лагере буржуазии стало после переворота очень сложным: стремление военно-фашистского руководства государством ликвидировать прежние буржуазные партии, объединив их под своей эгидой в «Демократический сговор», не могло прийти по душам старым политическим лидерам, мечтавшим о том, чтобы вернуться к деятельности на политической арене и, конечно же, к самостоятельной деятельности. Часть из них сама стремилась к объединению, но считала, что стержнем его должен быть «Конституционный блок», формально продолжавший существовать. Однако эти деятели вынуждены были констатировать, что их положение резко изменилось по сравнению с тем, что было год назад, когда «Народный сговор» и не оспаривал у «Конституционного блока» первенства в борьбе против «земледельцев». Теперь же «Народный сговор», за спиной которого стояла фактически правящая и бесконтрольная Военная лига, заявлял о себе не иначе, как о главном центре объединения партий буржуазии вплоть до полного их слияния.

Июнь-июль 1923 г. были месяцами ожесточенной политической борьбы между двумя этими центрами.

ЦК «Конституционного блока» поспешил собраться на заседание уже 15 июня, чтобы решить вопрос о линии своего поведения после происшедших 9 июня перемен. Представители партии народняков высказались за немедленное слияние партий, входивших в состав блока, вокруг которого должны будут сплотиться остальные партии; такой метод объединения буржуазных партий обещал бы «Конституционному блоку» политическое преобладание⁴⁰. Близкой позиции придерживалась часть представителей демокра-

---

³⁹ Arbeiter-Zeitung, 17. VI. 1923 (телеграмма Я. Сакизова в ответ на запрос центрального органа австрийской социал-демократии).

⁴⁰ С т. Р а д у л о в. Създаването на Демократическия сговор. с. 89.

тической партии. Однако радикалы соглашались на объединение лишь в форме федерации.

При отсутствии единства мнений по этому вопросу дальнейшие переговоры об объединении шли не только между представителями партий внутри «Конституционного блока», но также между представителями отдельных партий и «Народным сговором», причем каждая из сторон стремилась обеспечить себе доминирующее положение в будущей единой партии.

Ст. Радулов, впервые в болгарской историографии детально рассмотревший политическую жизнь Болгарии июня—начала августа 1923 г., совершенно правомерно говорит о борьбе за преобладание двух проявившихся в это время тенденций — фашистской и буржуазно-демократической. Наиболее верными буржуазно-демократическим традициям оставались радикальная и демократическая партии, несмотря на общий поворот из самих в целом к реакции⁴¹.

В ходе лихорадочных переговоров между партиями среди радикалов и демократов произошло размежевание и усилилось влияние правых группировок, под давлением которых 23—24 июля 1923 г. было принято решение о слиянии радикальной и демократической партий с «Народным сговором» и об образовании «Демократического сговора». Было достигнуто соглашение об оформлении предварительного протокола.

Но, очевидно, что при таком партийном соотношении внутри «Демократического сговора» новая партия весьма отличалась бы от того, какой хотело ее видеть военно-фашистское руководство. Поэтому «Народным сговором» немедленно были предприняты новые шаги и уже 25 июля крайне реакционная партия народняков заявила о своем слиянии с «Народным сговором». Это означало, что предварительный протокол о создании «Демократического сговора» должен был быть согласован и с представителями народняцкой партии. Но после этой процедуры протокол стал существенно отличаться от прежнего, ибо фактически произошла подмена уже согласованных с демократами и радикалами условий слияния и целью этой подмены было умалить силу буржуазно-демократического направления в новой партии⁴². Однако попытка поставить радикалов и демократов перед свершившимся фактом в условиях уже объявленного объединения вызвала с их стороны бурную реакцию и достигнутое накануне соглашение об их слиянии с «Народным сговором» было расторгнуто. А спустя несколько

⁴¹ Ст. Радулов. Създаването на Демократическия сговор. с. 91, 107, 112.

⁴² Там же, с. 105.

дней — 3 августа — руководство радикальной и демократической партий объявило о слиянии своих партий в «Союз демократии»⁴³.

Однако Союз демократии просуществовал всего несколько дней⁴⁴. До иначе и быть не могло. Неудовлетворенная ходом объединительного процесса и недовольная образованием Союза демократии военно-фашистская верхушка прибегла к использованию «новых» средств для достижения своих целей.

К лидеру демократов Малинову и лидеру радикалов Костуркову, не желавшим ни в какой форме вливаться со своими сторонниками в «Демократический сговор», явилась делегация Военного союза, заявившая, что в случае неподчинения требованию «общественного мнения» о необходимости роспуска демократической и радикальной партий и вступления их в «Демократический сговор», оба деятеля будут сами нести ответственность за вытекающие из этого последствия и что их ждет, как самое малое, «выселение из Пирин»⁴⁵.

С остальными упрямыми поступали примерно так же. Другой видный деятель демократической партии Н. Мушанов, тоже не согласившийся на вступление демократической партии в «Демократический сговор», получил от правого лидера ВМРО Т. Александра письмо с требованием явиться к последнему. Это было своего рода повесткой явиться на суд⁴⁶. Всем была известна безнаказанность действий террористов этой организации. Во время встречи Т. Александров сказал, что по сведениям, которыми рас-

---

⁴³ Ст. Радулов так оценивает это событие: «Создание Союза демократии было логическим завершением начавшегося еще в 1919—1920 гг. процесса сближения буржуазно-демократических течений среди болгарской буржуазии. В основе этого объединения лежали интересы той части болгарской буржуазии, которая все еще считала буржуазно-демократическую организацию государства возможным средством для выхода из политического кризиса и для противодействия революционным силам, руководимым БКП. Этот процесс, хотя и начался давно, был ускорен самим развитием класса буржуазии, возникновением и формированием фашистского направления среди его представителей и его попытками поставить под свой политический контроль весь класс. Так что создание Союза демократии можно и нужно рассматривать не только как тактический шаг двух партий, стремившихся обеспечить себе лучшее место при общем объединении буржуазных сил, но и как средство противодействия, хотя и очень умеренное, новому направлению среди болгарской буржуазии». (С т. Р а д у л о в. Създаването на Демократическия сговор. . . с. 107.)

⁴⁴ А. М а л и н о в. Под знака на острастени и опасни политически борби. С., 1934. с. 154.

⁴⁵ Там же, с. 153—154; Д. К а з а с о в. Указ. книга, с. 296.

⁴⁶ Из свидетельских показаний Ст. Мошанова на процессе 1954 г. (Н. Мушанов приходился свидетелю дядей). АМВР, II съд., д. 1556, т. III, л. 185.

полагает ВМРО, в стране готовится восстание и это было одним из аргументов для того, чтобы заставить Н. Мушанова вступить с демократической партией в «Демократический сговор»⁴⁷.

Но грубый нажим, хотя он и сыграл свою роль, не был единственным фактором, способствовавшим форсированному созданию «Демократического сговора». Свою роль в этом играло также определенное разрешение кризисных процессов внутри демократической и радикальной партий.

Внутри каждой из этих партий существовали как силы, противившиеся объединению с «Народным сговором», так и силы, не только стремившиеся к этому, но и находившиеся в непосредственной связи с этой организацией. К первым относились наиболее авторитетные представители демократической и радикальной партий и цанковцы делали все возможное, чтобы противопоставить их вторым. Не случайно Цанков в своих программных речах говорил о «старых» и «молодых», отдавая «молодым» очевидное предпочтение. Он использовал и подогревал тягу к объединению сил, существовавшую в буржуазных партиях, произнося демагогические речи об историческом значении 9 июня, о восстановлении «подлинной демократии», о привлечении к дележу государственного пирога «всего, самого достойного», делая авансы «молодым».

Налицо было стремление вообще удалить «старых» с политической сцены. Переворот 9 июня застал многих из них в тюрьме, где они находились после разгрома «Конституционного блока» земледельцами осенью 1922 г. Правительство Цанкова распорядилось об их освобождении только в конце июня 1923 г. А. Малинов так писал в 1934 г. о взаимоотношениях между военно-фашистским руководством и некоторыми буржуазными политическими деятелями: «Мы мешали одному и другому (Стамболийскому и Цанкову — *Р. Г.*). Им было нужно, чтобы мы не стояли на их пути, не пересекали его». Цанков и компания хотели бы выступить нашими освободителями, но именно они стремились задержать нас в тюрьме на более или менее продолжительное время⁴⁸.

Выйдя из тюрьмы, Малинов категорически отказался влить демократическую партию в сколачивавшийся «Демократический сговор». Однако в ходе внутренней борьбы группировка Малинова оказалась в меньшинстве. Малинову пришлось уйти с поста председателя Центрального бюро демократической партии.

Схожие процессы происходили внутри радикальной партии, где также одержали верх правые силы.

⁴⁷ АМВР, II съд., д. 1556, т. III, л. 185—186.

⁴⁸ А. М а л и н о в. Под знака на острастени и опасни политически борби. с. 152.

Эти объективные процессы, ускоренные самим развитием общеполитической ситуации, а также непосредственным нажимом на ряд деятелей вплоть до угрозы грубой расправы с ними, привели к тому, что 10 августа 1923 г. протокол о создании «Демократического сговора» был, наконец, подписан. Сливались «Союз демократии», Объединенная народно-прогрессивная партия и руководимый Цанковым «Народный сговор». За пределами объединения оставались национал-либералы и социал-демократы, которые должны были присоединиться к «Сговору» на другом этапе, и резко оппозиционные партии: БКП (т. с.) и отстраненный от власти БЗНС.

В провинции процесс слияния партий в «Демократический сговор» происходил также с трудностями и не без давления. Некоторое представление об этом дает, например, письмо, полученное министром иностранных дел Х. Калфовым из Бургаса от некоего Д. Патева, по-видимому, близкого ему по делам военной службы. Письмо датировано 15 июля 1923 г.: «Партии здесь продолжают вести переговоры и бездействовать. . . Я испортил себе все нервы с тех пор, как вернулся сюда убеждать, но без небольшого насилия это дело не осуществится. Причина зла — их безумные лидеры в Софии и нужно предпринять меры против них. Сожалею о том, что и вы там не держитесь строго, а это опасно: не забывайте о времени Керенского. Тут считают, что как только «солятся», и они должны будут предъявить претензии на власть. Не знаю! Действительность совсем разочаровала меня. С этими провалившимися политиками я бы действовал совсем иначе. Небольшую надежду сохраняю в отношении их молодежных групп, они готовы детронировать своих старых шефов и провозгласить слияние, но посмотрим, каковы будут они завтра-послезавтра. Время проходит, а мы ничего не сделали, чтобы организовать оборону. Да и денег у нас нет. Нельзя бездействовать, потому что зло еще свирепствует»⁴⁹. В прессе помещались сообщения о характерных методах, применявшихся сторонниками слияния партий в отношении несговорчивых деятелей. Так, в Русе группа народняков ворвалась в клуб радикалов во время проходившего там собрания и потребовала немедленного присоединения местной организации радикалов к новой партии. Подобные инциденты происходили и в других местах⁵⁰.

В центральное бюро «Демократического сговора» были включены представители всех четырех его составных частей. Однако

⁴⁹ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 219, лл. 1—2.

⁵⁰ Ст. Радулов. Създаването на Демократическия сговор. с. 106.

призыв А. Цанкова к обновлению партийного руководства фактически повис в воздухе, ибо только единицы из числа членов центрального бюро не входили в состав прежнего руководства слившихся партий. Современники отмечали, что «Демократический сговор» составлен на скорую руку, что он еще не является той «окончательной формой новой партии, которой предназначено объединить силы буржуазии»⁵¹. Не случайно к моменту создания новой партии не было подготовлено проекта ее программы, это стало делом будущего.

Конституирование «Демократического сговора» было своеобразным толчком для усиления процесса брожения в лагере буржуазии, приведшего к проявлению как центристских тенденций и сплочению части народняков, демократов, радикалов и других вокруг военно-фашистского руководства «Демократического сговора», так и центробежных тенденций откола от него других частей буржуазии и перехода ее в оппозицию.

Важным элементом реорганизуемой политической структуры должен был стать парламент, но не прежний доземледельческих времен, «прогнанный» и «бессильный», раздираемый противоречивыми интересами различных политических партий буржуазии, а обновленный качественно. Мажоритарная система представительства должна была обеспечить преобладание в высшем органе законодательной власти депутатам правящей партии «Демократического сговора», сделать парламент более монолитным в идейном и политическом отношении. Одновременно это облегчило бы военно-фашистской верхушке создание себе монопольного положения в политической сфере. При наличии в ее руках полноты исполнительной власти такая монополия в политической сфере должна была в значительной степени компенсировать отсутствие массовой опоры.

В этой тактике новых правителей Болгарии в отношении парламента также отразились тенденции, свойственные фашизму ранней стадии его развития. Характерно, что даже в Италии, где в 20-е годы фашизм продвигался к цели наиболее быстрыми темпами, Муссолини, пришедший к власти в октябре 1922 г., не ликвидировал парламент, но тогда же — осенью 1922 г. — сумел поставить его на колени и в дальнейшем стремился приспособить его к потребностям фашистской диктатуры. Не менее характерно, что и первое правительство Муссолини было коалиционным, из 13 его членов только четверо были фашистами⁵². Годы 1922—1924 до

⁵¹ ЦДИА, ф. 401, оп. 1, ед. хр. 104, л. 4. Декларация национал-либерала Н. Геннадиева от 12. IX. 1923 г.

⁵² История Италии. Т. 3, с. 46.

«второй волны» фашизма в Италии Б. Р. Лопухов характеризует как время, когда «Муссолини стремился усилить фашистскую диктатуру, сохраняя «тень прежних установлений», т. е. внешнее верховенство королевской власти и парламента. Он продолжал идти по пути усиления правительственной власти, а не преобразования законодательной»⁵³. В это время механизм фашистской диктатуры определялся фактической, а не юридической силой фашистской партии⁵⁴.

В Болгарии военно-фашистская верхушка вскоре после переворота объявила о роспуске Народного собрания, состав которого был избран в апреле 1923 г., и о необходимости провести новые выборы.

Даже по отрывочным сведениям, которыми мы располагаем, можно судить об ожесточенном характере борьбы между военно-фашистским руководством и когортой старых политических деятелей, развернувшейся в месяцы перед выборами. Первым нужно было обеспечить себе определенный состав парламента, превратить его в послушный механизм нового режима. Вторые в связи со слиянием главных политических партий буржуазии и необходимостью в составе «Демократического сговора» подчиниться той же военно-фашистской верхушке, единственно в парламенте видели возможность более или менее самостоятельной политической деятельности.

В предвыборные месяцы в буржуазных партиях вспыхнула борьба между поколениями. Цанков, делая определенные авансы «молодым», стремился отколоть их от традиционного руководства; он поощрял молодежь, «крепкие и жизнеспособные подрастающие поколения нации», которые, дескать, должны стать «базой общественной опоры правления»⁵⁵. Борьба между поколениями приобрела открытые формы.

Ожидая благоприятного для себя исхода этой борьбы Цанков, как явствует из его шифрованной телеграммы Калфову в Женеву, отправленной 28 сентября, даже отложил выборы. Причина — «противлюсь кандидатурам некоторых из старых»⁵⁶. Но этого он так и не сумел добиться: благодаря своему опыту, гибкости и хитрости «старые» победили. Усилия удалить их с политической сцены провалились и они заняли свои традиционные места в списках кандидатов. Но в их адрес посыпались угрозы и предупреждения. Министр иностранных дел полк. Х. Калфов в предвыборной речи

⁵³ Б. Р. Л о п у х о в. Фашизм и рабочее движение в Италии. с. 192.

⁵⁴ Там же, с. 172.

⁵⁵ АМВР, VO—42929.

⁵⁶ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 630, л. 6.

в Габрове говорил: «Слияние произведено безвозвратно. С каждым днем оно будет все более полным и глубоким, а не наоборот. Если кто-нибудь воображает, что в будущем парламенте создались бы благоприятные условия для разрушения этого спасительного слияния, созданного с таким трудом и усилиями, то он жестоко ошибается»⁵⁷.

Положение новых правителей осложнялось переходом национал-либералов после сентябрьского кризиса кабинета в открытую оппозицию. Кризис вспыхнул в результате споров между национал-либералами и социал-демократами из-за министерских кресел. Военно-фашистская верхушка выступила тогда в целом в поддержку широких. Цанков, сообщая Калфову в Женеву о том, как развивается кризис, писал 15 сентября 1923 г.: «Я решительно против однопартийного кабинета. Нужно отдать кому-то предпочтение. Прошу тебя, сообщи мне твое мнение. Мое мнение, что после начала борьбы с коммунистами и дружбашами, нам не надо упускать широких социалистов»⁵⁸. В итоге представитель национал-либералов в правительстве Б. Смилов вынужден был оставить министерский портфель, а национал-либеральная партия перешла в оппозицию. На выборах она стала выступать самостоятельно, в то время как широкие социалисты образовали избирательную коалицию вместе с «Демократическим сговором».

Предвыборная полемика носила острый характер. В листовках, подписанных коалицией «Демократического сговора» и широких, национал-либералы обвинялись не только в том, что довели страну до национальных погромов, но и в том, что они, якобы, являются союзниками дружбашины и коммунизма»⁵⁹. 30 октября был убит македонскими террористами лидер одного из крыльев национал-либеральной партии д-р Н. Генадиев. Истинные мотивы этого убийства остаются неясными⁶⁰, но оно само по себе характе-

---

⁵⁷ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 392, лл. 1—2.

⁵⁸ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 640, лл. 1—2.

⁵⁹ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 410, лл. 2—4.

⁶⁰ Согласно версии П. Шанданова, одного из районных руководителей ВМРО, Т. Александров давал такое объяснение по поводу этого убийства: «В политической жизни Болгарии Генадиев был опасным авантюристом. Он был учителем Стамболийского в тюрьме и был виновен во враждебном отношении последнего к организации (ВМРО. — Р. Г.). Генадиев продолжал давать ему советы в таком духе до 9 июня. Кроме того, существовала опасность, что Генадиев объединит расстроенные кадры «земледельцев» и во всех отношениях заменит Стамболийского. Опасность была тем большей, что Генадиев был культурнее и лукавее Стамболийского. Из членов тогдашнего правительства об убийстве Генадиева были предупреждены министры Вылков и Стоенчев, причем Стоенчев считался лицом, наиболее близким ВМРО из всех дру-

ризует обстановку, складывавшуюся в Болгарии накануне выборов для той части буржуазии, которая проявляла несогласие с военно-фашистским руководством страны.

Напряжение в стране усиливалось в связи с тем, что трудовой народ, несмотря на кровавый разгром Сентябрьского восстания, несмотря на продолжавшиеся после его подавления жестокие репрессии, не проявлял признаков смирения. Более того, союз рабочих и крестьян, рожденный во время сентябрьских боев, БКП (т. с.) и левая часть БЗНС стремились закрепить в общей избирательной платформе, что имело огромное политическое⁶¹ и практическое значение. В Манифесте к трудовому народу Болгарии БКП (т. с.) и левые земледельцы призывали рабочих и крестьян совместно выступить на выборах во имя следующих требований: полная амнистия участникам восстания, роспуск фашистских организаций, свобода собраний, печати, организаций, переложение налоговых тягот на городскую и сельскую буржуазию, сохранение земельных участков у крестьян, получивших их по закону о трудовой поземельной собственности и расширение этого закона, конфискация части капитала крупных промышленников, увеличение зарплаты рабочих, союз с СССР и др. Главным лозунгом было устранение незаконного правительства и образование рабоче-крестьянского правительства⁶². Эта демократическая платформа призвана была сплотить сторонников двух самых массовых партий. Поистине выборы 18 ноября 1923 г. превращались в большое испытание для военно-фашистской власти: как отмечал прогрессивный американский журналист К. Маус, для кабинета Цанкова существовала непосредственная опасность на легальной основе лишиться власти, добытой силой оружия⁶³.

Вот почему министр внутренних дел генерал Русев метался по стране, посещая один округ за другим. Но газеты не сообщали о том, что он-де выступает в провинции с речами. Министр выполнял более важную задачу: «дать личные инструкции окружным управителям об обеспечении свободы предвыборной кампании»⁶⁴.

гих членов кабинета Цанкова». — АМВР, II съд., д. 1556, т. IX. л. 154—155; т. IV, л. 146.

⁶¹ Начиная с 1893 г., когда БРСДП впервые участвовала в выборах, и до ноября 1923 г. партия тесняков ни разу не вступала в избирательную коалицию с какой-либо общественной или партийной группировкой (С т. Д и м и т р о в а. Участието на БКП в парламентарните избори — ноември 1923 г. — Известия на Института по история на БКП, т. 1—2. С., 1957. с. 179).

⁶² С т. Д и м и т р о в а. Участието на БКП в парламентарните избори. . . с. 180—181.

⁶³ К. Маус. Was geht in Bulgarien vor? Wien, 1925. S. 7.

⁶⁴ Демократически сговор, 24. X. 1923.

Сам Русев и не пытался выдавать черное за белое, говорил, что тем-то и важно министерство внутренних дел, что именно оно «проводит выборы, чтобы создать более сильную партию, чтобы усилиться»⁶⁵.

О том, что представляла собой насаждавшаяся министром внутренних дел свобода предвыборной агитации и самих выборов современники рассказывают так: за два дня до выборов был объявлен полицейский час и запрещены все собрания⁶⁶. Трехчленные комиссии отказывались выдать удостоверения кандидатам от оппозиции. В 37 околиях «земледельцам» не позволили зарегистрировать свои кандидатские листы. Кроме того, большая часть земледельческих кандидатов была арестована накануне выборов⁶⁷.

Г. Димитров писал по горячим следам в конце ноября 1923 г.: после переворота 9 июня правительство фактически поставило БЗНС вне закона, остановило его печать, конфисковало имущество, бросило в тюрьмы его деятелей, некоторых из них физически уничтожило. Одновременно были предприняты преследования коммунистов, а 12 сентября партии был нанесен сильный удар повсеместными арестами. В дни Сентябрьского восстания и после него тысячи коммунистов и земледельцев были убиты или арестованы и подвергнуты нечеловеческим пыткам. Насилия и жестокости продолжались в течение более месяца после Сентябрьского восстания и имели место еще в начале ноября⁶⁸. Даже военное положение в ряде округов страны было снято (и то формально) только за несколько дней до выборов⁶⁹.

БКП (т. с.) и БЗНС не имели абсолютно никакой возможности для устной и печатной агитации, для собраний, для предвыборной деятельности. Распространители коммунистических и «земледельческих» бюллетеней вынуждены были повсюду из-за преследований, арестов, избиений раздавать их тайно избирателям, преодолевая тысячи трудностей⁷⁰. Однако правительство действовало не только кнутом, но и пряником: оно предоставило кредит сельскохозяйственным кооперациям на сумму 200 млн. левов, ремесленникам — на сумму 50 млн., 80 млн. левов было дано крестьянам, хозяйства которых пострадало от града, 50 млн. левов инвалидам; в интересах экспортеров зерна были снижены экспортные пошли-

⁶⁵ Стен. дневници на XXI ОНС, I р. с., с. 2007.

⁶⁶ Там же, с. 2014.

⁶⁷ Там же, с. 1989—1990.

⁶⁸ Г. Д и м и т р о в. Изборите. Съчинения. Т. 7, с. 306—308.

⁶⁹ Там же, с. 309.

⁷⁰ Там же, с. 312.

ны на зерно и муку⁷¹. Путем специальных министерских распоряжений железнодорожники и работники почты и телеграфа получили целый ряд льгот. Среди них такие, как оплата сверхурочного и ночного труда, удвоение километражного вознаграждения и вознаграждения за маневренные работы, ежемесячные персональные надбавки, бесплатный проезд для железнодорожников и их семей, бесплатная спецодежда, выплата пособий в случае увечья и т. п.⁷²

Выборы правительство проводило по той же мажоритарной системе «земледельцев», принятие которой немногим больше полугода тому назад вызвало настоящий вой среди буржуазных политических деятелей всех партий и всех мастей.

На выборах 18 ноября 1923 г. коалиция «Демократического сговора» и партии широких социалистов собрала 639,8 тыс. голосов или 58,3% от числа голосовавших. Не забудем, что в коалицию входили по существу все буржуазные партии, кроме национал-либералов. За правительственные бюллетени голосовали, кроме того, почти все чиновники⁷³: к тому времени они уже получили 50% повышение зарплаты⁷⁴ и другие группы городской мелкой буржуазии — ремесленники, мелкие торговцы, обремененные тяжелыми налогами, которые «поверили, что переворот несет им «освобождение». . .»⁷⁵

Национал-либералы — партия слабая и неавторитетная, получили незначительное число голосов.

За коалицию БЗНС — БКП (т. с.) там, где удалось осуществить единый избирательный фронт рабочих и крестьян, проголосовало свыше 81 тыс. человек (7,4% от общего числа голосовавших). Там, где в силу тех или иных причин единого фронта добиться не удалось, за самостоятельные листы БЗНС было отдано более 132 тыс. голосов (12,1%), а за самостоятельные листы коммунистов — еще 8,4 тыс. (0,8%)⁷⁶. Кроме того, недействительными было признано 92,7 тыс. бюллетеней (8,5%), которые в основном можно считать принадлежащими блоку БЗНС и БКП (т. с.)⁷⁷. В итоге БЗНС и БКП (т. с.) получили не менее 300 тыс. голосов.

---

⁷¹ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 393, л. 7. Черновик предвыборной речи Хр. Калфова.

⁷² См. Д. К а з а с о в. Указ. книга, с. 319.

⁷³ Ратник на свобода, 19. I. 1924 г.

⁷⁴ Стен. дневници на XXI ОНС, I р. с., с. 2104.

⁷⁵ В. К о л л а р о в. Социальные основы цанковского режима. — Коммунистический Интернационал, 1925, № 8, с. 73.

⁷⁶ Статистика на изборите за народни представители за XXI ОНС. С., 1928. с. 16.

⁷⁷ Такого большого количества недействительных бюллетеней не было ни до, ни после выборов ноября 1923 г. (в 1920 г. — 9 554, в апреле 1923 г. —

Г. Димитров так оценивал результаты выборов: «... узурпаторское фашистско-буржуазно-социалистическое правительство потерпело на выборах полное моральное и политическое поражение, хотя и получило, как и следовало ожидать, большинство депутатских мандатов»⁷⁸. БКП (т. с.) и БЗНС получили не только почти 40 мандатов, но и огромное количество голосов — 300 тыс.! В другой статье Г. Димитров отмечал, что правительственная и буржуазная пресса встретила результаты выборов с нескрываемым страхом и явным разочарованием⁷⁹.

Благодаря мажоритарной системе 58,3% полученных голосов превратились для правительственной коалиции в 81% всех депутатских мест в парламенте или в 200 мандатов народных представителей (171 мандат предоставлялся «Демократическому сговору» и 29 социал-демократам)⁸⁰.

Очевидно, что именно депутаты «Демократического сговора» определяли лицо парламента нового созыва, резко отличавшегося от предыдущего «земледельческого». Приведем некоторые данные, характеризующие этих 171 депутата от «Демократического сговора»: 144 из них жили в городе; 122 были избраны в состав Народного собрания впервые («новая» поросль, «новая сила»!). Хотя Цанков много говорил о молодежи, о своем намерении опереться на нее, эта «новая поросль» в парламенте в основном уже миновала век юности: по конституции право быть избранным предоставлялось лишь гражданам, достигшим 30-летнего возраста. В результате самую молодую возрастную группу в парламенте составили 30—35-летние. В парламентской группе «Демократического сговора» их было всего лишь 12,3%, а основным ее костяком явились люди в возрасте 35—50 лет (63,1%), причем почти половину из них составили 40—45 летние⁸¹.

Сговористы хвастались, что их парламент — самый образованный за всю историю Болгарии. Это было недалеко от истины. Около 70% депутатов «Демократического сговора» имели высшее образование (почти на три четверти — юридическое).

Данные о профессии 171 депутата интересно привести целиком: 22 назвали своей профессией «земледелие», 5 — мукомолье,

---

20 532). Этот факт свидетельствует об отсутствии возможности для десятков тысяч избирателей в ноябрьских выборах 1923 г. свободно выразить свою волю. (С т. Д и м и т р о в а. Участието на БКП в парламентарните избори. . . с. 193—194).

⁷⁸ Г. Д и м и т р о в. Изборите. Съчинения. Т. 7, с. 312.

⁷⁹ Г. Д и м и т р о в. Какво показаха изборите? Съчинения. Т. 7, с. 315.

⁸⁰ Статистика на изборите. . . за ХХI ОНС. с. 92.

⁸¹ Там же.

6 — различные виды торговли, 100 — свободные занятия (в том числе 76 — адвокат, ходатай, переписчик заявлений, 17 — литератор, журналист); 13 были пенсионерами, 9 — внештатными профессорами⁸².

Разумеется, эти данные недостаточны для полной характеристики нового состава парламента. В них, в частности, совершенно не упоминаются военные, а они заняли свои места на депутатских скамьях. И. Вылков, например, во время процесса 1954 г. признавал, что все члены ЦУ ВС стали депутатами Народного собрания⁸³. Невозможно судить по этим данным и о том, какие круги буржуазии были лучше представлены, какие хуже и т. п. Но о значительном представительстве интеллигенции они свидетельствуют достаточно красноречиво. По-видимому усилил Цанкова и его сторонников заполнить парламент «своими» людьми в определенной степени увенчались успехом. Но успех этот не был полным: помимо желательных фашистскому руководству персон в парламент в немалом количестве попали и нежелательные, в том числе и по кандидатским листам «Демократического сговора». Если отнести к поколению «старых» политических деятелей депутатов, которые уже не в первый раз избирались в Народное собрание, то в одной только парламентской группе «Демократического сговора» их было 49, т. е. около трети всех ее членов. Довольно много для парламентской фракции партии, избравшей «новый» путь, хотя, очевидно, что не всех «старых» следует относить к явным или тайным противникам фашистского руководства, так же как не все «молодые» были его сторонниками.

Результаты выборов в парламент были победными для военно-фашистского руководства только с формальной точки зрения. Во-первых, сам «Демократический сговор» был еще всего-навсего лоскутным соединением нескольких партий. Это в полной мере проявилось в первые же дни работы нового парламента, когда нужно было определить, кто будет председателем Народного собрания, кто возглавит различные его комиссии и органы. Газета «Демократически сговор» писала тогда в передовой статье под тревожным названием «Первые облака» (предчувствия не обманули сговористов, первые облака не стали последними!): диффузия частей, составляющих «Демократический сговор», еще не является полной и потому при распределении мест в парламенте и в руководстве им учитывалось «партийное происхождение» депутатов⁸⁴. Характерно, что выступая в парламенте, депутаты, рядом с фами-

⁸² Статистика на изборите. . . за XXI ОНС. с. 94.

⁸³ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 258.

⁸⁴ Демократически сговор, 12. XII. 1923.

лией которых стенографист делал пометку «Демократический сговор», продолжали называть себя радикалами, демократами и т.п., т.е. в своем сознании они сохраняли прежнюю партийную принадлежность. В целом «Демократический сговор», как и его фракция в Народном собрании, были в то время весьма рыхлой политической опорой военно-фашистской власти. От идеи военно-фашистской верхушки обеспечить себе политическую монополию путем создания «Демократического сговора» и приспособления парламента к нуждам режима, выражавшей свойственную фашизму тенденцию к изменению политической структуры, до ее воплощения в действительность дистанция оказывалась весьма большой.

Во-вторых, в парламенте заняли свои места многие «старые» буржуазные политические деятели. Вынужденные согласиться с роспуском главных партий буржуазии и вливанием их в «Демократический сговор», они стремились использовать Народное собрание «в качестве своей базы (в борьбе — Р. Г.) против банковско-спекулятивного конвента»⁸⁵. Как подчеркивал Г. Димитров, «. . . мелкобуржуазные партии правящей коалиции хотя в первую очередь освободиться от опеки банковско-спекулятивного конвента, «правителей из-за кулис» по выражению Костуркова, опереться на собственную инициативу парламента, чтобы получить большую свободу действий и большее участие во власти»⁸⁶. Народному собранию, избранному в результате 5-месячного пребывания военно-фашистской верхушки у власти, была уготована судьба превратиться в важное поле сражения за и против «новых» фашистских методов руководства государством, что уж совсем не отвечало стремлениям Цанкова, Вылкова и К°. Особенно активно и с большим мужеством вела эту борьбу немногочисленная горстка депутатов, избранных по спискам рабоче-крестьянского фронта. Но нельзя недооценивать в этом отношении и роли демократической, нефашистской части буржуазии, хотя действовала она иными, присущими ей методами.

Наконец, в-третьих, результаты выборов отразили всю непримиримость противоречий между «новыми» руководителями Болгарии и массами трудового народа, противоречий, нисколько не смягчившихся за прошедшие пять месяцев, но, наоборот, углубившихся из-за террористической политики фашистских властей. Кровавое подавление Сентябрьского восстания стало той, по удачному выражению Г. Димитрова, пропастью, которая окончательно раз-

---

⁸⁵ Г. Димитров. Зад кулисите. Съчинения. Т. 7, с. 333.

⁸⁶ Там же, с. 332.

делила правящую фашистскую верхушку и народные массы Болгарии.

Но все же военно-фашистской власти за 5-месячный срок ее существования удалось решить хотя бы частично задачу привлечения на свою сторону политических партий буржуазии, добиться их сплочения и под эгидой фашистского лидера создать общественно-политическую опору власти: в «Демократическом сговоре» существовали, как уже отмечалось, не только центробежные, но и центростремительные тенденции. Для военно-фашистского режима были характерны определенная сплоченность и единомыслие военных и гражданских кругов фашистской верхушки, существовавшие, правда, до поры до времени, но сыгравшие свою роль в известной консолидации режима.

2. Репрессивный курс в отношении БКП (т. с) и БЗНС — левизы

«Я имею заслугу в том, что я подавил — да, благодаря кровавым жертвам! — фронт анархии, фронт эмигрантов, фронт III Интернационала, фронт иностранных орудий и агентов»⁸⁷. Эти слова Цанкова о самом себе, о своем правлении были произнесены через два десятилетия после событий 1923—1925 гг., но они выражали его кредо и тогда, когда он и его сторонники только приступали к «делу».

Дебютом Цанкова было кровавое подавление многочисленных, но разрозненных восстаний, разгоревшихся в ответ на переворот 9 июня. Стихийно вспыхнувшая борьба охватила крестьян и, несмотря на ошибочное решение ЦК БКП придерживаться тактики нейтралитета, частично рабочих. Она приобрела значительный размах, особенно в северной части страны. Однако, перевес сил в целом был на стороне новой власти, повстанцы были разгромлены, после чего началась жестокая расправа с ними. Участники вооруженной борьбы подверглись убийствам, истязаниям, арестам. В результате погибло свыше 3,5 тыс. активистов и сторонников БЗНС⁸⁸. Было убито 6 министров — «земледельцев», несколько десятков депутатов Народного собрания.

Мученическая смерть ожидала Стамболийского. Многочисленные колотые раны на теле, отрезанные пальцы рук, а после

⁸⁷ АМВР. VO—42929. Позив към моите приятели и съмишленици. 9 юни 1923.

⁸⁸ Й. З а р ч е в. Септемврийското въстание и Земедельският съюз. — Векове, 1973, № 5, с. 16.

смерти и отрезанная голова. И все это — при официальной версии, гласившей, что лидер БЗНС и глава свергнутого правительства убит при попытке к бегству. Подобная расправа была далеко не единичной. Еще неоперившиеся болгарские фашисты при подавлении восстания в июне 1923 г. уже зарекомендовали себя как сила грубая, жестокая, опирающаяся главным образом на штыки и террор, пытки и издевательства.

Первая волна репрессий естественно оказалась направленной в основном против «земледельцев»⁸⁹, олицетворявших только что свергнутый режим. Но вскоре положение изменилось и главным объектом преследований стала БКП. Позиция нейтралитета, занятая ЦК БКП по отношению к перевороту 9 июня, была глубоко ошибочна. Партия «сама того не желая, практически облегчила победу фашизма»⁹⁰. Был упущен благоприятный момент, когда рабочий класс и крестьянство в союзе друг с другом, выступив единым фронтом, могли бы повернуть развитие событий.

Но учитывая критику позиции нейтралитета Коминтерном, а также со стороны части рядовых членов партии, марксистско-ленинское здоровое ядро руководства БКП сумело преодолеть ошибочную позицию и возглавить народные массы в борьбе против узурпаторов. Переломным моментом в этом отношении явилось заседание ЦК БКП 5—7 августа 1923 г., на котором было принято решение о подготовке вооруженного восстания в стране с целью свержения правительства Цанкова и установления рабоче-крестьянской власти⁹¹.

Сведения о тактическом повороте Болгарской коммунистической партии, остававшейся после разгрома БЗНС самой массовой и сильной организованной партийной единицей, враждебной новому режиму, были использованы военно-фашистской верхушкой для нанесения решительного удара по БКП. Источником сведений о переходе коммунистов к подготовке вооруженного восстания в союзе со всеми антифашистскими силами явилась для правительства Цанкова ВМРО, с которой коммунисты, выполняя резолюцию «Об отношении БКП к македонской и другим национал-революционным организациям»⁹², вступили в переговоры и, видимо, ча-

---

⁸⁹ Работнически вестник. Избрани статии и материали. Т. 3. С., 1954. с. 55—56.

⁹⁰ История на Българската комунистическа партия. С., 1969. с. 274.

⁹¹ См. БКП в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК. Т. 2. С., 1957. с. 325—328.

⁹² В резолюции говорилось: «Считать необходимым самым энергичным образом продолжать работу партии среди македонской и другой эмиграции для сближения с македонской и другими революционными организациями. . . Для облегчения выполнения этой задачи, необходимо. . . 2) всем эмигрантам-

стично приоткрыли свои планы⁹³. Определенным подтверждением перехода коммунистов к новой тактике явились и их переговоры о единых действиях с СДП⁹⁴, которые лидеры партии широких не только не держали в секрете, но использовали в своих интересах в проходивших тогда «торгах» с военно-фашистским руководством относительно состава кабинета.

Правительство Цанкова торопилось, оно хотело опередить коммунистов, действия которых направляла, по его мнению, «рука Москвы». Еще в июле 1923 г. в ходе переговоров «Народного сговора» с буржуазными партиями относительно слияния был выдвинут и обсуждался вопрос о принятии исключительного закона, на основании которого коммунистическая партия была бы запрещена. Тогдашний министр юстиции национал-либерал Б. Смилов подготовил проект закона и внес его в конце августа на рассмотрение в совет министров⁹⁵. Однако тогда принятия законопроекта не последовало, т. к. против этого выступил социал-демократ Д. Казасов⁹⁶.

коммунистам вступить в общие эмигрантские организации — братства и участвовать в массовых действиях эмиграции; 3) поддерживать контакт с руководителями македонских и других революционных организаций для выяснения их задач и во избежание конфликтов и недоразумений с ними» (там же, с. 328—329). В резолюции о положении в стране и непосредственных задачах партии указывалось, что работа среди македонской и другой эмиграции необходима, чтобы «не допустить использования их болгарской буржуазией против масс трудящихся» (там же, с. 328).

⁹³ См. Г. В. Д и м и т р о в. Опити за възстановяване на Благоевградската окръжна организация на БКП (т. с.) през 1924—1925 г. — Известия на Института по история на БКП, т. 25. С., 1971, с. 198. Д. Влахов, позже уполномоченный Т. Александровым вести переговоры с коммунистами, пишет в своих воспоминаниях, что коммунисты Пиринской Македонии имели договоренность с Т. Александровым о том, что ВМРО останется нейтральной в случае «какого-либо восстания на территории Болгарии». Это джентльменское соглашение было нарушено организацией (Д. В л а х о в. Мемоари. Скопје, 1970. с. 226). См. также: Нови документи на В. Коларов и Г. Димитров за септемврийското въстание в 1923 г. — Известия на Института по история на БКП, 1964, № 12, с. 5—6.

⁹⁴ Резолюция ЦК БКП от 5—7. VIII. 1923 г. гласила: «В политическом отношении партия должна стремиться образовать единый фронт трудящихся масс города и деревни против жестокого наступления капитала. . . Для этого партия должна обратиться ко всем массовым организациям (политическим и экономическим) пролетариата и маломощных города и деревни: к Земледельческому союзу, Социал-демократической партии, Ремесленному союзу, Общему синдикальному союзу, кооперациям и организациям анархо-коммунистов. (БКП в резолюции и решения. . . т. 2, с. 327).

⁹⁵ Ф. Милкова. Реакционният закон за защита на държавата като изключителен наказателен закон в България през периода 1924—1934. С., 1973. с. 8—9.

⁹⁶ Такая позиция представителя СДП скорее всего объяснялась острой борьбой между социал-демократами и национал-либералами, приведшей вскоре к кризису кабинета Цанкова.

Не ожидая подведения «законного» основания под свои действия и опираясь на слухи, что восстание произойдет 17 сентября, уже 6 сентября министр внутренних дел разослал окружным управителям приказ, в котором говорилось: «Правительство имеет положительные сведения, что коммунистическая партия самым деятельным образом готовится к вооруженному перевороту. Она распространяет по селам и городам нелегальные призывы к вооруженной организации, стремится создать боевые ядра по образцу земледельческих, одним словом, ясно, что наша коммунистическая партия беспрекословно выполняет приказы Москвы, которая требует революции любой ценой. . .» Исходя из «законного права правительства на самозащиту» министр внутренних дел приказывал: 1) 12 сентября в 6 часов утра задержите всех коммунистических руководителей, относительно которых можно *предположить*, что они имеют влияние среди коммунистов и могут вести своих единомышленников на переворот и вооруженную борьбу.

2) Одновременно проведите обыски в коммунистических клубах, а также в домах и жилищах, относительно которых *есть основание думать, что там можно найти документы*, уличающие коммунистов в преступной деятельности»⁹⁷ (в обоих случаях подчеркнуто мною. — Р. Г.)

Приказ, составленный в подобном тоне, давал властям очень широкие полномочия при проведении арестов и обысков. По существу он санкционировал произвол, т. к. основанием для действий администрации было предположение, субъективное мнение. Так произвол становился одним из главных принципов внутренней политики правительства Цанкова. Методы подавления борьбы трудящихся обсуждались руководством военно-фашистской власти, по-видимому, в первые же дни ее существования и были согласованы. Не случайно Цанков, сообщая 9 сентября 1923 г. Калфову в Женеву о том, что внутреннее положение характеризуется «лихорадочными приготовлениями коммунистов и дружбащей», писал далее: «Мы принимаем нужные меры — ты знаешь и наш метод в подобном случае»⁹⁸.

12 сентября «метод» не смог быть применен в полном объеме: за два дня до арестов коммунисты узнали о готовящейся облаве и ЦК БКП (т. с.) распорядился о мерах предосторожности для выведения кадров из-под удара⁹⁹.

Тем не менее 12 сентября власти арестовали по всей стране свыше двух тысяч коммунистов; клубы партии были закрыты,

⁹⁷ Окръжен държавен архив. Търново, ф. 60 «к», ед. хр. 39, л. 246—247.

⁹⁸ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 314, л. 1.

⁹⁹ Й. П а н о в. Наричаха ни конспиратори. С., 1970. с. 53.

издание газеты «Работнически вестник» прекращено. Был совершен также налет на рабочую кооперацию «Освобождение», помещение которой было занято, имущество конфисковано, руководители арестованы.

Так началась вторая волна репрессий. Теперь она была направлена главным образом против БКП (т. с.) и передовых рабочих, но одновременно и против «земледельцев» — единогофронтовцев, откликнувшихся на призыв коммунистов совместно бороться против фашистского режима. Военно-фашистское руководство Болгарии решительно перешло к системе репрессивных мер, объявив своим главным внутренним врагом коммунистическую партию.

В этой борьбе оно не ограничивало себя фактически никакими рамками. Из всех черт, присущих фашизму, такая черта, как террор в отношении трудящихся, получила в Болгарии в годы правительства Цанкова наиболее полное выражение.

Звериный облик болгарского фашизма стал совершенно очевидным в дни героического Сентябрьского восстания рабочих и крестьян, явившегося выражением крайней напряженности социальных отношений в Болгарии в связи с приходом Цанкова, Вылкова и К° к власти. Широкое влияние коммунистов и «земледельцев» на массы при узости социальной опоры военно-фашистской власти делали недвусмысленным ответ на вопрос о судьбе узурпаторов в случае победы рабочих и крестьян в вооруженной борьбе. Положение новой власти усугублялось шаткостью ее международных позиций и, особенно, плохими отношениями с Королевством СХС. Так что в сентябрьские дни на карту было поставлено само существование военно-фашистского режима. Отсюда такая ярость при подавлении восстания, отсюда такая ненависть к тем, кто восстал, и к тем, кто потенциально мог быть среди повстанцев.

Репрессии и террор продолжались и после подавления восстания. Основная часть убийств фактически была совершена после боев, главным образом как отмщение за страх потерять власть, который пришлось пережить фашистам. Убивали арестованных, убивали сдавшихся, даже если сдавались безоружные. Убивали там, где восстание уже было подавлено, и там, где восстания вообще не было: ночью врываются в дома коммунистических деятелей, значившихся в специальных списках, избивали и расстреливали их, также как и коммунистов, уже сидевших в тюрьмах¹⁰⁰. В ожесточенности, с которой проводился репрессивный курс, наиболее полно раскрывалась антинародная природа фашизма.

¹⁰⁰ Г. М. Д и м и т р о в. Пролетата народна кръв вика за възмездие. — Работнически вестник. Избрани статии и материали, т. 3, с. 50—51.

Ряды «защитников демократии», только что принявших административные посты, не знавших удержу в бандитском разгуле, опьяненных кровью, пополнились за счет террористов ВМРО, части контрреволюционеров-врангелевцев, офицеров запаса, вновь призванных на военную службу, и массы самодеятельных «блюстителей порядка». Вместе с реакционными офицерами, командовавшими действиями армейских частей, они способствовали созданию той глубокой пропасти между правительством Цанкова и народом, которую болгарские фашисты никогда уже не могли преодолеть.

Поражение Сентябрьского восстания было тяжелым ударом для БКП. Ряды ее были расстроены, партия понесла большие потери. Однако пролетариат промышленных центров в меньшей степени пострадал от репрессий, и это облегчало восстановление партийных организаций на нелегальной основе. В начале 1924 г. БКП могла опереться уже на 2,5 тыс. членов, в то время как до переворота 9 июня партия насчитывала 35 тыс. членов. Еще в октябре 1923 г. возобновил свою деятельность ЦК БКП.

Помимо внутреннего ЦК, коммунисты, вынужденные эмигрировать, создали Заграничный комитет. Его возглавили В. Коларов и Г. Димитров. Вскоре возобновился выпуск газеты «Рабочнически вестник» и других коммунистических изданий, сначала в Вене, а затем и в условиях болгарского подполья.

И после поражения Сентябрьского восстания БКП настойчиво продолжала поиски форм для сплочения антифашистских сил в единый блок. Она стремилась привлечь к организованной совместной борьбе прежде всего левые прогрессивные элементы таких массовых организаций, как БЗНС, как национально-революционные организации и среди них в первую очередь ВМРО. Переговоры с ними были продолжены, однако с Т. Александровым договориться было трудно, он и не прерывал переговоров, и не шел на соглашение.

Более успешными были переговоры с представителями левого течения БЗНС. Переворот 9 июня привел БЗНС в состояние глубокой дезорганизации. Руководящие кадры его в значительной степени были истреблены или эмигрировали, часть была заключена в тюрьмы. После поражения Сентябрьского восстания Союз раскололся — появились группировки явно правого толка и левое течение, стремившееся к единым действиям с коммунистами. Правые группировки правительство пыталось использовать в своих интересах: Драгиеву, например, было предложено создать «новую крестьянскую партию», которая сотрудничала бы с новой вла-

стью¹⁰¹. Драгиев, хотя и враждовал в свое время со Стамболийским, счел за лучшее для себя не втягиваться в активную деятельность. Неудачей для правительства окончился и флирт с Турлаковым, Томовым и Маноловым, основанный на стремлении использовать их двурушничество, в определенной степени облегчившее свержение правительства БЗНС в июне 1923 г.

Военно-фашистскому руководству не удалось пристегнуть БЗНС к своей колеснице, но в целом Союз был очень ослаблен и по существу находился в кризисном состоянии¹⁰².

Влияние левого крыла БЗНС, оставшегося непримиримым к фашистской власти и воспринявшего идею единого фронта, оценивается в современной литературе как «довольно сильное»¹⁰³. Возглавлялось оно П. Петковым, Д. Грынчаровым, Н. Петрини. Его представители подписали с коммунистами соглашение о совместной борьбе против фашизма, был создан и общий комитет действия.

И вне страны между коммунистами и частью «земледельцев»-эмигрантов была достигнута договоренность о единых действиях. Хотя лидеры БЗНС, находившиеся в эмиграции, проявляли колебания и непоследовательность, единый фронт коммунистов и левых земледельцев представлял собою реальную опасность для правительства Цанкова. Особенно в связи с тем, что планы эмигрантов получали поддержку со стороны Югославии, к позиции которой болгарские правители должны были относиться с большим вниманием.

Королевство СХС стало одной из баз концентрации эмиграции из Болгарии. Первому ее потоку — «земледельческому» — правящие круги Югославии оказали не просто гостеприимство, а и разных видов поддержку: в уцелевших «земледельческих» деятелях они видели активных борцов против режима Цанкова. Отношение к смене власти в Болгарии было крайне отрицательным в югославских верхах, переворот 9 июня воспринимался ими как ставящий под сомнение дружественную политику Стамболийского в отношении Югославии. Поэтому правящие сферы этой страны поддерживали деятельность «земледельческих» эмигрантов, направленную на

---

¹⁰¹ Земледельско знаме, Прага, I. XI. 1923.

¹⁰² В ноябре 1924 г. лидер парламентской фракции национал-либералов Д. Кьорчев так оценивал состояние БЗНС: «Хаотичный и расстроенный, ныне Земледельческий союз не представляет собой никакой силы. Часть его — при коммунистах и они хорошо ее организуют; другая часть колеблется, третья оправдывается, четвертая — при г. Драгиеве» (Стен. дневници на ХХI ОНС, II р., с. 33).

¹⁰³ История на Българската комунистическа партия. с. 314.

подготовку свержения правительства Цанкова и восстановление режима БЗНС, а ее лидеров А. Оббова и К. Тодорова югославские власти продолжали считать министрами¹⁰⁴.

После подавления Сентябрьского восстания Югославия стала также одним из центров коммунистической эмиграции. Группа болгарских коммунистов насчитывала здесь около 500 человек¹⁰⁵. Поначалу Югославия оказала гостеприимство и коммунистам. Ее правящие круги настолько враждебно относились к цанковскому правительству, что готовы были принять любые оппозиционные ему силы. Поэтому, как пишет в своих воспоминаниях В. Коларов, в этот момент опасности быть выданными болгарским властям не существовало¹⁰⁶. Но, разумеется, в Югославии, где собственная компартия была запрещена, болгарские коммунисты не могли рассчитывать на полную свободу действий. Чтобы избежать осложнений, коммунисты-эмигранты решили, что члены партии должны зарегистрироваться в Югославии как «земледельцы», но в то же время образовать негласные коммунистические группы со своим партийным руководством¹⁰⁷. Поскольку коммунисты и «земледельцы» составляли основной контингент болгарской политической эмиграции в Югославии (члены БКП — около 70%, члены БЗНС — около 30%, анархисты и беспартийные — около 1%¹⁰⁸), единство их действий приобретало большую важность.

Переговоры о создании единого фронта между В. Коларовым и Г. Димитровым и тогдашними лидерами «земледельческой» эмиграции шли успешно. Их целью было совместно подготовить новое вооруженное восстание, свергнуть фашистское правительство и установить рабоче-крестьянскую власть, договориться о численном соотношении представителей БКП и БЗНС в будущем правительстве¹⁰⁹. При этом, как пишет В. Коларов в своих воспоминаниях, предоставляя «земледельцам» представительство и защиту эмиграции перед югославскими властями, всю политическую и организационную работу по подготовке восстания коммунисты стремились сосредоточить в своих руках¹¹⁰.

¹⁰⁴ В. Коларов. Спомени. с. 586.

¹⁰⁵ История на Българската комунистическа партия. с. 308.

¹⁰⁶ В. Коларов. Спомени. с. 587.

¹⁰⁷ Там же. См. также: Три писма на В. Коларов до ИККИ и ЦК на БКП. . . — Известия на Института по история на БКП, т. 10, 1963, с. 419.

¹⁰⁸ З. Мичева. Българската революционна емиграция в Югославия (септември 1923 — декември 1925 г.). — Векове, 1973, № 5, с. 30.

¹⁰⁹ См. протокол конференции членов Заграничного представительства БЗНС и внутриболгарского ЦК БЗНС от 28. IX. 1925 г. — АМВР, об. 1620, т. I, л. 4.

¹¹⁰ В. Коларов. Спомени. с. 587.

Однако идею единого фронта поддержала только часть эмигрантских руководителей БЗНС, да и они проявляли колебания, неустойчивость. Трудно сказать, насколько далеко они рассчитывали идти вместе с коммунистами. Чтобы соблюсти лояльность, они ставили югославские власти в известность о характере и ходе переговоров¹¹¹. Сохранился документ, к сожалению, без даты, отражающий создание собственной «Революционной организации БЗНС». В первой своей части он рисует устройство организации за границей: во главе стоит Заграничный революционный комитет при Заграничном представительстве БЗНС в Сербии, его руководящий орган образуют 3 человека, имена которых указываются. Зафиксированы также имена и псевдонимы начальника штаба революционной армии и двух его помощников. Определены и начальники пограничных пунктов, ведающие 8 пограничными каналами. Во второй части документа говорится о революционной организации внутри Болгарии. Она возглавляется Центральным комитетом, во временный состав которого входят 3 человека из Софии (их имена не указываются). Далее называются окружные, околийские, городские и сельские тайные комитеты, «при которых имеются боевые группы», а затем перечисляется, что имеется из оружия в каждом округе страны¹¹².

О том, что некоторые руководители «земледельческой» эмиграции стремились «готовить революцию» самостоятельно, говорит содержание письма одного из них — Н. Атанасова. В августе 1926 г. он писал А. Радолову, коллеге по партии: «Я бежал за границу с убеждением, что необходимо готовить тайную революционную организацию, которая своими силами и в удобный момент свергнет заговорщиков и восстановит положение, существовавшее до 9 июня. И Х. Стоянов был того же мнения. . . За границей мы встретили А. Оббова, который уже много работал в этом направлении для подготовки европейского мнения. . .»¹¹³.

Как видим, направление деятельности «земледельческой» эмиграции, даже той ее части, которая стремилась к самостоятельным действиям, представляла известную опасность для военно-фашистского режима в Болгарии. Но кроме того перед ним во весь рост вставала реальная опасность осуществления планов единого фронта, заключенного между БКП (т. с.) и левой частью БЗНС. Об этом свидетельствует, в частности, письмо Г. М. Димитрова к одному из лидеров «земледельческой» эмиграции А. Оббову,

---

¹¹¹ АМВР, об. 1620, т. 1, л. 4.

¹¹² Там же, б/л.

¹¹³ Там же, л. 71.

написанное в конце февраля 1924 г. Г. М. Димитров сообщал в нем, что в результате ряда совещаний «все важные вопросы были выяснены нами (руководителями эмигрантских групп БКП (т. с.) и части БЗНС — Р. Г.) и соответствующие положения и дополнения были единодушно приняты». Оставалось только санкционировать их руководством обеих сторон в Болгарии, причем Г. М. Димитров выражал уверенность, что такая санкция безусловно будет дана¹¹⁴.

Правда, линия поведения лидеров «земледельческой» эмиграции в отношении коммунистов была сложной и из-за непоследовательности самих этих лидеров, и из-за борьбы между ними за преобладание¹¹⁵. Однако важно подчеркнуть, что работая в трудных условиях эмиграции, болгарские коммунисты старались следовать совету Г. Димитрова о необходимости «поддерживать хорошие отношения с земледельческой эмиграцией всех оттенков, как бы это ни было трудно»¹¹⁶.

В итоге осенью 1923 — летом 1924 г. единый фронт БКП (т. с.) и части БЗНС был реальностью, с которой не могли не считаться правительственные круги. О нем писали и коммунистическая и «земледельческая» пресса, издававшаяся за границей, причем примерно в одних и тех же выражениях, и эта схожесть терминологии была в свою очередь подтверждением союза двух самых опасных для военно-фашистской власти противников. В самом деле большинство материалов газеты «Земледельско знаме», выходившей в Праге, мало чем отличалось от подобных же материалов коммунистической печати. Например, в номере от 15 сентября 1923 г. газета «Земледельско знаме» писала: «БЗНС — за единый фронт рабочих масс, демократии против реакции, за порядок и законность против фашизма, политических убийств, террора и бесправия. Земледельцы, оставайтесь на своем посту, крепко сплоченные, вперед к победе».

Единый фронт был опасен для режима в своем легальном проявлении, особенно во время выборов в парламент. Среди «горьких уроков», преподнесенных режиму выборами, правительственная печать на первое место ставило то, что «значительная часть нашего народа еще не излечена от дружбашской и коммунистической язвы»; успехи «земледельцев» и коммунистов, вступивших в союз, показывали, по ее мнению, что «опасность, исходившая

¹¹⁴ ЦДИА, ф. 361, оп. 1, ед. хр. 4, л. 131.

¹¹⁵ К этому следует добавить, что фактического материала, характеризующего эту линию, в научный оборот введено до сих пор очень немного.

¹¹⁶ Цит. по: З. М и ч е в а. Българската революционна емиграция. . .

от них, еще не ликвидирована полностью»¹¹⁷. Это доказывали и последующие события, когда массы трудового народа поднимались на выступления, казалось, немыслимые в условиях режима Цанкова и К°. Так, 1 мая 1924 г., несмотря на запрещение, трудящиеся Софии, Пловдива и других городов провели собрания и митинги; преодолевая полицейские кордоны, они выходили на улицы демонстрировать свою волю к борьбе. Почти повсеместно рабочие бастовали в день 1 мая. В грандиозную демонстрацию вылились 11 мая 1924 г. похороны вождя и основателя коммунистической партии Д. Благоева, умершего после продолжительной болезни. В траурной процессии участвовало свыше 40 тыс. человек — невиданное событие для тогдашней Софии с ее 150-тысячным населением¹¹⁸. Еще через месяц в мощную демонстрацию протеста вылились похороны убитого из-за угла «земледельца» — единогофронтовца П. Петкова.

Но еще более опасным для властей казался единый фронт в своем нелегальном проявлении. БКП (т. с.), считавшая единый фронт главным средством борьбы против правительства Цанкова, восстанавливала свои силы. К марту-апрелю 1924 г. была возобновлена деятельность партийных организаций во многих околийских городах Болгарии. Затем началось восстановление сельских партийных групп¹¹⁹. Одновременно здоровое революционное ядро руководства БКП (т. с.) повело борьбу против правых тенденций некоторых членов ЦК. С помощью ИККИ, в начале 1924 г. принявшего специальную резолюцию по болгарскому вопросу, в которой позиция ЦК БКП (т. с.) 9 июня 1923 г. оценивалась как ошибочная и одобрялась руководящая роль БКП (т. с.) в Сентябрьском восстании, правый уклон в партии стал преодолеваться.

В порядке подготовки к национальной партийной конференции нелегально были проведены окружные конференции в ряде важнейших центров страны, а 17—18 мая 1924 г. состоялась и сама конференция, вошедшая в историю под названием Витошской.

Витошская конференция на основе анализа внутренней и международной обстановки, пришла к выводу, что революционный кризис в стране продолжается и что необходимо готовить новое вооруженное восстание. Конференция сыграла очень важную роль в сплочении партии вокруг здорового революционного ядра,

---

¹¹⁷ Демократически сговор, 21. XI. 1923.

¹¹⁸ История на България. Т. III, с. 166—167.

¹¹⁹ С. Д и м и т р о в а. 50 години от Витошката нелегална конференция на БКП. — Ново време, 1974, № 5, с. 124.

в усилении ее боеспособности. Однако, односторонне ориентируясь только на революционную перспективу, участники конференции не предусматривали возможности смены тактики партии в случае спада революционного движения и изменения в соотношении классовых сил. В этом проявилась недооценка опасности «левого» уклона, в свою очередь начавшего оформляться в БКП (т. с.)¹²⁰.

Взяв курс на новое вооруженное восстание, партия приступила к его непосредственной подготовке. Особое внимание было уделено созданию внутри страны разветвленной военной организации партии, Болгария была разделена на военно-революционные области, округа и районы. Создавались партизанские отряды (четы), совершавшие вооруженные акции против властей, проводились пробные мобилизации и т. п. К осени 1924 г. в состав БКП (т. с.) входило свыше 6 тыс. членов¹²¹.

Из-за малого конспиративного опыта коммунистов эти приготовления не оставались тайной для правительства. Да и все коммунистические издания, широко распространявшиеся по стране, содержали материалы о конкретной подготовке вооруженной борьбы и заканчивались призывом к восстанию против режима Цанкова и за установление рабоче-крестьянского правительства. Страшась массового влияния БКП (т. с.) и левой части БЗНС и само не имея опоры в массах, военно-фашистское руководство в своем стремлении ликвидировать угрозу нового вооруженного восстания, опиралось главным образом на репрессивные меры.

Часть из них была проведена через Народное собрание и таким образом узаконена. Так, с началом работы парламента одним из первых был поставлен на обсуждение проект закона о защите государства (ЗЗД). Стремясь как можно скорее провести законопроект через Народное собрание, правительство Цанкова не считало необходимым соблюдать при этом установленную процедуру: обсуждение проекта происходило с многочисленными нарушениями правил работы парламента¹²².

Из буржуазных депутатов никто, кроме группы радикалов во главе с С. Костурковым, не воспротивился превращению реакционнейшего законопроекта в закон¹²³. Согласно ЗЗД в стране запрещались все общественные, экономические и политические организации, которые для достижения своих целей прибегают к преступным действиям, вооруженным и террористическим актам,

¹²⁰ История на Българската комунистическа партия. с. 317—318.

¹²¹ Там же, с. 319.

¹²² См. Ф. М и л к о в а. Реакционният закон. . . с. 45—46.

¹²³ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с. С., 1924. с. 102.

насилию, или только проповедают такие действия, а также все нелегальные организации подобного рода. Нарушение этой статьи влекло за собой строгое наказание — тюремное заключение сроком до 15 лет и штраф в размере 50—500 тыс. левов для руководителей и инициаторов создания указанных организаций, и сроком до 5 лет и штраф до 50 тыс. левов для членов их. Заключение в тюрьму предусматривалось и для тех, кто укрывал членов запрещенных организаций или оказывал им помощь, и для тех, кто устно или письменно, через печатные, художественные и т. п. произведения оправдывал создание подобных организаций или восхвалял их действия. За проповедь или подготовку бунта в армии, жандармерии или полиции закон предусматривал смертную казнь или содержание в тюрьме строгого режима сроком не менее 10 лет¹²⁴.

На основании ЗЗД 4 апреля 1924 г. кассационный суд официально принял решение о запрещении БКП (т. с.), болгарского комсомола, синдикального союза, находившегося под руководством БКП (т. с.), рабочей кооперации «Освобождение», а также «Партии труда», созданной коммунистами в январе 1924 г. в поисках легальных форм работы в массах.

Следует подчеркнуть, что в целом, несмотря на отдельные процедурные нарушения, принятие исключительного закона и последующее запрещение деятельности ряда политических организаций произошло при соблюдении парламентских форм. Однако и в данном случае эти традиционные формы не ограничивали потребности военно-фашистского режима. Наоборот, руководители режима использовали их для своих нужд. Так, благодаря ЗЗД, принятому парламентом, чрезвычайно расширились полномочия исполнительной власти по сравнению с обычными для буржуазно-демократического государства. На основе этого закона должна была прекратить свою деятельность Партия труда — легальная организация, возникшая уже после переворота 9 июня. ЗЗД на многие годы стал главным формальным обоснованием для расправ с коммунистами и всеми антифашистами, которые осуществлялись с многочисленными нарушениями законности.

В связи с массовыми репрессиями, фашистам приходилось думать и об улучшении «тюремного дела», вплоть до объявления конкурса на лучший типовой проект окружной тюрьмы¹²⁵. Принимались меры к расширению старых тюрем и строительству новых. Власти восстанавливали многие оставшиеся с времен турецкого ига заведения. После переворота 9 июня 1923 г. в Болгарии

¹²⁴ Приложения към Стенографските дневници на XXI ОНС, I р. с., т. II. С., 1924. с. 11—12.

¹²⁵ Държавен вестник, 1925, № 158.

начали действовать 22 городских тюрьмы¹²⁶. Тюремную площадь для узников-антифашистов освобождали и за счет тех, кто был заключен по политическим мотивам при режиме «земледельцев». Это происходило на основании отмены принятого при Стамболийском закона о референдуме по вопросу о виновности министров кабинетов И. Гешева, С. Данева и А. Малинова, а также на основании отмены закона о суде и наказании виновников народной катастрофы¹²⁷. А чтобы впредь министры с такой легкостью не ставились в трудное положение, фашистская юстиция оговорила условия отдачи под суд представителей высшей исполнительной власти в специальном законе¹²⁸.

В целом законодательство военно-фашистского режима в политической области совершенно откровенно обслуживало его интересы. Это относится и к закону об амнистии, принятому в начале 1924 г. Амнистия распространялась прежде всего на тех, кто совсем недавно причислялся к виновникам национальной катастрофы. Хотя другими статьями закона амнистировались преступления против власти, совершенные в период с 11 апреля 1921 г. по 31 декабря 1923 г.¹²⁹, это вовсе не означало, что новая администрация прощает всех участников Июньского и Сентябрьского восстаний 1923 г. Ибо, согласно ст. 2 закона, из амнистии исключались «главные виновники» амнистируемых деяний, а именно те, «кто приказывал, готовил преступления или побуждал к ним», начальники боевых ячеек и члены комитетов действия, члены центральных, окружных и других партийных органов, принявших участие в «преступлениях» и т. п.¹³⁰.

Этот закон об амнистии не был единственным. До лета 1924 г. через парламент было проведено 6 его модификаций. Но фактически это мало что меняло: по свидетельству Д. Казасова, на протяжении всего 1924 г. и еще в 1925 г. суды продолжали рассматривать дела по обвинению в участии в Сентябрьском восстании¹³¹.

---

¹²⁶ Н. К а с а ш к и. Зад железните решетки. С., 1971. с. 54—55. Содержание заключенных в ряде тюрем было очень строгим. Бывшие министры кабинета А. Стамболийского, помещенные в Софийскую центральную тюрьму, писали министру юстиции 30. IX. 1923 г., что их содержат в худших условиях, чем остальных заключенных. В другом заявлении от 19. II. 1924 г. они подчеркивали, что в течение трех месяцев им не позволяли сделать шага из своих камер (там же, с. 64).

¹²⁷ Приложения към Стен. дневници на XXI ОНС, I р. с., т. II, с. 39.

¹²⁸ Там же, с. 223—224.

¹²⁹ Там же, с. 13.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Д. К а з а с о в. Видяно и преживяно. с. 331.

Для лучшего выполнения своих функций полицией и жандармерией были приняты специальные законы об организации этих органов власти. Особенно важным был закон об администрации и полиции, которым фиксировалось слияние административной и полицейской власти в среднем звене. В законе говорилось, что окружной управитель является высшим представителем центральной власти в округе и одновременно начальником окружной полиции и что в этом своем качестве он должен заботиться об общественном порядке и спокойствии, согласно распоряжениям полиции¹³². В специальной статье подчеркивалось, что окружной управитель «сносится непосредственно со всеми учреждениями и лицами в государстве».

Содержание закона свидетельствует о том, что за два года своего существования военно-фашистские власти значительно реорганизовали полицейский аппарат в Болгарии. Службы государственной полиции подверглись дифференциации. Их насчитывалось теперь пять (государственной безопасности, уголовная, административная, учебно-подготовительная, внутренняя). Кроме государственной, существовала и общинная полиция, подчинявшаяся околийскому начальнику. С благословения министра внутренних дел разрешалось создавать также частные полицейские службы.

Военно-фашистское руководство стремилось поднять общий уровень и профессиональную подготовку полицейских, для чего создавались специальные училища, вводился высокий образовательный ценз для замещения ряда полицейских должностей. Бюллетеней порядка поощряли из специального фонда. Пятуую часть его составляли штрафы, наложенные полицейскими¹³³, что ставило размеры дополнительного вознаграждения в прямую зависимость от усердия этих должностных лиц. Благодаря инструктажу австрийских специалистов болгарские детективы стали применять более совершенные методы наблюдения, раскрытия, дознания и т. п.¹³⁴

---

¹³² Държавен вестник, 1925, № 25, 4. V.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Инструктаж австрийских коллег охватывал, по-видимому, все стороны полицейского дела, в том числе и самые неблагоприятные. О приемах, применявшихся самими инструкторами, свидетельствует случай, когда в ноябре 1924 г. они были приглашены в Пловдив, где в то время осуществлялась операция по разгрому коммунистического военного центра. Руководитель центра Христо Гюлеметов был убит, но он успел разорвать и проглотить конспиративные документы. Венские специалисты реставрировали бумаги, после того как распоролли живот Гюлеметова. (Работническо дело, 21. VII. 1971).

Гонения на коммунистов, «земледельцев» — едиnofронтoвцев, на прогрессивно настроенную часть населения осуществлялись также с помощью административных мер. Массовая чистка проводилась, в частности, среди учителей. Цанков признавал, что к весне 1924 г. было уволено 777 учителей и это, по его мнению, было немного, т. к. учительская коммунистическая организация насчитывала 2000 членов, а ее орган газета «Учителска искра» имела тираж 5 тыс. экземпляров¹³⁵.

Еще 26 сентября 1923 г. совет министров принял постановление о роспуске школьных настоятельств в стране по причине того, что они де являются «очагами смуты и противогосударственных идей»¹³⁶.

Увольнения коснулись не только прогрессивной интеллигенции. Вслед за подавлением Сентябрьского восстания министр внутренних дел потребовал, чтобы владельцы табачных складов в 48 часов уволили рабочих, уличенных в коммунистической или едиnofронтoвской деятельности, и чтобы списки уволенных были переданы в полицейские управления. В ряде мест рабочих заставляли подписывать заявления, что они не являются коммунистами¹³⁷.

Но ни суды и законы, ни полиция и жандармерия, ни меры административного воздействия не могли обеспечить режиму внутриполитической устойчивости; они не были достаточными для того, чтобы сломить и подавить сопротивление трудящихся. Поэтому наряду с традиционными по форме методами внутренней политики, хотя и применявшимися так, что по существу полномочия администрации значительно расширились, правящая верхушка использовала и явно неконституционные методы открытого насилия. Политические убийства, в частности, убийства прогрессивных деятелей, и в первую очередь коммунистов, из-за угла, стали чуть ли не повседневным явлением. Как заявляли представителям прессы английские парламентарии, побывавшие в Болгарии в 1925 г., за последние два года в стране не проходило почти ни одной недели без того, чтобы не был убит деятель компартии или Земледельческого союза¹³⁸. Эти террористические акты заранее планировались, и в большинстве случаев нити тайных заговоров тяну-

---

¹³⁵ См. Д. Косев. Положение в България и проблемът за курса на БКП след Септемврийското въстание в 1923 г. (до април 1925 г.). — Известия на Българското историческо дружество, т. XXVII. С., 1970. с. 152.

¹³⁶ Азбучник към Стенографските дневници на XXI ОНС, I. р. с. С., 1924. с. 15.

¹³⁷ Г. В. Димитров. Опити за възстановяване... с. 200.

¹³⁸ К. Маус. Was geht in Bulgarien vor? S. 16.

лись к военному министерству и персонально к его главе — генералу Вылкову. Военный министр и шеф Военного союза поддерживал постоянные контакты, в том числе личные, с Т. Александровым¹³⁹ и террористы правого крыла ВМРО всегда были к его услугам. Другими исполнителями убийств из-за угла были офицеры 3-й секции военного министерства, подчинявшиеся только военному министру и ни перед кем иным не отчитывавшиеся. Нередко и те и другие действовали сообща.

В июне 1924 г. жертвой такого убийства стал Петко Петков, парламентский лидер «земледельцев» — единогофронтовцев, пламенный оратор и борец¹⁴⁰. На процессе 1954 г. Вылков признавал, что в акции по уничтожению П. Петкова принимали участие офицеры 3-й секции¹⁴¹. Было установлено, что приказ об уничтожении П. Петкова исходил от Вылкова¹⁴². В сентябре 1924 г. террористами ВМРО был убит Димо Хаджидимов, член ЦК БКП. Некоторое время спустя выстрелы из-за угла настигли депутатов БКП в Народном собрании Тодора Страшимирова, Харалампи Стоянова и активного деятеля коммунистической партии Вылчо Иванова.

Одновременно военно-фашистская верхушка пыталась и идейно воздействовать на массы. Одной из главных была забота о том, чтобы нейтрализовать влияние коммунистов на молодежь, активно участвовавшую в революционной борьбе. В школах стали проводиться встречи учителей с родителями, усилилось религиозное воспитание учащихся¹⁴³; свою роль играло и значительное обновление учительских кадров.

При отсутствии в то время массового радиовещания правительство Цанкова могло использовать в качестве основных средств для идеологической обработки населения лишь ежедневную печать, а также публичные выступления министров, депутатов «Демократического сговора», членов этой партии. К услугам новых правителей были полосы нескольких центральных газет, ставших рупором новой власти («Слово», «Демократически сговор», «Свободна реч», а также примыкавшая к ним «Зора»). Выступали эти органы главным образом по злободневным политическим вопросам.

¹³⁹ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 234. Из показаний Вылкова.

¹⁴⁰ Во время правления БЗНС он был дипломатическим представителем Болгарии в Париже, а также главным секретарем министерства иностранных дел.

¹⁴¹ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 231. Из показаний Вылкова.

¹⁴² Там же, т. I, л. 444. Мотивировочная часть обвинительного приговора.

¹⁴³ Б. Григоров (Выступление в дискуссии по вопросу о курсе БКП на вооруженное восстание после поражения Сентябрьского восстания). — Известия на Института по история на БКП, т. 20. С., 1969. с. 420.

Но редакции их вряд ли могли похвастать действенностью своих выступлений. Методы подачи материала отличались однообразием, преобладал принцип: ругай коммунистов и единомышленников как врагов отечества и государства, восхваляй правительство и «Демократический сговор» как спасителей положения.

Что касается публичных выступлений представителей власти, то за исключением случаев, когда речи держали министры «первой величины» (Цанков, Калфов, Русев, Вылков), в большинстве своем они были малоавторитетными. Это было связано с незавершенностью процесса внутренней консолидации, особенно в идейном отношении, самого «Демократического сговора» и с отсутствием в нем крепкой партийной дисциплины. В результате ораторы нередко выражали свои собственные взгляды, расходившиеся с линией военно-фашистского руководства. Характерным примером может служить публичное выступление министра сельского хозяйства Я. Моллова в феврале 1924 г., в котором он высказался за федерацию Болгарии с Югославией, хотя это было в явном противоречии с планами правительства¹⁴⁴.

Нельзя сказать, что правительство Цанкова не занималось организацией и развертыванием широкой пропагандистской деятельности. Наоборот, еще в середине июля 1923 г. совет министров принял постановление о создании специального информационного бюро при Дирекции печати министерства иностранных дел. В его задачи входило давать стране и за границу «полные, ясные и достоверные сведения по всем политическим, экономическим и культурным событиям в Болгарии»; распространять в народе необходимую информацию, давая ей нужное толкование¹⁴⁵. В короткий срок бюро смогло организовать издание специального бюллетеня, начавшего выходить с 15 августа два раза в день; стали выпускаться периодические бюллетени на французском языке, предназначенные для заграницы. Кроме того, бюро наладило издание массовым тиражом (15 тыс. экз.) популярных брошюр политического содержания. В городах они распространялись по совсем низкому ценам, а в селах — бесплатно. За 3,5 месяца информационное бюро выпустило в свет брошюры 15 названий: две программные речи премьер-министра, «Правда о русском большевизме» П. Стоянова и 12 брошюр антиземледельческой направленности под общим названием «Режим дружбашей. Документы, собранные комиссией по ознакомлению с архивами бывших министров». И все это — сравнительно небольшим штатом сотрудников (9 чело-

¹⁴⁴ Демократически сговор, 8. II. 1924.

¹⁴⁵ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 751, л. 1. Отчет о деятельности информационного бюро с 1 августа по 15 ноября 1923 г.

век, включая обслуживающий персонал)¹⁴⁶. К сожалению, отсутствие материалов не позволяет судить о масштабах последующей деятельности бюро, перспективные задачи которого его начальник формулировал следующим образом: «давать широким народным массам дешевую и здоровую духовную пищу, которая предохранит их от разлагающего влияния демагогических приемов крайних элементов»¹⁴⁷.

Но «мирное» идеологическое наступление на трудящихся, разумеется, не могло дать немедленных результатов, рассчитывать на его большую эффективность в условиях глубокого революционизирования сознания масс за годы послевоенного революционного подъема правители Болгарии не могли. Поэтому террор и репрессии оставались главными методами внутренней политики военно-фашистского режима, именно репрессиям принадлежала решающая роль в действиях правительства против народных масс¹⁴⁸.

Репрессивный курс усилился, когда правящей верхушке стало известно, что восстание под руководством коммунистов и левых «земледельцев» проектируется на осень 1924 г.¹⁴⁹

Совет министров несколько раз собирался на специальные заседания, чтобы обсудить положение. В качестве мер противодействия была произведена концентрация сил армии и полиции, участились увольнения заподозренных в нелегальной деятельности железнодорожников, служащих почты и телеграфа, усилилось преследование чет. На улицах было запрещено собираться группами¹⁵⁰.

С осени и особенно с конца 1924 г. обстановка в стране становилась все менее благоприятной для продолжения курса на вооруженное восстание: военно-фашистский режим за время, прошедшее после переворота, сумел в определенной степени консолидироваться, в массах же чувствовалось утомление. Болгария, как и другие страны буржуазного мира вступала в полосу временной и частич-

---

¹⁴⁶ ЦДИА, ф, 369, оп. 1. ед. хр. 751, л. 2. Отчет о деятельности информационного бюро с 1 августа по 15 ноября 1923 г.

¹⁴⁷ Там же, л. 3.

¹⁴⁸ J. Jосов. Charakteristische Züge... — Études historiques..., t. II. Sofia, 1965. p. 407.

¹⁴⁹ По мнению некоторых болгарских историков (Д. М и ч е в, С. Д и м и т р о в а) БКП не связывала себя определенным сроком восстания (см. Известия на Института по история на БКП. Т. 20. с. 413—426). Однако, слухи о том, что в сентябре—октябре вспыхнет революция, что «приближается день красного знамени» настойчиво муссировались в официальных кругах (см., напр., Стен. дневници на ХХI ОНС, II р. с., с. 16).

¹⁵⁰ Д. К о с е в. Положението в България... с. 197; Ратник на свобода, 19. V. 1924.

ной стабилизации капитализма. Однако ЦК БКП не сумел правильно учесть изменившиеся обстоятельства, сменить политический курс и организованно отступить. Не были им учтены и рекомендации Заграничного представительства БКП, стремившегося направить внимание партии на массовую работу, а не на отдельные акции¹⁵¹. В результате перспектива вооруженного восстания снята не была, ее проводниками стали ультра-«левые», получившие преобладание в Центральном комитете. Возглавляемая ими военная организация постепенно становилась все более автономной, ее аппарат численно стал превышать аппарат партии. Военная организация начала применять в качестве основного метода индивидуальный террор, террористическая деятельность стала главной и для чет. Однако это не приводило к разложению фашистского режима, как ожидало военное руководство партии, но способствовало усилению репрессий властей в отношении коммунистов и «земледельцев»¹⁵². Военно-фашистские власти готовились нанести окончательный удар по коммунистическому движению с тем, чтобы, наконец, усмирить страну и заняться «государственным строительством». В ряде случаев они нарочно провоцировали Военную организацию коммунистов на террористические акты, чтобы вслед затем усилить преследования с целью уничтожения кадров БКП (т. с.) и БЗНС. Сужая круг, правительство в марте 1925 г. провело через парламент закон об изменении и дополнении ЗЗД¹⁵³, который теперь на фоне сгустившейся политической атмосферы казался слишком мягким. Модификация ЗЗД состояла в том, что почти каждая статья его приобрела окончание: «карается смертью». Строгое тюремное заключение сроком до 15 лет предусматривалось для тех, кто укрывал человека, даже не зная и не подозревая о том, что укрываемый может быть привлечен к ответственности по ЗЗД. Чтобы никто не остался в неведении о характере изменений ЗЗД, правительство распорядилось о распространении текста закона во всех населенных пунктах в виде афиш большого формата¹⁵⁴.

Блюстители порядка, органы местной администрации получили задание составить списки всех неблагонадежных. Напряжение нарастало. Здоровые силы в партии и в партийном руководстве настаивали на необходимости изменить политический курс БКП; отказаться от террористической деятельности и перейти

---

¹⁵¹ В. Хаджиниколов, Д. Елазар, Д. Мичев, Л. Панайотов, П. Раденкова. Георги Димитров. Биография. С., 1972. с. 196—197.

¹⁵² История на Българската комунистическа партия. с. 323.

¹⁵³ Държавен вестник, № 278, 16. III. 1925.

¹⁵⁴ Н. Косашки. Зад железните решетки. с. 21.

к массовым формам работы среди рабочих и трудящихся во имя их непосредственных требований при использовании всех даже самых минимальных возможностей для легализации. Но ультра-«левые» Военного центра партии не приняли этого предложения, решившись на отчаянные действия.

14 апреля 1925 г. было совершено покушение на царя, окончившееся неудачей. В тот же день политическое убийство произошло в Софии, был убит генерал запаса, близкий правительственным кругам. 16 апреля при отпевании его в Софийском соборе «Святая неделя», на котором присутствовали представители высшей администрации, ультра-«левые» произвели новый террористический акт — взрыв собора. Под развалинами погибло несколько высших офицерских чинов, в том числе один из основателей Военного союза и активный член «Конвента» Н. Рачев, и около сотни горожан, присутствовавших в это время в церкви. Однако своей главной цели — уничтожить правящую верхушку, министров кабинета Цанкова, царя Бориса — ультра-«левые» не достигли.

Взрыв в Софийском соборе привел в движение весь механизм принуждения военно-фашистского режима. Действиями его лидеров руководил, прежде всего, страх за собственную жизнь¹⁵⁵, страх за судьбу режима. Сразу после покушения в кабинете военного министра собрался совет министров. По свидетельству очевидца, события произвели на Цанкова страшное впечатление. Премьер был желто-зеленого цвета, дрожал¹⁵⁶. Инициативу по разрешению сложившейся ситуации взяли на себя военные. Совет министров поручил принять «неотложные меры» генералам Вылкову и Русеву — военному министру и министру внутренних дел. Они не могли не призвать себе на помощь деятелей Военного союза. Согласно показаниям Поркова на процессе 1954 г., некоторые руководители Военного союза присутствовали и на самом заседании совета министров, а затем собралось Центральное правление союза. На нем было принято негласное решение «ликвидировать людей, причастных к акту взрыва собора»¹⁵⁷.

В тот же день 16 апреля в стране было объявлено военное положение¹⁵⁸. Фактически это означало сосредоточение всей власти в

---

¹⁵⁵ Они и прежде боялись за свою жизнь, каждый вечер к подъездам домов министров направлялись отделения солдат службы охраны. Депутаты оппозиции смеялись по этому поводу: у царского дворца стояло всего два часовых, а перед домом каждого министра — по десять. — Стен. дневники на XXI ОНС, II р. с., с. 55.

¹⁵⁶ АМВР, II съд., д. 1556, т. III, л. 462.

¹⁵⁷ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 265.

¹⁵⁸ Притурка към Държавен вестник, № 13, 16. IV. 1925.

руках военных, а точнее в руках военного министра и Военного союза. В боевую готовность были приведены 3-е отделение и полицейская комендатура Софии. Начальником последней в эти дни был назначен капитан Кочо Стоянов, второй человек после Поркова в 3-й секции, хотя прежде такую должность занимали военные чином не ниже подполковника¹⁵⁹. 3-е отделение и полицейская комендатура стали главными организаторами массовых убийств в 1925 г.¹⁶⁰

Репрессивные меры были распространены не только на непосредственных участников террористического акта, но на тысячи неповинных людей. Повальные аресты начались в тот же день 16 апреля и проводились они по спискам, составленным заранее. В этих списках были имена в основном коммунистов и «земледельцев» — единогофронтовцев. Определять среди арестованных тех, кто подлежал ликвидации, было поручено специальным комиссиям, в состав которых вошло много военных. Такие комиссии были созданы по всей стране, в столице члены ее приступили к «работе» уже вечером 16 апреля¹⁶¹.

3-я секция военного министерства во главе с Порковым специализировалась на физическом умерщвлении арестованных. Офицерам помогали македонские террористы, привлеченные по указанию Центрального правления Военного союза¹⁶².

Не оставались без работы и полицейские службы, особенно политический отдел полиции во главе с заслужившим печальную славу Пане Бичевым.

Арестованных, подлежавших ликвидации, вначале пытались живыми сжигать в топке софийского полицейского управления, но она оказалась непригодной для этой цели. Тогда их стали отвозить в казармы и там в подвалах убивать. Помимо расстрелов офицеры 3-й секции изобрели методику быстрого удушения жертвы в сидячем положении: на шею человека, вызванного будто бы на допрос, набрасывалась из-за спины петля, которая тут же с силой затягивалась. Смерть наступала через несколько минут. Такой «скоростной» метод позволял за «рабочий» вечер умертвить 20—40 чел., а всего с 16 апреля до конца 1925 г. сотрудниками 3-й секции было уничтожено в Софии свыше 400 чел.¹⁶³ Тела умерщвленных в мешках сбрасывали в ров¹⁶⁴. И все это — без суда и

¹⁵⁹ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 144, л. 241.

¹⁶⁰ Там же, т. II, л. 266.

¹⁶¹ Там же, т. I, л. 445. Обвинительный акт.

¹⁶² Там же, т. II, л. 42. Из показаний Поркова.

¹⁶³ Там же, т. I, л. 445. Обвинительный акт; т. II, л. 41. Из показаний Поркова.

¹⁶⁴ Останки погибших были обнаружены в начале 50-х гг., что и дало

приговоров, самочинно, отчет держался только перед кучкой высших военных чинов. Наиболее массовыми репрессии были в столице, но и в провинции аресты, пытки, убийства приняли широкие размеры. До 31 июля в Варненском гарнизоне было арестовано 10 459 антифашистов, в Пловдивском — 13 305.¹⁶⁵ В Русе, отстоявшем за сотни километров от места террористического акта, во второй половине апреля было арестовано свыше 400 коммунистов и «земледельцев». Тогда же несколько человек из них было убито, а остальные отпущены с обязательством ежедневно утром и вечером отмечаться в местном отделе общественной безопасности. О том, что произошло дальше, свидетельствует очевидец: «В первый вечер мы отметились без происшествий; когда же мы явились к 20 часам распастаться во второй вечер — 21 или 22 апреля — дежурный задержал нас и таким образом в коридоре перед комнатой дежурного собрались почти все. Около 20 ч. 15 м. полуоткрытая дверь в комнату дежурного закрылась — это был роковой сигнал — и в ту же минуту открылась двустворчатая дверь в глубине коридора и оттуда началась массированная стрельба. Три четверти из нас превратились в агонизирующие трупы»¹⁶⁶.

По всей стране лихорадочно «работали» военно-полевые суды. Измененный ЗЗД позволял властям быть очень ограниченными в выборе мер наказания: основной была смертная казнь.

По коммунистическому и антифашистскому движению Болгарии был нанесен сильный удар. ЦК БКП был дезорганизован, часть его членов пала во время перестрелок с полицейскими при облавах, так же как и руководители БЗНС-левицы. Мученической смертью погибли руководители нелегальных рабочих профсоюзов. Гибель тысяч коммунистов, заключение их в тюрьмы или необходимость для многих из них бежать за границу лишали БКП самых опытных ее кадров. Партия не погибла, но для ее восстановления необходимо было время.

Военно-фашистская верхушка могла торжествовать. По самым опасным внутренним противникам — коммунистам и единомышленникам — был нанесен удар, оправиться от которого казалось невозможным. Недаром Цанков в одной из своих речей 40-х годов бахвалился, что самым замечательным в его правлении дескать было то, что Болгария нашла в себе силы сокрушить внутреннего

основание начать судебное дело против генерала Вылкова и его сподвижников по обвинению в массовых убийствах антифашистов.

¹⁶⁵ Н. К о с а ш к и. Зад железните решетки. с. 16.

¹⁶⁶ ЦДИА, ф. 361, оп. 1, ед. хр. 35, л. 24. Заявление вновь прибывшего эмигранта из г. Русе Цветана Тодоровского (Белград, 7. X. 1925).

врага¹⁶⁷. Этот «внутренний враг» на протяжении почти двух лет держал руководство режима в постоянном напряжении. Как писал в 1934 г. один из крупных политических деятелей Болгарии А. Малинов, «Демократический сговор» вынужден был расходовать «едва ли не всю свою энергию» на борьбу с «бунтарством народа» и с «антигосударственной деятельностью» эмиграции, в связи с чем государственное строительство, являвшееся главным пунктом программы этой партии, откладывалось на «вторую половину» правления. «Что касается «первой» половины, — продолжал он, — то она использовалась для того, чтобы применить все средства для преодоления бунтарства, для консолидации собственного положения и сохранения власти»¹⁶⁸. Это ли не признание эффективности народного сопротивления фашизму, несмотря на все ошибки и неудачи в его организации!

Вынужденные действительно из-за остроты социальных отношений в стране в значительной степени откладывать «государственное строительство» до лучших времен, военно-фашистские силы лишались тем самым возможности форсировать фашизацию Болгарии. Этим частично объясняются ограниченные успехи режима в создании крепкой дисциплинированной партии фашистского типа, в попытке проведения цикла социальных мер с целью несколько расширить свою массовую базу (о чем специально будет сказано ниже), в разработке фашистской идеологии и ее массовой пропаганде и т. п. В конкретных условиях Болгарии особое внимание было уделено развитию машины принуждения, которая приобрела в тогдашней государственной структуре почти самодовлеющее значение. При полном единстве взглядов военных и гражданских лидеров болгарских фашистов по вопросу о направлении и методах репрессивного курса в отношении руководителей антифашистской борьбы — БКП и левой части БЗНС — аппарат насилия подвергся сильной милитаризации, а в отдельные периоды режим, установленный в Болгарии, приобретал характер откровенной военной диктатуры.

3. Военно-фашистская власть и буржуазная оппозиция

Деятели буржуазных партий, поддержавших планы заговорщиков против режима БЗНС и формирование кабинета Цанкова, не думали, что их политическая судьба уподобится судьбе заклинателя,

¹⁶⁷ АМВР, VO—42929.

¹⁶⁸ А. М а л и н о в. Под знака . . . с. 172, 178.

который выпустил джина из сосуда, но не сумел заставить злого духа выполнять его волю. По их расчетам, мандат правительства ограничивался ликвидацией «тиранического режима» Стамболийского и проведением «свободных выборов», после чего кабинет Цанкова должен был уйти в отставку, как временный и выполнивший свою роль. Сменить его должен был новый «конституционный кабинет», в стране должны были быть восстановлены порядки, обычные для буржуазно-демократического государства, а хозяином положения — стать парламент. Это и означало бы укрощение джина, восстановление полновластия традиционных буржуазных партий. Подобные настроения были распространены довольно широко среди деятелей буржуазных партий, вошедших и не вошедших в «Демократический сговор». Проблема обсуждалась на страницах газет¹⁶⁹.

Однако планы эти строились без учета желаний и стремлений самой военно-фашистской верхушки, которая, приняв в канун переворота решение относительно характера будущей власти, после него не считала свои полномочия временными и на парламентские выборы смотрела с совсем иной точки зрения: она рассчитывала, что парламент узаконит кабинет, сформированный 9 июня 1923 г. Дискуссия, поднятая в печати в связи с этим вопросом, не казалась опасной фашиствующим политикам ни с формальной стороны (т. к. мандат на формирование кабинета исходит не от парламента, а от главы государства — царя, а ведь именно царь стоял за их спиной), ни с фактической — в Народном собрании они обеспечили себе подавляющее большинство. К тому же практически традиционные буржуазные деятели прилагали для достижения своей цели не слишком большие усилия, преобладали словесные рассуждения, так что их надежды на уход правительства Цанкова в отставку после выборов в парламент в значительной степени были просто мечтаниями, далекими от реальности.

Правда, ходили слухи будто бы буржуазные деятели планировали и некоторые конкретные шаги для осуществления своих намерений, в частности о том, что «первые люди» объединенной народно-прогрессивной партии (напомним, что эта партия целиком вошла в «Демократический сговор») готовились на первых же заседаниях парламента с помощью части депутатов «из среды демократов, радикалов и даже сговористов составить большинство, которое в коалиции с национал-либералами. . . будет голосовать против доверия нынешнему правительству, а затем возьмет упра-

---

¹⁶⁹ Демократически сговор, 26. XI. 1923.

вление в свои руки, поставив во главе, конечно же, своих старых лидеров»¹⁷⁰.

Быть может, планировались даже какие-то меры, отнюдь не легальные, осуществление которых связывалось с недовольством своим положением части офицерства. Косвенным свидетельством этого служит приказ военного министра, изданный 18 декабря 1923 г., т. е. девять дней спустя после открытия сессии Народного собрания. В нем говорилось, что, по слухам, «некоторые партии и группы стремятся найти себе единомышленников среди офицерства для нового 9 июня, поощряя отдельные амбиции и распространяя отдельные слухи о влиянии некоторых «комитетов», о делении офицеров на «наших» и «ваших» и пр. Я призываю вас, — заканчивал военный министр, — к сплочению вокруг ваших начальников. Доносите по каналам обо всех домогательствах внешних элементов, стремящихся отклонить армию от ее прямого пути»¹⁷¹.

Но все эти планы и намерения буржуазных политических деятелей остались неосуществленными. Оппозиционно настроенной части буржуазии не удалось спровоцировать уход кабинета Цанкова в отставку: правительство, бесспорно, владело положением.

Потерпев крушение своих планов в этом направлении, традиционные буржуазные политики стали связывать надежды на восстановление своей политической роли в обществе с деятельностью парламента, который был для них оплотом буржуазно-демократических традиций. Но вскоре им пришлось убедиться, что военно-фашистская верхушка прибирает к своим рукам и Народное собрание: при формировании его рабочих органов оказалось, что наиболее важные посты отданы ставленникам новой власти. Это очередное проявление политической «опеки клики банкиров и спекулянтов»¹⁷² над определенной частью буржуазных кругов, все более тяготившихся ею, привело к обострению отношений между ними.

---

¹⁷⁰ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 341, л. 2. — Письмо некоего А. Ючорманского министру иностранных дел от 16. XI. 1923. Письмо характеризует автора, как представителя сил, выступавших с крайне реакционных позиций, и в этом отношении показательны его рекомендации для выхода из положения: поскольку очевидно, пишет он, что в парламенте начнется оппозиционная борьба, а это затруднит деятельность правительства, необходимо уже теперь обдумать, как разогнать будущее Народное собрание и утвердить «чисто военное правительство, облеченное диктаторскими полномочиями»; его председателем станет глава государства, т. е. царь, а «помощником» — нынешний премьер-министр (Там же, с. 2—3).

¹⁷¹ АМВР, II съд., д. 1556, т. IX, л. 117 (документы, приложенные к делу).

¹⁷² Г. Димитров. Кой управлява България? Съчинения. Т. 7. С., 1953. с. 294; Зад кулисите. Там же, с. 332.

Характерно, что недовольство проявлялось не только среди деятелей буржуазных партий, не вошедших в правящую коалицию, но и среди тех, кто был вовлечен в нее. На протяжении полутора — двух месяцев после начала работы Народного собрания брожение внутри самого «Демократического сговора» значительно усилилось и сопровождалось ростом центробежных тенденций в нем. Что касается правительственной и избирательной коалиции «Демократического сговора» и партии широких социалистов, то она вскоре дала трещину: в феврале 1924 г. произошел министерский кризис, приведший к выходу представителя партии широких из кабинета.

В свое время Д. Казасов принял предложение войти в состав правительства Цанкова на свой страх и риск. Сразу же после переворота состоялось расширенное заседание ЦК СДП. На нем фактически постфактум было санкционировано участие Д. Казасова в кабинете, как представителя партии. Аргументами в пользу этого решения были «нестабильное положение страны» и стремление широких избежать впечатления, будто партия выступает против происшедших перемен, которые по существу она одобрила¹⁷³. 24—25 июня собрался Высший партийный совет СДП. Он констатировал, что ситуация еще полна неизвестности и право определить отношение партии к новой власти предоставил ее Центральному комитету в зависимости от хода событий. До конца июня широкие не предъявляли особых претензий относительно своей роли в правлении¹⁷⁴.

Однако вскоре они поняли значение участия СДП в правительстве для маскировки характера режима перед мировым общественным мнением, определенную зависимость положения кабинета Цанкова от линии поведения социал-демократов. В связи с этим выросли и политические амбиции лидеров СДП. Они усилились еще более, когда, выполняя свое решение от 5—7 августа 1923 г., ЦК БКП обратился к руководству партии широких с предложением о едином фронте для борьбы в защиту непосредственных интересов и основных свобод трудящихся. Социал-демократические вожди вступили с коммунистами в переговоры, но не для того, чтобы установить действительное взаимопонимание, а чтобы набить себе цену в глазах военно-фашистского руководства: именно в это время в правительственном лагере велись политические торги.

Предложение ЦК БКП об установлении единого фронта с СДП «вызвало озлобление и суматоху во всем фашистском лаге-

---

¹⁷³ Эпоха, 4. II. 1924.

¹⁷⁴ Демократически сговор, 22. II. 1924.

ре»¹⁷⁵, лидеры же СДП использовали его, чтобы потребовать устранения из кабинета представителя партии национал-либералов. Позже правительственная газета лаконично отметит, что в этом отношении широкие «получили удовлетворение»¹⁷⁶. Но уступчивость военно-фашистского руководства была вынужденной. Как показывает переписка между Цанковым и Калфовым, в сентябре 1923 г. широкие предъявили ультиматум: если представитель национал-либералов остается в кабинете, из него выходит представитель СДП. Министерский кризис был открыт в весьма неблагоприятное для новой власти время, когда ее министр иностранных дел делал свои первые шаги на международной арене. Из Женевы он слал взволнованные телеграммы, требуя по крайней мере отсрочить реконструкцию правительства, которая может расцениваться великими державами только как слабость нового режима; иначе заграничная миссия министра иностранных дел представлялась ему бесполезной. Калфов писал: «Главное условие переговоров с ними (Францией, Англией, Италией — *Р. Г.*) состоит в том, чтобы правительство было сильным и стабильным. . . Вообще считаю, что если положение кабинета неустойчиво, мое пребывание здесь или поездка в какое-либо другое место становятся почти беспредметными, т. к. все придет к выводу, что в стране еще нет спокойствия»¹⁷⁷. Цанков отвечал, что вместе с Вылковым делает все возможное, чтобы урезонить стороны, но на благоприятный результат рассчитывать трудно и, видимо, придется идти на уступки широким, потерять содействие которых было бы бедой¹⁷⁸. В результате 22 сентября представитель национал-либералов Б. Смилов был вынужден уйти в отставку.

Этот успех вдохновил широких. Благоприятным для них было также подавление Сентябрьского восстания, что означало нанесение сильного удара по БКП (т. с.) — главному политическому сопернику СДП в борьбе за рабочие массы. Казалось, перед социал-демократами открываются новые большие перспективы. Тем более, что среди всех буржуазных и мелкобуржуазных партий Болгарии именно СДП, входя в Социалистический интернационал, имела связи с международными организациями, чего так не хватало военно-фашистской верхушке. Все эти обстоятельства служили основой того, что лидеры СДП стали требовать большего представительства своей партии в органах власти.

---

¹⁷⁵ В. Коларов. Спомени. с. 540.

¹⁷⁶ Демократически сговор, 22. II. 1924.

¹⁷⁷ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 639, л. 2.

¹⁷⁸ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 630, л. 1, 2, 3, 4.

Незадолго до выборов они выдвинули требование восстановить пропорциональную избирательную систему, надеясь таким образом обеспечить себе большее количество парламентских мандатов. Удовлетворить это требование для правящей верхушки означало бы рисковать возможностью получить нужный состав Народного собрания, но и отказываться от сотрудничества с широкими у нее еще не было условий. Начались торги. В ходе их Центральное правление «Демократического сговора», сделав «последние возможные уступки», письменно сообщило ЦК СДП условия совместной избирательной коалиции; в случае их непринятия переговоры между партиями объявлялись прерванными¹⁷⁹. Лидеры широких, потребовав такого количества мандатов, что «Сговор пришел в недоумение», в свою очередь заявили, что если их требования не будут приняты, они разрывают коалицию и выходят из кабинета¹⁸⁰. Несмотря на угрозы партнеров порвать отношения, СДП на выборах все-таки выступила в коалиции с правительственной партией и получила 29 депутатских мест в парламенте. Фактически это было не так уж мало, если учесть незначительность общественного влияния СДП вообще: широкие получили почти столько же мандатов, сколько и самая массовая в то время партия — БЗНС (30) и в 3,5 раза больше, чем БКП (т. с.), влияние которой было несравненно более сильным.

Показательно, что национал-либералы, вышедшие из правительственной коалиции, добились всего лишь 8 мест в парламенте и таким образом политическое представительство широких в Народном собрании было относительно самым высоким по сравнению со всеми другими партиями, не входившими в состав «Демократического сговора». Но эти 29 мандатов широких не выглядели достаточно эффектно на фоне того, что присвоил себе «Демократический сговор» (172 места). В итоге лидеры СДП не считали удовлетворительным свое представительство в парламенте, так же как и в местных органах власти.

Особенно чувствительным в вопросе о своей роли в государстве руководство СДП стало после того, как в январе 1924 г. лейбористы возглавили правительство в Англии. Активно пропагандируя этот факт в своей печати, широкие пытались показать, что и они, как часть международной социал-демократии, имеют немалые заслуги. Но конкретные параллели были явно не в пользу широких, им приходилось констатировать, что в действительности при решении важных вопросов их просто игнорируют. Орган пра-

---

¹⁷⁹ Демократически сговор, 16. X. 1923.

¹⁸⁰ Там же, 22. II. 1924.

вого крыла СДП, возглавлявшегося Пастуховым, газета «Эпоха» отмечала, что «другая сторона» коалиции давно уже злоупотребляет положением и явно стремится эксплуатировать его «для самостоятельного распоряжения судьбами страны»¹⁸¹. Характерно и такое признание: «Социал-демократов не знакомят предварительно с проектами правительства. . . Более того, системой является полная неожиданность появления своеобразных проектов»¹⁸².

Явные формы недовольство приобрело на съезде партии, открывшемся 3 февраля 1924 г. Это было первый после переворота съезд СДП. Важнейшим пунктом его повестки дня было обсуждение линии поведения партии в связи с государственным переворотом и последовавшими за ним событиями, оценка участия СДП в органах власти. На ход обсуждения и его результаты оказал влияние рост политического веса партии, как в известной мере действительно имевший место, так и преувеличенный субъективными оценками социал-демократических лидеров. Согласно отчету съезда СДП, численность партии составила на 1 октября 1923 г. 26,6 тыс. членов, что означало, что за год она возросла на 2,1 тыс. членов. За то же время возникло 193 новых организаций и групп. Всего на долю городских организаций приходилось 7569 членов, из которых 5213 членов были наемными рабочими и служащими. На этом основании составители отчета делали вывод, что СДП вербует своих членов главным образом из рабочей среды¹⁸³. Анализ вышеприведенных цифр показывает, что выводы авторов отчета не отличались точностью: фактическая доля лиц наемного труда в городских организациях составляла не преимущественную часть, а всего 20%, причем удельный вес фабричных рабочих (1156 членов, согласно отчету) едва достигал 5,1%.

За четыре дня до открытия съезда было, наконец, заполнено место в правительстве, остававшееся вакантным с сентября 1923 г., когда из совета министров был удален представитель национал-либералов. Однако министерское кресло было предоставлено не социал-демократам, как они ожидали, а в лице Р. Маджарова (бывшего демократа) — опять-таки «Демократическому сговору».

Руководство СДП фактически пошло ва-банк, выдвинув на съезде требование реорганизации кабинета с тайным помyslom

---

¹⁸¹ Эпоха, 4. II. 1924.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же.

увеличить представительство в нем партии широких и угрожая в противном случае отказом вообще участвовать в правительстве. Тон речей лидеров партии был весьма решительным. Я. Сакизов подчеркивал не просто самостоятельное значение социал-демократии («Социал-демократия не считает себя прицепом к автобусу буржуазии») ¹⁸⁴, но и ее руководящее положение в обществе, поскольку буржуазия, игравшая до войн «спасительную роль», в новых условиях оказывается негодной управлять страной. ¹⁸⁵ Он требовал от «Демократического сговора» возвращения социал-демократии, как «представительнице народа», ее прав. Однако тут же подчеркивал свою крайнюю враждебность «красному и оранжевому большевизму», все еще угрожавшим Болгарии ¹⁸⁶.

Другой лидер СДП К. Пастухов утверждал, что после выборов в парламент условия изменились и что партийная коалиция должна строиться на иных началах, чем прежде, что сотрудничество между партиями должно перейти в новую фазу. При этом он демагогически заявлял о стремлении социал-демократов «осуществить известные реформы в пользу трудящихся масс», о чем нынешнее правительство не проявляет заботы ¹⁸⁷.

Против ультимативной постановки вопроса возражала часть делегатов съезда. Высказывалось соображение, что СДП не должна выходить из правительственной коалиции, т. к. в противном случае ей придется занять место посередине, т. е. в своей оппозиционной деятельности она должна будет сотрудничать с «земледельцами» и Партией труда. А это представлялось невыносимым по той причине, что Партия труда есть «не что иное, как коммунистическая партия под другим названием» ¹⁸⁸.

Было принято компромиссное решение установить 15-дневный срок для удовлетворения требований съезда, после чего в случае отрицательного результата Казасов должен был подать в отставку.

12 февраля ЦК СДП направил премьер-министру заявление, в котором были сформулированы условия широких. Они считали оправданным свое дальнейшее участие в правительственной коалиции только на «новой базе». «Новая база, — говорилось в заявлении, — означает составление конкретной программы правления и наше усиленное представительство в кабинете путем его реконструкции. . .» ¹⁸⁹

¹⁸⁴ Эпоха, 4. II. 1924.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Демократически сговор, 4. II. 1924.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же, 6. II. 1924.

¹⁸⁹ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 719, л. 1.

«Конкретная программа правления» включала в себя регулирование вопросов снабжения продовольствием населения, эффективные меры против растущих дороговизны и спекуляции; — прекращение произвола в подборе кадров для органов местного самоуправления; — восстановление свобод и конституционно-парламентарного режима, а также местного самоуправления; — проведение «быстрых деловых и демократических» реформ во всех областях жизни (хозяйственной, финансовой, политической и пр.), исходя из интересов рабочих масс; — обеспечение «равновесия» бюджета путем экономии, облегчения налогового бремени трудящихся и изживания коррупции; — поднятие производства, ограничение спекулятивного капитала, покровительство труду, ремеслу и сельскому хозяйству, увеличение кредита мелким крестьянским хозяйствам и ремесленным заведениям и кооперациям всех видов; — внесение изменений в законы о жилищной нужде, о трудовой поземельной собственности; — восстановление прежней пропорциональной избирательной системы и отмена обязательного голосования; — проведение политики мира с соседними и великими державами¹⁹⁰.

Однако выдвижение перечисленных условий выполняло лишь служебную роль, оно должно было стать благовидным прикрытием для требования реконструкции кабинета в пользу СДП. Тогдашний министр социал-демократ Д. Казасов позже признавал это в полной мере: «Дело заключалось не в платформе. . . , а в доле представительства партии в органах власти, увеличения которой требовали социал-демократы, убежденные, что имеют на это право если не на основе своего внутреннего влияния, то по крайней мере на основе своего внешнеполитического влияния»¹⁹¹.

Разумеется, истинные мотивы демарша СДП не оставались тайной для военно-фашистского руководства. Комментируя события, правительственная печать отмечала, что программа кабинета Цанкова и его дела находятся в «полной гармонии с программой социал-демократической партии», доказательством чему служит «полная поддержка социал-демократической партией всех мероприятий правительства, непосредственно затрагивающих интересы широких масс рабочих»¹⁹². Правительственная газета писала: заявление сделано лишь для того, чтобы стать «основой второго требования, которое в сущности составляет объект ультиматума: одного министерского поста в кабинете нам мало, дайте нам еще

---

¹⁹⁰ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 719, л. 1.

¹⁹¹ Д. К а з а с о в. Видяно и преживяно. с. 327.

¹⁹² Демократически сговор, 22. II. 1924.

два, тогда мы останемся в нем»¹⁹³. Демагогический характер требований СДП выставлялся напоказ¹⁹⁴, на уступки правящая верхушка на этот раз не шла. Официальная печать осмеивала «предопределение» социал-демократов играть руководящую роль в стране¹⁹⁵.

Ультиматум широких был попыткой сделать хорошую мину при плохой игре, ибо еще до закрытия съезда СДП премьер-министр во всеуслышание сказал, что не видит никаких причин для реконструкции кабинета и считает «и для кабинета, и для Болгарии вообще абсолютно неудобным и вредным менять кого бы то ни было из членов настоящего правительства»¹⁹⁶.

Ультиматум социал-демократов был отвергнут. 15 февраля 1924 г. Д. Казасов вручил премьер-министру заявление о своей отставке и она была принята¹⁹⁷. Военно-фашистская верхушка, создав «Демократический сговор», как бы слаб он ни был, могла уже обойтись без социал-демократического прикрытия¹⁹⁸. После ухода Д. Казасова кабинет стал однопартийным, по крайней мере формально, т. к. фактически «Демократический сговор» далеко еще не представлял собою единого целого.

Военно-фашистское руководство проявило при решении вопроса твердость и заявило, что никакого изменения курса внешней и внутренней политики не последует¹⁹⁹.

---

¹⁹³ Демократически сговор, 22. II. 1924.

¹⁹⁴ Там же, 8. II, 15. II. 1924.

¹⁹⁵ Там же, 4. II. 1924.

¹⁹⁶ Там же, 6. II. 1924.

¹⁹⁷ Й. Митев в одной из своих последних работ при освещении вопроса о причинах выхода Д. Казасова из правительства обращает внимание на такую важную деталь, как то, что с помощью этого маневра СДП пыталась спасти свой авторитет, весьма пошатнувшийся из-за представительства ее члена в кабинете Цанкова, ибо «в целом, — пишет Й. Митев, — участие социал-демократической партии в военно-фашистском перевороте и в правительстве Сговора было встречено с негодованием как в Болгарии, так и за границей» (Й. Митев. Отношението на социалдемократическата партия. . . с. 331). Именно это обстоятельство, по мнению автора, заставило съезд принять решение об уходе Д. Казасова в отставку. При всей важности этой стороны дела, нельзя не отметить, что автор все же недостаточно подтвердил фактами свое толкование причин выхода СДП из правительственной коалиции. На наш взгляд, действиями широких руководили прежде всего практические соображения (отсюда и требование съезда СДП об «усиленном представительстве» партии в кабинете, которое Й. Митев обходит молчанием), а потом уже моральные.

¹⁹⁸ Й. Митев. Отношението на социалдемократическата партия. . . с. 325.

¹⁹⁹ Демократически сговор, 16. II. 1924.

Сам исход возникшего кризиса лучше всего характеризует положение военно-фашистской власти, к тому времени в определенной степени уже укрепившейся как внутривластные, так и внешнеполитически: если ее представителям приходилось отступить под напором требований СДП вплоть до выборов в Народное собрание, то в феврале 1924 г. они могли позволить себе отказаться от этой тактики.

В результате СДП из правительственной коалиции переходила в оппозицию. Парламентарная группа широких так определила на своем заседании линию дальнейшего поведения в связи с этим: в отношении правительства придерживаться лояльной оппозиции, которая должна выразиться в «поддержке миролюбивой внешней политики» и в поддержке внутренних реформ, если таковые будут предприняты «в интересах народных масс». Что касается внутренней жизни «Демократического сговора», то широкие решили сохранять «полный нейтралитет», отказываясь и от поддержки внутри него центробежных сил. С «дружбашами», с которыми СДП находилась до 9 июня в состоянии «жестокой борьбы», парламентарная группа социалистов не считала возможным предпринимать общие акции, так же как и с Партией труда²⁰⁰.

Февраль-март 1924 г. оказались временем вскрытия определенных процессов, происходивших в радикальной и демократической партиях, как составных частях «Демократического сговора». Развитие этих процессов было связано, с одной стороны, с наличием в партиях известной тяги к объединению политических сил, а, с другой стороны, с нежеланием традиционных политических лидеров подчиняться новому военно-фашистскому руководству, с тем, что само их вступление в «Демократический сговор» произошло в большой степени в результате нажима и угроз. Полугода существования в рамках нового режима оказалось достаточно для сравнительно четкого размежевания течений внутри радикальной и демократической партий, для того, чтобы борьба центробежных и центростремительных сил в них привела к расколу партий.

Вопрос о том, оставаться в «Демократическом сговоре» или выйти из него был одним из основных на съезде радикальной партии, открывшемся 24 февраля 1924 г. Правительственные круги, боясь после сюрприза, поднесенного социал-демократами, новых осложнений, стремились помешать возможному расколу «Демократического сговора», официальная печать писала по этому поводу в угрожающем тоне²⁰¹. Главным аргументом в пользу полного

²⁰⁰ Демократический сговор, 29. II. 1924.

²⁰¹ Там же, 23. II. 1924.

слияния партий, вошедших в «Демократический сговор», был тезис военно-фашистской верхушки о том, что ныне страна находится перед невиданными, еще более страшными, чем прежде, испытаниями, что предстоит борьба «против разрушительного влияния демагогии красного и оранжевого большевизма»²⁰².

Часть радикалов на своем съезде вновь предложила превратить «Демократический сговор» в федерацию партий, чтобы таким образом не доводить дело до раскола, неизбежного при полном слиянии партий в одну. Резолюция съезда радикалов носила компромиссный характер. Основными ее пунктами было следующее: радикальная партия сохраняет самостоятельность существования со всеми своими органами и печатными изданиями; она готова остаться как целое в составе «Демократического сговора» и продолжить сотрудничество с ним; самым лояльным образом она будет поддерживать правительство и его платформу²⁰³. Однако правящая верхушка, считая, что на протяжении прошедших шести месяцев «Демократический сговор» переживал именно фазу федерации, выдвигала теперь, как задачу нового этапа, необходимость полного слияния составных частей «Демократического сговора»²⁰⁴. Понимая, что в противном случае от идеи создания правящей партии, как политической опоры военно-фашистской власти, не останется ничего, Цанков и К^о не шли ни на какие уступки. Компромиссная резолюция съезда радикалов была отвергнута. Премьер-министр заявил, что радикальная партия должна быть не с «Демократическим сговором», а в нем²⁰⁵. Видя, что раскол радикальной партии предотвратить не удастся, власти стали стремиться четко определить, кто конкретно остается в правительственной партии и кто из нее выходит. В Народном собрании от депутатов, избранных по бюллетеням «Демократического сговора», потребовали открыто определить свое «подданство». Для этого был пущен поименный список, в котором необходимо было расписаться²⁰⁶.

В результате на съезде радикальной партии оформился раскол: меньшая часть партии во главе с С. Костурковым вышла из «Демократического сговора» и заявила о своем самостоятельном существовании. Другая часть радикалов, оставшись в правительственной партии, прочно связывала себя с новым режимом. В ее состав входили П. Тодоров — министр финансов в правительстве

---

²⁰² Демократически сговор, 22. II. 1924.

²⁰³ Ст. Мошанов. Из спомените ми. Т. IV, ч. 1. — АБАН. Сб. IV, ед. хр. 161, с. 112.

²⁰⁴ Демократически сговор, 22. II. 1924.

²⁰⁵ Ст. Мошанов. Указ. соч., с. 112.

²⁰⁶ Там же, с. 115.

Цанкова, Й. Фаденхехт, возглавивший секретариат исполнительного комитета «Демократического сговора», Т. Влайков, выступивший в начале века одним из основателей тогдашней радикал-демократической партии. Впрочем съезд только оформил раскол, фактически происшедший раньше. За несколько дней до открытия съезда стало известным заявление группы парламентских деятелей радикальной партии от 10 февраля, подписанное 27 депутатами. На первом месте стояли подписи Т. Влайкова, Й. Фаденхехта, П. Тодорова и других. Заявление касалось оценки политического положения страны и связанных с ним задач и перспектив и носило сплошь проправительственный характер. Дав положительную оценку всей предыдущей деятельности кабинета Цанкова и подчеркнув, что предстоит упорная борьба против «неразоруженных еще темных сил разрушения», авторы заканчивали словами: «Считаем своим долгом заявить, что и мы — сторонники и сеятели идей радикализма в стране должны внести свой вклад в образование и сохранение этой большой политической организации («Демократического сговора» — *Р. Г.*), без которой Болгария рискует не справиться с темными силами реакции справа и бунтарства слева».²⁰⁷

После официального раскола радикальной партии правители Болгарии организовали на одном из заседаний Народного собрания торжественный день «фактического рождения «Демократического сговора». 28 февраля парламентская группа отколовшейся реаровой части радикалов заявила о своем желании слиться с парламентской группой «Демократического сговора» и стать ее членом. Правительственная печать объявила 28 февраля вслед за 9 июня и 10 августа третьей замечательной датой в жизни «новой Болгарии», ибо в этот день «процесс объединения закончился»²⁰⁸. В парламенте выступил Цанков, сказавший, что «мучительно и нетерпеливо» ожидал решения радикалов после их съезда, и рад, что теперь положен конец вопросу быть или не быть «Демократическому сговору». «Отныне, — продолжил он, — правительство знает, на кого опирается, и это имеет большое значение для его престижа и вовне, и внутри страны». К этому дню была подготовлена и декларация демократической партии, весьма туманная, но вполне проправительственная. От имени высшего партийного совета и центрального бюро партии Г. Данаилов заявил, что «вся демократическая партия со всеми своими членами, бюро и списками вступила и находится в составе «Демократического сговора».

---

²⁰⁷ Демократически сговор, 20. II. 1924.

²⁰⁸ Там же, 29. II. 1924.

Если в печать и проникают мнения обратного порядка, то они являются только личными мнениями нескольких лиц»²⁰⁹. Затем на трибуну поторопился выйти Ц. Брышлянов, заявивший от имени членов бывшей объединенной народно-прогрессивной партии, что она целиком, без единого исключения и без условий поддерживает свое вхождение в «Демократический сговор».

Но Цанкову и его сторонникам было рано еще праздновать победу. Заявление Г. Данаилова не отражало действительного положения, сложившегося в демократической партии, которая также была накануне раскола. Правда, обнаруженные материалы, характеризующие процессы внутри демократической партии, остаются до настоящего времени весьма скудными, они дают лишь весьма приблизительное представление о развитии событий. Известно, однако, что лидер партии А. Малинов был среди тех, кто более всего сопротивлялся в августе 1923 г. вхождению партии в «Демократический сговор»: в отношении него, так же как и в отношении С. Костуркова, были применены угрозы насильственной расправы. Если Костурков взял на себя роль «бескомпромиссного борца за буржуазную демократию», то Малинов, опытный политик, повел себя сложнее. Впрочем и авансы со стороны цанковцев ему делались бóльшие, ведь радикальная партия имела значительно меньший политический вес по сравнению с демократической. Так, вакантное место в правительстве было отдано именно представителю демократов. Самому А. Малинову было сделано предложение возглавить в Народном собрании две наиболее важные комиссии — по ответу на тронное слово и по внешнеполитическим делам. Видимо, лидер демократической партии не мог не ценить этого. Во всяком случае он старался держаться лояльно. С. Мошанов, сам выходец из демократической партии, замечает по этому поводу: «Перед дилеммой говорить, что он думает или на первых же заседаниях парламента внести раскол в Сговор, он (Малинов — Р. Г.) предпочел молчание»²¹⁰.

Однако это не могло длиться долго.

В феврале 1924 г., когда на обсуждение Народного собрания были вынесены вопросы внешней политики, Малинов высказался так, что министр иностранных дел Калфов почувствовал себя задетым. Разгорелась публичная полемика, принявшая несдержанный характер; она была перенесена на страницы газет, отношения между одним из крупнейших в то время буржуазных политических деятелей и правящей верхушкой были безнадежно испорчены.

---

²⁰⁹ Демократически сговор. 29. II. 1924.

²¹⁰ АБАН. — Сб. IV, ед. хр. 161, т. IV, ч. 1, с. 95.

Вероятно, эти обстоятельства сыграли свою роль и в последовавшем затем расколе демократической партии на часть во главе с А. Малиновым, которая объявила о своем самостоятельном существовании, и на часть во главе с А. Ляпчевым, которая оставалась в составе «Демократического сговора». Раскол, как пишет об этом современник событий С. Мошанов, произошел в отсутствие Ляпчева, отправившегося вместе с А. Буровым по поручению правительства в Париж для урегулирования финансовых вопросов. Решение было принято без созыва съезда, просто 5 членов Центрального бюро — меньшинство его — объявили о расколе партии. Это произошло в конце марта 1924 г. В результате разбилась и парламентская группа демократов: 17 депутатов переходили в парламентскую фракцию «Демократического сговора», а 50 объявили о своей принадлежности к демократической партии²¹¹.

Следует отметить, что при существующем уровне изучения вопроса о положении в лагере буржуазии, легче подвергнуть анализу результаты процессов, происходивших в буржуазных партиях, нежели сами эти процессы, легче проследить линию поведения лидеров буржуазных партий, нежели линию поведения и настроения низового состава этих партий. В этом отношении необходимо еще накопление фактического материала.

В целом выход СДП из правительства, откол части радикалов и демократов от правящего «Демократического сговора» означали официальное оформление буржуазной оппозиции военно-фашистской власти. Но эти события имели и другую сторону: они стали также этапом консолидации «Демократического сговора». Происшедшие расколы способствовали в известной степени устранению лоскутности правительственной партии, механическому объединению ее составных частей. Благодаря им создавались условия для более органичного слияния воедино частей, оставшихся в «Демократическом сговоре». Только в феврале—марте 1924 г. стало ясно, что «Демократический сговор» не распадется, что его существование не будет фикцией.

Вместе с тем о консолидации правительственной партии можно говорить только с большими оговорками, ибо по своему существу она была весьма ограниченной. Освобождение от наиболее явных центробежных групп, тяготившихся пребыванием в «Демократическом сговоре» не означало победы центростремительных тенденций в нем. После выхода из партии части радикалов и демократов среди оставшихся вновь началась борьба за места, за влияние. Отголоски ее отражаются в некоторых документах, относящихся к осени 1924 г. Так, в одном из писем Цанкова Калфову от

²¹¹ АБАН. — Сб. IV, ед. хр. 161, т. IV, ч. 1, с. 115.

15 сентября 1924 г. чувствуется неуверенность шефа «Демократического сговора» в связи с предстоящим съездом этой партии («Предстоят приготовления к съезду. Не знаю, что получится с ним»), с одной стороны, а, с другой, — констатация того, что внутренняя борьба и соперничество в партии продолжают («объединисты чувствуют себя так, будто их игнорируют и недооценивают. Это очень заботит их. Да и я вижу, что действительно демократы, как и наши чистые сговористы, пренебрегают ими. Что можно делаем, чтобы исправить положение»)²¹². Объединисты были членами бывшей объединенной народно-прогрессивной партии, принадлежавшей к числу самых реакционных. Ее ядро составляли крупные буржуа Гешев, Теодоров, Буров, Петрович, Губидельников и другие, некоторые из них в свое время субсидировали деятельность «Народного сговора», подготовку военно-фашистского переворота²¹³. Именно объединисты приветствовали летом 1923 г. идею создания единой партии и целиком вступили в «Демократический сговор». Именно объединисты преодолели своеобразный рубеж февраля—марта 1924 г., сохранив верность «Демократическому сговору» и оставшись в нем опять-таки целиком, без раскола. И вот спустя время они стали чувствовать себя обделенными, игнорируемыми. Проанализировать причины этого из-за недостатка материала в настоящее время не представляется возможным. Но некоторые факты свидетельствуют, что опасения Цанкова были не напрасными.

Показательными в этом отношении были выборы Центрального бюро «Демократического сговора» на заседании Высшего партийного совета в конце октября 1924 г. Это было первое заседание Высшего партийного совета за все время существования «Демократического сговора». Комиссия из 4-х членов, которая должна была составить список кандидатов в будущее Центральное бюро и представить его на одобрение совета, не могла прийти к единству: Буров остался при особом мнении. Он мотивировал его так: «Сговор переживает кризис, старые течения должны находиться в гармонии, рассматриваться как равноправные, нужно идти на уступки, чтобы все могли чувствовать себя сплоченными воедино. Однако объединенная партия, которая целиком вошла в Сговор, чувствует, что ею до сих пор пренебрегают». Буров потребовал, чтобы было соблюдено равенство при выборах Центрального бюро, «хотя бы арифметическое», чтобы объединистам было предоставлено 7 мест в руководящем органе вместо 6²¹⁴.

²¹² ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 313, л. 2.

²¹³ Я. Й о ц о в. За социално-икономическата основа. . . с. 23.

²¹⁴ ЦДИА, ф. 135, оп. 1, ед. хр. 82, л. 153—154 (протокол заседания).

Как видим из документа, и осенью 1924 г. в «Демократическом сговоре» не были преодолены границы между его составными частями.

Формирование руководящего органа партии происходило не столько с учетом личных качеств кандидатов, сколько на основе своеобразной квоты, устанавливаемой для каждой из бывших партий за ее участие в Сговоре. Нежелание или невозможность отказаться от этого принципа способствовали тому, что усилия Цанкова «сгладить все, что делило нас до сих пор на фракции»²¹⁵, добиться «полной централизации в руководстве партийными делами»²¹⁶, не давали желаемых результатов. Представитель оппозиции Я. Сакизов в ноябре 1924 г. отмечал, что «Демократический сговор» все еще является «конгломератом борющихся между собой политических групп»²¹⁷.

Вся линия развития «Демократического сговора» свидетельствует о том, что в целом попытка Цанкова и его сторонников преобразовать политическую структуру таким образом, чтобы обеспечить военно-фашистской верхушке политическую монополию, имела весьма ограниченный успех. Прежде всего фашиствующим лидерам не удалось осуществить в полном объеме идею объединения всех буржуазных партий под своей эгидой. За пределами правительственной партии остались национал-либералы и широкие; второго этапа, на котором они должны были присоединиться к «Демократическому сговору», не последовало. Более того, эти партии из правительственного стана перешли в лагерь оппозиции, который в свою очередь вырос за счет отколовшихся частей радикальной и демократической партий. Но и сам «Демократический сговор» за два с половиной года пребывания его лидера на посту премьер-министра не смог превратиться в монолитную партийную единицу, сплоченную вокруг своего шефа, в организацию, крепкую своей дисциплиной; за это время он, как единая партия, едва ли вышел из стадии своего становления, и уже в 1926 г. пришел в состояние глубокого кризиса в связи с увольнением Цанкова в отставку с поста главы правительства.

За эти годы Цанкову и его сторонникам не удалось «переварить» в фашистском котле массу деятелей из бывших традиционных буржуазных партий, хотя немалое число их вполне определенно перешло в фашистскую «веру». Однако ряд деятелей оставался

---

²¹⁵ ЦДИА, ф. 135, оп. 1, ед. хр. 82, л. 154 (протокол заседания).

²¹⁶ Демократический сговор, 4. II. 1924.

²¹⁷ Стен. дневники на XXI ОНС, II р. с., с. 25.

на нефашистских позициях, даже принадлежа к «Демократическому сговору»²¹⁸.

Более того, наполнение «Демократического сговора» преимущественно членами «старых» буржуазных партий привело к тому, что «Народный сговор», которому они должны были подчиниться в составе одной партии, не смог удержать своего первенствующего положения не только в организационном, но и в идейном отношении. Показателем этого может служить, например, Платформа «Демократического сговора», составленная уже после того, как было объявлено о создании правительственной партии. Опубликована она была в № 1 газеты «Демократически сговор», вышедшем 1 октября 1923 г.

Завеса над тем, как составлялась эта Платформа, пока еще не приоткрыта историками. Сейчас можно только строить предположения, почему в основу Платформы были положены не программные положения «Народного сговора», сформулированные летом 1922 г. в газете «Слово», а программные установки мелкобуржуазной радикальной партии. Видимо, последние представлялись руководству разношерстного «Демократического сговора» наиболее подходящей базой для преодоления идейной разнородности его составных частей, поскольку они содержали в себе элементы, присутствующие программным документам традиционных партий буржуазии и, частично, фашиствующего «Народного сговора»²¹⁹. Вместе с тем из Платформы совершенно выпало то, что составляло центральную идею программных установок «Народного сговора», а именно идея сильного, надклассового, надпартийного государства, представляющего общество социального мира. И никакой иной главной, стержневой идеи Платформа «Демократического сговора» не предлагала. Правда, кое-где в ней встречались термины «социальный мир», «общественная солидарность», «общие интересы народа» и т. п., но они получили в Платформе в общем такое же звучание, как и в обычных программах традиционных буржуазных партий. По всему своему духу и настроению именно с ними обнаруживает близость Платформа «Демократического сговора».

---

²¹⁸ Н. Генчев. Нужни са сериозни изследвания за фашизма в България. — Исторически преглед. 1968, № 4. с. 90.

²¹⁹ Ст. Радулов считает, что главная причина использования программы радикальной партии в качестве основы для Платформы Демократического сговора состоит в стремлении военно-фашистского руководства Болгарии придать буржуазно-демократическую окраску как самому новому режиму, так и новой партии (С т. Р а д у л о в. Създаването на Демократическия сговор. . . с. 115—116). При всей своей справедливости это объяснение еще не исчерпывает, на наш взгляд, всей сложности вопроса.

Такую программную оснастку правительственной партии в целом вряд ли можно назвать фашистской.

Конечно, как ни важна Платформа «Демократического сговора» в качестве программного документа, одной ее недостаточно для представления о том, в каком направлении происходило формирование идеологических принципов этой партии. В публичных выступлениях, с трибуны парламента, в прессе наиболее реакционная фашистская часть «Демократического сговора» продолжала пропагандировать идеи, имевшие непосредственную связь с идеологическим кредо «Народного сговора».

Перегруппировка политических сил буржуазии, происходившая на протяжении 1923—1924 гг., привела к сравнительно четкому размежеванию их: с одной стороны — «Демократический сговор» с внутренней борьбой составляющих его частей, но и с авторитетом правительственной партии, с другой стороны — буржуазная оппозиция в составе БРСДП широких, отколовшихся частей радикальной и демократической партий, национал-либеральной партии. Первые три из них, несмотря на нюансы и оттенки, выступали как лояльная оппозиция в общем в одной тональности, национал-либералы же находились в определенной степени в изоляции.

Как партия, руководство которой, возглавив совет министров во время первой мировой войны, привело страну к национальной катастрофе, национал-либералы в послевоенные годы не имели почти никакого политического капитала. Блокирование с ними оценивалось как политический нонсенс и с внутренней, и с международной точек зрения. Только при формировании кабинета Цанкова, в котором по замыслу должны были быть представлены все партии буржуазии, национал-либералу Смилову тоже было выделено место. Однако в результате министерского кризиса в сентябре 1923 г. Смилов был уволен в отставку, а партия национал-либералов перешла в оппозицию. В этом положении вела она себя крайне агрессивно и беспринципно, что проявилось в частности во время предвыборной кампании. Выступив как лучшая защитница интересов крупной буржуазии (за отмену законов БЗНС о трудовой поземельной собственности и о жилищной нужде, против льгот кооперациям и за учреждение второй палаты-сената, за ликвидацию всех ограничений, затрагивающих капитал), партия национал-либералов резко критиковала правительство за его «левый» состав²²⁰. Одновременно кабинет Цанкова остро осуждал-

²²⁰ Работнически вестник, 11. XI. 1923. — В кн.: Работнически вестник. Избрани статии и материали. Т. 3. С., 1954, с. 197—198; Земледелско знаме. Прага, 23. XI. 1923.

ся за репрессивные меры в отношении трудящихся во время и после Сентябрьского восстания. Разумеется, это было сплошной демагогией, т. к. на местах национал-либералы сами участвовали в шпицкомандах, и притом самым ревностным образом²²¹. В парламенте лидер партии Д. Кьорчев критиковал деятельность правительства справа, требуя сильной власти, которая лучше могла бы решать внешне- и внутривосточные задачи, подчеркивал необходимость добиться у великих держав разрешения на создание более сильной армии. Для сохранения порядка в стране, по его мнению, недостаточно было органов министерства внутренних дел и общественной безопасности; гарантий «внутреннего мира и правильной политической жизни» может быть только армия с ее военной организацией²²². Д. Кьорчев обвинял правительство Цанкова в том, что оно боится Европы, боится оппозиции, в том, что оно боится объявить военное положение в областях, где «разбойничают коммунисты или анархисты»²²³.

Военно-фашистское руководство заигрывало и с национал-либералами. Так, летом 1924 г. через Народное собрание был проведен закон об амнистии бывших радославистов, осужденных при «земледельческом» режиме как виновники национальной катастрофы. А ведь вопрос об их освобождении был поставлен Смиловым буквально на следующий день после переворота 9 июня и именно он стал одной из причин споров и разногласий между представителями национал-либералов и социал-демократов в совете министров. Тогда военно-фашистское руководство шло на уступки в пользу социал-демократов. После ухода Казасова в отставку и перехода БРСДП широких в оппозицию оно сочло возможным удовлетворить требование национал-либералов. Этот шаг являлся свидетельством определенной стабилизации положения правительства Цанкова: в феврале 1924 г. оно уже не боялось снять социал-демократическую драпировку с кабинета, спустя еще несколько месяцев оно не побоялось амнистировать политических деятелей, принадлежавших к кругам, которые в свое время были наиболее яркими проповедниками национализма и агрессии.

После происшедших расколов радикальной и демократической партий правительство стало выступать в отношении буржуазной оппозиции с позиции силы. Обвиняя отколовшихся радикалов и демократов, а также партию широких в предательстве за отказ влиться в ряды «спасителей» отечества, власти и на них частично

²²¹ Ст. Мошанов. Из спомените ми. Т. IV, ч. 1. — АБАН. — Сб. IV, ед. хр. 161. с. 72.

²²² Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., с. 32.

²²³ Там же, с. 36.

стали распространять репрессии. В Народном собрании приводились факты того, что власти мешают оппозиционным партиям «проявлять себя политически, защищать свои политические интересы в стране»²²⁴. Правительственные агенты и охранники изгоняли в ряде мест из общинных и окружных советов представителей оппозиционных партий, не позволяли им исполнять их служебные обязанности. Социал-демократы, например, жаловались, что после ухода Казасова из правительства из состава трехчленных комиссий были уволены все представители их партии, также как с постов околийских начальников²²⁵. Применялось и прямое насилие, причем по утверждению К. Славова, депутата от БРСДП широких, партийная принадлежность не имела особого значения: «Если только избраны не по вашему (правительственному — Р. Г.) списку, — социал-демократ ли, коммунист ли, радикал или демократ — вызываете их ночью и шантажируете или избиваете»²²⁶. Осенью 1924 г. С. Костурков, честность которого признавалась даже его политическими противниками, говорил по возвращении из провинции, что сам видел радикалов, у которых зубы были выбиты околийскими начальниками или полицейскими приставами, что преследованию подвергаются все, кто только не с властями²²⁷. Правительственные круги проявляли раздражение «при любом признаке идейной борьбы против власти»²²⁸. Это было прямым подтверждением слов Г. Димитрова об антинародной сущности фашизма, о том, что он направлен не только против коммунистов, что ударов его не смогут избежать ни социал-демократы, ни радикалы, если они не согласятся стать «слепым орудием болгарских капиталистов»²²⁹.

Однако преследования властей не вызывали энергичного отпора со стороны оппозиционных партий. Они, как правило, ограничивались критикой правительства в печати, хотя иногда и довольно резкой. Й. Фаденхехт, выходец из радикальной партии, ставший одним из горячих поклонников нового режима, считал даже, хотя это и было явным преувеличением, что газета «Радикал» «во многих своих писаниях ничем не отличается от органов, например, коммунистов или земледельцев. Преувеличиваются факты и злодеяния, а самое главное — среди населения разжигается вражда и пропагандируются мысли, совершенно аналогич-

²²⁴ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., с. 24.

²²⁵ Там же, I р. с., с. 2111.

²²⁶ Там же, II р. с., с. 107.

²²⁷ Там же, II р. с. с., 106—107.

²²⁸ Там же, II р. с., с. 39.

²²⁹ Г. Димитров. Съчинения. Т. 6, с. 210.

ные тем, которые хотят насадить коммунисты и земледельцы. То же бывает и в органе демократов газете «Знаме»²³⁰.

Но в целом это было всего лишь словесное бунтарство: оппозиционные партии не были объединены и не имели никакой позитивной программы. Слабость оппозиции признавал и А. Малинов в одном из своих выступлений в Народном собрании: «У нас есть оппозиционные партии, — говорил он, — есть оппозиционные группы в парламенте, но у нас нет компактной, организованной оппозиционной силы с программой, отвечающей требованиям времени, во имя которой оппозиция могла бы прийти к ним (указывает на министров) и сказать им: «Уходите», и если не послушаются, заставить их сделать это».²³¹ И в парламенте деятельность оппозиционеров ограничивалась критическими речами и высказываниями, ибо при голосовании важнейших законопроектов они чаще всего оказывались вместе с правительственным большинством.

Одним из важнейших пунктов расхождений между оппозицией и военно-фашистским руководством была оценка внутриполитического репрессивного курса правительства, который, по мнению оппозиции, не мог привести к умиротворению страны. Политика «усмирения» подвергалась резкой критике. Раздавались голоса о необходимости смены методов внутренней политики²³², о необходимости изменить отношение к Земледельческому союзу и даже к БКП, о том, что рабочим, которые «не являются бунтарями», надо дать возможность жить легальной политической жизнью²³³ и т. п.

Но и в этом вопросе буржуазная оппозиция не проявляла твердости и последовательности ни в речах, ни тем более в делах. Выступления депутатов от оппозиции были также насыщены словами о «красной опасности» и в этом смысле их фразеология не очень-то отличалась от правительственной. Если социал-демократы, например, боялись стремления «бунтарской части рабочих» насильственно изменить существующий строй, то в еще большей степени такие страх и ненависть прорывались у национал-либералов. Лидер их парламентской фракции Д. Кьорчев, как видно из его выступлений в парламенте, очень внимательно следил за коммунистической литературой, собственно болгарской, в основном подпольной, и международной, и в этом отношении был в курсе всех последних событий. Он высоко оценивал революционные качества болгарских коммунистов («кто из вас знает силу и

²³⁰ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., с. 98.

²³¹ Там же, с. 20.

²³² Там же, с. 17, 19, 109, 23, 26 и др.

²³³ Там же, с. 24.

Энергию болгарских коммунистов, согласится, что это — самые опытные и хорошие революционеры»²³⁴) и это только увеличивало страх перед ними.

Боясь и ненавидя коммунистов, оппозиционные партии требовали изменения методов внутренней политики не для того, чтобы спасти коммунистическую партию от преследований, а для того, чтобы уменьшить недовольство трудящихся режимом, вырвать их из-под влияния «красных» и «оранжевых» и, таким образом, «разрядить ядра» коммунистов и земледельцев²³⁵. Конкретно смягчению внутривластительского климата, по мнению оппозиции, должны были способствовать меры по снижению цен на товары первой необходимости, сокращению налогового бремени и т. п., ибо именно трудное экономическое положение они считали основной бунтарских настроений.

Однако особенно ясно проявлялась вся непоследовательность, вся неконструктивность позиции буржуазных партий, когда от слов надо было переходить к делу. На деле же оказывалось, что за принятие ЗЗД, например, — важнейшего юридического акта, определявшего политическую атмосферу в стране и являвшегося «законной» основой того самого репрессивного курса, против которого выступала оппозиция — голосовали депутаты всех буржуазных группировок и даже социал-демократы (исключение составила лишь группа С. Костуркова)²³⁶. Примерно, такой же была реакция на взрыв Софийского собора и на последовавшее затем усиление репрессивного курса.

Характерным в этом отношении было поведение лидера демократической партии Малинова, человека, имевшего немалый политический авторитет и претендовавшего на объединение оппозиционных сил. При обсуждении создавшегося после покушения положения Малинов выступил в парламенте с такой речью: «Мы не можем доверить нашу безопасность только провидению. . . Мы должны сами позаботиться о нашей безопасности. . . Правительство призывает нас к единению. Мы были, есть и будем его искренними друзьями. В минуты несомненной внутренней опасности, войны, все добрые сыновья, любящие свое отечество, конечно должны подать друг другу руку»²³⁷. Это заявление было встречено депутатами правительственного большинства и оппозицион-

²³⁴ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., с. 32—33.

²³⁵ Там же, I р. с., с. 1997.

²³⁶ Б. Г р и г о р о в. Отношението на социалдемократическата партия към някои събития непосредствено след Септемврийското въстание през 1923 г. — Исторически преглед, 1973, № 4, с. 91.

²³⁷ Знаме, 22. IV. 1925.

ных демократической и радикальной партий аплодисментами. Цанков настолько растрогался, что подошел к трибуне и пожал Малинову руку.

В апрельские дни 1925 г. военно-фашистское руководство и оппозиция говорили одним языком. Газета демократов «Знаме» писала, что благодаря взрыву собора в Софии общественные и дипломатические круги Запада поняли, наконец, что опасность большевизма в Болгарии является вопросом общеевропейской важности, что, защищаясь сама, Болгария защищает и весь мир²³⁸. Теперь Малинов видел главную причину «бунтарства» в Болгарии не в бедственном экономическом положении масс, как полгода назад²³⁹, а в «заговоре, организованном за пределами нашей страны»²⁴⁰.

Непоследовательность буржуазной оппозиции, ее раздробленность, отсутствие позитивной программы действий — все это определяло ее слабость. Она не могла действительно противостоять фашизму, более того, выступая словесно против военно-фашистского руководства, фактически, на деле она солидаризировалась с ним, в частности, в том, что касалось внутренней политики. В итоге вся ее критика повисала в воздухе.

При таком соотношении сил в лагере буржуазии постоянные призывы оппозиции к правительству уйти в отставку, или, по крайней мере, реконструировать кабинет²⁴¹ оставались гласом вопиющего в пустыне. Хотя это причиняло правящей верхушке дополнительные хлопоты²⁴², она до поры, до времени не считала фронду оппозиции серьезной.

Итак, вскоре после переворота 9 июня 1923 г. в Болгарии начинается процесс формирования и оформления буржуазной оппозиции военно-фашистскому режиму. При всей ее слабости и непоследовательности, зигзагообразном пути развития, нередко

²³⁸ Знаме, 5. V. 1925.

²³⁹ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., с. 17—18.

²⁴⁰ Знаме, 20. V. 1925. А. Малинов и позже не отказывался от этой позиции, заявляя, что можно критиковать Сговор за жестокость, но его борьба имела под собой все основания (А. М а л и н о в. Под знака на опасни и остратени политически борби. С., 1934. с. 178).

²⁴¹ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., с. 19, 26, 113 и др.

²⁴² В письме от 15. IX. 1924 г. Цанков писал Калфову, что некоторые поднимают вопрос о смене правительства. «Отвечаю, что мы всегда готовы обсудить этот вопрос, но нужно хорошо изучить и внутренние, и внешние условия. Было бы хорошо, если бы ты дал из Женевы инструкции нашим представителям по печати *быть более энергичными в борьбе с пропагандой против нас* (в тексте подчеркнуто карандашом, очевидно, адресатом для исполнения — Р. Г.). Может быть, для этого потребуется потратить немного больше денег, но ничего не поделаешь». (ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 313, л. 3).

приводившем ее к единению с действиями властей, сам факт перехода части буржуазных политических сил в открытую оппозицию наступающему фашизму был очень важным. Ибо существование буржуазной оппозиции противоречило первоначальным планам военно-фашистских лидеров, стремившихся обеспечить себе политически монопольное положение, и, следовательно, действия части буржуазии в какой-то мере препятствовали осуществлению этих планов, чем в свою очередь тормозился сам процесс фашизации болгарской буржуазии. Бесспорно, однако, что деятельность буржуазной оппозиции не приобрела широкого размаха, правительство Цанкова сумело приспособиться к возникшим осложнениям и на протяжении 1924 г. в целом продолжало консолидировать свое положение.

* * *

Рассмотрение материалов, характеризующих внутривнутриполитическое положение Болгарии с момента переворота 9 июня 1923 г. приводит нас к следующим выводам:

1. Военно-фашистское руководство Болгарии при установлении своего режима стремилось использовать как традиционные конституционные формы (выборы, парламент, «демократический» кабинет с представительством всех буржуазных партий), так и опереться на чрезвычайные меры (деятельность «Конвента», запрещение коммунистической партии и ряда организаций рабочих, объявление военного положения в стране, длительное использование «трехчленок» вместо выборных органов местного самоуправления). При этом прежние конституционные формы наполнялись новым содержанием, подчиняли свою деятельность интересам военно-фашистской верхушки (создание правительственного большинства в Народном собрании на основе применения мажоритарной избирательной системы, а также путем угроз и насилия во время выборов, превращение кабинета в однопартийный — сговористский, уменьшение роли даже этого послушного парламента за счет того, что совет министров частично брал на себя законодательные функции, принимая решения по ряду вопросов и ставя депутатов перед свершившимся фактом²⁴³).

Сохранение благопристойной буржуазно-парламентской рамки было нужно для юридического оформления нового режима и до поры, до времени оно не мешало его развитию.

---

²⁴³ См. Заявление Костуркова по этому поводу в парламенте. Стен. дневники на XXI ОНС, II р. с., с. 111.

2. Военные во многом определяли сущность режима, возглавленного Цанковым. Милитаризация государственного аппарата, реорганизация органов принуждения и приспособление их к нуждам режима служили задаче создания государственного механизма, который обеспечивал бы проведение репрессивного курса в отношении трудящихся и их организаций. В этих же целях правящая верхушка использовала такое внесударственное образование как правое террористическое крыло ВМРО. Подавить сопротивление народных масс фашизму, задушить «коммунистическую опасность» — в этом военно-фашистский режим видел свое первейшее предназначение.

3. Отсутствие массовой социальной опоры заставляло болгарских фашистов форсированными темпами создавать партию фашистского типа, которая по замыслу должна была поглотить все буржуазные партии и объединить их вокруг фашистского лидера. Осуществлена эта идея была лишь частично: «Демократический сговор» оказался в целом жизнеспособным, однако в него не только не удалось загнать весь политический актив буржуазии, но консолидация составных частей партии происходила очень медленно. Даже к моменту ухода Цанкова в отставку (январь 1926 г.) «Демократический сговор» оставался довольно рыхлым политическим образованием. В результате процесс фашизации болгарской буржуазии, вошедшей в правительственную партию, процесс восприятия ею фашистских идей и методов остался в 1923—1925 гг. незавершенным.

4. Выражением противодействия этому процессу было оформление буржуазной оппозиции. Но ее сопротивление фашизму было очень слабым и малорезультативным. Силы оппозиции были разобщены, она не могла предложить позитивной программы. Оппозиция не только не была способна к действенной борьбе против военно-фашистской верхушки, но в «опасные для страны моменты» ее «лояльное поведение» перерастало в единые действия с фашистами. «Коммунистическая опасность» и единогофронтовцы были для буржуазной оппозиции страшнее наступления фашизма.

5. Единственным последовательным борцом против фашизма выступили трудящиеся массы, возглавленные БКП (т. с.) и левыми «земледельцами». Однако в 1923 г. их героическая вооруженная борьба была подавлена превосходящими военными силами. К сожалению, в новых условиях, условиях подполья коммунистическая партия не смогла без ущерба для себя перестроить работу, перевес в ее руководстве взяли ультра-«левые». Их тактика, строившаяся без учета изменений в обстановке, привела к тому, что по партии, по рабочему и всему антифашистскому движению военно-фашистский режим сумел нанести в 1925 г. сильнейший удар.

Внешнеполитические аспекты деятельности правительства Цанкова

1. Международная реакция на акт государственного переворота 9 июня 1923 г. в Болгарии

Исследованиями историков Болгарии установлено, что задолго до переворота 9 июня 1923 г. заговорщики наладили связи с фашистскими кругами Италии, которые были заинтересованы в устранении правительства Стамболийского. Фашистское руководство Италии, строившее агрессивные планы в отношении Югославии, стремилось переключить внимание последней с ее западных границ, которым оно угрожало, на восточные, но препятствием к этому была политика сближения между Болгарией и Югославией, проводившаяся «земледельцами». Поэтому планы насильственного свержения режима Стамболийского встречали поддержку в фашистской Италии¹.

Военно-фашистские заговорщики, действовавшие в Болгарии, рассчитывали кроме того на поддержку со стороны такой крупной международной силы как Англия. Английские правящие круги с беспокойством следили за шагами правительства Стамболийского, направленными на улучшение отношений между Болгарией и Югославией: уменьшение раздоров между этими странами ослабляло балканские позиции Великобритании и укрепляло позиции Франции, конкурента Англии в этом районе. Англия стремилась устранить подобные барьеры на пути реализации своей внешнеполитической линии, причем действовала таким образом, что, по

¹ См. Г. Стефанов. Международни влияния за фашисткия преврат на 9 юни 1923 г. — Годишник на Софийския университет, юридически ф-т, т. LIV. С., 1963. с. 320; И. Димитров. Фашистка Италия, земеделският режим и деветоюнският преврат. — (Сб.) В чест на акад. Д. Косев. Изследвания по случай 70 години от рождението му. С., 1974. с. 277—285.

мнению Ив. Узунова, например (на наш взгляд слишком категоричному), переворот 9 июня явился просто конкретизацией определенного направления английской внешней политики². Согласно сведениям, которые приводит Й. Митев, заговорщики в период подготовки переворота поддерживали тесные связи с английским послом в Софии. Кроме того, не исключено, что во время поездки Цанкова в Германию весной 1923 г., он тайно встречался там и с послом Великобритании в Берлине. С последним имел встречи также один из членов руководства Военной лиги — Кимон Георгиев, командированный в германскую столицу в качестве председателя акционерного общества «Каучук»³. Й. Митев отмечает далее, что английская дипломатия оказывала заговорщикам не только моральную помощь, но и материальную, хотя размеры ее установить пока не удалось⁴.

Если направленность балканской внешней политики Италии и Англии вселяла в заговорщиков уверенность в том, что со стороны этих держав противодействия перевороту не последует, то прогнозы в отношении реакции Франции были туманнее. Франция была страной, на которую более всего ориентировалось правительство Стамболийского, она покровительствовала линии на болгаро-югославское сближение, хотя, разумеется, в своих собственных интересах⁵. Франция имела наибольшее влияние на политику Югославии, от ее позиции и действий в большой мере зависело развитие событий на Балканах. Понятна поспешность, с которой Цанков после переворота постарался установить контакты с французским послом в Софии Ж. Пико: сразу после подписания царем указа о составе нового кабинета Цанков вместе с министром Ц. Бобошевским отправился в посольство Франции с тем, чтобы просить Пико о «правильном информировании» им своего правительства о перевороте и о поддержке перемен, происшедших в Болгарии⁶.

---

² И в. У з у н о в. Някои противоречия в междусъюзническата военноконтролна комисия и деветоюнският преврат през 1923 г. — Исторически преглед, 1965, № 2, с. 61.

³ Й. М и т е в. Отношението на европейската реакция към всеннофашисткия преврат на 9 юни 1923 г. — Известия на Военноисторическото научно дружество, т. XV. С., 1973. с. 15—16.

⁴ Там же, с. 15.

⁵ Одним из первых среди них было противостоять ревизии системы послевоенных мирных договоров. С целью создать мощный противовес подобным стремлениям и главным образом со стороны той же Болгарии и Венгрии, Франция покровительствовала созданию Малой Антанты в 1920 г.

⁶ АМВР, II съд., д. 1556, т. X, л. 118—119. Показания Ст. Мошанова (Ц. Бобошевский приходился Мошанову зятем).

Пико благосклонно выслушал новоявленных министров и обещал содействие. Согласно донесению тогдашнего румынского посла в Софии своему министерству иностранных дел, Пико в те дни, не таясь, взял на себя роль советника правительства Цанкова. Во время частых визитов к Цанкову, Калфову и царю Борису французский посол подсказывал узурпаторам и их покровителю, как добиться благоволения Франции⁷. В этом отношении положение новых софийских правителей было непростым, ибо во Франции круги, выступившие против смены власти в Болгарии, были довольно влиятельными. Как пишет Т. Добриянов, к ним принадлежало и французское министерство иностранных дел⁸. С его согласия часть сотрудников болгарского посольства в Париже, оставшихся верными правительству А. Стамболийского, опубликовала коммюнике о событиях в Болгарии и распоряжения Р. Даскалова в качестве представителя законной власти⁹, что вызвало страшный переполох в Софии. Однако в итоге усердие Пико не пропало даром: Франция поддержала в целом переворот¹⁰. На ее позицию в этом отношении оказали влияние не только экономические соображения¹¹, но и необходимость учитывать сложность всей европейской ситуации. В 1923 г. внимание Франции было поглощено рурским конфликтом. Не имея поддержки своим действиям в Руре со стороны Англии, Франция не хотела осложнения ситуации на Балканах. Кроме того, руководители французской внешней политики боялись потерять влияние на болгарские дела в случае узкой ориентации кабинета Цанкова на Англию и Италию. В результате Франция, как это не казалось вначале парадоксально,

---

⁷ Д. К о с с е в. Септемврийското въстание 1923 г. С., 1973. с. 391—392

⁸ Т. Д о б р и я н о в. Отражение на събитията около преврата на 9 юни 1923 г. в българската дипломатическа кореспонденция. — Международни отношения. 1973, № 4, с. 156.

⁹ Посол Болгарии в Праге Р. Даскалов, узнав о перевороте 9 июня 1923 г. направил циркулярные указания во все болгарские посольства за границей. Он потребовал от послов не вступать ни в какие контакты с правительством узурпаторов, оставаться верными законному правительству и до тех пор, пока оно не будет восстановлено, выполнять только его, Р. Даскалова, распоряжения. В адрес новых правителей Болгарии Р. Даскалов также отправил телеграмму с отказом признать кабинет Цанкова (Т. Д о б р и я н о в. Отражение на събитията. . . с. 158, документы № 3 и 5).

¹⁰ Подробнее см.: С. Д а м я н о в. Френската общественост и революционните събития в България през 1923—1925 гг. — Известия на Института за история, т. 16—17. С., 1966.

¹¹ Интересы части французских буржуазных кругов были связаны с деятельностью Франко-болгарского банка для международной торговли и его многочисленных дочерних предприятий. Кстати, председателем этого банка был П. Петрович — один из активных участников подготовки переворота.

стала первой на Западе страной, которая вступила в официальные отношения с кабинетом Цанкова¹².

Так страны-победительницы — Англия, Франция, Италия¹³, которые в то время играли главную роль в решении европейских проблем, поддержали военно-фашистский государственный переворот в Болгарии. Определенную роль в благосклонном отношении великих держав к политическим переменам в Софии сыграло то обстоятельство, что правительство Стамболийского не сумело в свое время осуществить полной смены состава дипломатического корпуса. Более того, послами Болгарии в ряде стран (Италии, Англии, Австрии, Франции и др.) «земледельцы» назначили противников своего режима, людей, связанных с царским двором и международной реакцией¹⁴. После 9 июня 1923 г. большая часть дипломатических кадров заявила о поддержке правительства Цанкова и, оставаясь на своих постах, приняла самое активное и заинтересованное участие в том, чтобы за границей «парировать тенденциозное толкование происшедшего» переворота¹⁵.

Более сложной была реакция на события в Болгарии со стороны балканских государств. Острее всего на переворот реагировало Королевство СХС. Хотя Югославия продолжала относиться к своей восточной соседке с большой подозрительностью и настроенностью, она в конце концов признала в лице Стамболийского сторонника улучшения взаимоотношений между странами¹⁶.

---

¹² Д. К о с е в. Международное значение на Септемврийското въстание през 1923 г. С., 1964. с. 44; Г. С т е ф а н о в. Международни влияния. . . с. 333. Французский посол в Софии стал даже сразу же готовить визит царя Бориса во Францию.

¹³ Согласно новым данным из итальянских архивов, приводимым И. Димитровым, для первой реакции фашистского правительства Италии на переворот в Болгарии была характерна известная осторожность: Италия хотела взять под защиту смену кабинета в Софии, но при этом ее позиция не должна была противоречить позициям других держав-победительниц (И. Д и м и т р о в. Фашистка Италия. . . с. 287).

¹⁴ Т. Д о б р и я н о в. Отражение на събитията. . . с. 155.

¹⁵ Там же, с. 158.

¹⁶ Показательно в этом смысле заявление министра иностранных дел Югославии Нинича, сделанное им в беседе с Хр. Калфовым в начале сентября 1923 г.: «Его (Стамболийского — *Р. Г.*) меры, как ни поверхностны они были, значительно способствовали сближению. . .» И далее: на сербское правительство очень успокоительно подействовало заявление Стамболийского Ниничу о том, что «Болгария не будет заключать ни в коем случае и ни с кем соглашения против Югославии. . .» — См. черновик шифрованной телеграммы Хр. Калфова Ал. Цанкову от 5. IX. 1923 г. (ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. опр. 643, лл. 1—2). Югославская сторона и позже подтверждала свое благоприятное отношение к внешней политике «земледельцев». (См. сообщения Калфова о его беседе с Маринковичем, тогдашним министром иностранных дел Югославии, в сентябре 1924 г. (ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. опр. 638, л. 1).

Переворот ставил под сомнение все достигнутое в этой области, мог повлечь за собой нежелательные для Югославии последствия. Утверждение в Болгарии режима Цанкова и К⁰ в случае открытого проявления его реваншистской сущности, в перспективе могло угрожать Югославии созданием вокруг нее итало-болгаро-венгеро-турецкого обруча¹⁷. Само Королевство СХС, политика которого направлялась шовинистическими, великосербскими кругами буржуазии, испытывало в это время большие внутренние трудности¹⁸. Характерно, что представители немецкой дипломатии в Белграде сообщали в своих донесениях о том, что переворот в Болгарии привел к ослаблению позиций югославского правительства¹⁹.

Возбуждение, охватившее руководящие сферы Белграда при вести о событиях 9 июня в Болгарии, немецкий посол в столице Королевства СХС сравнивал с тем, что происходило в Сербии, когда там было получено известие об аннексии Боснии и Герцеговины или когда Фердинанд Кобургский был провозглашен болгарским царем²⁰. Как и десятилетия назад в Белграде вновь зазвучало воинственное требование начать интервенцию в Болгарию. Совет министров Югославии немедленно, как только поступило сообщение о перевороте в Болгарии, собрался для обсуждения вопросов, возникших в связи с этим, а король Александр прервал свое пребывание в Румынии и срочно вернулся в Белград²¹.

Бурные дебаты развернулись в парламенте. Оппозиция призывала не верить официальным заявлениям руководителей нового правительства Болгарии и применить в отношении своего восточного соседа санкции, к каким прибегла Франция в Руре²².

В этой обстановке правящие сферы Югославии, стремясь парализовать любые возможные притязания новых болгарских

---

¹⁷ Италия претендовала на далматинское побережье Югославии; венгерские правящие круги, строившие планы ревизии Трианонского договора, нацеливали их в первую очередь против Королевства СХС. С Турцией же, усилившей свои позиции на Балканах после победы в войне с Грецией, отношения Югославии вообще не были урегулированы (Подробнее см. Ж. А в р а м о в с к и. Некои аспекти на македонското прашање во односите на Југославија со Грција и Бугарија од 1918 до 1925 година. — Гласник на институтот за национална историја. Скопје, 1972, № 1, с. 88.

¹⁸ *Ž. А в р а м о в с к и. O stavu jugoslovenske vlade prema devetojunskom prevratu u Bugarskoj 1923 godine. — Istorija XX veka. Zbornik radova. IX. Beograd, 1968. p. 159.*

¹⁹ Там же, с. 160.

²⁰ Там же, с. 155.

²¹ Д. К о с е в. Септемврийското въстание 1923 г. с. 404.

²² *Ž. А в р а м о в с к и. O stavu jugoslovenske vlade... str. 156—158.*

правителей на македонские земли, вошедшие в состав Югославии, прервали связи с Болгарией по дипломатическим каналам и распорядились сконцентрировать войска на болгаро-югославской границе²³.

В эти трудные для узурпаторов часы они получили реальную помощь со стороны великих держав: и Англия, и Франция, и Италия предприняли необходимые шаги для того, чтобы удержать Югославию от нападения на Болгарию. Эти действия не держались в секрете. В отношении Англии этот факт подтвердила в июньские дни 1923 г. лондонская газета «Таймс», опубликовавшая заметку своего софийского корреспондента: «Граждане здесь были успокоены неофициальным сообщением о том, что британский посол в Белграде предупредил югославское правительство, чтобы оно не предпринимало военных действий»²⁴. В отношении Италии этот факт и в более позднее время признавал ген. Вылков: «по просьбе Калфова итальянское правительство оказало воздействие на Белград, чтобы он не вмешивался в наши дела,» — давал он показания в 1954 г.²⁵. А тогда, вскоре после переворота, правительственная газета с удовлетворением писала, что отношение муссолиниевской Италии к Болгарии лучше всего проявилось в том, что Италия поддержала действия Англии, призвав Белград воздержаться «от всякого авантюристического военного вмешательства в болгарские дела. . .»²⁶. Согласно итальянским дипломатическим документам, Калфов поспешил выразить правительству

---

²³ В литературе существует мнение, основанное на некоторых не прямых источниках, что Югославия для прикрытия своих истинных целей при возможной интервенции собиралась использовать даже Р. Даскалова, которого хотела поставить во главе двух югославских дивизий, вооруженных болгарским оружием и одетых в болгарское обмундирование (См. Й. Митев. Отношения на европейската реакция. . . с. 23; М. Куманов. Югославия и деветюнският преврат през 1923 г. — «Векове», 1973, № 5, с. 45), и что отказ Р. Даскалова выступить в такой роли вызвал большое недовольство югославского правительства (Й. Митев. Там же). Следует однако подчеркнуть, что документально в настоящее время можно подтвердить только решительную позицию Р. Даскалова против югославской интервенции в Болгарию (см. Т. Добрянков. Отражение на събитията. . . с. 159, документы № 6, 8), но не планы Югославии поставить во главе ее Р. Даскалова.

²⁴ Г. Георгиев. Английският в. «Таймс» и събитията в България през 1923 г. — «Музеи и паметници на културата». С., 1963, № 2, с. 21. См. также Д. Косев. Септемврийското въстание 1923 г. с. 382—383; Й. Митев. Фашистският преворот в България в 1923 г. и западните державы. — Новая и новейшая история, 1960, № 4, с. 99—100.

²⁵ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 245. См. также И. Димитров. Фашистка Италия. . . с. 289.

²⁶ Демократически сговор, 17. X. 1923.

Муссолини удовлетворение и благодарность за его позицию в конфликтной ситуации и заявил, что правительство Цанкова будет предпринимать непрестанные усилия, чтобы копировать итальянских фашистов и установить в Болгарии соответствующую иерархию, дисциплину, порядок и сотрудничество классов²⁷. Характерно, что итальянская сторона поспешила использовать ситуацию и вручить болгарской стороне список своих требований, не получивших удовлетворения при режиме БЗНС²⁸.

Что касается Франции, то она, стремясь сохранить свое влияние и на Болгарию и на Югославию, признала, с одной стороны, происшедшие в Болгарии правительственные перемены и выступила против стремления Югославии осуществить интервенцию, но, с другой стороны, сочувственно отнеслась к некоторым другим шагам, предпринятым Королевством СХС.

Правительство Пашича, не получив поддержки ни одной из великих держав в вопросе об интервенции в Болгарию, стало пытаться договориться со своими союзниками по Малой Антанте о том, чтобы направить правительству Цанкова общую ноту протеста. Однако отношение Чехословакии и Румынии к этой идее в конечном счете оказалось отрицательным.

Дело в том, что Чехословакия, вначале поддержав позицию Югославии в отношении переворота в Болгарии, вскоре отказалась от нее и Бенеш начал действовать с целью успокоить руководящие круги Белграда²⁹. Румынское же правительство вообще с удовлетворением встретило известие о свержении Стамболийского и поэтому не собиралось чинить препятствий новому военно-фашистскому руководству Болгарии. Враждебность Румынии к режиму БЗНС проистекала из страха перед тем, что румынские трудящиеся последуют «оранжевому примеру». Опасной ей казалась также тенденция к сближению «земледельческой» Болгарии с СССР, который господствующие классы Румынии считали главным врагом³⁰.

28 июня 1923 г. в румынском городе Синае открылась конференция министров иностранных дел Румынии, Чехословакии и Югославии, на которой одно из центральных мест занял вопрос об оценке событий в Болгарии. И вновь Югославия оказалась в

²⁷ Ž. А в г а т о в с к и. О stavu jugoslovenske vlade . . . p. 167.

²⁸ И. Д и м и т р о в. Фашистка Италия. . . с. 290.

²⁹ В. В а с и л е в. Българо-чехословашките отношения при фашистското правителство на Ал. Цанков (9 юни 1923 — 4 януари 1926). — Известия на Института за история. т. 22. С., 1972. с. 100.

³⁰ См. Д. К о с е в. Септемврийското въстание 1923 г. с. 406—410; Г. С т е ф а н о в. Международни влияния. . . с. 331.

изоляции: в решении, внесенном чехословацким министром иностранных дел и поддержанном его румынским коллегой, говорилось, что поскольку внешняя политика Болгарии не принимает нового оборота и поскольку Болгария не уклоняется от полного применения договоров, Малая Антанта не будет держаться враждебно по отношению к ней³¹.

Тогда правительство Пашича обратилось к великим державам и к странам Малой Антанты с предложением предпринять против Болгарии общие шаги, поскольку Болгарией было произведено нарушение Нейиского договора, а именно осуществлена мобилизация: в ночь переворота офицеры запаса, посвященные в заговор, надев военную форму, явились в казармы; после переворота многие из них заняли должности в полиции, жандармерии, пограничной страже вместо тех, кто считался сторонниками Стамболийского. И вот в этом-то требовании Франция согласилась поддержать Югославию, в то время как Англия воздержалась, а Италия вообще отказалась участвовать в общей дипломатической акции³². Обсуждение вопроса в межсоюзнической комиссии показало всю нереальность осуществления подобного шага: доводы итальянского представителя, утверждавшего, что офицеры запаса действовали «добровольно и лично, а не по приказу и не под давлением угроз», были поддержаны делегатами Англии и Японии³³. И только представитель Франции считал, что действительно допущено нарушение условий Нейиского договора³⁴.

Из других государств заодно с Югославией и Францией оказалась Греция, но и она вскоре, под давлением Англии, стала вести себя примирительно в отношении новой власти в Болгарии³⁵. Очевидно, что при таком соотношении сил на международной арене Югославии пришлось отказаться и от планов объединенного демарша.

В целом сам государственный переворот 9 июня 1923 г. в Болгарии не вызвал больших осложнений международного плана, ибо в главном в то время — в деле устранения правительства Стамболийского — заговорщики не встретили противодействия великих держав. Однако, благосклонность некоторых европейских государств, проявившаяся в отношении правительства Цанкова сразу после переворота 9 июня 1923 г., была преходящей. Как показали дальнейшие события, страны-победительницы не забы-

³¹ Г. Стефанов. Международни влияния. . . с. 336.

³² Д. Косев. Септемврийското въстание 1923 г. с. 418.

³³ Ив. Узунев. Някои противоречия. . . с. 63.

³⁴ Там же, с. 65.

³⁵ Д. Косев. Септемврийското въстание. с. 419.

вали о том, что перед ними побежденная, зависимая от них Болгария. Военно-фашистским правителям страны предстояло строить свои международные отношения, исходя из всей сложности и противоречивости интересов больших и малых государств на Балканах, исходя из того тяжелого положения, в которое ставил Болгарию Нейский договор, а также учитывая внешнеполитическое наследие Стамболийского. Ни о каком официальном выдвижении националистических, реваншистских, ревизионистских лозунгов, ни о каком стремлении добиться осуществления «национального идеала» для правительства Цанкова в такой обстановке не могло быть и речи.

Свою первую важную внешнеполитическую задачу военно-фашистское руководство Болгарии видело в том, чтобы рассеять представление мирового общественного мнения, что власть находится у военных, особенно в связи с распространившимися в иностранной прессе сообщениями, что «в Болгарии произошла революция», что «страна находится в руках военных»³⁶. Неприятной неожиданностью для правительства Цанкова были заявления В. Радославова, бывшего премьер-министра Болгарии. В свое время возглавляемый им кабинет проводил агрессивнo-шовинистическую внешнюю политику, приведшую Болгарию в результате поражения в первой мировой войне к национальной катастрофе. В 1918 г. Радославов бежал в Германию, где вращался в кругах крайних реакционеров. Известие об удаче переворота 9 июня 1923 г. привело его в большое возбуждение. Он стал выступать в печати, подчеркивая, что новые болгарские министры — его протеже, германофилы и пр.³⁷ Берлинскому корреспонденту одной венгерской газеты Радославов заявил, что «Новая Болгария — большой шанс для Венгрии. . . У нас те же надежды и желания, что и у Венгрии. . .»³⁸

Эти заявления шли вразрез с тем, что говорили о себе мировому общественному мнению Цанков и К°. Более того, после таких откровений некоторые французские газеты стали тревожно вопрошать: какие могут быть сомнения относительно истинных намерений нового софийского кабинета?³⁹

Военно-фашистская верхушка изо всех сил старалась опровергнуть негодные ей слухи и толкования. В Лондоне верные новому режиму дипломаты провели пресс-конференцию, в ходе которой

³⁶ Berliner Tageblatt. 10, 11. VI. 1923.

³⁷ См. Т. Д о б р и я н о в. Отражение на събитията. . . — Международни отношения, 1974, № 1. с. 146, док., № 13.

³⁸ Цит. по: С. Д а м я н о в. Френската общественост. . . с. 201.

³⁹ Там же.

подчеркивали, что в составе правительства Цанкова нет ни одного министра, который входил бы в кабинет времен Балканских или первой мировой войн. Отрицался и военный характер «революции»⁴⁰. Но еще раньше, в утренние часы 9 июня 1923 г. Цанков поспешил от своего имени отправить в столицы заинтересованных европейских государств телеграммы, гласившие, что возглавляемое им правительство признает все международные обязанности Болгарии и будет стремиться к улучшению отношений со всеми соседями⁴¹. В тот же день премьер-министр нанес визиты иностранным послам, которым он «разъяснил задачи, стоящие перед новым кабинетом»⁴². Что касается Радославова, то раздраженные болгарские правители распорядились передать ему по каналам, чтобы он «во имя государственных интересов прекратил на некоторое время» свою деятельность⁴³.

Все последующие заявления лиц, ответственных за болгарскую внешнюю политику, были сформулированы в подчеркнуто миролюбивом тоне. Настойчиво в каждом документе, в каждой официальной речи повторялась мысль о лояльном выполнении новым правительством Болгарии всех требований мирного договора, о том, что Болгария будет фактором мира на Балканском полуострове. Не считая отдельных выступлений, одним из самых ранних документов военно-фашистского режима был проект Программы устройства Болгарского государства, помеченный 8 июля 1923 г. В нем в разделе «Политические функции государства» вопросы внешней политики были поставлены на первое место.

Вот некоторые характерные пункты этого проекта:

«1. Верно отражая настроения всего народа, болгарское правительство исполнено глубокого желания проводить политику искреннего и длительного мира. . . Правительство особенно ценит дружбу с соседними государствами и, при каждом удобном случае демонстрируя это свое настроение, будет счастливо встретить взаимность со стороны всех балканских государств. . .

3. Правительство приложит все силы для добросовестного выполнения обязанностей, наложенных Нейским договором, как и конвенций и соглашений, проистекающих из него. . .»⁴⁴.

Примерно в той же тональности произносил свои программные речи премьер-министр: «Болгария должна лечить свои раны и

⁴⁰ Daily Herald. London, 12. VI. 1923.

⁴¹ М. К у м а н о в. Възстановяване на дипломатическите отношения между България и Турция (1923—1926). — Исторически преглед, 1971, № 2, с. 71.

⁴² Т. Д о б р я н о в. Отражение на събитията. . . с. 158. Док., № 2.

⁴³ То же. Международни отношения. 1974. № 1, с. 146. Док., № 13.

⁴⁴ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 718, л. 3.

мы будем их лечить. Но мы не можем делать это прежними методами, методами войны и воинственности. Любая попытка воевать будет сумасшествием и кроет в себе большие опасности», — говорил он 8 июля⁴⁵. А 27 июля словно доразвивал свою мысль: новое правительство отвергает обвинение, будто оно пришло к власти с целью реванша, «нам чужда эта идея», мы будем уважать Нейнский договор, будем уважать великие державы.⁴⁶

Подобные заявления повторялись как заклинание и их можно было бы цитировать бесконечно⁴⁷.

Разумеется, миролюбие военно-фашистского руководства, его лояльность были вынужденными. Содержание внешней политики проистекало в данном случае из условий международного существования Болгарии, которые были определены странами — победительницами в 1919 г. и которые продолжали сохраняться не только при режиме «земледельцев», но и после переворота 9 июня. Болгария фактически была лишена возможности выбрать какой-либо другой внешнеполитический курс. Руководители внешней политики военно-фашистского правительства при всей их реакционной реваншистской сущности не могли не отдавать себе в этом отчета, если они хотели оставаться на почве реальности. Это признавал Цанков в своем заявлении корреспонденту газеты «Народни листи», отмечая, что жить в мире и добрососедских отноше-

⁴⁵ Речь, произнесена от министр-председателя проф. Ал. Цанков пред публичного събрание в гр. София на 8 юли 1923 год. С., 1923. с. 8.

⁴⁶ Речта на министр-председателя Ал. Цанков, произнесена в летния общински театър на 27 юли 1923 г. (по стенографски бележки). с. 8, 12.

⁴⁷ В Платформе «Демократического сговора» говорилось: «Первой и важнейшей задачей завтрашнего дня будет гарантировать мир и спокойствие государства путем культивирования самых лояльных отношений с великими державами и особенно с нашими соседями, путем прежде всего уважения наших международных договорных обязанностей, а также путем усиления культурных и хозяйственных связей с великими державами и с нашими соседями при сохранении достоинства нашего народа и государства» (Демократически сговор, 1. X. 1923); см. также заявление Цанкова корреспонденту чешской газеты «Народни листи» (Демократически сговор, 13. XII. 1923), его выступление в Варне во время предвыборной кампании (Демократически сговор, 26. X. 1923). Премьер-министру вторил министр иностранных дел Калфов, говоривший в своем выступлении перед избирателями г. Габрова: «Своей деятельностью на международной арене, оставаясь искренними и убежденными поклонниками мира, лояльно выполняя условия договора и вытекающих из него соглашений, мы будем стараться уберечь отечество от возможных внешних опасностей, а также достичь мирного осуществления и сотрудничества с нашими балканскими соседями». (ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 392, л. 7). Не отставала и правительственная печать: мы отказываемся «от всяких помыслов о территориальном объединении нашего разорванного на части отчества», — писал 21 декабря 1923 г. газ. «Демократически сговор». «Мы сменили меч на орало и ищем реванша лишь в политике труда, внутреннего обновления и мирного культурного соревнования. . .» (Там же).

ниях с другими государствами и в первую очередь с пограничными для Болгарии необходимо «в интересах самосохранения»⁴⁸. Не случайно премьер-министр и министр иностранных дел в официальных выступлениях подчеркивали ограниченный характер международной деятельности правительства. Цанков, например, писал в газ. «Демократически сговор»: «Наша внешняя политика состоит в выполнении нами обязанностей, предписанных мирным договором, и в защите той капли прав, которые нам даны им»⁴⁹. Калфов же в предвыборной речи в Габрово прямо формулировал: «во внешней политике мы не будем выдвигать великих задач. . .»⁵⁰. Позже в 40-х годах, когда правящие круги Болгарии уже не считали нужным вуалировать свои реваншистские устремления, Цанков, в одной из речей в Народном собрании специально останавливался на вопросе о вынужденности курса внешней политики 20-х годов: мы должны были проповедовать мир и терпение, говорил он, между тем как мы задыхались, не могли существовать в установленных нам границах⁵¹.

В результате при конкретизации программы внешнеполитических действий правительство Цанкова выдвинуло в качестве основных следующие пункты: 1) борьба за получение выхода в Эгейское море, причем только мирная борьба⁵² и 2) защита прав болгарских национальных меньшинств, живущих в других государствах. И то, и другое — на основании мирного договора и в его рамках, не более. Подчеркивалось, что если Нейский договор и предоставляет Болгарии какие-либо права, то только оговоренные в этих двух пунктах, а потому именно на них и предполагалось сосредоточить внешнеполитические усилия⁵³.

---

⁴⁸ Демократически сговор, 13. XII. 1923.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 392, л. 6.

⁵¹ Стен. дневници на XXV ОНС, VII извънредна сесия. С., 1950. с. 52.

⁵² Характерна в этом отношении правка текста проекта «Программы устройства Болгарского государства», которую, вероятно, делал министр иностранных дел Калфов (документ хранится в личном его архивном фонде). После слов: «Правительство твердо верит, что государства, подписавшие договор в Нейи, выполняют торжественно взятое ими обязательство дать Болгарии действительный выход к Эгейскому морю» карандашом вставлено: «по пути мирного урегулирования», по-видимому, чтобы приведенная формулировка никоим образом не могла быть истолкована как воинственная и агрессивная (См. ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 718, л. 3).

⁵³ См. программные речи премьер-министра, а также проект Программы устройства Болгарского государства (ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 718, л. 3), Платформу «Демократического сговора» (Демократически сговор, 1. X. 1923) и др.

Несмотря на многократно выраженную готовность следовать условиям мирного договора, навязанного Болгарии западными державами, несмотря на клятвы и уверения в миролюбии и добрососедстве, правительство Цанкова не могло похвастать тем, что стабилизировало свое международное положение.

Западные страны, поддержав в конечном счете свержение «земледельческого» режима, вслед затем заняли по отношению к новым болгарским правителям выжидательную позицию. Первые контакты между дипломатическими представителями высшего ранга стран-победительниц и членами кабинета Цанкова состоялись, по-видимому, лишь осенью 1923 г. в Женеве на сессии Лиги Наций. И наладить их безвестному Хр. Калфову, бывшему царскому флигель-адъютанту, было, вероятно, совсем не просто, потому что еще и 8 сентября (шесть дней спустя после открытия сессии) он шифровкой сообщал премьер-министру о том, что до сих пор готовит «непосредственные контакты с руководящими деятелями Парижа, Лондона и Рима», хотя направляет на это все усилия⁵⁴.

Об отсутствии у кабинета Цанкова какого-либо международного авторитета свидетельствует и такой факт, имевший место в июле 1923 г.: представители болгарского кабинета министров хотели встретиться и переговорить с Исмет-пашой, руководителем турецкой делегации в Лозанне, когда он, возвращаясь на родину, проезжал через Болгарию. Осуществить это они не смогли, т. к., согласно явно пренебрежительному объяснению турецкой стороны, Исмет-паша спал на протяжении всего пути⁵⁵.

Но более всего нервировала правительство Цанкова враждебная позиция Югославии, которая долгое время отказывалась даже принять вновь назначенного посла Болгарии в Белграде Вакарельского. В течение двух месяцев король Александр не давал ему аудиенции и только в начале октября 1923 г. Вакарельский, наконец, сумел вручить свои верительные грамоты⁵⁶. Однако по-настоящему тревожные минуты и страх за свою судьбу министрам кабинета Цанкова и тем, кто стоял за их спиной, приходилось испытывать в результате периодического обострения отношений между двумя странами, когда Югославия подтягивала войска к болгар-

---

⁵⁴ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 639, л. 1.

⁵⁵ М. Куманов. Възстановяване на дипломатическите отношения... с. 73. Обида военно-фашистского руководства Болгарии была тем большей, что в ноябре 1922 г. Исмет-паша, направляясь в Женеву, в течение часа беседовал на софийском вокзале с «земледельческим» министром Р. Даскаловым.

⁵⁶ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 564. Донесение Вакарельского Цанкову и Калфову от 10. X. 1923 г.

ской границе и угрожала вторжением. Отношения с правящими кругами Королевства СХС были одной из центральных проблем для руководителей внешней политики Болгарии в течение всего периода существования кабинета Цанкова.

2. Внешнеполитическая линия правительства Цанкова в отношении Королевства СХС

Угрожающее поведение югославских правящих кругов, их неприкрытая враждебность правительству Цанкова вынуждали руководящую верхушку Болгарии, не имевшую возможности выставить в случае интервенции кадровых вооруженных сил, к максимальной уступчивости. Курс новых руководителей внешней политики Болгарии в отношении Югославии был направлен на то, чтобы не только не создавать новых поводов для раздражения официальных сфер Белграда, но, по возможности, добиваться нормализации отношений между двумя странами.

Проводя эту линию, кабинет Цанкова шел и на унижения, и на финансовые потери, и на ущемление интересов некоторых кругов внутри страны, являвшихся к тому же одной из опор режима, лишь бы добиться расположения правительства Югославии. Подобный сервиллизм был связан с тем, что Югославия оставалась источником угрозы для самого существования военно-фашистского режима в Болгарии и, притом, источником двойного рода. Королевство СХС не только периодически угрожало вторжением своих войск в Болгарию, причем каждый раз в моменты, когда положение правительства Цанкова было особенно неустойчивым (непосредственно после переворота в июне 1923 г., затем в конце августа — начале сентября, когда надвигалось новое восстание, и в канун парламентских выборов — в первые дни ноября 1923 г.). Но, кроме того, правящие круги Югославии поддержали «земледельческую» эмиграцию и ее намерения бороться за восстановление режима БЗНС в Болгарии. В июле 1923 г. Р. Даскалов, бывший посол правительства Земледельческого союза в Праге, и Л. Нешич, посол Югославии в той же столице, который выступал при этом также в роли «представителя министерства иностранных дел и королевского правительства СХС», подписали документ об отношениях между заинтересованными сторонами. В нем говорилось, что, хотя югославское правительство не могло избежать установления дипломатических связей с кабинетом Цанкова, оно считает «законной и оправданной» позицию Земледельческого союза в отношении узурпаторского режима в Болгарии, против которого

следует «вести борьбу с использованием всех легальных средств вплоть до победы». После восстановления власти кабинета БЗНС оно должно продолжить «политику сближения и братских отношений» с Королевством СХС и созвать Великое народное собрание для решения вопроса о судьбе монархии⁵⁷.

Линия правящих кругов Югославии на поддержку борьбы «земледельческой» эмиграции была тем опаснее для нового режима в Болгарии, что югославские власти сквозь пальцы смотрели на вооружение болгарских эмигрантов, более того, они содействовали этому. Угроза режиму Цанкова и К° особенно возросла после того, как между частью эмиграции БЗНС, повернувшей тогда влево, и эмиграцией БКП (т. с.) было достигнуто соглашение о единых действиях. Для правительства Цанкова возможность нападения со стороны самой Югославии и возможность вооруженных действий против узурпаторов со стороны эмигрантов, действовавших на территории той же Югославии, в значительной степени переплетались воедино, и один из главных путей для устранения этой опасности оно видело в проведении политики жертв и уступок, с помощью которой надеялось умилостивить Белград.

У власти в Королевстве СХС стояли тогда реакционные великосербские круги буржуазии, загнавшие коммунистическую партию в подполье, проводившие насильственную сербизацию многонациональной страны. Их политика бряцания оружием в отношении военно-фашистской Болгарии и поддержки эмиграции свергнутого БЗНС базировалась отнюдь не на стремлении оказать помощь демократическим силам Болгарии. Она определялась тактическими соображениями правящих сфер Белграда, которые строили свой внешнеполитический курс, исходя из принципов незыблемости положения, установленного империалистической Версальской системой договоров. Приход же к власти правительства Цанкова был потенциальной угрозой послевоенному статус-кво на Балканах. В конкретной ситуации второй половины 1923 г. официальные круги Югославии опасались не столько того, что новое военно-фашистское руководство Болгарии действительно

---

⁵⁷ Цит. по: В. Василев. Българо-чехословашките отношения. . . с. 101. Характерно, что и в Чехословакии Заграничное представительство БЗНС нашло теплый прием. Некоторые его члены поддерживали контакты с премьер-министром Швехлой и с другими крупными политиками, в том числе с Бенешем. Это связи продолжались не такой уж короткий срок. В ЦДИА хранится документ о «сердечной благодарности» президента Масарика Заграничному представительству БЗНС за его поздравления по случаю пятой годовщины Чехословацкой республики, провозглашенной 28 октября 1918 г. (Там же, с. 101).

окажется в состоянии возобновить прежние территориальные споры из-за Вардарской Македонии, сколько хотели помешать активизации деятельности ВМРО (чреватой для них многими последствиями), которой способствовала смена режимов в Болгарии. Это в полной мере проявилось во время второго кризиса в болгаро-югославских отношениях, вспыхнувшего в конце августа-начале сентября 1923 г.

В августе европейская пресса наполнилась сообщениями о подготовке восстания в Вардарской Македонии (Югославия). Газеты писали, что подготовка осуществляется ВМРО при поддержке болгарской Военной лиги и при непосредственной помощи со стороны Италии. На основании этих слухов югославское правительство, стремясь предотвратить подобное восстание, стало собирать войска к болгарской границе⁵⁸.

Положение осложнялось тем, что в конце августа переговоры между Италией и Югославией относительно Фиуме и о. Корфу вступили в критическую стадию, не исключалась в связи с этим и возможность вооруженного конфликта. Ухудшение итало-югославских отношений вызвало активизацию реваншистских кругов Болгарии и особенно правого руководства ВМРО⁵⁹. Правительство Цанкова оказалось в трудном положении. Само оно в это время не было в состоянии планировать каких-либо внешнеполитических акций с целью реванша, как уверяла югославская пресса: военно-фашистский режим за два с половиной месяца существования не мог добиться действительного укрепления своих внутривластных позиций, в стране назревало крупное вооруженное восстание. С международной точки зрения любые поползновения к ревизии мирного договора были обречены на неудачу, ибо вся ситуация того времени определялась заинтересованностью великих держав сохранить Версальскую систему в неизменности. Однако авантюристическое правое руководство ВМРО могло попытаться в условиях взрывоопасной обстановки на Балканах действовать на свой страх и риск, тем более что итальянские фашистские круги старались использовать организацию для нажима на правительство Пашича⁶⁰. А поскольку штаб-квартира Т. Александрова располагалась в болгарских пределах, на кабинет Цанкова ложилась ответственность за действия правых лидеров ВМРО.

---

⁵⁸ Д. К о с е в. Септемврийското въстание 1923 г. с. 442.

⁵⁹ Там же, с. 443—444.

⁶⁰ И л. Д и м и т р о в. Фашистка Италия и сговористкото правителство в България през 1923 г. — Исторически преглед, 1973, № 4, с. 60.

Было от чего волноваться цанковским министрам! В виду угрозы югославской интервенции в Болгарию болгарская дипломатия стала искать защиты у великих держав.

В Женеве Калфов встретился с представителями Англии и Франции и просил их оказать Болгарии помощь. Положение выглядело столь серьезным, что, согласно итальянским дипломатическим документам, в Софии французский посол справлялся у итальянского посла о том, каково будет поведение Италии в случае, если югославские войска вступят в столицу Болгарии⁶¹. Цанков лично обратился к Муссолини, ища у него поддержки. Правящие круги Болгарии готовы были направить всем великим державам и в Лигу Наций ноты с предложением создать международную комиссию для выяснения причин болгаро-югославского конфликта⁶².

Для урегулирования конфликта итальянское правительство на этот раз, поскольку само оно было обвинено в интригах на Балканах, не хотело действовать путем открытого давления на Югославию с тем, чтобы заставить Королевство СХС отказаться от вторжения в Болгарию. После взаимных консультаций дипломатические представители Франции и Италии пошли по пути рекомендации болгарскому правительству убрать препятствия, стоящие на пути улучшения болгаро-югославских отношений, и начать выполнение Нишского соглашения.

С наибольшей готовностью на просьбы правительства Цанкова оказать ему помощь отозвалась Англия: посол этой страны в Белграде имел беседу с руководством югославского министерства иностранных дел, в ходе которой недвусмысленно заявил о поддержке Великобританией Болгарии⁶³.

Позиция крупных европейских государств, призывавших Югославию к умеренности, а Болгарию к уступчивости, выступление Англии на стороне Болгарии способствовали тому, что спустя некоторое время напряженность болгаро-югославских отношений ослабла.

В связи с конфликтом очень важным представляется документ о переговорах, которые велись в начале сентября в Женеве между министрами иностранных дел Болгарии и Югославии — Калфовым и Нинчичем. Об их содержании Калфов шифровками сообщал в Софию Цанкову. Нинчич, прежде всего, в весьма категоричной форме сформулировал позицию Югославии в отношении македон-

---

⁶¹ И л . Д и м и т р о в . Фашистка Италия и сговористкото правителство в България през 1923 г. — Исторически преглед, 1973, № 4, с. 61.

⁶² Д . К о с е в . Септемврийското въстание 1923 г. с. 450—451, 456.

⁶³ Там же, с. 452—454; И . Д и м и т р о в . Фашистка Италия и сговористкото правителство. . . с. 62, 63.

ских земель: Вардарская долина для сербов важнее, передавал Калфов слова Нинчича, чем земли старого сербского королевства, т. к. Адриатическое море — закрытое и будущее страны связано с Эгейским морем. Пула, оставаясь в руках Италии, навсегда закроет Адриатику для Югославии. Вот почему (далее Калфов, видимо, цитирует Нинчича — *Р. Г.*) «Сербия⁶⁴ любой ценой (подчеркнуто в оригинале — *Р. Г.*) будет удерживать Вардарскую долину для себя» и такова «основа, на которой можно и нужно работать для сближения сербов и болгар»⁶⁵.

Далее Нинчич специально останавливался на вопросе о ВМРО. Обращает на себя внимание, что при этом он умышленно отделял ВМРО от правительства Цанкова: югославская сторона, излагал Калфов мнение Нинчича, верит в намерения и декларации болгарского правительства о мире и добрососедских отношениях, но не верит ВМРО, которая «усиленно готовится в юго-западных областях к решительной акции в Македонии»⁶⁶. Судя по телеграмме, Нинчич пытался настроить правительство Цанкова против ВМРО: «Македонское революционное движение для нас (т. е. для болгарского правительства — *Р. Г.*) более опасно, — передавал Калфов его слова, — чем для них, т. к. они располагают достаточными вооруженными силами, чтобы справиться с ним». Опасность из-за ВМРО для Болгарии двоякого рода — внешняя и внутренняя: «С одной стороны, — говорил югославский министр иностранных дел, если она (ВМРО — *Р. Г.*) будет продолжать действовать так же, как до сих пор, это непременно вызовет интервенцию в Болгарию; с другой стороны, безответственная и мощная организация, какой она является, неминуемо вмешается во внутреннюю жизнь Болгарии»⁶⁷.

Нинчич шел дальше и стремился противопоставить правительству Цанкова не только ВМРО, но и те круги болгарской буржуазии, которые в годы Балканских войн и первой мировой войны оказывали влияние на формирование экспансионистского внешнеполитического курса Болгарии. Поэтому Цанкову и К^о делались большие авансы. Калфов так пишет об этом в своей шифрованной телеграмме: «Сербское правительство и народ могут иметь веру только в правительство, составленное из «новых» и «молодых» людей. Никогда и никто в Сербии не будет верить в правительство

⁶⁴ В югославской и болгарской прессе, в дипломатической переписке тех лет обычно термины «Сербия», «сербы» применялись, как и в данном документе, в значении «Королевство СХС» (или Югославия) и соответственно «народы Королевства СХС» (или Югославии).

⁶⁵ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 643, л. 1.

⁶⁶ Там же, л. 2.

⁶⁷ Там же, л. 1.

Малинова, Данева, Радославова и других, им подобных». Нинчич три раза повторил эту мысль: «Новые» и «молодые» люди, не принадлежащие к поколению, руководившему Болгарией во время войн. . . Людям, таким, как г-н Цанков, мы можем верить, потому что они — из нового поколения»⁶⁸.

Шаги югославской дипломатии, направленные на противопоставление правительства Цанкова и ВМРО Т. Александрова, не были, на наш взгляд, беспочвенными, ибо отношения между организацией и военно-фашистским руководством Болгарии складывались далеко не просто.

Переворот 9 июня 1923 г. существенно менял положение конспиративной организации Т. Александрова. Правда, она не становилась легальной, но с приходом к власти нового правительства немедленно из Сливенской тюрьмы были освобождены «македонские общественники», заключенные туда при Стамболийском⁶⁹. После переворота ВМРО активизировала свою деятельность. Она облагала банки данью, организовывала при попустительстве властей собрания⁷⁰. Организация пользовалась покровительством царя, имела личные контакты с некоторыми членами правительства Цанкова, в частности с военным министром Вылковым и министром Стоенчевым⁷¹, со многими лицами, занявшими места в государственном аппарате. ВМРО играла свою роль и в формировании новой государственной машины, стала одним из звеньев аппарата насилия. Все это, казалось бы, предопределяло ее полное и тесное влечение в систему военно-фашистского режима.

Однако на этом пути существовали большие трудности. Одна из них состояла в том, что в ВМРО были не только правые, но и левые силы, отношение которых к режиму, утвердившемуся в Болгарии постепенно становилось все более негативным. Правда, левые силы из-за своей слабости не оказывали до определенного времени особого влияния на политику по существу единовластного лидера ВМРО Т. Александрова. Гораздо большее значение для эволюции ВМРО в первое время после переворота 9 июня 1923 г. имело то, что и в режиме, возглавленном Цанковым, правые элементы организации не увидели гарантий резкого изменения принятого при «земледельцах» внешнеполитического курса, без чего легализация националистических лозунгов ВМРО была невозмож-

---

⁶⁸ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 643, л. 2.

⁶⁹ Ив. Михайлов. Спомени. Т. 2. Брюксел, 1965. с. 297.

⁷⁰ Ил. Димитров. Фашистка Италия и сговористкото правителство. . . с. 59.

⁷¹ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 234, 239 и др. (Показания Вылкова на процессе 1954 г.)

на. Ведь даже участие «македонствующих» в перевороте приходилось тщательно вуалировать и это отнюдь не проливало бальзама на душевные раны националистов.

Неудовлетворенность правого руководства ВМРО официальной линией правительства Цанкова в отношении организации и ее идеалов создавала почву для различных тактических маневров Т. Александрова, в том числе совершенно неожиданных для военно-фашистской верхушки Болгарии.

Теперь трудно установить, чем конкретно руководствовался Т. Александров, вступив в переговоры с деятелями Коминтерна, но, несомненно, что понимание крайне ограниченных внешне-политических возможностей кабинета Цанкова было одной из главных причин. Представители ВМРО отправились на переговоры в Москву уже через месяц-полтора после переворота. Один из уполномоченных вести переговоры Д. Влахов пишет в своих воспоминаниях: «Я думал, что после фашистского переворота 9 июня, в котором активно участвовали и люди Александрова, Александров и его товарищи не захотят продолжать разговоры и переговоры с Советской Россией (на самом деле с Коминтерном — Р. Г.), т. к. они могли теперь иметь больше возможностей получать средства, в которых испытывали нужду⁷², а также использовать и самую власть для своих дальнейших целей. Между тем этого не случилось. Александров настаивал на том, чтобы делегация отправилась в Москву, и я согласился»⁷³.

Летом 1923 г. эти переговоры успехом не увенчались, но они были возобновлены осенью, продолжались и позже.

В свою очередь болгарские коммунисты также имели контакты с ВМРО, стремясь опереться на ее левые силы и помешать превращению организации в слепое орудие военно-фашистского режима, стремясь завоевать на сторону революционной борьбы массы,

---

⁷² Вопрос о получении материальных средств играл в политике Т. Александрова очень важную роль. Переговоры по этому поводу беспринципное руководство ВМРО было готово вести, оказывается, даже с «земледельцами». На судебном процессе 1954 г. Г. Драгнев показывал, что за несколько дней до событий 9 июня 1923 г. А. Стамболийский послал его в Горно-Джумая, в расположение Т. Александрова, т. к. «земледельцы» ожидали переворот со стороны ВМРО. Г. Драгнев встретился с Т. Александровым, который подтвердил, что переворот состоится в ближайшее время, для чего все его люди были отправлены к Софии, но не уклонился от разговора о возможности предотвратить свержение «земледельческого» режима. Лидер ВМРО потребовал за подобную возможную услугу субсидий, выдвинул и другие требования, но Г. Драгнев не называл, какие точно. Сообщить о результатах этих переговоров А. Стамболийскому Г. Драгнев не успел, переворот опередил его. АМВР, II, сѣд., д. 1556, т. IV, л. 104).

⁷³ Д. В л а х о в. Мемоари. Скопје, 1970. с. 221.

шедшие за ВМРО. При этом не оставлялись без внимания трещины в отношениях между ВМРО и официальными властями.

В. Коларов писал, что предпринятый в период подготовки Сентябрьского восстания зондаж македонских деятелей показал, что они, включая Т. Александра, очень недовольны правительством Цанкова, начавшего по требованию Югославии кампанию против них, и что в это время они были настроены сочувственно к коммунистам, вплоть до того, что руководители БКП (т. с.) были официально уведомлены лидером ВМРО о том, что организация не выступит против восстания и в случае его победы признает рабоче-крестьянское правительство⁷⁴.

Указанные обстоятельства говорят о том, что ходы югославской дипломатии во время кризиса болгаро-югославских отношений в августе-сентябре 1923 г., имевшие целью противопоставить правительству Цанкова и ВМРО, не были случайными. Предпринимая их, Нинчич стремился добиться более ясного отмежевания официального внешнеполитического курса Болгарии от курса крайних националистических элементов. Во всяком случае в сентябре 1923 г. югославская сторона четко изложила свои позиции, определив ВМРО в качестве главного препятствия для нормализации отношений между странами. И с этим правительство Цанкова не могло не считаться.

Но ВМРО была могущественной организацией и Совет министров Болгарии или по крайней мере те, кто отвечал в нем за внешнюю политику (Цанков, Калфов), не могли распоряжаться ею по своему усмотрению. 9 сентября 1923 г. Цанков сообщил Калфову (не шифровкой, а в собственноручно написанном письме) о мерах, которые он принял со своей стороны, чтобы выйти из тяжелого положения, сложившегося из-за напряженности на болгаро-югославской границе. В числе этих мер — шаги в отношении определенных деятелей, которых Цанков «просил о благоразумии и большей заботе о болгарщине»⁷⁵. Премьер-министр не называет их, но, очевидно, что речь идет о силах, которые провоцировали конфликт и тем ставили под удар существующую власть. Характерно, что официальный глава военно-фашистского режима просил их, а не мог употребить для их урезонивания власть.

Второй болгаро-югославский кризис оказал большое влияние на формирование последующей политики правительства Цанкова в отношении Югославии. Именно в связи с этим кризисом заявле-

---

⁷⁴ Нови документи на В. Коларов и Г. Димитров за Септемврийското въстание в 1923 г. — Известия на Института по история на БКП. С., 1964, № 2, с. 5—6.

⁷⁵ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 314, л. 1.

ния болгарской стороны о стремлении к миру и добрососедству должны были приобрести конкретное выражение. А поскольку югославская сторона в качестве центрального пункта проблемы выдвигала вопрос о ВМРО и ее деятельности, руководителям внешней политики Болгарии приходилось учитывать это обстоятельство и во имя самосохранения идти на обострение отношений как с самой ВМРО, так и с теми влиятельными силами, которые стояли за ее спиной.

В результате правительство Цанкова вынуждено было приостановить на время издание выходившей в Софии газеты «Илинден»⁷⁶, а 5 сентября 1923 г. заявить о своей решимости «приступить к выполнению некоторых пунктов Нишского соглашения»⁷⁷. В свое время это соглашение, подписанное Стамболийским и касавшееся охраны болгаро-югославской границы, вызвало острое недовольство великоболгарских шовинистических сил. Заклучая его, Стамболийский стремился вывести Болгарию из состояния внешнеполитической изоляции. Предполагалось, что это был первый шаг на пути нормализации отношений между Болгарией и Югославией, что Нишский протокол явится лишь частью общего соглашения, которое предстояло заключить в конце переговоров по всем «висящим вопросам»⁷⁸. События 9 июня 1923 г. помешали этому.

И вот теперь осенью 1923 г. те, кто сверг Стамболийского, кто категорически отвергал все, им сделанное, выступили как бы продолжателями его линии в отношении Югославии. Такова была сила международных обстоятельств. Зажатое ими в тиски правительство Цанкова не располагало свободой действий и сколь бы сильное влечение к агрессивной реваншистской политике не имело, не смело его проявить.

---

⁷⁶ С. Д а м я н о в. Френската общественост. . . с. 206. Характерно, что выпуск газеты был остановлен не прямым распоряжением болгарских властей, а опосредствованно — через того же Т. Александрова (иначе оно было недействительно!). В письме в редакцию газеты Т. Александров писал: «По важным соображениям правительство настаивает на прекращении выхода газ. «Илинден» до тех пор, пока не кончатся заседания Лиги наций. Чтобы не подумали однако, что мы это делаем для своего удовольствия или из страха перед сербами, я настоял на выпуске еще одного номера; в нем следует сообщить, что газ. «Илинден» некоторое время не будет выходить по техническим или по другим причинам». И далее Т. Александров давал редактору газеты указание придумать эти причины. (Цит. по: Д. К ъ о с е в. История на македонското национално революционно движение. С., 1954. с. 522).

⁷⁷ Зора, 10. IX. 1923.

⁷⁸ Подробнее см. М. К у м а н о в. Нишката спогодба от 1923 г. — Векове. С., 1972, № 5.

Болгарская правительственная печать стала усиленно подчеркивать, что кабинет Цанкова начал применять Нишские условия еще до продолжения переговоров с западной соседкой⁷⁹. А затем были возобновлены и сами переговоры: в октябре в Софии открылась конференция представителей обеих сторон, в повестку дня которой было поставлено урегулирование некоторых юридических и финансовых вопросов. В результате работы смешанной комиссии в конце ноября был подписан ряд конвенций, а именно: 1) о взаимной выдаче уголовных преступников и правовой помощи по уголовным делам; 2) судебная конвенция; 3) о бесплатной медицинской помощи и обслуживании подданных другой страны — бедняков; 4) о финансовых обязательствах Болгарии в связи с реквизициями и изъятиями, производившимися на территории Моравской области во время войны и 5) об освобождении от секвестра имущества болгарских подданных в Югославии⁸⁰.

Пресса, выражавшая мнение болгарских официальных кругов, спешила заверить, что, хотя конвенции и не имеют политического характера, они «не могут не иметь политических последствий» и явятся условием нормализации болгаро-югославских отношений⁸¹. На работе комиссии специально останавливался в предвыборной речи премьер-министр, рисуя ее в весьма оптимистичных тонах и подчеркивая ее значение⁸².

Кроме того, стремясь с помощью любых средств урегулировать отношения с Югославией, правительство Цанкова пошло на значительные уступки в финансовых вопросах. Оно согласилось уплатить в счет реквизиций и изъятий военных лет 300 млн. левов, притом сразу, а не в рассрочку⁸³, хотя такое требование югославской стороны не вытекало из условий мирного договора. Характерно, что требование подобных финансовых компенсаций выдвигалось и Грецией. Однако в этом случае Болгария обратилась в международный арбитраж в Гааге и выиграла процесс⁸⁴. Относительно же югославских претензий болгарская сторона сочла за благо удовлетворить их, «не вдаваясь в споры о толковании договора и не обращаясь в различные сомнительные арбитражи»⁸⁵.

А во время третьего кризиса в болгаро-югославских отношениях, вспыхнувшего в начале ноября 1923 г., высшие официальные лица Болгарии должны были принести своей вынужденной

⁷⁹ Демократически сговор, 2. X. 1923.

⁸⁰ Там же, 26. XI. 1923, 6. II. 1924.

⁸¹ Там же, 26. XI. 1923.

⁸² Там же, 22. X. 1923.

⁸³ Там же, 26. XI. 1923.

⁸⁴ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., с. 38—39.

⁸⁵ Демократически сговор, 26. XI. 1923.

политике жертву иного плана. Поводом к новому кризису послужило покушение на югославского военного атташе в Софии. Считая, что его совершили террористы ВМРО, Белград направил правительству Цанкова ультиматум, в котором выдвигались требования, чтобы премьер-министр Болгарии посетил посольство Югославии и принес послу официальные извинения. Тоже должен был сделать болгарский военный министр в отношении югославского военного атташе. Кроме того, группа болгарских военных должна была отдать честь югославскому военному знамени. На ответ давался срок 48 часов, по истечении которого Югославия угрожала применением мер без предупреждения⁸⁶. И эти требования болгарской стороне пришлось принять⁸⁷.

Как воспринимался в ВМРО курс кабинета Цанкова на завоевание во что бы то ни стало расположения руководящих сфер Югославии? Ведь именно за Нишское соглашение А. Стамболийский, объявленный ВМРО предателем национальных интересов, получил от нее «последнее предупреждение». В то время одно упоминание о Нише приводило великоболгарских шовинистов в злобную ярость, а полгода спустя им приходилось мириться с тем, что официоз нового правительства открыто говорил о продолжении линии, начатой Нишскими переговорами, и с тем, что условия Нишского соглашения «по самому щекотливому для Югославии вопросу — вопросу о этничестве»⁸⁸ уже стали применяться. Более того, им приходилось мириться и с тем, что в печати высказывались одобрительные оценки этого направления внешней политики Стамболийского⁸⁹. Так, газета «Демократически сговор» в номере от 20 ноября 1923 г. писала, что «Болгария еще при режиме Стамболийского, который в этом отношении слушался неплохих сове-

---

⁸⁶ Ил. Димитров. Фашистка Италия и сговористкото правителство. . . с. 70—71.

⁸⁷ Воспоминания об унижительной процедуре не изгладились из памяти Цанкова и спустя десятилетия. В 1944 г., выступая в парламенте, он говорил: «В связи с одной унижительной историей мне вместе с моими товарищами выпала печальная участь испить горькую чашу — покорно склонить победоносное болгарское военное знамя перед сербским (югославским — Р. Г.) посольством». (Стен. дневници на XXV ОНС, VII извънредна сесия. С., 1950, с. 52).

⁸⁸ Демократически сговор, 2. X. 1923.

⁸⁹ Не по этому ли поводу Ив. Михайлов писал в своих воспоминаниях: «Надо признать, что после Стамболийского другие болгарские правительства пошли гораздо дальше него. Трагикомично, но такую унижительную политику восприняли именно многие из тех, кто принимал важнейшее участие в организации военного переворота 9 июня 1923 г. . . » (И в. М и х а й л о в. Спо-мени. Т. 2, с. 283).

тов», предложила своим соседям начать переговоры о ликвидации спорных вопросов.

По-видимому, шовинистические круги не хотели принимать в расчет вынужденность официального курса отношений с Югославией и пытались оказать ему сопротивление. Во всяком случае правительственный официоз констатировал, что шаги по сближению с Белградом предпринимались «вопреки шовинистическому разгулу различных кругов, остающихся неисправимыми»⁹⁰. По-своему симптоматичными были несколько более поздние опровержения того же органа, заявлявшего, что на внешнюю политику правительства не оказывают влияния «никакие безответственные факторы»⁹¹. В целом югославской политике Цанкова—Калфова при всей очевидной ее вынужденности и обусловленности международными обстоятельствами было нелегко прокладывать себе дорогу.

Однако Югославия расценивала предпринимавшиеся болгарским кабинетом министров меры как паллиативные, поскольку они не затрагивали самой ВМРО. Всех уступок оказывалось недостаточно, правительственные сферы Королевства СХС продолжали занимать враждебную позицию в отношении режима Цанкова⁹². Причина была та же — ВМРО по-прежнему существовала и действовала. В середине декабря 1923 г. министр иностранных дел Югославии Нинчич сделал заявление по этому поводу. В изложении болгарского официоза оно звучало следующим образом: «до тех пор, пока разбойники вторгаются на югославскую территорию с целью грабить и убивать население, а затем безнаказанно укрываются в Болгарии, общественное мнение (Югославии — *Р. Г.*) с трудом поверит в искренние и дружеские отношения»⁹³.

Начало 1924 г. принесло болгарским правителям новые осложнения международного плана. С приходом в Англии к власти лейбористского правительства Макдональда несколько менялась балканская конъюнктура. Англия стала проявлять заинтересованность в урегулировании отношений между балканскими странами. Но, получив в лице Англии еще одного, помимо Франции, международного покровителя болгаро-югославского сближения,

---

⁹⁰ Демократически сговор, 2. X. 1923.

⁹¹ Там же, 8. II. 1924.

⁹² В парламентской дискуссии по ответу на тронное слово (декабрь 1923 г.) Цанков признавал, что Болгария остается в состоянии внешнеполитической изоляции.

⁹³ Демократически сговор, 17. XII. 1923.

Цанков и его сторонники все более определенно становились на путь ухудшения отношений с ВМРО Т. Александра.

В этом же направлении действовал и второй фактор изменения международной обстановки, связанный с некоторой перестановкой акцентов в отношениях между странами Малой Антанты (и их покровительницей Францией), с одной стороны, и фашистской Италией с ее экспансионистскими устремлениями, с другой. В 1923 г. натиск Италии на Юго-Восточную Европу усилился, что ставило под угрозу позиции Франции в этом регионе. В январе 1924 г. Франция, стремясь упрочить свое положение в Малой Антанте, заключила договор с Чехословакией, дополненный секретными приложениями военного характера⁹⁴. Следующим шагом могло бы быть вовлечение в этот союз Югославии, что чрезвычайно затруднило бы осуществление агрессивных намерений Италии. В сложившейся ситуации Муссолини, чтобы «парализовать деятельность Бенеша», стал склоняться к заключению договора между Италией и Югославией⁹⁵. В результате 27 января 1924 г. Италия и Югославия, еще несколько месяцев назад находившиеся на грани войны между собой, заключили соглашение. Согласно ему так называемое свободное государство Фиуме подлежало разделу: сам город Фиуме переходил под суверенитет Италии, а большая часть территории этого «государства» присоединялась к Югославии. В качестве компенсации за уступку в многолетнем споре Югославия получала право использовать в своих интересах статью соглашения, гласившую: если одна из договаривающихся стран подвергнется нападению без провокаций с ее стороны, то другая страна должна будет сохранить нейтралитет, но оказать политическую и дипломатическую помощь для ликвидации конфликта.

Благодаря «Римским соглашениям» Югославия приобретала большую свободу действий в отношении всех поползновений своих соседей к пересмотру условий мирных договоров. Пашич подчеркивал, что пакт между Югославией и Италией означает конец надеждам тех сил, которые хотят изменения установленных границ. Это относилось как к Венгрии, так и к Болгарии⁹⁶.

Пойдя на уступки Муссолини и заключив «Римские соглашения», правящие круги Королевства СХС стали проявлять еще большую несговорчивость в диалоге с Софией. Болгарская пра-

---

⁹⁴ А. А. Я з ъ к о в а. Малая Антанта в европейской политике. 1918—1925. М., 1974. с. 259.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Ж. А в р а м о в с к и. Некои аспекти на македонското прашање. . . с. 88.

вительственная печать наполнилась тревожными сообщениями. Наибольшую опасность для Болгарии политические обозреватели видели именно в тезисе о «неспровоцированном нападении». В самом деле постоянные обвинения югославских руководящих сфер в адрес Болгарии состояли в том, что на территории Болгарии формируются четы, которые затем вторгаются в Югославию. Переброска чет в любой момент могла дать югославской стороне повод для обвинения болгарской стороны в провокации. В этих условиях определение возможных вооруженных действий Югославии против Болгарии как спровоцированных или неспровоцированных становилось весьма произвольным. А ведь от этого зависело, какую позицию займет Италия в случае нового югославо-болгарского конфликта. Правительство Цанкова оказывалось в положении, когда получение поддержки из Рима, на которую оно опиралось до сих пор каждый раз, как Югославия угрожала Болгарии интервенцией, становилось сомнительным. Рассуждения официоза о том, что у Югославии теперь развязаны руки в отношении Болгарии, что Королевство СХС получает свободу действий на Балканах, подкреплялись подобными же мнениями парижской «Тан» и белградской «Политики»⁹⁷. Софийские правители вновь должны были лихорадочно думать о мерах для самосохранения, тем более, что еще в конце 1923 г. Генштаб Югославии разработал военный план, предусматривавший оккупацию югославскими отрядами Кюстендила, Петрича, Мелника и Горно-Джуман в ответ на возможную интенсивную македонскую акцию⁹⁸.

Ввиду изменения обстановки на Балканах официальные руководители внешней политики Болгарии усиливают линию на предотвращение конфликта с Югославией. Правительственная печать призывает сделать всё возможное, чтобы не дать поводов для обвинения Болгарии в провоцировании Югославии, призывает к бдительности во избежание «всего, что могло бы бросить хотя бы тень подозрения на сербско-болгарские отношения»⁹⁹. Но одних призывов недостаточно. Одновременно правительство принимает решение, пресекающее какие-либо акции по сбору денежных средств для нелегальных организаций¹⁰⁰. Эта мера была направлена прежде всего против ВМРО¹⁰¹.

⁹⁷ Демократически сговор, 1. II. 1924.

⁹⁸ Ж. А в р а м о в с к и. Некои аспекти на македонското прашање. . . с. 88.

⁹⁹ Демократически сговор, 1. II. 1924.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ В разъяснении по поводу решения совета министров говорилось: эта мера необходима для того, чтобы закрыть рот тем злопыхателям, которые

Вместе с тем правительство поторопилось провести через парламент конвенции, подписанные с Югославией. Для укрепления своего положения в глазах правящих кругов западных держав, оно вынесло на обсуждение Народного собрания, кроме того, вопросы внешней политики в целом и потребовало в связи с этим вотума доверия. Этот вотум был получен, несмотря на то, что ряд депутатов выражал недовольство затянувшимся состоянием внешнеполитической изоляции Болгарии и, главным образом, тем, что до сих пор «не завоевано расположение европейских государств». Депутаты от Коммунистической партии и Земледельческого союза голосовали против доверия кабинету Цанкова¹⁰².

Еще до голосования в Народном собрании выступил премьер-министр. Его речь примечательна с точки зрения оценки им характера внешней политики Болгарии и ее перспектив. Цанков еще раз подчеркнул вынужденность и ограниченность деятельности его кабинета на международной арене:

«И в декларации министра иностранных дел, и в моих суждениях по ответу на тронное слово правительство ясно и определенно заявило о нашей внешней политике, политике, которую Болгария *может сейчас проводить* (подчеркнуто мною — Р. Г.). Эта политика, господа депутаты, движется только в рамках мирных договоров и тех прав, пусть ничтожных, которые эти договоры дают нам. Дальше этого мы не идем, мы не страдаем манией величия. . .»¹⁰³. Конечно, дело было не в отсутствии реваншистских стремлений у тогдашних правящих кругов Болгарии. Но Цанков не мог не понимать, что в данный момент они не осуществимы и что, более того, попытка действовать на основе этих стремлений может привести режим к краху, а Болгарию к новой катастрофе. Отсюда характерный «призыв к трезвости», как назвал его сам премьер-министр, обращаясь к депутатам и к тем, кого они представляют. Правительство, сказал он, призывает болгар дорожить «свободой и независимостью Болгарии в границах, которые она имеет сейчас»¹⁰⁴. А далее следовало определение перспектив отношений с Югославией. Касаясь этой деликатной темы, премьер-министр стал говорить очень осторожно, полунамеками, и это было показателем несвободы действий официального лидера режима в

наводнили европейскую печать сведениями о «македонской кампании в Болгарии» и о том, что многие торговцы и зажиточные люди облагаются «специальными македонскими налогами» (Демократически сговор, 1. II. 1924).

¹⁰² Демократически сговор, 8. II. 1924. При этом, однако, за принятие болгаро-югославских конвенций голосовала и парламентская группа БЗНС.

¹⁰³ Демократически сговор, 8. II. 1924.

¹⁰⁴ Там же.

этом отношении. Цанков заявил, что нельзя только от правительства требовать преодоления вражды, которая в течение почти полувека накапливалась между двумя народами. Для этого необходимо, по его мнению, общее единодушие. Далее он говорил о причине отсутствия такого единодушия, и эта часть его речи состоит из сплошных намеков. Впрочем они совсем прозрачны, за ними легко угадывается ВМРО и националистические силы, солидаризовавшиеся с нею: «Она (причина — *Р. Г.*) ясна, она и-з-в-е-с-т-н-а (разрядка оригинала). Остается. . . эти причины и в дальнейшем тактично, терпеливо, с достоинством постепенно устранять. Наша политика, господа депутаты, не есть политика авантюра. Она не дает нам оснований быть пессимистами. . .»¹⁰⁵.

За туманными формулировками крылось тем не менее определенное содержание. Сказанное премьер-министром не оставляло надежд на то, что свои идеалы ВМРО Т. Александрова сумеет осуществить с помощью правительства Цанкова.

Между тем вновь распространились слухи о подготовке восстания в Вардарской Македонии, которое, как говорили, должно произойти весной 1924 г. Трудно сказать, насколько достоверными были подобные слухи, но их одних было достаточно для нового ухудшения отношений между Болгарией и Югославией. Софийский корреспондент лондонской «Таймс» сообщал в свою столицу, что, по его мнению, «сербские государственные деятели ввиду некоторых признаков предстоящей акции Т. Александрова в Македонии решили в 1924 г. «излечить эту рану». Югославия верит, что македонцы восстанут весной или летом, и готова предотвратить любое подобное движение решительным противодействием»¹⁰⁶. Болгарии необходимо, продолжал он, выйти из деликатного положения, «чего бы это ни стоило». И далее: «Некоторые критики считают, что прежде всего нужно заменить Цанкова лидером, который был бы более опытным и гибким во внешнеполитических делах и который сумел бы умирить македонцев»¹⁰⁷.

Мера, однако, была принята другая: 3 марта 1924 г. в стране были проведены «македонские аресты», жест, служивший доказательством, что правительство Цанкова готово на определенные шаги в отношении ВМРО. В свое время к подобным мерам прибегал А. Стамболийский, ныне акция проводилась «с ведома Т. Александрова и других реакционных деятелей ВМРО»¹⁰⁸. В самом деле

¹⁰⁵ Демократически сговор, 8. II. 1924.

¹⁰⁶ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 785, л. 20. (Досье печати).

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Д. Косев. Положението в България и проблемът за курса на БКП след Септемврийското въстание в 1923 г. (до април 1925 г.). — Известия на Българското историческо дружество, кн. XXVII. С., 1970, с. 191.

аресты в стране, как писали газеты, прошли «почти без инцидентов»¹⁰⁹. Однако и «добровольно» принятое гонение на организацию не меняло его сути.

Разочарование руководителей ВМРО в том, что военнофашистское правительство Цанкова станет надежным щитом для прикрытия их националистической деятельности, невозможность для самого правительства стать таким щитом и поддержать внешнеполитические лозунги ВМРО, — все это привело к кризису отношений между ними.

Если первые «оскорбительные», по словам Ст. Мошанова, для организации меры правительства Цанкова, имевшие место непосредственно после переворота¹¹⁰, руководство ВМРО в общем сносило, то аресты 3 марта 1924 г., проведенные как бы даже по согласованию с Т. Александровым, вызвали возмущение «македонской общественности», а ЦК ВМРО направил Цанкову 10 марта «исчерпывающий протест»¹¹¹. Одновременно верхушка ВМРО решила прибегнуть к использованию и других методов: в конце марта Т. Александров отправился вместе со своим ближайшим сподвижником А. Протогеровым в Италию и далее в другие страны Европы, чтобы тем самым оказать нажим на Цанкова. Подобный же эффект, по их мнению, должно было произвести планировавшееся ими заключение соглашения с рядом балканских национально-революционных и политических организаций.

Для характеристики кризисного состояния отношений между ВМРО и кабинетом Цанкова интересно свидетельство Д. Влахова: «Известно, что Александров и Протогеров не были в хороших отношениях с правительством Цанкова. Многие министры были недовольны их действиями и особенно отношением Александра к ним»¹¹².

Однако сама по себе констатация «недобрых отношений» между кабинетом Цанкова и руководством ВМРО далеко не исчерпывает сложности этого вопроса. В действительности официальный совет министров, игравший служебную, подчиненную роль в системе режима, не определял политики правящей группировки в отношении ВМРО. Оскорбленное самолюбие некоторых министров, их недовольство высокомерным и вызывающим поведением Т. Александра, — все это было второстепенным по важности. Гораздо более важным было то, что среди центральных фигур кабинета,

¹⁰⁹ Зорница, 8. III. 1924.

¹¹⁰ АБАН. — Сб. IV, ед. хр. 161, с. 22.

¹¹¹ И в. М и х а й л о в. Спомени. Т. 2, с. 311.

¹¹² Д. В л а х о в. Мемоари. с. 237.

а, следовательно, в целом в военно-фашистской верхушке Болгарии не было единства по вопросу о ВМРО. В настоящее время не представляется возможным установить, когда в правящих сферах обозначился раскол из-за ВМРО и из кого точно состоял каждый из лагерей. Но, очевидно, что одним из центров были Цанков и его министр иностранных дел, вынужденные, если они хотели оставаться на реалистических позициях, выступать за сближение с Югославией, чему ВМРО служила помехой. Другой центр был связан с могущественным военным министром Вылковым, который, с одной стороны, выступал в качестве доверенного лица царя Бориса и послушного исполнителя его воли, а, с другой стороны, был тем самым министром, который имел наиболее крепкие контакты с ВМРО, поддерживал личные связи с Т. Александровым. Как заявил Вылков на процессе 1954 г., политика правительства состояла в том, чтобы не вступать в конфликты с ВМРО¹¹³.

Раскол в военно-фашистской верхушке произошел в связи с тем, что группа Цанкова—Калфова проводила курс на сближение с Югославией, независимо от жертв, которые требовал Белград, и в связи с тем, что линия на покровительство ВМРО, фактически осуществлявшаяся Вылковым, а, главное, по-видимому, и дворцом, находилась в противоречии с этим курсом. Об этом вполне определенно говорил Цанков в беседе с Ляпчевым в июле 1928 г., когда последний, будучи премьер-министром, вел с Цанковым переговоры о реконструкции кабинета. Цанков заявил тогда, что всегда считал, что ВМРО, «увлеченная патриотизмом», наносит иногда вред стране. «Во время моего правления, — продолжал он, — я даже вел борьбу с нею, не с целью избиения ее деятелей, в патриотизме которых никто бы не усомнился, в чем меня обвиняют, но с целью поставить их на место и вразумить их, что методы их борьбы против сербского режима в Македонии давно отжили. Европа не может их принять и считает Болгарию ответственной за то, что она терпит такие элементы, гнездо смут. За эти мои позиции я был обвинен не только македонской организацией, но и политиками, и более важными лицами — болгарскими государственными деятелями в сербофильстве и предательстве интересов народа и идеалов Болгарии»¹¹⁴. И дальше: «Знаете, г. Ляпчев, во время моего правления г. Вылков саботировал мою внешнюю политику и мою политику в отношении этой организации». Это выражалось в том, что Вылков сообщал ВМРО, будто правитель-

¹¹³ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 251.

¹¹⁴ АМВР. VO—42929.

ство хочет ее уничтожить, уничтожить ее лидеров. Меры, которые Вылков должен был предпринять по обезвреживанию организации, не только не проводились, но Вылков предварительно извещал ВМРО о них¹¹⁵.

Однако ВМРО имела большие заслуги перед военно-фашистской властью. Она способствовала перевороту 9 июня 1923 г., важную роль играла она и в период сколачивания «Демократического сговора», угрозами репрессивных мер ломая нежелание ряда буржуазных лидеров подчиниться военно-фашистскому руководству. ВМРО Т. Александрова удалось узнать о принятии болгарскими коммунистами курса на вооруженное восстание, и эти сведения были предоставлены в распоряжение правительства. Самое активное участие приняли македонские шпиц-команды в подавлении героического Сентябрьского восстания, причем шпиц-команда во главе с Дончо Чупариновым, например, состояла при военном министерстве¹¹⁶. ВМРО была нужна военно-фашистской власти для проведения репрессивного террористического курса в отношении трудящихся, и эта организация благодаря ее правому руководству стала по существу частью аппарата насилия режима, возглавленного Цанковым. Непосредственно связанная при выполнении этих функций с 3-й секцией военного министерства и опять-таки с военным министром, ВМРО была необходима и Цанкову, как одному из руководителей жесткой внутренней политики. Все эти обстоятельства определяли специфическое место ВМРО в системе военно-фашистского режима, установленного в 1923 г., противоречивое, непоследовательное отношение к ней со стороны правящей верхушки, борьбу внутри последней из-за политики в отношении организации.

Это, в свою очередь, и привязывало ВМРО Т. Александрова к режиму Цанкова, и отталкивало от него. Вначале сильнее было первое. Даже в воспоминаниях Ив. Михайлова, ближайшего сподвижника Александрова, опубликованных 40 лет спустя после событий 1923—1925 гг., открыто не выражается недовольство ВМРО правительством Цанкова. Оно, если и звучит, то очень глухо: «Национальная точка зрения на болгарские проблемы, — пишет он, — которая, казалось бы, должна была проявиться для ряда политиков и политиканов, связанных с переворотом 9 июня, постепенно вновь начала затуманиваться»¹¹⁷.

Сам Т. Александров и его ближайшее окружение, видимо, не имели желаний рвать с военно-фашистским руководством Болга-

¹¹⁵ АМВР, VO—42929.

¹¹⁶ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 28. Из показаний Д. Поркова.

¹¹⁷ И в. М и х а й л о в. Спомени. Т. 2, с. 291.

рии¹¹⁸. Несмотря на схожесть внешнеполитических приемов правительств Стамболийского и Цанкова, меры последнего в отношении ВМРО оставались скорее игрой, чем систематическим курсом, пока ВМРО могла рассчитывать на покровительство царя Бориса.

Но дело было не только в самом Т. Александрове. Лидеру ВМРО пришлось столкнуться со значительным полевением рядовых членов организации и многотысячных масс беженцев, которые все более устремляли свои взгляды на Советский Союз, твердо и последовательно борющийся за право всех народов на самоопределение, свободу и независимость. В одном из интервью корреспонденту лондонской «Таймс» Т. Александров подтверждал: «Я не отрицаю, что в организации существуют «левые» элементы, которые упорно считают, что за пять лет мы ничего не получили от Лиги Наций, в Париже, Лондоне и что, следовательно, нужно установить взаимопонимание с Москвой»¹¹⁹. Среди ближайших сподвижников Александра также не было единства, появились среди них и такие, кто не одобрял политики лидера в отношении правительства Цанкова¹²⁰.

В результате внутренних процессов, происходивших в ВМРО, а также кризиса в отношениях с правительством Цанкова Т. Александров не только возобновил переговоры с коммунистами, но пошел на их углубление вплоть до подписания 6 мая 1924 г. в Вене известного Майского манифеста об объединении всех македонских революционных сил. В Манифесте говорилось, что во имя свободной Македонии ВМРО будет бороться против балканской реакции и будет сотрудничать с прогрессивными партиями и организациями балканских народов¹²¹. Свои подписи под Манифестом поставили также представители ИККИ, БКФ и ЦК БКП (т. с.). Казалось, что Майский манифест был большим успехом революционных сил, тем более, что перед его подписанием связи Т. Александрова с болгарским дворцом были прерваны¹²². Манифест способствовал и значительному укреплению левицы ВМРО. Однако закрепить этот успех не удалось, ибо спустя короткое время Александров публично отказался от своей подписи под документом. Контакты с коммунистами были разрушены, борьба БКП (т. с.) за завоевание на свою сторону масс, следовавших за ВМРО, окончилась в тот период неудачей.

¹¹⁸ См. Д. В л а х о в. Мемоари. с. 228—230.

¹¹⁹ Цитируется по И в. М и х а й л о в у. Спомени. Т. 2, с. 319.

¹²⁰ Д. В л а х о в. Мемоари. с. 235.

¹²¹ История на Българската комунистическа партия. С., 1969. с. 320.

¹²² АМВР, II съд., д. 1556, т. IV, л. 143. Из свидетельских показаний П. Шанданова.

Подписание Манифеста было для Т. Александрова не больше, чем тактическим приемом. Как пишет в своих воспоминаниях Д. Казасов, имевший личную беседу с лидером ВМРО вскоре после его отречения от подписи под документом, Александров заявил ему, что соглашение с федералистами и коммунистами было для руководства ВМРО не целью, а средством для привлечения внимания европейского общественного мнения к македонским проблемам. Особый расчет был на то, что союзом ВМРО с коммунистами будут задеты Англия и Франция. «И мы не ошиблись, — продолжал Александров, — они были взволнованы нашим соглашением. Мы достигли своей цели. Соглашение больше нам не нужно, и мы от него отказались. Мы — настоящие националисты и не можем иметь с коммунистами общего фронта»¹²³.

Но лидер организации был бесповоротно скомпрометирован в глазах тех фигур болгарского политического мира, которые его прежде поддерживали. Судьба его была решена. 31 августа 1924 г. Т. Александров, слывший непревзойденным мастером организации безжалостных расправ из-за угла, был убит подосланным террористом. Вслед затем, 12 сентября, в Горно-Джумае было спровоцировано взаимоистребительное столкновение сторонников разных течений ВМРО, в результате чего почти вся левица ВМРО была уничтожена. Через некоторое время пули настигли других еще уцелевших представителей левого течения македонского движения, в том числе члена ЦК БКП (т. с.) Димо Хаджидимова. Левых деятелей ВМРО убивали в Софии и Пловдиве, и даже в Милане и Вене. Был убит и П. Чаулев, не отказавшийся от своей подписи под Майским манифестом¹²⁴. Погром левицы ВМРО осуществлялся под руководством Ив. Михайлова и генерала Протогера, возглавивших ВМРО после смерти Александрова.

За кулисами расправы с Александровым и истребления левицы находилось, как принято считать, правительство Цанкова. Однако, по всей видимости, не правительство вообще, а та часть его и та часть военно-фашистской верхушки, которая прежде во всем поддерживала националистов ВМРО и доверие которой обманул Т. Александров. Во всяком случае один из документов личной переписки между Цанковым и Калфовым заставляет думать, что раздвоение внутри болгарского кабинета министров по отношению к ВМРО не исчезло и после Майского манифеста, что убийство Т. Александрова, кровавая бойня в Горно-Джумае и последующие убийства были вне пределов власти Цанкова, который,

---

¹²³ Д. Казасов. Видяно и преживяно. с. 340.

¹²⁴ Ц. Драгойчева. Повеля на дълга. с. 293.

вероятно, был просто устранен от решения этих дел, и что тайные нити тянулись к ВМРО из дворца через военного министра Вылкова. В письме к Калфову Цанков писал: «Телеграфом я уже уведомил тебя о событиях последних 1—2 дней. По всему видно, что организация македонцев переживает кризис, являющийся следствием идейных различий и борьбы за первенство. Борьба происходит не только между автономистами и федералистами, но и внутри самих автономистов. Идейные различия обострились еще более после манифеста, причем некоторые воеводы-автономисты, в том числе довольно влиятельные, как Георги Атанасов и Алеко Василев, перешли на сторону коммунистов и федералистов, поэтому другие верные автономисты (далее неразборчиво, но по смыслу — расправились — Р. Г.) с ними. К несчастью, и эти 7—8 убийств лягут на нас, но что можно поделать, мы не можем ни обуздать их, ни предотвратить их действий. Это — внутренняя борьба, борьба на самоистребление, ею кончает каждая конспиративная организация»¹²⁵. В письме чувствуется беспомощность премьер-министра. Цанков признается, что не владеет положением, когда далее он пишет, что, вероятно, последуют новые убийства крупных и менее крупных деятелей, но «какими мерами, — спрашивает он, — можем мы предотвратить эту беду». И не дает никакого ответа.¹²⁶

Письмо написано 15 сентября 1924 г., т. е. три дня спустя после бойни в Горно-Джумае. Подозревать, что оно писалось со специальной целью, а именно с целью снять с болгарского правительства ответственность за кровавые события, как нам кажется, не позволяет характер самого документа: письмо явно доверительное, а не официальное, написано оно Цанковым собственноручно и, к тому же, как видно из текста, послано не по почте, а с оказией. По-видимому, Цанков опасался, что эти убийства ухудшат и без того шаткое международное положение правительства. Отсюда и оценка событий как беды или несчастья.

В целом ВМРО пережила сильное потрясение, левица ее была разгромлена и обезглавлена. Но правые ее силы сумели удержать положение, вновь накрепко привязав организацию к дворцу и своему покровителю в лице ген. Вылкова.

Как эти события отразились на отношениях между Болгарией и Югославией? К сожалению, в нашем распоряжении нет материалов, которые позволили бы обстоятельно ответить на вопрос. Следует сказать, однако, что к тому времени появились некоторые условия для общего смягчения их напряженности. Вероятно,

¹²⁵ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 313, л. 1.

¹²⁶ Там же, л. 2.

свою роль в этом сыграла смена правительства в Югославии (с 27 июля по 6 ноября 1924 г. у власти находился кабинет Давидовича, затем вновь правительство возглавил Пашич), но главным было нащупывание точек соприкосновения между правящими кругами обеих стран ввиду «коммунистической опасности», принявшей реальные очертания в Болгарии и оттуда грозившей распространиться на весь Балканский полуостров. Курс БКП (т. с.) на подготовку вооруженного восстания в союзе с левой частью БЗНС и с целью утверждения рабоче-крестьянской власти в Болгарии, зафиксированный в решениях Витошской конференции БКП (май 1924 г.), грозил реакционной верхушке Королевства ХСХС бóльшими неприятностями, чем сохранение у власти правительства Цанкова, с которым к тому же, как оказывалось, можно было не только сосуществовать, но и говорить с позиции силы.

Планы БКП (т. с.) и левых «земледельцев» выглядели в глазах югославского правительства тем опаснее, что оно было осведомлено о многом и, в частности, о переговорах, проводившихся в августе 1924 г. в Праге между некоторыми лидерами «земледельческой» эмиграции и Г. Димитровым, в ходе которых обсуждался вопрос о составе будущего рабоче-крестьянского правительства¹²⁷.

Югославские власти узнали также, что «земледельцы» продали коммунистам тысячу винтовок. И тогда они прекратили поддержку «земледельческой» эмиграции, дальнейшую выдачу ей оружия, «а тем самым остановили и революционную деятельность» ее¹²⁸. Предлогом была «опасность большевизма» для Балкан¹²⁹.

В результате Югославия переставала быть тем источником угрозы для правительства Цанкова, каким она была, поддерживая земледельческую эмиграцию в ее борьбе против военно-фашистской диктатуры и стремясь восстановить в Болгарии власть БЗНС.

Эти моменты отразились и на официальных отношениях между Югославией и Болгарией. Согласно шифровке Калфова из Женевы от 2 сентября 1924 г., новый министр иностранных дел Королев-

---

¹²⁷ См. Протокол конференции членов Заграничного представительства БЗНС и внутриболгарского ЦК БЗНС от 28. IX. 1925 г. — АМВР, об. 1620, т. I, л. 4.

¹²⁸ Там же. В 1925 г. в ходе конференции членов Заграничного представительства БЗНС и внутриболгарского ЦК раздавались обвинения в адрес «земледельцев», ведших переговоры с коммунистами, и тем самым «проваливших» дело восстановления власти БЗНС. Ал. Оббов, перейдя на позиции, противоположные своим прежним, в 1925 г. говорил: «...мы не можем иметь абсолютно никакой поддержки ни с чьей стороны, если почувствуют, что мы работаем с коммунистами». (Там же, л. 9).

¹²⁹ Там же.

ства СХС Маринкович заявил, что «Югославия никоим образом, с ведома великих держав или без него, с помощью балканских соседей или без нее, не допустит установления советской республики в Софии» и в этом отношении готова поддержать Болгарию и дипломатически, и в военном отношении. «Опасность большевизма» в Болгарии и на Балканах, продолжал Калфов, считается серьезным мотивом¹³⁰.

Видимо, тон беседы был настолько обнадеживающим для болгарского министра, что он решился даже просить югославскую сторону о поддержке требования Болгарии об увеличении армии и сокращении репараций. Но в ответ было сказано, что Югославия не может обещать этого, «чтобы не подрывать основ мирного договора», не может идти дальше «спокойствия в межгосударственных отношениях»¹³¹. Однако и незначительное улучшение отношений между Югославией и Болгарией к осени 1924 г. было успехом для цанковской дипломатии. Окрыленная им, она все более настойчиво стала проигрывать мотив: коммунисты избрали Болгарию для нанесения удара на Балканах, они стремятся установить свою власть в этой стране, что несомненно будет угрожать и Югославии, и Румынии, и Греции. Этот мотив был одним из главных на сессии Малой Антанты, состоявшейся в мае 1925 г., признавшей «большевистскую опасность в Болгарии» чрезвычайно серьезной. Газета демократов «Знаме» с удовлетворением перепечатывала комментарий бухарестской «Адеверул» в связи с этим: «В последнее время Белград изменил линию поведения в отношении Болгарии, став более благосклонным. Этим объясняется факт устранения болгарских эмигрантов из пограничной зоны и очень теплый прием министра Калфова в Белграде на прошлой неделе»¹³². Так что некоторое взаимопонимание (но далеко еще не урегулирование и нормализация отношений) между Болгарией и Югославией устанавливалось не столько на базе согласования спорных вопросов между странами, сколько на основе обоюдного страха перед «коммунистической опасностью». Тем не менее, снижение тональности в диалоге Белграда и Софии несколько упрочивало положение кабинета Цанкова. Правда, лишь временно и относительно. В целом же развитие болгаро-югославских отношений оказывало отрицательное влияние на процесс консолидации военно-фашистского режима в Болгарии. Фокусом их в то время явился вопрос о ВМРО, правое руководство которой было

---

¹³⁰ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 638, л. 1.

¹³¹ Там же.

¹³² Знаме, 12. V. 1925.

идейно родственно новым болгарским правителям, но от которого они в силу обстоятельств должны были отмежеваться. Это стало настоящим камнем преткновения для военно-фашистской верхушки Болгарии. Разрубить узел противоречий, связанных с ВМРО, она оказалась не в силах, в результате чего в ней произошел раскол. Разъединение в правящей группировке на основе разного подхода ее представителей к важнейшей внешнеполитической, но одновременно и внутривнутриполитической проблеме привело к ослаблению позиций всей руководящей верхушки в целом, что в свою очередь было одним из определяющих факторов общей неустойчивости военно-фашистского режима в Болгарии и сравнительно недолгого существования кабинета Цанкова.

3. Общий характер и результативность внешней политики правительства А. Цанкова

Наибольшие изменения претерпел внешнеполитический курс военно-фашистского руководства Болгарии, по сравнению с прежним «земледельческим», в отношении Советского Союза. Налицо был коренной поворот к худшему: сразу же после переворота 9 июня 1923 г. гонению подверглись все организации, имевшие отношение к Советской России — миссия российского Красного Креста, занимавшаяся подготовкой репатриации русских граждан, Союз возвращения на родину. Инициаторами и участниками арестов, избиений, преследований были в основном офицеры врангелевской армии, заинтересованные «как с политической точки зрения, так и по личным мотивам в том, чтобы помешать любыми средствами делу репатриации»¹³³. В специальной корреспонденции газета «Известия» сообщала, что путем доносов и подстрекательств врангелевские офицеры натравливали местные власти на репатриантов, «вызывая всевозможные насилия и иногда действуя самостоятельно»¹³⁴. Арестовывали тех, кто выступал за репатриацию и, в первую очередь, секретарей и членов местных организаций Союза возвращения.

Дважды — 13 и 21 июня — глава российской миссии Красного Креста Корецкий обращался к министру иностранных дел Калфову, требуя обуздать врангелевцев и местных реакционеров¹³⁵.

¹³³ См. Письмо С. Багоцкого, уполномоченного Российского Красного Креста при Международном комитете Красного Креста, в Международный комитет от 24 июля 1923 г. — ЦГАОР СССР, ф. 9501, оп. 5, д. 44, л. 89.

¹³⁴ Известия, 15. VII. 1923.

¹³⁵ Обращение Литвинова к Нансену 14 июля 1923 г. — Известия, 15. VII. 1923 г.

Но административные органы продолжали аресты, в тюрьмах арестованных подвергали избиениям. 6 июля был убит уполномоченный Красного Креста в Плевенском округе Шелепугин, только что выпущенный на свободу после трехнедельного заключения¹³⁶.

В результате ЦК РОКК вынужден был констатировать, что болгарские власти не в состоянии гарантировать личную безопасность членов Миссии Российского Красного Креста и работу без помех по репатриации, и принял решение об отзывании миссии из Болгарии¹³⁷. Нарком иностранных дел СССР Г. В. Чичерин в «Кратком обзоре внешней политики СССР за 1923 г.» писал: «В Болгарии правительство Цанкова подвергло наших краснокрестных представителей арестам, высылке, в некоторых случаях истязаниям, убийствам и не дало нам никакого удовлетворения. Всякие сношения с ним прерваны»¹³⁸.

Так оборвалась единственная официальная нить, связывавшая Болгарию с Советской Россией. Военно-фашистское руководство страны прочно встало на позиции вражды с СССР. Антикommунизм, являвшийся главным лозунгом внутренней и внешней политики правительства Цанкова, нашел в этом свое полное выражение.

Деятели, близко стоявшие к правительственным кругам, открыто проявляли свою враждебность к СССР. Так, Григор Василев, выступая в парламенте в качестве депутата от «Демократического сговора», говорил, что «мы будем последними, кто признает Советскую Россию», и что с Россией, где господствует «большевистский режим», незачем стремиться устанавливать даже чисто хозяйственные связи¹³⁹.

Для цанковской дипломатии антисоветизм и антикоммунизм стали не только принципом отношений со страной Советов. Она пыталась их использовать также для завоевания поддержки со стороны реакционных империалистических кругов Запада. Выдвинув тезис о том, что Болгария является гнездом «коммунистической опасности», разжигаемой «агентами Коминтерна» и направленной «рукой Москвы», опасности, которая из Болгарии грозит перекинуться в другие страны, цанковское правительство на всех возможных международных форумах заявляло о себе, как о борце, стоящем на передовой линии борьбы с коммунизмом, принимающим главный удар «коммунистической революции» и прегражда-

---

¹³⁶ Тело убитого было найдено за пределами г. Плевена, на нем обнаружено около 20 ран.

¹³⁷ ЦГАОР СССР, ф. 9501, оп. 5, д. 44, л. 91.

¹³⁸ Документы внешней политики СССР, т. VI. М., 1962, с. 593.

¹³⁹ Демократически сговор, 8. II. 1924.

дающем ее распространение на Запад. Этот тезис стал основным пропагандистским лозунгом болгарских властей в их усилиях по налаживанию отношений между Болгарией и другими странами. Цанков и К° буквально спекулировали на силе и влиянии БКП (т. с.), на курсе болгарских коммунистов на вооруженное восстание, пытаясь таким образом завоевать хоть какой-нибудь международный авторитет и вырвать уступки относительно условий Нейского договора.

Особенно ярко это проявилось в вопросе об армии. Уверившись в сентябре 1923 г. в подготовке коммунистами восстания, правительство Цанкова обратилось к Межсоюзнической комиссии с просьбой увеличить контингент армии на 7—8 тыс. человек. Комиссия разрешила мобилизовать дополнительно 3 тыс.,¹⁴⁰ и это, видимо, было сочтено за доброе предзнаменование: после подавления Сентябрьского восстания последовали новые обращения. В октябре Хр. Калфов встретился в Париже с начальником штаба Межсоюзнического главнокомандования, в беседе с которым поднимал вопрос о недостаточной численности болгарской армии и о ее возможной ненадежности из-за добровольческой системы набора. При этом министр иностранных дел Болгарии подчеркнул, что его страна обезоружена более, чем ей позволяют социальные и политические условия, и что это представляет реальную опасность не только для нее, но и для всего Балканского полуострова¹⁴¹.

В печати в эти дни широко пропагандировалось заявление премьер-министра: «Внешний мир, особенно великие державы, да и наши соседи, надеюсь, учтут борьбу, которую правительство повело против коммунистической опасности и попыток коммунистов разрушить государство и провозгласить социальную революцию. . .»¹⁴²

В ноябре 1923 г. болгарское правительство вновь обратилось к Межсоюзнической комиссии с просьбой разрешить ввести в качестве временной меры воинскую повинность. Цанковцы настаивали, чтобы по крайней мере 10 тыс. солдат набирались на основе воинской повинности, с тем, чтобы в целом армия не превышала численности, установленной мирным договором¹⁴³.

Ноты с подобными требованиями были направлены правительствам Англии, Франции и Италии. К ним было приложено

---

¹⁴⁰ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 185; Д. К о с е в. Септемврийското въстание 1923 г. с. 459—460.

¹⁴¹ И в. У з у н о в. Някои противоречия. . . с. 67.

¹⁴² Демократически сговор, I. X. 1923.

¹⁴³ И л. Д и м и т р о в. Фашистка Италия и сговористкото правителство. . . , с. 72.

специальное послание, в котором в соответствующем духе излагалась «История коммунистического движения в сентябре 1923 г.» в стране. Пытаясь воздействовать на антикоммунистические чувства правящих кругов западных держав и таким образом добиться изменения условий Нейиского договора относительно армии, правительство Цанкова жаловалось в этом документе, что еще при первых сражениях с восставшими в Южной Болгарии в армии появились признаки утомления, а когда началось общее восстание, положение власти стало критическим. Настолько, что, если бы правительство не получило разрешения на дополнительную мобилизацию 3 тыс. человек, армия могла бы потерпеть полное поражение в этой неравной борьбе¹⁴⁴. Просьба изменить хотя бы частично принцип набора армии обосновывалась опасностью нового восстания.

Этот шаг был предпринят болгарской стороной с благословения Муссолини, стремившегося досадить правящим кругам Югославии¹⁴⁵. Но великие державы боялись создать прецедент нарушения мирного договора, чем могли бы воспользоваться в своих интересах и другие побежденные страны. Кроме того, они должны были считаться и с резкой реакцией Югославии¹⁴⁶.

Не добившись своего в 1923 г., кабинет Цанкова продолжал делать усилия в этом направлении в последующем году. И по-прежнему главным аргументом был жупел «красной опасности»¹⁴⁷. Но, несмотря на все старания и даже унижения, правительству Цанкова не удалось получить у стран Запада уступок в вопросе об армии.

Столь же бесплодными оказались усилия добиться сокращения репараций. Как явствует из зашифрованной телеграммы Калфова от 8 сентября 1923 г., задача получить какое-либо облегчение тяжелых финансовых и военных условий договора была одной из главных уже во время его первой поездки на заседание Лиги наций¹⁴⁸. Очевидно, выполнить эту задачу Калфову оказалось не по силам: спустя короткое время Главная комиссия по репарациям еще более усилила нажим на болгарское правительство. Она потребовала выплаты суммы в несколько миллионов франков в счет оккупационных расходов, хотя таковые не предусматривались ни

¹⁴⁴ См. Д. Косев. Международното значение. . . с. 20.

¹⁴⁵ Ил. Димитров. Фашистка Италия и сговористкото правителство. . . с. 72.

¹⁴⁶ Там же, с. 73.

¹⁴⁷ См., напр., речь Цанкова в ноябре 1924. — Стен. дневници на ХХI ОНС, II р. с., с. 164.

¹⁴⁸ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 639, л. 1.

мирным договором, ни специальным соглашением о репарациях. Главная комиссия по репарациям даже не обратила внимания на просьбы военно-фашистского правительства передать дело в арбитражный суд, но конфисковала последний болгарский взнос в счет репараций (2,5 млн. франков золотом), пока правительство не начнет платить оккупационных расходов¹⁴⁹.

В Париж и Лондон периодически стали наведываться «одни из лучших финансистов страны» — А. Ляпчев и Ат. Буров, которым правительство выдало мандат на переговоры по урегулированию «висящих вопросов экономического и финансового характера»¹⁵⁰. Но и им не удалось сколько-нибудь продвинуть решение репарационной проблемы. В ноябре 1924 г. при обсуждении вопросов внешней политики в парламенте министр иностранных дел вынужден был в своей речи коснуться и этой темы¹⁵¹. Поскольку собственных успехов его ведомство в отношении репараций не имело, пришлось Калфову зачислить в свой актив то, чего в свое время добился Стамболийский¹⁵². Иначе необходимо было бы расписаться в полной безрезультатности деятельности кабинета Цанкова и в этом направлении.

Впрочем, завуалировать провал внешнеполитических усилий военно-фашистского правительства Болгарии в их наиболее важных направлениях было очень трудно, хотя Цанков и К^о часто прибегали к методу умолчания. Так, о первом из двух главных пунктов внешнеполитической программы, выдвинутой после переворота 9 июня, а именно о получении выхода в Эгейское море, вскоре вообще перестали упоминать: вопрос этот был решен великими державами отрицательно для Болгарии. Выступая в Народном собрании в ноябре 1924 г., депутат от «Демократического сговора» И. Каранджулов отмечал, что в тронном слове ничего не говорится о выходе в Эгейское море и что парламенту не известно об изменениях, которые произошли в этом вопросе с прошлой сессии¹⁵³. Несмотря на прямую постановку вопроса, и Калфов, и Цанков, пытаясь замаскировать очередную внешнеполитическую неудачу, в своих заключительных речах сочли за лучшее совсем не отвечать на него.

¹⁴⁹ Работнически вестник, 11. XI. 1923. — См.: сб. Работнически вестник. Избрани статии и материали, т. 3. с. 201.

¹⁵⁰ Епсха, 4. II. 1924; Демократически сговор. 15. II. 1924.

¹⁵¹ Депутат от БКП Т. Страшимиров отмечал в своем выступлении в парламенте, что общественность совершенно не осведомлена о том, предпринимало ли правительство хоть какие-нибудь шаги для сокращения репараций (Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., с. 80).

¹⁵² Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., с. 155.

¹⁵³ Там же, с. 43.

В отношении второго из главных пунктов внешнеполитической программы, касавшегося обеспечения прав меньшинств, внешне дело обстояло несколько лучше. В сентябре 1924 г. в Женеве Калфов и Политис, посол Греции, каждый в отдельности подписали соглашение с Лигой наций о признании прав национальных меньшинств в своих странах. Цанковская дипломатия рекламировала протокол Калфова—Политиса, как некоторые называли это соглашение, в качестве своего большого успеха. Выражалась надежда, что с претворением условий протокола в жизнь, хотя бы из Греции прекратится массовый наплыв беженцев.

Действительно, проблема беженцев из соседних балканских государств приобретала с течением времени все большую остроту. Она стала одной из центральных при обсуждении внешней политики правительства Цанкова на открывшейся в ноябре 1924 г. II-й сессии Народного собрания. Депутаты оппозиции говорили, что Болгария с каждым днем все более превращается в приют для беженцев. Это не только ложится огромной тяжестью на бюджет государства, но и «деморализует» общество¹⁵⁴. И в официальном проекте ответа на тронное слово выражалась озабоченность «непрерывно растущим числом беженцев»¹⁵⁵.

Несмотря на большие надежды, которые пробудил протокол Калфова—Политиса, он, не будучи ратифицирован Грецией, остался на бумаге. Единственный успех в области внешней политики, которым военно-фашистское правительство могло похвастаться, оказался сугубо формальным, равным нулю.

В итоге ни по какому из двух основных пунктов провозглашенной внешнеполитической программы кабинет Цанкова не смог добиться положительных результатов; практически без изменений оставались также проблемы сокращения репараций и увеличения численности армии и изменения системы ее набора. Все усилия правительства Цанкова существенно улучшить отношения с балканскими соседями не дали больших результатов. Современники констатировали, что состояние изоляции преодолеть не удалось¹⁵⁶, что нельзя назвать добрыми отношения Болгарии не только с Югославией, но также и с Грецией, и с Румынией¹⁵⁷.

И все это — несмотря на усилия цанковской дипломатии найти точки соприкосновения с государствами Малой Антанты. По-

---

¹⁵⁴ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., с. 55, 110.

¹⁵⁵ Там же, с. 16.

¹⁵⁶ Там же, с. 55, 110.

¹⁵⁷ Там же, с. 20. См. также М. К у м а н о в. Автореферат на диссертацията: «Балканската политика на първото сговористко правителство в България (1923—1926)». С., 1971, с. 13, 15.

пытки завязать диалоги с Белградом и Прагой и заинтересовать их совместным выступлением за предоставление Болгарии выхода в Эгейское море, разумеется на основе, выгодной для этих стран, предпринимались Цанковым еще в конце 1923 г.¹⁵⁸ Годом позже, едва только наметилось некоторое улучшение болгаро-югославских отношений, болгарское правительство поспешило прозондировать почву относительно возможности вступления Болгарии в Малую Антанту¹⁵⁹.

Стремясь вырваться из изоляции, военно-фашистская верхушка в некоторые моменты готова была пойти ва-банк и прибегнуть к рискованным и авантюристическим шагам. Если верить документам из архива министерства иностранных дел Великобритании, на которые опирается английский автор Барос, то в октябре 1925 г. во время вооруженного греко-болгарского пограничного конфликта болгарское правительство запросило Белград о помощи и предложило немедленно заключить военный союз для объединенных действий против Греции. В числе объектов, которые могли стать их общим военным трофеем, назывались портовые города Салоники, Кавала, Александрополис. Но югославская сторона сочла за лучшее отклонить это предложение¹⁶⁰.

Не могло похвастать военно-фашистское руководство Болгарии и благорасположением стран Запада. Оно не пользовалось «никаким международным авторитетом», «в Европе ему не доверяли»¹⁶¹. Несмотря на все свое угодничество, на подчеркнутую «лояльность» в выполнении условий мирного договора, несмотря на все усилия играть на антикоммунистических чувствах правящих кругов европейских государств, правительство Цанкова не смогло приобрести ни в одном из них покровителя. А именно в этом оно очень нуждалось. В результате премьер-министр вынужден был признать в ноябре 1924 г.: «...больших успехов мы не добились»¹⁶². Он объяснял это тем, что «мы всего 16 месяцев у власти», и тем, что «мир должен решить много сложных и трудных проблем, пока очередь дойдет до интересующих нас проблем и вопросов». И предлагал...ждать, запасшись тактом и терпением¹⁶³. Спустя 20 лет констатации Цанкова относительно внешней политики Болгарии 20-х годов были столь же пессимистичными: «Слабая, униженная, предоставленная самой себе Болгария, —

¹⁵⁸ В. Василев. Българо-чехословашките отношения. . . с. 105—106.

¹⁵⁹ Там же, с. 112—113.

¹⁶⁰ J. Barros. The League of Nations and the Great Powers. The Greek-Bulgarian Incident, 1925. Oxford, 1970. p. 17.

¹⁶¹ Стен. дневници на ХХI ОНС, II р. с., с. 25.

¹⁶² Там же, с. 166.

¹⁶³ Там же.

говорил он, — не располагала никакой внешней поддержкой, не имела симпатий ни с чьей стороны. Ей не оставалось ничего другого, как искать дружбы с соседями. Мир и терпение. Эта наша политика. . . — незачем скрывать — не дала результатов»¹⁶⁴.

Такой пассивный внешнеполитический баланс был в большей мере обусловлен международным положением Болгарии после первой мировой войны, сложившейся расстановкой сил в Европе и на Балканах, чем связан с субъективными факторами. Вряд ли выполнимы были требования буржуазной оппозиции, которая, не выдвигая новых внешнеполитических лозунгов по сравнению с правительственными, предлагала добиваться их осуществления несколькими иными методами, а именно хотела, чтобы власти резче говорили с Югославией и Грецией, громче заявляли о правах («так, чтобы слышали и глухие, чтобы об этом заговорили и немые. . .»)¹⁶⁵, чтобы не шли все время на уступки, сопротивлялись бы финансовому нажиму («по этому пункту, по этому вопросу мы требуем сильной власти, г. Цанков»)¹⁶⁶ и т. п. Главную же цель внешней политики и официальные власти, и оппозиция видели в завоевании международных «друзей и даже покровителей»¹⁶⁷. В этом они не расходились. Только никто из них не знал, как этого добиться практически. При этом взоры их были устремлены только на Западные страны, об улучшении отношений с Советским Союзом никто из них не помышлял.

Внешняя политика является одним из важнейших факторов, влиявших на формирование режимов фашистского типа, на усиление фашистских тенденций во всех областях жизни общества. Выдвижение на какой-либо стадии развития фашизма программы активной внешней политики помогало фашистам подойти и к решению вопроса о массовой базе для их движения или режима. Осуществления лозунга единства нации, сплочения основных социальных групп общества вокруг фашистской партии легче было добиться именно на основе активного внешнеполитического курса. Лозунг единства нации в таком случае терял декларативность, становился более конкретным: единство нации необходимо для достижения внешнеполитического «национального идеала».

Как показал опыт Италии, это было возможно и на ранней стадии развития фашизма. В начальный период своей деятельности — в 1919 г., когда Муссолини и его единомышленники только добивались влияния, они использовали для этого в первую

¹⁶⁴ Стен. дневници на XXV ОНС, VII и. с. С., 1950, с. 52.

¹⁶⁵ Там же, II р. с. с. 110.

¹⁶⁶ Там же, с. 35.

¹⁶⁷ Там же, с. 20, 25, 55.

очередь внешнеполитические лозунги, хотя и не только их. Фашисты разоблачали бывших союзников Италии, обличали собственное правительство в национальном предательстве, призывали граждан к патриотизму¹⁶⁸. Правда, когда итальянские фашисты в 1922 г. пришли к власти, они были вынуждены временно ограничиться довольно скромной программой внешней политики, так как должны были считаться с жестким курсом своих партнеров — Англии и Франции, не желавших нарушать продиктованные главным образом в их собственных империалистических интересах условия мира в Европе. Но в целом внешняя политика первого правительства Муссолини несомненно уже была агрессивной.

В Болгарии силы, пришедшие к власти в июне 1923 г., не имели возможности выдвинуть активную внешнеполитическую программу. Тем самым они были лишены важного козыря, который в иных обстоятельствах мог бы существенно изменить их положение внутри страны. Игра на чувствах масс в связи с национальным бедствием, постигшим Болгарию в результате первой мировой войны, в связи с ущемлением ее достоинства и интересов при заключении мирного договора была в свою очередь не слишком перспективна для фашистских политиков, т. к. в основном массы трудового народа, а также в немалой степени и средние слои города находились под идеологическим влиянием БКП и БЗНС, которые давали четкое классовое направление этим чувствам.

Иными словами, в 20-е годы болгарские фашисты были лишены такого важного инструмента для создания фашистской государственной структуры, каким позже, в 40-е годы, стала агрессивная внешняя политика. В 20-е же годы даже после того, как военно-фашистские силы утвердились у власти, главным импульсом для развития фашистских тенденций в Болгарии могли быть преимущественно внутриполитические факторы. Впрочем, это обстоятельство было особенностью, по-видимому, не только Болгарии, но всего юго-восточного угла Европы¹⁶⁹. Однако такая перестановка

---

¹⁶⁸ Б. Р. Лопухов. Фашизм и рабочее движение в Италии. с. 56.

¹⁶⁹ Характерно в этом отношении мнение венгерского ученого М. Лацко: «Фашистские великие державы, хотя и придавали большое значение обещанию нового «социального» порядка более высокого уровня и осуществляемым в этих интересах фашистским «реформам», реальные задачи видели в основном и прежде всего в разрешении кризиса действиями, направленными *наружу*, в империалистической агрессии, а что касалось Германии — даже в стремлении к мировому господству». В странах Юго-Восточной Европы, по мнению М. Лацко, «возможность разрешения обострившегося кризиса за счет *заграничных государств*, была, однако, очень ограниченной».

акцентов с внешнеполитических факторов на внутривнутриполитические с точки зрения фашизации государства не была эквивалентной.

В бессилии правительства Цанкова что-либо изменить в международном положении страны, в низкой результативности его внешней политики заключалась глубокая слабость военно-фашистского режима в Болгарии. Идея единства нации в таких условиях была вялой и аморфной и не смогла стать стержнем политики объединения всего болгарского общества вокруг военно-фашистского руководства. Узость же социальной опоры правительства и отсутствие у него надежного международного покровителя увеличивали шаткость и неустойчивость режима, приближали его падение.

Таким образом, хотя национализм в фашистских течениях стран Юго-Восточной Европы и был решающим моментом, они все больше и больше вынуждены были искать путей разрешения проблем кризиса *внутри своих стран* (везде курсив автора — Р. Г.). (М. Л а ц к о. К вопросу о фашизме в Юго-Восточной Европе. — *Studia historica. Academiae Scientiarum Hungaricae*, 79. Budapest, 1970, p. 528).

Социально-экономическая политика

1. Отношения между государственной властью и монополистическими кругами

Призывы к «честному правлению», слова осуждения тех, кто использует власть как кормушку для себя и своих сторонников, разумеется, были забыты, лишь только люди, произносившие их, сами пришли к власти. После переворота участники его настолько беззастенчиво удовлетворяли свою корысть¹, что это стало притчей во языцех. Современники вспоминают, что в течение нескольких лет после июньских событий 1923 г. люди при встрече вместо приветствия обменивались насмешливыми словами: «А не перепадет ли и нам что-нибудь от 9 июня!»².

Для буржуазии первым и непосредственным результатом смены правительства было активное включение ее представителей в органы хозяйственной политики, частично формировавшиеся заново, восстановление связей монополистических кругов с государственным аппаратом: буржуазия после переворота стремилась вернуть себе право самой направлять экономическую политику буржуазного государства. При этом распределении тех или иных рычагов хозяйственного управления между группами монополистов сказалась большая или меньшая их близость к военно-фашистскому режиму. Так, новый главный хозяйственный

---

¹ В частности, они стремились бесплатно обзавестись участками земли для жилищного строительства. В Софии для этой цели было использовано обширное пространство между военным училищем, Орловым мостом, Полиграфическим комбинатом и Слатинским редутом и в других местах. Среди тех, кто получил землю бесплатно, был, например, С. Василев, участник жестокой расправы над Стамбульским (И. П а н о в. Наричаха ни конспиратори. С., 1970. с. 45—46).

² Там же, с. 46.

орган — Высший экономический совет — возглавил П. Петрович, один из крупнейших финансистов страны, материально поддерживавший «Народный стговор» и сам входивший в состав его руководства, бывший член руководства Дирекции СГОП.

Высший экономический совет имел своей задачей помогать правительству в определении и проведении хозяйственной политики³. «Фактически этот совет, — пишут болгарские исследователи С. Цонев и П. Близнаков, — был органом крупного финансово-монополистического капитала и определял хозяйственную политику, исходя из своих интересов. Например, он оказывал покровительство оптовой торговле зерновыми, находившейся в руках нескольких крупных монополистических фирм, за которыми стояли крупнейшие финансовые группы; то же — в отношении монополистов — торговцев табаком»⁴. Характерно, что кроме П. Петровича членами Высшего экономического совета были далеко не такие крупные представители финансовых кругов, а именно: К. Бояджиев, Д. Мишайков, Ж. Бурилков. Видимо, П. Петрович сумел монополизировать этот государственно-хозяйственный орган, оставив за его бортом своих главных конкурентов.

Важными органами экономической политики были также промышленный и высший торговый советы при соответствующих министерствах. Впервые эти советы были созданы еще до Балканских войн, но после переворота 1923 г. их роль возросла настолько, что они стали систематически оказывать влияние на направления промышленной и торговой политики государства⁵.

После переворота было удовлетворено одно из основных требований буржуазии периода борьбы против «земледельческого» режима, а именно была восстановлена роль торгово-промышленных палат. В 1924 г. был принят специальный закон, согласно которому министерства должны были учитывать мнения торгово-промышленных палат при издании нормативных актов, касавшихся торговли, промышленности и ремесла, при открытии новых бирж, при пересмотре таможенных, железнодорожных и др. тарифов, при заключении торговых договоров, при введении такс и налогов, затрагивающих торговлю, промышленность и ремесло и т. п. При каждой палате создавались три отдела — торговый, промышленный и ремесленный. Введение специального ценза не позволяло избирать в члены палаты мелких предпринимателей, в результате чего торгово-промышленные палаты превратились

³ Я. Й о ц о в. За социално-икономическата основа. . . с. 31.

⁴ Ст. Ц о н е в, П. Б л и з н а к о в. Икономическите предпоставки. . . с. 28.

⁵ Ст. Ц о н е в, П. Б л и з н а к о в. Указ. книга, с. 29.

в мощные организации, защищавшие интересы главным образом крупных промышленников и торговцев⁶.

Формирование этих, так же как и еще некоторых других органов хозяйственной политики сопровождалось борьбой между группами монополистов, каждая из которых стремилась закрепить за собой позиции поважнее, с тем чтобы использовать их в своих собственных меркантильных интересах. Но очевидно, что позиции группы Петровича не имели себе равных. И это по существу монопольное положение Петровича, вложивший капиталы главным образом в экспорт зерновых и табака, поспешил поставить себе на службу. Так, вскоре после переворота через совет министров было проведено постановление о снижении пошлины на вывоз зерна и муки⁷. Этим монополисты — экспортеры не удовольствовались: они наполовину снизили закупочные цены на пшеницу и ячмень⁸, но вывоз их за границу произвели по прежним высоким ценам⁹. П. Петрович и К⁰ получили реальный и очень ощутимый результат от установления в стране военно-фашистского режима, классовым назначением которого было защищать интересы финансового капитала. В целом именно этому была подчинена вся последующая экономическая политика правительства Цанкова. Буржуазия в первую очередь получала выгоды от мер, предпринимавшихся с целью развития народного хозяйства страны. Ядром экономической политики было покровительство предпринимательской деятельности. Законами 1924 и 1925 гг. продлевался срок действия закона о поощрении местной промышленности. Владельцы цензовых предприятий получали значительные льготы, в том числе освобождались от ряда пошлин и налогов. В результате это позволило хозяевам в 1925 г., например, оставить в своем распоряжении 3,5 млн. левов (против немногим более 2 млн. левов в 1922 г.)¹⁰.

Другим направлением поощрения предпринимательской деятельности была протекционистская таможенная политика, которая была тем важнее для буржуазии, что Болгария ни с одним государством не имела торгового договора. Особенно большие льготы имел экспортный капитал. Современники отмечали, что экспортеры находятся под защитой сверхпротекционистских зако-

⁶ Ст. Цонев, П. Близнаков. Указ. книга, с. 29.

⁷ Черновик предвыборной речи Хр. Калфова — ЦДИА, ф. 369, оп. 1, сд. хр. 393, л. 7.

⁸ Газета Земледельско знаме (Прага) от 9. XI. 1923 г. писала: «цена на пшеницу упала с 96 левов до 35, а стоимость хлеба повысилась».

⁹ Икономика на България. Т. 1. с. 498.

¹⁰ Там же. с. 490.

пов. В самом деле, только на протяжении 1924—1925 гг. закон о пошлине на вывозимые товары пересматривался несколько раз и, конечно же, не в ущерб заинтересованным кругам. Так, в сентябре 1925 г. был принят закон, в десять раз снижавший тарифные ставки на единицу веса продукции, вывозимой за границу¹¹. Предпринимались шаги к тому, чтобы экспорт некоторых видов продукции (свежие фрукты, листовой табак¹²) был вообще освобожден от уплаты пошлины государству. Особенно большими привилегиями пользовались табачные экспортеры. Государство иногда помогало им даже реализовывать свою продукцию, как это было в случае заключения договора с двумя чешскими фирмами, предоставлявшими министерству железнодорожного транспорта подвижной состав. Оплата услуг фирм производилась поставками табака, при этом реализовывались в первую очередь запасы, принадлежавшие частным лицам, и лишь в небольшой части — запасы кооперативов¹³.

Протекционистская политика предусматривала также установление высоких пошлинных барьеров для импортируемых товаров. Это было средством защиты внутреннего рынка от иностранной конкуренции, средством стимуляции развития местной промышленности. Так, «для защиты свеклопроизводителей и местной сахарной промышленности от иностранной конкуренции в связи с падением цен на сахар на международном рынке»¹⁴ в конце 1925 г. ввозная пошлина на сахар была повышена почти в два раза.¹⁵

Кроме мер, непосредственно приносящих выгоду предпринимательской буржуазии, в том же направлении действовал ряд других, более косвенных. В первую очередь это относится к усилиям правительства и хозяйственных органов реорганизовать и повысить рентабельность предприятий государственно-монополистического сектора. Не считая того, что в правления многих из них вошли (вряд ли без выгоды для себя) представители частного капитала¹⁶, реорганизация государственных шахт Перника способ-

¹¹ Държавен вестник, № 136, 15. IX. 1925.

¹² Приложения към Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., т. I. С., 1925, с. 615—616; III р. с. Т. I, с. 61.

¹³ Стен. дневници на XXI ОНС, I р. с., с. 2190, 2198.

¹⁴ Приложения към Стен. дневници на XXI ОНС, III р. с., т. I. С., 1925, с. 11.

¹⁵ Държавен вестник, № 225, 30. XII. 1925.

¹⁶ Например, новым директором государственных угольных шахт Перника был назначен Г. Кожаров — бывший директор частновладельческой шахты «Черно море», главным акционером которой был А. Буров, в свою очередь также вошедший в состав административного совета предприятия, наряду с Ляпчевым, отставным генералом Вазовым, Цоневым, Рачевым,

ствовала лучшему снабжению топливом железнодорожного транспорта, который в свою очередь подвергся модернизации, так что объем железнодорожных перевозок, например, возрос к концу 1924 г. в два раза¹⁷. Транспорт в большей мере стал удовлетворять потребностям усиливавшейся предпринимательской деятельности.

Годы военно-фашистского режима оказались весьма благоприятными для концентрации капиталов, роста монополистических объединений. Конечно, основой выгодной для буржуазии конъюнктуры были объективные условия, связанные с преодолением послевоенного кризиса и началом временной и частичной стабилизации капитализма, но очевидно, что и субъективный фактор — экономическая политика правительства Цанкова — играл свою роль. Отражением этой выгодной для буржуазии конъюнктуры было образование в 1924 г. 52 новых акционерных обществ, общий капитал их составил 127 млн. левов¹⁸. В 1925 г. появилось еще 43 новых общества, а всего к концу 1925 г. в стране насчитывалось 550 акционерных обществ, из которых 286 было промышленными, 128 кредитными и т. п.¹⁹ Годы 1924—1925 оказались весьма благоприятными и для укрепления финансовых центров, для расширения сферы их деятельности. Особенно это относится к Франко-бельгийскому банку, группа зависимых предприятий и акционерных обществ которого стала быстро возрастать. Так, если в 1924 г. Франко-бельгийский банк вложил в другие крупные банки 2,6 млн. левов, то в 1926 г. он смог увеличить эту сумму до 6 млн. левов²⁰. Быстро росла в эти годы мощь Итало-болгарского банка. Но особенно большую активность развивали иностранные финансовые центры в Болгарии или центры, где преобладающими были иностранные капиталы²¹.

Подсчеты, произведенные на основе данных, которые приводит в одной из своих работ Я. Йоцов, показывают, что брутто-прибыль основных банков была довольно высокой: она составила 56% в 1924 г. для Балканского банка и 47% в 1925 г. для Франко-бельгийского банка (что при основном капитале в 50 миллионов

Брышляновым, Мошановым и др. (Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., кн. II, с. 1345).

¹⁷ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., кн. I, с. 457. В одной из своих речей конца 1924 г. Цанков упоминал, что за 18 месяцев деятельности его кабинета были построены новые железнодорожные линии, 168 мостов, 800 миллионов левов было израсходовано на организацию «нормального железнодорожного движения» (там же).

¹⁸ Комунистическо знаме, 1926, № 7—8, с. 54.

¹⁹ Ж. Натан. Стопанска история на България. С., 1957. с. 460.

²⁰ Ж. Натан, Л. Беров. Указ. книга, с. 195.

²¹ Там же, с. 217, 222.

левов каждого из них составляло весьма значительные суммы). И Болгарский торговый банк, и Болгарский банк, в которых преобладали капиталы национального происхождения, проявили больше чем живучесть: 78% брутто-прибыли получил БТБ в 1924 г., 42—43% — в 1924—1925 гг. получил Болгарский банк. В этом отношении уверенно лидировал Франко-болгарский банк для международной торговли: 1924 — 70%, 1925 — ок. 114%, однако и он не мог догнать по уровню прибыли Итало-болгарский банк, у которого она в 1924 г. составила 108%, а в 1925 — около 121%²².

Эти цифры весьма красноречиво свидетельствуют о том, что в целом экономическая политика правительства Цанкова способствовала созданию очень благоприятных условий для обогащения буржуазии.

Тем не менее отношения между государственными властями и кругами монополистов развивались довольно сложно. Стремление военно-фашистского режима осуществить свой программный тезис относительно повышения роли государства в регулировании хозяйственной жизни страны вызывало сильное недовольство части буржуазии, особенно той, которая не имела крепких личных и прочих связей с правящими кругами. Ее интересы не только не всегда принимались во внимание при этом «регулировании», но нередко приносились в жертву ему, особенно когда речь шла о выгоде для групп монополистов, сросшихся с режимом. В этом отношении большие нарекания вызывал Высший экономический совет, возглавляемый Петровичем. Оппозиционно настроенный Н. Мушанов, один из видных акционеров Болгарского банка, заявлял в парламенте, что из-за деятельности этого совета правительство предстает в глазах общественного мнения в очень невыгодном свете, и предлагал взамен совета, состоящего из 4—5 назначенных членов, создать «небольшой хозяйственный парламент», где бы представители всех хозяйственных сословий могли защищать свои интересы²³. Так что регулирующая роль государства в условиях военно-фашистского режима выражалась по преимуществу в использовании общегосударственных органов в интересах узкогрупповых. Петрович, в частности, пользовался своим положением в системе режима для нанесения ударов по своим конкурентам. Так, после свержения правительства Стамболийского, когда

²² Я. Й о ц о в. За социално-икономическата основа. . . , с. 36. Очень высокие проценты прибылей дали в эти годы некрупные по размерам основного капитала банки, такие, как Генеральный (12 млн. левов основного капитала) — 133% в 1924 г. и 150% в 1925 г., Кредитный (10 млн. левов) — 140% в 1924 г. и 170% в 1925 г.

²³ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., кн. 1, с. 470—471.

одна из основных целей «Общества экспортеров и фабрикантов табака» была достигнута, «дисциплина в централизованном до тех пор обществе стала ослабевать», централизация «начала уступать место районным соглашениям между «дружественными» фирмами»²⁴. Уже летом 1923 г. возникли внутренние раздоры в «Табачном консорциуме» и в «Обществе экспортеров и фабрикантов табака». Отношения между банковской группой вокруг Итало-болгарского банка и банковской группой вокруг Балканского банка обострились, дело дошло до разрыва²⁵. В результате конкурентной борьбы табачное акционерное общество «Никотеа» было в значительной мере вытеснено из сферы своей прежней деятельности. В эти события, конечно, был втянут и Петрович, являвшийся членом картеля «Объединенные табачные фабрики» и Консорциума по торговле табаком-сырцом²⁶. В 1924 г. между ним и его конкурентами началась настоящая война. Дело дошло до того, что Петрович публично в парламенте обвинил ряд табачных фирм в укрытии действительных размеров сделок, что позволило им избежать уплаты налогов в десятки и даже сотни миллионов левов. Прием, примененный Петровичем, дал свои результаты, ибо власти немедленно отреагировали на него. Изменением закона о подоходном налоге табачные фирмы были лишены возможности вершить сделки в форме, неуловимой для казны, их заставили платить налог «на основе объективных данных о количестве купленного и проданного табака»²⁷. Министр финансов, называя «проштрафившиеся» фирмы спекулянтами и противопоставляя их таким образом незапятнанному Петровичу и К⁰, заявлял, что власти не были «сентиментальны к спекулянтам»²⁸. Конкуренты Петровича в свою очередь пытались публично скомпрометировать его²⁹, но важны

²⁴ Ж. Натан и Л. Бероу. Указ. книга, с. 190.

²⁵ Там же. с. 138, 140—141.

²⁶ Я. Йоцов. За социално-икономическата основа. . . , с. 9.

²⁷ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., кн. II, с. 953.

²⁸ Там же.

²⁹ Петрович несколько раз обращался в суд против «клеветников» и, разумеется, выигрывал дело. Однако атаки не прекращались. Свою роль играла также кампания против Петровича, развернувшаяся на страницах социал-демократической «Эпохи». В феврале 1925 г. Петрович подал заявление в бюро Народного собрания: «Огорченный и терзаемый невероятными нападениями и клеветой, чувствуя себя неспособным выносить их более и исполнять свой долг, чувствуя, кроме того, что дальнейшее мое участие в политической жизни не только бесполезно, но и вредно, прошу принять мою отставку в качестве депутата» (Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., кн. II, с. 893). Разумеется, большинство в парламенте, т. е. в основном представители «Демократического сговора», не приняло отставки, наоборот, обсуждение случая вылилось в подчеркивание заслуг Петровича перед государством. Там же, с. 1050—1051).

не подробности этой борьбы, а тот факт, что вся эта история не могла не способствовать резкому ухудшению отношений между военно-фашистской властью и частью монополистического капитала, представленного рядом табачных фирм. По словам Н. Сакарова в 1924 г. лишь 50% табачных экспортеров были на стороне режима, другие 50% держались оппозиционно³⁰. Если учесть, что вывоз табака был одной из главных сфер приложения капитала в Болгарии (табак и изделия из него занимали первое место в экспорте страны, составляя в 1924—1925 гг. 40—45% всей его стоимости³¹), то, очевидно, что оппозиция ряда табачных фирм свидетельствовала об определенной ограниченности поддержки правительства монополистическими кругами.

По-своему остро развивались также отношения между правительственными органами и сахарозаводчиками, предприятия которых в основном принадлежали иностранному капиталу³². Конфликт начался в 1924 г., когда министерство финансов, получив сведения о баснословных прибылях этой группы монополистов, попыталось заставить их снизить продажные цены на сахар на внутреннем рынке. Истинные побудительные причины действий властей в этом случае не прослеживаются достаточно четко, но и в отношении сахарозаводчиков были приняты экономические санкции: в ответ на их неуступчивость было произведено снижение на 5 левов пошлины на ввоз каждого килограмма сахара. В результате монополисты были вынуждены снизить цены на сахар на внутреннем рынке на искомое правительство 5 левов.

Однако, власти были, видимо, весьма заинтересованы в урегулировании конфликта с сахарными фирмами, которые представляли собой довольно сильную монополистическую группу (еще в 1921 г. на долю 5 сахарных заводов приходилось 35% основного капитала всей пищевой промышленности³³), хотя и за счет иностранного капитала главным образом. Во всяком случае тот же Петровиц, участвуя помимо соответствующих министров в операции по осуществлению санкций против сахарозаводчиков, тогда

---

³⁰ Стен. дневници на ХХI ОНС, 1 р. с., с. 2197.

³¹ Статистика за търговията. . . с чуждите държави през 1928 г. С., 1930, с. 74; през 1926—27 г., с. 145.

³² В 1921—22 гг. владельцы всех 5 сахарных заводов, имевшихся в Болгарии, заключили соглашение о защите общих интересов. В 1924 г. во время конфликта с правительственными органами они объединились в картель, создав общее бюро по реализации продукции (Ж. Натан, Л. Беров. Указ. книга, с. 191—192).

³³ Статистически годишник на царство България за 1923—1924 г. с. В70—71.

же выступил с предложением в пользу последних³⁴. Его идея состояла в том, чтобы ликвидировать пошлины на экспорт сахара вообще. Решение вопроса приняло затяжной характер, но в 1925 г. сахарные монополисты благодаря поддержке Петровича, Ляпчева и других деятелей «Демократического сговора» к своим многочисленным прежним льготам получили еще одну: снижение экспортных цен на сахар. Несмотря на полученные уступки, заводчики продолжали держать себя вызывающе. В 1925 г. они пошли на новый конфликт с властями: добиваясь снижения закупочных цен на сахарную свеклу, они выполнили то, что в 1924 г. звучало лишь как угроза — на длительный срок вообще прекратили производство сахара, закрыв все заводы. Ценою огромного убытка³⁵ сахарозаводчики все-таки добились своего³⁶.

Более успешным для властей был исход конфликта, возникшего в отношениях с биржевыми дельцами.

Курс лева неудержимо падал на протяжении всего послевоенного периода, в результате чего инфляция в стране приняла огромные размеры. Одной из причин финансового кризиса было сильное превышение импорта над экспортом в эти годы; но немалую роль играли и биржевые махинации. Главным образом благодаря им в декабре 1923 г. произошло новое и очень сильное падение курса лева, на софийской валютной бирже вспыхнула паника. Правительство оказалось перед угрозой финансовой катастрофы³⁷.

Выход из положения правительство нашло в том, что внезапно закрыло биржу и в тот же день объявило государственную монополию на торговлю иностранными платежными средствами³⁸. Болгарский народный банк стал выпускать банкноты только против золотого покрытия бумажных денег на 1/3³⁹. Благодаря прекращению эмиссии новых денежных знаков банкнотное обраще-

---

³⁴ Стен. дневници на ХХI ОНС, II р. с., кн. II, с. 614.

³⁵ Они могли себе это позволить: в 1924—1925 гг. их прибыли составили не менее 200 млн. левов ежегодно (С и м и д ч и е в. Чуждите капитали в нашето народно стопанство и тяхната доходност. С., 1928. с. 35); это означает, что норма прибыли сахарозаводчиков была не ниже 30—35% (там же; см. также И. Х а д ж и л и е в. Натрупването и потреблението в икономиката на България при капитализма. С., 1957. с. 13).

³⁶ Списание на Българското икономическо дружество, год. 25. С., 1926, № 1—3, с. 57.

³⁷ Икономика на България. Т. I. с. 500.

³⁸ А т. Г е о р г и е в. Отражение на външните финансови дългове на буржоазна България върху платежния баланс и валутата ѝ през първия етап на общата криза на капитализма (1918—1939). — Трудове на Висшия икономически ин-т «К. Маркс». С., 1966, кн. II, с. 353.

³⁹ Икономика на България. Т. I. с. 500.

ние и долг государства Болгарскому народному банку сократились.

Для материального подкрепления такой в общем-то административной меры, как закрытие валютной биржи, был принят закон о запрещении ввоза в страну товаров, не являющихся предметами первой необходимости⁴⁰, т. е. резко был ограничен импорт предметов роскоши (исключение делалось только для предметов, предназначенных для царя и его семьи). Кстати, это был первый законопроект, предложенный вниманию нового состава Народного собрания, и он был быстро проведен через парламент без обычно длительной процедуры.

Принятые меры имели объективно положительное значение для прекращения инфляции. С весны 1924 г. отношение лева к доллару приобрело определенную устойчивость⁴¹.

Цанков просто захлебывался от восторга от удачного дебюта экономической политики военно-фашистской власти. В 1931 г. он хвастался в предвыборной речи: «Стабилизация лева в декабре 1923 г. — наша заслуга, которой одной хватило бы для оправдания 8-летнего существования «Демократического сговора». В одну ночь указом мы закрыли биржу и ударили по рукам спекулянтов, игравших болгарским левом и наносивших страшный ущерб народному хозяйству»⁴².

Как видим, и в этом случае государство встало на путь экономических санкций в отношении части буржуазии. Конфликт также принял открытый характер. Правительственная печать писала об алчности биржевых спекулянтов, клеймила «определенные финансовые группы», их заинтересованность в как можно большем падении лева и связывала «последнее катастрофическое падение курса» именно с их махинациями⁴³. В свою очередь, биржевые дельцы, затронутые действиями государственных органов, остро критиковали их. Более того, несколько позже министр финансов признавал: «были зловещие предсказания, были и инсинуации, недостойные меморандумы, было желание не только уязвить и атаковать нас, но и заставить аннулировать эту реформу»⁴⁴.

Эти факты свидетельствуют о том, что временами отношения между государственной властью и теми или иными кругами монополистической буржуазии приобретали большую остроту. Эко-

---

⁴⁰ Приложения към Стен. дневници на ХХІ ОНС, I р. с., т. II. С., 1924, с. 10.

⁴¹ Д. Косев. Положението в България. . . с. 151.

⁴² АМВР, VO—42929, с. 3.

⁴³ Демократически сговор, 17. XII. 1923.

⁴⁴ Стен. дневници на ХХІ ОНС, II р. с., кн. II, с. 953.

номические санкции правительства, разумеется, носили эпизодический характер, но в случаях, когда они применялись против какой-либо группы финансистов, последняя несла определенные материальные убытки. При этом действовал принцип избирательности: монополисты, близкие режиму, сросшиеся с ним, не только не подвергались таким санкциям, но, наоборот, получали в трудных ситуациях помощь и поддержку со стороны властей.

Так было в случае опять-таки с Петровичем, когда разразился скандал, связанный с вывозом зерновых. Летом 1924 г. виды на урожай зерновых оказались плохими. Ввиду возможной нехватки хлеба для населения совет министров принял в конце июня решение запретить экспорт зерновых. Однако номер «Государственного вестника» с этим распоряжением был изъят утром того дня, когда должен был увидеть свет: экспорт зерна остался свободным до ноября 1924 г. В парламенте, в ответ на запрос социал-демократов по этому поводу, давались смехотворные объяснения, будто правительство пошло навстречу требованию делегации из 15—20 крестьян, явившейся рано утром в министерство, и под таким нажимом отменило принятое решение. Однако ни для кого не была тайной заинтересованность крупных экспортеров в свободном вывозе зерновых. Н. Сакаров прямо заявил в Народном собрании: «Отменили его (постановление — Р. Г.) те представители нашей спекулятивной торговли, которые собрали, скупили и свезли на станции определенное количество зерна, пусть небольшое. Вы спасли их, спасли их деньги, их богатства». Главный комиссар по продовольствию, ставленник режима К. Николов, когда-то также работавший в Дирекции СГОП, пытался во время дискуссии по этому вопросу обелить П. Петровича, говоря, что Петрович был первым среди заинтересованных лиц, кто пришел к нему и сказал, что наступило время запретить вывоз. Но мало искушен был, видно, в демагогии комиссар по продовольствию, не сумел он утаить того, что это было уже в октябре, когда вывозить больше было нечего⁴⁵.

Представители же высшей администрации, гораздо больше поднаторевшие в демагогии, защищая Петровича и его группу, брались придать их сделкам государственное значение. Цанков, в частности, даже понятие «спекуляция», которое столько раз прежде использовал как бранное, в этом случае переименовывал: «Спекуляция, — говорил он, — неизбежное явление для общественного строя, при котором мы живем. И не только неизбежное

---

⁴⁵ Стен. дневники на XXI ОНС, II р. с., кн. 1, с. 429, 440, 460, 461.

явление, но, более того, — в ней заключен залог прогресса. Что значит спекуляция? Это значит использовать определенные условия конъюнктуры для приобретения большего богатства». Это и простиительно и даже положительно, поскольку «приобретение делается не ради него самого, но ради общества в целом, ибо капитал является инструментом не только для частного обогащения, но для повышения общественного благосостояния»⁴⁶.

Конечно, само наличие конфликтов между режимом и группами монополистической буржуазии, свидетельствуя о сложности их взаимоотношений, не означает, что из-за них правительство Цанкова немедленно теряло поддержку этих частей буржуазии. И тем не менее конфликтные ситуации были тревожными для режима сигналами, ибо, возникая весьма часто, они затрагивали довольно мощные финансовые круги. Вообще болгарская буржуазия, в целом неохотно воспринявшая ту регламентацию политической жизни, которая была введена военно-фашистским режимом, не проявляла в значительной своей части заинтересованности в поддержке стремления государственной власти выступать в роли «регулятора» хозяйственной жизни, наоборот, активное вмешательство государства в экономическую сферу вызывало чаще всего раздражение. Не случайно в парламенте неоднократно поднимался вопрос о целесообразности такого вмешательства, причем даже А. Ляпчев, поддерживавший многие направления экономической политики режима, предупреждал: «. . . там, где существует вмешательство государства, помните, нечего ждать добра. Чем сильнее вмешательство, тем хуже»⁴⁷. Еще большее недовольство ролью государства возникало в связи с тем, что «регулятор» открыто выступал на стороне определенных монополистических групп.

В итоге в годы военно-фашистского режима болгарская буржуазия как класс получила широкий простор для своей предпринимательской деятельности, развитию которой в большой степени способствовала экономическая политика правительства Цанкова. Но следует отметить, что наряду со сращиванием некоторых групп финансового капитала (в лице группы Петровича в частности) с военно-фашистским режимом, нередко происходили конфликты между государственной властью и разными кругами буржуазии. Пока они возникали по частным вопросам, правительство Цанкова могло не волноваться относительно поддержки его со стороны буржуазии в целом. Однако, как увидим далее, этому относительному равновесию не суждено было удержаться.

⁴⁶ Стен. дневници на ХХI ОНС, II р. с., кн. 1, с. 454.

⁴⁷ Там же, I р. с. С., 1923, с. 84.

2. Реформа налоговой системы

Задачи реорганизации государственного аппарата, полной замены некоторых его звеньев, вставшие перед военно-фашистской властью, так же как и задачи защиты ею себя от гнева народных масс⁴⁸, необходимость проведения политики социального лавирования, — все это требовало больших средств, не укладывавшихся в рамки существовавшего бюджета. Только на протяжении первых трех месяцев после переворота на основе нескольких постановлений совета министров расходная часть бюджета была увеличена больше чем на 60%. Сверхсметные кредиты составили более 1,5 млрд. левов⁴⁹. В дальнейшем рост расходов государственных средств оформлялся законами о государственном бюджете на соответствующие годы при одновременном сохранении практики получать в тех или иных случаях сверхсметные суммы.

Современные исследователи считают, что одна государственная машина стала поглощать в несколько раз больше средств, чем прежде. Так, в отношении расходов лишь двух министерств, правда, игравших огромную роль в те годы, министерства юстиции и министерства внутренних дел — в литературе приводятся такие цифры: в 1924/25 фин. году они возросли более чем в 20 раз по сравнению с 1918 г.⁵⁰ Не оспаривая этой цифры, отметим трудность сопоставления данных за эти годы из-за сильного обесценивания лева. Однако фактического возрастания средств, шедших на содержание государственного аппарата и, в частности, органов принуждения, не отрицала и официальная статистика. Согласно ей, «действительные расходы» на содержание «верховного правительства» в 1925/26 фин. году были почти в 2,5 раза выше, чем в 1921/22 фин. году⁵¹. В таком же объеме выросли суммы, потребовавшиеся для нужд министерства внутренних дел⁵². Характерны цифры, приводимые в графе «зарплата администрации и полиции». Они показывают, что фактически израсходованные по этой статье средства составили в 1923/24 фин. году 865% от уровня 1921/22

---

⁴⁸ Только в связи с июньскими и сентябрьскими «событиями» 1923 г., согласно заявлению министра финансов, было израсходовано ок. 100 млн. левов (Стен. дневници на XXI ОНС, 1. р. с. С., 1924, с. 2113).

⁴⁹ Речь на министра на вътрешните работи и народното здраве г-н д-р А. Гиргинов, произнесена на 4. II. 1934 г. на окръжния демократически събор в София. С., 1934, с. 5.

⁵⁰ Икономика на България. Т. I. с. 505.

⁵¹ Министрам правительства Цанкова было положено более высокие жалование, чем имели их предшественники (Ратник на свободата, 2. IV. 1924).

⁵² Статистически годишник на царство България, год. XVIII. С., 1927, с. 370—371.

фин. года для центральных органов, 266% — для окружных управлений, почти 500% — для градоначальств и околийских управлений (на следующий 1924/25 фин. год предусматривалось по крайней мере удвоение всех этих сумм по сравнению с предыдущим годом)⁵³.

Гораздо дороже стало обходиться при военно-фашистском правительстве функционирование парламента: на первой же после переворота сессии его депутаты проголосовали за повышение денежного вознаграждения самим себе, доведя его до 12 тыс. левов в месяц, причем суммы эти не подлежали налогообложению⁵⁴.

Всего же расходная часть бюджета составила в 1924/25 фин. году 8,4 млрд. левов, в то время как в 1922/23 фин. году (последний год «земледельческого» правления) она выражалась в сумме 4,5 млрд. левов⁵⁵, т. е. за годы существования военно-фашистского режима было произведено почти удвоение (186,6%) расходной части бюджета.

Покрытие возросших трат государства происходило только за счет внутренних ресурсов, правительство Цанкова не могло ослабить бюджетного напряжения за счет внешних займов, как ни старалось их получить.

Первое место среди источников пополнения казны принадлежало косвенным налогам. В 1924/25 фин. году фактические поступления по этой статье составили 39,4% всей приходной части бюджета⁵⁶, по закону о бюджете на 1925/26 фин. год они должны были подняться до 43,2% государственного прихода⁵⁷. Цифра, безусловно, очень высокая, но величина косвенных налогов в определенной степени носила в Болгарии традиционный характер. На высоком уровне сохранялась она и при «земледельческом» режиме: в 1921/22 фин. году косвенные налоги дали казне 46,6% прихода, в 1922/23 фин. году — ок. 50%⁵⁸. Однако общее возрастание размеров бюджета после переворота 9 июня означало, что суммы, собираемые в виде косвенных налогов с населения в абсолютных цифрах также увеличиваются. Рост бюджета ложился, таким образом, дополнительной, по сравнению с «земледельческим» периодом, тяжестью на широкие круги трудящихся, кото-

---

⁵³ Приложения към Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., т. I, С., 1925, с. 355.

⁵⁴ Демократически сговор, 8. II. 1924.

⁵⁵ Статистически годишник. . ., год. XVIII, с. 370—371.

⁵⁶ Там же, с. 368—369.

⁵⁷ Приложения към Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., т. II, с. 74.

⁵⁸ Статистически годишник. . ., год. XVIII, с. 368—369.

рые составляли основную массу плательщиков косвенных налогов.

Что касается прямых налогов, то вся система обложения ими подвергалась реорганизации. Реформа эта была попыткой осуществить на практике одно из важнейших программных положений военно-фашистской власти, а именно положение о гармонии классовых интересов, добиваться которой является задачей «надклассового», «надпартийного» государства. Из идеи социального мира и выводились принципы финансовой политики. В одной из своих июльских речей премьер-министр провозглашал: «финансовая политика должна защищать, должна щадить национальный капитал, ее принцип таков: я даю тебе права, безопасность развития, но ты должен поддерживать государство и платить, исходя из своих возможностей и средств. . . Финансовый капитал в конце концов должен осознать, что он выполняет общественную функцию и работает на общество. Следовательно, государство имеет право контролировать капитал и даже руководить им»⁵⁹. Иными словами, Цанков предупреждал, что политика социального мира несла с собой и некоторые издержки для буржуазии. Как же были осуществлены эти принципы при попытке реформировать систему налогообложения?

Известно, что «земледельцы» ввели в свое время прогрессивно-подходный налог, но в течение ряда лет он был дополнительным. Только в 1922/23 фин. году после окончательной отмены поземельного налога и налога на род занятий прогрессивно-подходный стал главным, основным. Правительство Цанкова начало с отмены подходного обложения самой многочисленной категории налогоплательщиков — крестьянства, восстановив для него прежний поземельный налог⁶⁰. При этом министр финансов неоднократно подчеркивал, что восстановление поземельного налога отвечает интересам крестьян, что он сравнительно невелик, что никогда крестьянство не было так «фаворизировано», как при правительстве Цанкова, и т. п.⁶¹.

К сожалению, судить о том, как фактически отличалось для крестьян налоговое бремя при правительстве Цанкова от бремени

⁵⁹ Речь, произнесена от министр-председателя. . . с. 12—13.

⁶⁰ Приложения към Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., т. I, С., 1925, с. 125.

⁶¹ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., кн. II, с. 846, 1366. Правда, в официальных речах содержалась не одна демагогия. Так, определенная доля истины имелась в заявлении Г. Семерджиева, члена финансовой комиссии, готовившей законопроекты об изменении системы налогов, о том, что если поземельный налог и увеличен в 15 раз, то цены на сельскохозяйственную продукцию выросли в 30—40 раз (там же, с. 859).

периода «земледельческого» режима, не позволяет сопоставимость данных, ибо из общей суммы подоходного налога, собиравшегося при «земледельцах», невозможно определить долю поступлений с крестьян. Но что оно отличалось после 9 июня 1923 г. вообще и отличалось не в пользу крестьянства — несомненно, ибо в правление Стамболийского поземельный налог не собиравался уже в 1921/22 гг., хотя он предусматривался бюджетом⁶². Что же касается подоходного налога, то в отношении крестьян фискальные органы «земледельцев» не проявляли большой настойчивости при его сборе⁶³. Так что налоговые сборы с крестьян при «земледельцах», видимо, в целом были невелики.

Нововедения правительства Цанкова означали, что крестьянство должно было вернуться к роли главной тягловой силы для государственной казны. По бюджету 1924/25 фин. года один только поземельный налог был установлен в сумме 340 млн. левов, в то время как «земледельцы» планировали получить в 1922/23 фин. году по статье «подоходный налог» (т. е. от всех категорий налогоплательщиков, в т. ч. от буржуазии) меньшую сумму — 300 млн. левов. Фактическое же поступление поземельного налога в 1924/25 фин. году почти на 25% превысило действительно собранные «земледельцами» в 1921/22 фин. году суммы в качестве подоходного налога⁶⁴.

Не менее ощутима оказалась для крестьянства смена власти, когда законом 1924 г. был значительно повышен налог на коз и овец⁶⁵: в бюджете на 1924/25 гг. он составил 151% от уровня 1922/23 фин. года и 275% от уровня 1921/22 фин. года⁶⁶. При этом фискальные органы правительства Цанкова доводили сборы налоговых сумм на животных почти полностью до уровня предусмотренных.

Всего поступления с крестьян по этим двум основным налогам (платежи по другим видам налогов не были главными для этой податной категории) составляли около половины суммы статьи «прямые налоги» приходной части бюджета правительства Цанкова.⁶⁷

Другим важным источником пополнения казны оставался подоходный налог. По бюджету на 1924/25 фин. год предусматривалось, что поступления по статье «подоходный налог» должны были составить примерно 28% всех прямых налогов. Однако по-

---

⁶² Статистически годишник на царство България. XVIII год., 1926. С., 1927. с. 372—373.

⁶³ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., кн. II, с. 895.

⁶⁴ Статистически годишник. . ., XVIII год., с. 372—373.

⁶⁵ Приложения към Стен. дневници на XXI ОНС, I р. с., т. II, с. 107.

⁶⁶ Статистически годишник. . ., XVIII год., с. 372—373.

⁶⁷ Там же.

доходный налог из главного вновь становился дополнительным, поскольку, стремясь «вернуться к старым, реальным прямым налогам», министерство финансов цанковского правительства восстановило не только поземельный налог, но и налог на род занятий. Подоходный же служил для этих двух главных налогов коррективом, выступая в качестве дополнительного прогрессивного обложения больших доходов «терпимыми процентными ставками»⁶⁸. И вот этот-то «корректив» стоял на втором месте (после поземельного налога) по размерам сумм, пополнявших казну по графе прямых налогов. Ибо сам по себе налог на род занятий не был высок — от 4% до 5% годового дохода (для служащих различных государственных и частных учреждений, для ремесленников и лиц свободных профессий устанавливалась ставка в 4%, владельцы промышленных предприятий должны были отчислять по 4,5% годового дохода, торговцы же, банкиры, ростовщики — по 5%; лица с низким доходом (до 20,5 тыс. левов в год) платили всего лишь 100 левов в счет налога на род занятий)⁶⁹.

Когда же вступал в действие «корректирующий» подоходный налог, положение резко менялось. При начислении последнего закон исходил из того, что первые 100 тыс. годового дохода оставались необлагаемыми. Но на последующие десятки и сотни тысяч левов дохода налагались прогрессивно возрастающие процентные ставки, причем это возрастание было весьма значительным: с 2% при облагаемой сумме от 100 до 150 тыс. левов дохода в год до 36% при облагаемой сумме от 1,5 млн. левов и выше⁷⁰. Как видим, согласно букве этого закона, наибольшими ставками облагались самые крупные состояния (вспомним призыв Цанкова: капитал должен служить обществу!), вплоть до того, что верхняя граница процентных ставок по закону 1925 г. была даже выше норм, установленных в свое время «земледельцами» (36% против 32% при «земледельцах»).

Кроме того, владельцы акций подлежали обложению налогом на акционерные общества. Но он, так же как налог на род занятий, был сравнительно невелик. Ряд обществ вообще освобождался от обложения этим налогом⁷¹. Акционерный капитал, считавшийся

⁶⁸ Приложения към Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., т. I, с. 119.

⁶⁹ Държавен вестник, № 92, 24. VII. 1925.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Освобождались, в частности, «промышленные предприятия, пользующиеся специальными льготами, и общества, занимающиеся разработкой полезных ископаемых; общества, преследующие просветительные, благотворительные, профессиональные, спортивные, общественно-полезные и другие цели, если они не раздадут своим членам доходы в какой-бы то ни было форме;

демократическим, массовым, пользовался таким образом определенными льготами. Однако в законе о налогах на общества принцип большего обложения крупных состояний был резко нарушен: если минимальные ставки налога на долевое участие сохранялись в основном на том же уровне, что и при «земледельцах» (5—8% годового дохода), то максимальные снижались почти вдвое: с 22—30% при «земледельцах» до 12—16%⁷².

Среди других налогов, ложившихся на разные категории предпринимателей, упомянем налог на здания, который в суммарном выражении оставался примерно на том же уровне, что и при «земледельцах», а также налог на доходы военного времени. Последний резко сократился: по закону о бюджете на 1924/25 фин. год он был снижен более чем в три раза, фактически же собранная сумма составила лишь половину предусмотренного (в результате в 1924/25 фин. году по статье «доходы военного времени» в казну поступило в 8 раз меньше денег, чем собрали органы фиска при Стамбульском в 1921—22 фин. году)⁷³.

Вводя новую систему налогообложения, органы министерства финансов ставили перед собой две главные задачи. Первая состояла в том, чтобы собрать с налогоплательщиков весьма солидную сумму. Как отмечал Г. Семерджиев, выступавший от имени финансовой комиссии, в 1914 г. прямые и косвенные налоги давали казне в целом 130 млн. левов, теперь же примерно с тех же самых объектов налогообложения государству необходимо было получить 3,5 млрд. левов. Правда, часть этой разницы проистекала из обесценения лева, но, разумеется, только часть⁷⁴.

Вторая задача заключалась в том, чтобы, распределяя это возросшее налоговое бремя, провести «новый принцип» — капитал подлежит более сильному обложению, чем труд. Пытаясь несколько ограничить большие и непроизводительные доходы в интересах «экономически слабых слоев», законодатель стремился таким образом связать реформу налоговой системы с идеалом социальной гармонии общества. Г. Семерджиев, представлявший Народному собранию соответствующие законопроекты, говорил об этом вполне определенно: «В налоге на род занятий проведен принцип

кооперативные общества с годовым доходом до 10 тыс. левов включительно» и некоторые другие (там же).

⁷² Приложения към Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., т. I, с. 423; т. II, с. 137.

⁷³ Статистически годишник. . ., XVIII год., 1926. С., 1927, с. 372—373. Впрочем, сокращение поступлений по этой статье было связано в большой мере с тем, что налог на доходы военного времени был не ежегодным, а так сказать, аккордным, и в какой-то степени был уже выплачен.

⁷⁴ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., кн. II, с. 856.

дискриминации доходов: доходы от труда облагаются меньше всего, смешанные доходы (от труда и от капитала) как ремесленника, так и владельца промышленного предприятия облагаются больше, доходы же только от капитала, совсем не опирающиеся на труд, облагаются больше всего. Дополнительный налог на доходы носит прогрессивный характер: большие доходы облагаются более высокими процентными ставками. . . А проведение принципа прожиточного минимума — полное освобождение от налога доходов до 12 тыс. левов в год — я считаю, вполне завершает социальное лицо системы»⁷⁵.

Что же несла с собой для налогоплательщиков новая система обложения, которая целиком должна была войти в действие с 1925/26 фин. года, но многие элементы которой вводились в практику уже с 1924 г.?

О положении крестьянства в качестве податной категории мы уже говорили. Разговоры о «фаворизации» земли, о чуть ли ни привилегированном положении крестьянства фактически означали для него рост платежей по сравнению с «земледельческим» периодом. Видимо, на крестьянство выгоды от «дискриминации капитала» не распространялись.

Несколько иначе обстояло дело с чиновничеством. Несомненно заинтересованность правительства Цанкова в том, чтобы привязать к режиму эту довольно многочисленную в Болгарии и важную для нормального функционирования государственного аппарата категорию населения, находившуюся, кроме того, в действительно тяжелом положении из-за страшной дороговизны в стране. В 1924 г. министерство финансов попыталось даже вообще освободить от всякого налога 100 тысяч плательщиков-чиновников. Но из-за «шума, поднятого слева и справа», от затеи пришлось отказаться⁷⁶. Согласно законам о налогах, принятым в 1925 г., чиновничество в целом облагалось невысоко, чему способствовало распространение на него пункта о необлагаемом прожиточном минимуме и пункта о низких процентных ставках налога на малые доходы. То же можно сказать о других разрядах низкооплачиваемых групп, в том числе рабочих⁷⁷. В целом говоря о первой категории — людях труда (по терминологии авторов законов), депутаты, заседавшие в Народном собрании, благодушно отмечали определенное

---

⁷⁵ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., кн. II, с. 861.

⁷⁶ Там же, с. 948.

⁷⁷ Составители законов не скрывали, что при этом исходили и из задачи облегчить работу органам фиска, освободив их от обязанности определять многочисленные мелкие доходы, не дающие больших налоговых сборов.

облегчение их положения в качестве налогоплательщиков. Если это и имело какое-то основание под собой, то следует также иметь в виду, что сами налоги были для людей труда реальными и строго изыскиваемыми, крестьянину, рабочему, чиновнику, в отличие от других категорий налогоплательщиков, скрыть свои доходы было очень трудно⁷⁸.

Выигрывала ли что-либо от «дискриминации капитала» такая категория налогоплательщиков, как ремесленники, доходы которых рассматривались законодателем в качестве результата сочетания труда и капитала?

Ответом на вопрос лучше, чем цифровые выкладки, послужат факты, говорящие о том, что ремесленники не были удовлетворены налоговым законодательством. Они требовали установления необлагаемого прожиточного минимума на уровне 30 тыс. левов годового дохода⁷⁹, закон же освобождал от налога годовые доходы лишь до 12 тыс. левов. Но еще большее недовольство ремесленников вызывала практика массового сбора налогов, оставшихся неуплаченными за предыдущие 3—4 года⁸⁰, причем органы фиска взыскивали их, не дожидаясь решения специальных комиссий, перед которыми налогоплательщики опротестовывали суммы, предложенные им к уплате. Дело доходило до описи и секвестра имущества за неуплату налогов. Газета демократов «Знаме» писала: «Все это не только до войн, но даже до (9 июня — Р. Г.) 1923 г. считалось недопустимой фискальной крайностью. Ненасытный фискализм увеличил до 20% и штраф за неуплату в срок, за просрочку хотя бы на один день. . .»⁸¹.

По признанию министра финансов, негодование ремесленников грозило вылиться в стачки и демонстрации⁸². Очевидно, что провозглашенные принципы налоговой политики находились в определенном противоречии с фактическим положением ремесленников как налогоплательщиков.

Что касается собственно буржуазии, то оказывается очень трудно судить о том, какие слои и группы ее пострадали или выиграли в целом от введения новой налоговой системы.

Ибо, во-первых, материалы обсуждения представителями буржуазии соответствующих законопроектов в парламенте весьма

⁷⁸ Стен. дневники на XXI ОНС, II р. с., кн. II, с. 866, 903.

⁷⁹ Там же, с. 867.

⁸⁰ В парламенте приводились такие примеры: ремесленник должен был уплатить в 1920/21 гг. 5 тыс. левов в качестве налога, теперь же за прошедшие 4 года с него взыскивают сразу 20—30 тыс. левов, в то время как весь его капитал равен 50 тыс. (там же, с. 895).

⁸¹ Знаме, 12. I. 1925.

⁸² Стен. дневники на XXI ОНС, II р. с., кн. I, с. 540.

противоречивы. Видимо, в оценке тех или иных элементов новой налоговой системы основную роль играли субъективные мотивы: почти каждый выступающий видел представляемую им группу буржуазии наиболее страдающей от «дискриминации» капитала⁸³. Во-вторых, вводимое налогообложение было не только очень сложным и запутанным, но, главное, декларированный принцип — дискриминация капитала — не был проведен последовательно. В итоге из новой системы никак не проистекало требуемого логикой относительно большего обложения крупных состояний. Оценки фискальных нововведений официальными лицами поэтому также полны противоречий. Так, представитель финансовой комиссии утверждал: «ни одна категория, кроме торговцев, и то по некоторым отдельным пунктам, не будет платить более высокого налога, чем раньше. А определенные категории получили значительное облегчение. Особенно велико оно, сравнительно с прежней системой, для крупных доходов»⁸⁴. Казалось бы, последнее признание очень красноречиво, но оратор не трудился привести его в соответствие с другим положением своей речи о том, что из-за размеров государственного бюджета финансовая комиссия даже не ставила перед собой задачи улучшения положения налогоплательщиков⁸⁵. Отрицанием этого заявления, равно как и заявления о повышении некоторых платежей для торговцев, были слова министра финансов, говорившего: «За время нашего правления налоги не повышены ни в каком отношении, наоборот, они снижены»⁸⁶.

В целом большинством выступавших депутатов нововведения правительства Цанкова были встречены в штыки. Ораторы говорили о сложности новой системы, о несправедливости распределения налогового бремени, ратовали за возвращение к подходящему налогу в качестве главного. Особенно резкие нарекания вызывал

---

⁸³ Так, П. Быклов, владелец крупной торговой фирмы, считал, что доходы от банковского капитала и от акций подвергаются более сильному обложению, чем прежде. (Стен. дневники на XXI ОНС, II р. с., кн. II, с. 828). Национал-либерал В. Домузчиев выступал примерно в том же духе: больше всего страдают от вводимого налогообложения «большие, миллионные» доходы (Там же, с. 848). Радикал П. Стоянов видел картину в другом свете, заявляя, что при новой системе, наоборот, невысокие доходы в целом обременяются более тяжелыми налогами, чем высокие (там же, с. 883). Ас. Цанков (брат премьер-министра), выступая от имени социал-демократов, подчеркивал, что новая система более всего бьет по торговцам, причем начиная с мелкого лавочника, и вообще налоги увеличиваются для многих категорий плательщиков (там же, с. 867).

⁸⁴ Там же, с. 861.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же, с. 948.

принцип двойного и даже тройного обложения капитала⁸⁷, что приведет, дескать, к отчислению 45—47% доходов в качестве налогов⁸⁸. Некоторые поднимали эту цифру до 57%⁸⁹ и даже до 80—90%⁹⁰. Цифры эти выглядят явно преувеличенными, но все выступавшие сходились на том, что налогообложение — очень высокое и затронет «аккумуляционный фонд» предприятий, который должен идти на расширение производства⁹¹.

Определенную тяжесть вводимых фискальных мер для буржуазии признавал и законодатель. В мотивировке законопроекта о налоге на акционерные общества отмечалось: «Если иметь в виду, что помимо основного налога будут собираться еще и 100% в качестве «врыхнини» и что прибыль обществ в дальнейшем будет облагаться еще и как прибыль акционера, очевидно, что налоговое обложение не очень легкое; однако, нынешние большие потребности казны не позволяют ввести больших облегчений»⁹².

Несмотря на словесное бунтарство депутатов парламента при обсуждении законопроектов о налогах большинством голосов все они были приняты. В этом свою роль играла, видимо, определенная политическая инерция, приводившая к действиям «волей-неволей», и «чтобы не поставить министров в трудное положение»⁹³. Кроме того, сами по себе новые законы ничем особенно не грозили предпринимателям, они давно уже научились обходить их. Явление это носило массовый характер, ни для кого не было тайной. В Народном собрании говорилось об укрытии в целом свыше 50% доходов⁹⁴. Министр финансов подтверждал, что декларации «некоторых фирм» не удовлетворяют и его, но отрицал, что «неискренность в декларировании доходов» характерна только для крупных монополистов⁹⁵.

⁸⁷ Имелось в виду, что капиталист облагается налогом не только на род занятий, но и как член акционерных обществ, если он таковым являлся. Кроме того, он должен был платить также дополнительный налог в пользу общин («врыхнини»).

⁸⁸ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., кн. II, с. 821.

⁸⁹ Там же, с. 848.

⁹⁰ Там же, с. 869.

⁹¹ Д. Гогов, например, член парламентской группы «Демократического сговора», говорил: «Я не могу понять, признаем ли мы личную инициативу, личное стремление, личный импульс, как фактор прогресса производства, прогресса страны? Если мы его признаем, нельзя его преследовать. . . Но думаю, что настоящим законопроектом мы стараемся взять именно излишек, необходимый для производства, преследуем и убиваем личную инициативу» (Там же, с. 842).

⁹² Приложения към Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., т. I, с. 423.

⁹³ Знаме, 12. I. 1925.

⁹⁴ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., кн. II, с. 866.

⁹⁵ Там же, с. 953.

Новая налоговая система сохраняла возможность укрытия значительной части доходов. Никакого действительного контроля за тем, что предприниматели вписывали в свои балансовые отчеты, на основании которых и происходило начисление налогов, не предусматривалось, хотя по новым законам права фискальной администрации в этом отношении несколько расширились. Лазеек для всевозможных махинаций, равно как и для подкупа чиновников фиска оставалось предостаточно.

В итоге несомненно одно: реорганизация налоговой системы не удовлетворила ни «экономически слабых», ни «экономически сильных». Права была газета демократов, писавшая, что многие налогоплательщики, особенно в городах, ожидавшие после 9 июня облегчения налоговых тягот и методов сбора платежей, получили хорошую порцию холодного душа⁹⁶. Широкие массы налогоплательщиков на деле ничего не выигрывали от так называемого принципа дискриминации капитала, для них он оставался формой без содержания.

Для буржуазии же стремление военно-фашистского режима заставить и ее отчислять значительные средства в пользу казны было тем досаднее, чем бюджет государства был целиком потребительским, непроизводительным. Заявления министра финансов П. Тодорова о том, что все средства от налогов идут на содержание наемной армии, на выполнение других условий мирного договора, на содержание громоздкого государственного аппарата⁹⁷, были просто самоубийственными для военно-фашистского режима.

Единственной надеждой как-то улучшить финансовое положение страны, ослабить напряжение бюджета, выйти из замкнутого круга непроизводительных расходов было получить иностранный заем. Правящие круги режима давно уже отказались от одного из программных пунктов, выдвинутых в 1922 г. в газете «Слово», — об отрицании внешних займов. Наоборот, в 1924—1925 гг. стало ясно, что без заграничного кредита правительство Цанкова не может приобрести необходимой устойчивости, что получение займа становится своеобразным условием поддержки режима со стороны буржуазии, ибо она, формально согласившись, фактически не хотела участвовать в финансировании государства в той мере, в какой это планировалось властями. Вот почему министр

---

⁹⁶ Знаме, 12. I. 1925.

⁹⁷ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с.. кн. II, с. 948.

финансов считал, что для выхода из положения «нет другого средства, мы знаем это, . . . кроме получения кредита извне»⁹⁸. Однако, несмотря на все усилия, добиться этого было совсем не просто.

3. Основные направления социально-экономического законодательства

Одним из главных принципов программы социальной политики, провозглашенной Цанковым в июле 1923 г., был принцип государства, являющегося регулятором не только хозяйственной жизни, но и социальных отношений. Задачу новой власти премьер-министр видел в том, чтобы «примирить» интересы крестьянина и горожанина, буржуа и рабочего, для чего объявлял, что государство берет на себя заботу обо всех классах общества в равной степени, не отдавая предпочтения какому-нибудь из них. Однако поскольку «социально слабым» слоям трудно самим отстаивать свои интересы, Цанков обещал уделить им особое внимание. «Государство, — говорил он, — не заинтересовано в том, чтобы оставить часть своих граждан изнемогать от низкой зарплаты, изнемогать от тяжелых условий труда и чрезмерно длинного рабочего дня»⁹⁹. Эта мысль о регулирующей роли «надклассовой власти» нашла свое выражение и в проекте программы устройства и управления болгарским государством: «Государство должно вмешиваться в социальные конфликты, чтобы поддержать экономически слабых и обуздать капитал, злоупотребляющий своим могуществом»¹⁰⁰.

Выдвижение подобных положений обслуживало прежде всего идею создания массовой социальной опоры для власти военных и финансовых кругов, утвердившейся в Болгарии, было отражением естественного стремления режима добиться для себя внутренней, социальной стабильности. В этом отношении выдвигнутая Цанковым программа социально-экономической политики, центром которой был тезис о социальном мире, имела вполне определенный классовый смысл: проявлением некоей заботы об «экономически слабых» слоях военно-фашистский режим хотел превратить их в свою надежную опору или во всяком уж случае нейтрализовать их, сделать невосприимчивыми к пропаганде «крайних, революционных» идей.

⁹⁸ Стен. дневници на ХХІ ОНС, II р. с., кн. II, с. 953.

⁹⁹ Речь, произнесена от министр-председателя. . ., с. 18.

¹⁰⁰ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 718, л. 1.

Программа социально-экономических мер в значительной своей части была выведена правительством из фазы словесной в фазу документальную: современники сравнивали поток законопроектов, проходивших через Народное собрание, с лавиной, вырвавшейся из жерла бумажного вулкана¹⁰¹. Остановимся на некоторых его направлениях, самих по себе достаточно характерных.

Одним из социальных объектов, требовавших постоянного внимания правительства Цанкова, было чиновничество. Положение этой категории населения в связи с продовольственным кризисом было в 1924 г. очень трудным. Стремясь не позволить коммунистам увеличить за счет чиновников «кадры тех, кто только и ждет, когда ударят колокола социальной революции» (Цанков)¹⁰², власти пытались решить проблему главным образом путем некоторого повышения зарплаты. Первое 50%-ное повышение чиновники получили еще до начала работы парламента, на основании постановления Совета министров. Затем в бюджетах на все последующие годы военно-фашистского режима для этой цели предусматривались новые суммы: 820 млн. левов по бюджету на 1923/24 фин. год, 200 млн. лв. — на 1924/25 фин. год, еще на 400 млн. левов проектировалось увеличение чиновничьей зарплаты в 1925/26 фин. году¹⁰³. В итоге получалось, что жалование чиновников, по словам министра финансов, возросло в среднем на 80%¹⁰⁴. Номинально — цифра весьма высокая. Кроме того, служащие могли чувствовать, что их положение — постоянно в поле зрения правящих кругов, что они не забыты: к этому вопросу крупные должностные лица возвращались чуть ли не в каждой своей речи. И премьер-министр произносил озабоченные слова по их адресу, сочувствуя тому, что «от дороговизны страдают все. . . , но больше всего — болгарские чиновники»¹⁰⁵. Власти пеклись о своих служащих и на первых порах получили их поддержку: на выборах в ноябре 1923 г. чиновники в массе своей голосовали бюллетенями правительственной коалиции.

Однако 80%-ное повышение зарплаты вместе с некоторыми льготами при налогообложении не были достаточными для решения чиновничьей проблемы в тех условиях: дороговизна росла более быстрыми темпами. Так, по данным Главной дирекции статистики общий индекс стоимости продуктов питания, освещения, отопления, одежды на начало 1925 г. составил 4234 пункта против

¹⁰¹ Ратник на свободата, 13. V. 1924.

¹⁰² Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., кн. 1, с. 452.

¹⁰³ Там же, кн. II, с. 1367.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же, кн. 1, с. 452.

3258 в 1923 г.¹⁰⁶. Только на протяжении одного 1924 г. стоимость жизни возросла на 11,5%¹⁰⁷.

И властимущие вынуждены были признавать, что чиновничество не может быть удовлетворено принятыми мерами. Министр финансов констатировал в марте 1925 г.: «Мы не думаем, что за время своего правления сделали судьбу государственного персонала особенно завидной. . .», 80%-ное повышение зарплаты не означает, что «мы достигли ее довоенного золотого паритета»¹⁰⁸. А чиновники между тем активизировались, отстаивая свои права. 19 их союзов подписали требование к правительству разрешить, наконец, «постоянный, висящий вопрос о регулярной реальной зарплате», а пока выдать им 13-ю зарплату¹⁰⁹. Но военно-фашистский режим устами своего премьер-министра вынужден был признать, что государство «не в состоянии помочь этим несчастным, требующим 13-ю зарплату». Необходимые для этого 200—250 млн. левов просто неоткуда взять, и так, дескать, на зарплату чиновникам идет более 1/3 бюджетных средств¹¹⁰.

Правительство Цанкова пыталось смягчить остроту проблемы путем сокращения персонала служащих, очень выросшего количественно за последнее десятилетие (в 1914 г. в стране было 55 тыс. чиновников, в 1924 г. — 91 тыс.¹¹¹), но вставал не менее трудный вопрос об их устройстве на работу.

В итоге, несмотря на все потуги, военно-фашистский режим не смог действительно улучшить положение масс чиновничества. Последним вскоре пришлось убедиться в иллюзорности их надежд, и потому поддержка, оказанная чиновниками режиму на выборах в ноябре 1923 г., носила временный характер.

Значительная часть законодательных актов была проведена в пользу военных, власти стремились удовлетворить интересы среды, из которой они в весьма большой степени вышли сами. Еще в ноябре 1923 г., выступая на съезде офицеров запаса, военный министр поблагодарил офицеров-резервистов за участие в перевороте и в подавлении «смуты» и заявил, что тяжелое положение многих из них очень заботит правительство. «Однако, — продолжал он, — события, происшедшие после 9 июня, не позволили правительству серьезно заняться вашей участью». Немного терпения и запасное воинство получит свое¹¹².

¹⁰⁶ Списание на Българското икономическо дружество. С., 1925, № 1—2. с. 66.

¹⁰⁷ Там же, 1925, № 3—4, с. 154.

¹⁰⁸ Стен. дневници на ХХI ОНС, II р. с., кн. II, с. 1367.

¹⁰⁹ Там же, кн. I, с. 433.

¹¹⁰ Там же, с. 452.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Демократически сговор, 28. XI. 1923.

Действительно, летом 1924 г. парламент принял несколько законов, регулировавших положение военнослужащих. В частности, в соответствии с Нейским договором определялся 20-летний срок службы офицеров в армии (12-летний для унтер-офицеров и солдат), жандармерии и пограничной охране. Вышедшему в отставку офицеру государство обязывалось либо предоставить государственную службу, либо выдать годовую зарплату¹¹³. Специальным законом отменялись законы 1920 и 1921 гг., на основании которых происходило увольнение военнослужащих из армии в связи с ее сокращением, и по-новому определялись условия такого увольнения. Так, предусматривался довольно высокий размер выходного единовременного пособия офицерам действительной службы и сержантам-сверхсрочникам: для генералов и офицеров — от 30 до 50 тысяч левов в зависимости от размера семьи, для подполковников и майоров — от 25 до 43 тысяч и т. д. В случае, если военнослужащий получил по законам 1920 и 1921 гг. меньшее денежное обеспечение, ему должна была быть выплачена недостающая разница¹¹⁴.

Кроме того, военное училище было введено в ранг высшего учебного заведения¹¹⁵, что значило, что окончившие его уволенные в отставку военнослужащие получали права людей с высшим образованием.

Все это, наряду с весьма высокими размерами суточных сумм, предусматривавшихся для зарубежных командировок по военному ведомству¹¹⁶ и т. п., а, главное, в связи с той фактической ролью, которую стали играть военные в осуществлении власти, позволяло представителям оппозиции говорить, что «военнослужащие, однажды поставленные в лучшее положение», продолжали получать одну льготу за другой, что по сравнению с ними другие категории государственных служащих просто влачат жалкое существование¹¹⁷.

Однако была в положении военных, особенно нижних чинов, и другая сторона медали. Многие из них, будучи уволенными из армии и не имея никакой специальности, не могли найти себе места в гражданской жизни. Трудно было с жильем, трудно было найти новые постоянные источники пропитания. О том, как мало изменилось материальное положение массы военнослужащих, уволен-

---

¹¹³ Приложения към Стен. дневници на XXI ОНС, I р. с., т. II. С., 1924, с. 114.

¹¹⁴ Там же, с. 229.

¹¹⁵ Държавен вестник, № 33, 14. V. 1924.

¹¹⁶ Приложения към Стен. дневници на XXI ОНС, I р. с., т. II, с. 114.

¹¹⁷ Стен. дневници на XXI ОНС, I р. с. С., 1924, с. 2154, 2156.

ных в запас, свидетельствует резолюция 20-го съезда благотворительных обществ унтер-офицеров запаса, который проходил в конце августа — начале сентября 1925 г. Общий дух резолюции — вполне проправительственный. Тем важнее некоторые ее пункты. В констатирующей части говорится, например, что унтер-офицеры запаса остаются без профессии, без денег, изнемогают в нищете и многие из них лишены жилья, что власти должны были бы оказать большую моральную и материальную поддержку «этим истинным сынам родины», не предпочитая им «нужных для партии людей», которые часто имеют «и капиталы, и дома, и несколько служб одновременно. . .»¹¹⁸. В постановляющей части резолюции выдвигался специальный пункт: просить руководителей государства сделать все возможное и необходимое для улучшения материального положения унтер-офицеров, удовлетворив их основные требования¹¹⁹. Иными словами, и два года спустя после переворота военно-фашистская власть не могла записать в свой актив существенного улучшения положения масс чиновничества и бывших военнослужащих, которых хотела видеть своей опорой.

То же можно сказать и о положении ремесленников. Как власти проявляли к ним свое внимание при обложении налогами и сборе их, мы уже видели. В 1924 г. в Народном собрании обсуждался законопроект об изменении и дополнении закона об организации ремесла и помощи ему. В мотивировке законопроекта подчеркивалось, что вносимые в старый закон изменения — целиком в интересах ремесленника. В частности, предлагалась этапность обучения ремесленника, прежде чем он станет самостоятельным мастером: двухлетнее ученичество, потом специальные курсы, после чего — экзамен на звание подмастерья, затем курсы для подмастерьев, включавшие изучение общеобразовательных предметов, и, наконец, экзамен на звание мастера. Разумеется, в этой системе нет никакого открытия. Мы потратили место на ее изложение, чтобы таким образом проиллюстрировать уровень социального мышления законодателя: перечисленное ему казалось достаточным, чтобы «в короткий срок» поднять «болгарского ремесленника на подобающую высоту в интеллектуальном и профессиональном отношении, чтобы он мог стать одним из самых креп-

¹¹⁸ ЦДИА, ф. 11, оп. 1, ед. хр. 1087, л. 1.

¹¹⁹ Там же. Среди этих требований на первом плане фигурировали такие: уравнивать обеспечение всех уволенных в отставку унтер-офицеров. . .; предоставить землю унтер-офицерам, не имеющим ее; дать им кредит для обустройства, раз и навсегда разрешить вопрос о чиновничьей зарплате, произвести классификацию чиновников по цензу и стажу работы; открыть двери училищ и для детей унтер-офицеров.

ких столпов нашего общества (!), сыграть достойную роль в развитии экономики страны»¹²⁰.

Вместе с тем по замыслу закон должен был оградить ремесленников от «нелояльной конкуренции» лиц, не имеющих мастерского свидетельства из-за отсутствия необходимой подготовки и возможности оборудовать мастерские.

Сколь бы ни импонировал ремесленникам подобный закон, одного его было явно недостаточно для превращения этого слоя населения в столп военно-фашистского режима. Ремесленники нуждались в большой степени в кредитах, в облегчении налоговых тягот, но фактически, а не на словах, власти удовлетворить их требования не могли. Так, предоставив им через популярную банку еще в 1923 г., вскоре после переворота, 50 млн. левов в качестве кредита, правительство считало, что большего сделать для них оно не в состоянии. В ноябре 1924 г. Цанков уже с раздражением говорил в адрес ремесленников: «Но господа требуют полмиллиарда левов, меньше не принимают»¹²¹.

В целом социально-экономическое законодательство, объектом которого были средние слои города, существенно изменить их положение не могло. Принятые меры были всего лишь паллиативными, односторонними, причем нередко одновременно с ними проводились другие (как в случае принудительного сбора налогов с ремесленников за несколько лет), уничтожившие результаты первых. Осенью 1924 г. газета «Работнически вестник» писала, что недовольство охватило владельцев гостиниц, питейных заведений, ремесленных мастерских и т. п.¹²².

Рядом специальных законодательных актов военно-фашистские власти попытались по-своему реформировать положение, сложившееся при «земледельцах» в деревне.

Принятие некоторых из них происходило под сильным нажимом «общественного мнения», формировавшегося под влиянием кругов, пострадавших в свое время от «необдуманных действий» администрации БЗНС. Так было с законом 1921 г. о трудовой поземельной собственности (т. п. с.). Сразу же после переворота 9 июня 1923 г. министры правительства стали получать письма с требованием немедленной отмены закона о т. п. с. Национал-либерал Н. Генадиев в своей «Декларации» от 12 сентября 1923 г. сетовал на то, что «в отношении закона о трудовой поземельной собственности и закона об отчуждении зданий, правительство

¹²⁰ Приложения към Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., т. 1, с. 164.

¹²¹ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., с. 163.

¹²² Работнически вестник. Избрани статии и материали. Т. 3. С., 1954, с. 244.

не высказалось окончательно и, во всяком случае, не приостановило их действия»¹²³.

Хотя закон о т. п. с. оставался в силе до лета 1924 г., когда был принят новый закон — о трудовых сельскохозяйственных хозяйствах (т. з. с.)¹²⁴, фактически на местах возвращение земельной собственности прежним владельцам началось уже в 1923 г. Дирекция т. п. с., созданная в свое время «земледельцами» для перераспределения земли, официально констатировала, что после переворота «многие собственники. . . обрабатывают отчужденные у них участки» и «самовольно вступают во владение ими»¹²⁵. Закон о т. з. с. стал формальным основанием для ревизии перераспределения земли, произведенного при «земледельцах». В результате, как утверждает болгарский исследователь Ц. Петров, все частные земли были возвращены их прежним владельцам — крупным собственникам¹²⁶. То же самое произошло с монастырскими участками.

Хотя, как известно, деятельность Дирекции т. п. с. не приобрела широкого размаха и в итоге наделено землей было не так уж много крестьян, психологический эффект от самого закона 1921 г. для крестьянского населения был очень большим¹²⁷. Чтобы снизить негативное впечатление от закона 1924 г. о т. з. с., правительство Цанкова приняло ряд мер, отвечавших интересам крестьян. Так, предпринимались попытки провести комасацию земли, т. е. объединить чересполосные участки одного хозяина воедино¹²⁸. Но дело это осуществлялось медленно, а из-за бедности крестьян и низкого уровня ведения хозяйства комасированные участки вскоре вновь раздроблялись¹²⁹.

Затем последовала целая серия законодательных актов, направленных на повышение уровня сельскохозяйственного произ-

¹²³ ЦДИА, ф. 401, оп. 1, ед. хр. 104, л. 4.

¹²⁴ Държавен вестник, № 97, I. VIII. 1924, с. 253—257.

¹²⁵ Цит. по: Н. Д и м о в. Икономически и политически предпоставки на революционното положение в България след Септемврийското въстание (1923—1924) — Трудове на Висшия икономически ин-т «К. Маркс», кн. II. С., 1961, с. 295.

¹²⁶ Ц. П е т р о в. Аграрните реформи в България по време на откритата фашистка диктатура. . . — Годишник на катедрите по научен комунизъм и история на БКП при ВУЗ. Год. IV (IX), кн. III и IV. С., 1969, с. 3.

¹²⁷ «Несмотря на то — пишет Ц. П е т р о в, — что аграрная реформа «земледельческого» правительства не была завершена, она оставила глубокий след в сознании трудящихся крестьян и родила у них большие надежды» (там же).

¹²⁸ Б. М а т е е в. Движението за кооперативно земледелие в България при условията на капитализма. С., 1967. с. 24.

¹²⁹ Икономика на България. Т. I. с. 485.

водства, улучшение его организации, защиту хозяйств от стихийных бедствий. Изменениями и дополнениями, внесенными в прежний закон о страховании крупного рогатого скота, устанавливалось увеличение основного капитала страхового фонда за счет взносов государства¹³⁰. Подобные новшества были внесены и в закон о страховании от града — одного из самых дорогостоящих видов страхования и потому недоступных для большей части крестьян. Расходы государства по поддержанию этого фонда увеличивались до 8,5 млн. левов в год. В случае невыплаты страхового взноса до 1 октября, он подлежал принудительному сбору со штрафом¹³¹.

Стремление повысить уровень технической оснащенности хозяйств нашло свое выражение в принятии летом 1925 г. закона об изменении и дополнении закона об улучшении сельскохозяйственного производства и защите полевого имущества.¹³² На основании этого закона министерство сельского хозяйства издало в сентябре 1925 г. декрет о беспошлинном ввозе горючих и смазочных материалов для тракторов, плугов и молотилок, потребных кооперативным обществам, государственным, общественным и частным земледельческим хозяйствам, и контроле за их использованием¹³³. В декрете говорилось, что доставка указанного будет производиться Болгарским сельскохозяйственным банком по указанию министерства, которое определяет вид и количество необходимых товаров. Отпуск материалов должен производиться за плату после специального разрешения агрономических властей. За употребление материалов не по назначению предусматривалось наказание в виде одного года тюремного заключения и штрафа до 50 тыс. левов, а также оплата пошлины в двойном размере.

В ноябре 1925 г. последовал декрет о раздаче по сниженным ценам малоимущим и бедным крестьянам плугов, доставка которых оплачена суммами по госбюджету на 1925/26 гг.¹³⁴. Плуги предназначались крестьянам, владевшим участками земли до 0,1 га, и беженцам, занятым в сельском хозяйстве, причем в том и другом случае — только лицам, не имеющим плугов, но имеющим рабочий скот, а беженцам — даже если не имеют своего скота. Получившие плуги по сниженной цене не имели права перепрода-

---

¹³⁰ Приложения към Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., т. II, с. 33.

¹³¹ Там же, с. 37—38.

¹³² Държавен вестник, № 94, 27. VII. 1925.

¹³³ Там же, № 144, 24. IX. 1925.

¹³⁴ Там же, № 187, 14. XI. 1925.

вать их в течение десяти лет. Всего по этому декрету должно было быть роздано 8600 плугов¹³⁵.

С целью «путем научных исследований и опытов содействовать усилению и улучшению сельскохозяйственного производства в стране и . . . защищать интересы крестьян-производителей и потребителей» в 1924 г. был принят закон о сельскохозяйственных опытных и контрольных станциях¹³⁶.

Затем последовал закон о санитарно-ветеринарной службе¹³⁷, закон о льготах при строительстве деревенских зданий, предусматривавший освобождение всех сельскохозяйственных построек, выполненных по проектам министерства общественных зданий или в их духе, от налога на здания сроком на пять лет¹³⁸.

Особое внимание было уделено проблеме сельскохозяйственного образования. Специальный закон¹³⁹ обязывал соответствующее министерство способствовать открытию дополнительных, практических и средних сельскохозяйственных училищ и институтов, а также передвижных сельскохозяйственных кафедр и зимних училищ. Обучение во всех этих заведениях предусматривалось бесплатное и обязательное для юношей и девушек, главным занятием которых является сельское хозяйство. Родители, укрывавшие своих детей от прохождения такого обучения, подвергались штрафу в размере от 100 до 2000 левов. В дополнительных училищах курс обучения был рассчитан на два года (не менее 4-х мес. в каждом году), так же как и в практических училищах, где учащимся предоставлялся бесплатный пансион. Отбор учащихся и условия учебы в средних училищах с 5-летним сроком обучения были более строгими. Наконец специальные институты — виноградо-садоводческие и женские сельскохозяйственные домоводческие — с двухлетним курсом обучения давали полувысшее образование. Окончившие некоторые из этих заведений пользовались определенными льготами в случае, если соглашались работать

---

¹³⁵ В одном из отчетов «Демократического съезда» более позднего времени говорилось, что в бюджете министерства сельского хозяйства на 1923/24 г. впервые предусматривалась сумма в 20 млн. левов на покупку плугов. Всего было доставлено 10 110 плугов на сумму ок. 16 млн. левов, плуги были проданы с 50%-ным снижением их стоимости (ЦДИА, ф. 135, оп. I, ед. хр. 82, л. 97).

¹³⁶ Приложение към Стен. дневници на XXI ОНС, I р. с., т. II, С., 1924, с. 21.

¹³⁷ Държавен вестник, № 88, 22. VII. 1924.

¹³⁸ Приложения към Стен. дневници на XXI ОНС, III р. с., т. II, С., 1925, с. 61.

¹³⁹ Държавен вестник, № 101, 4. VIII. 1925.

после окончания заведения в течение десяти лет в частном, собственном или чужом хозяйстве по своей специальности.

Обширность этой части социально-экономического законодательства определялась подходом руководителей режима к крестьянину, как к «основе болгарской социальной структуры», в благорасположении которого правительство Цанкова было весьма заинтересовано. Законодатель особенно старался проявить свою заботу о крестьянском населении, чтобы как-то компенсировать потерю им его политических и социальных позиций в связи со сменой власти, чтобы сгладить негативное впечатление в массах от отмены закона о трудовой поземельной собственности — одного из «великих законов» Стамболийского.

Однако из основных направлений сельскохозяйственной политики, провозглашенной премьер-министром в июле 1923 г., а именно: организация эффективной агрономической помощи крестьянству, организация сельского кредита, поддержка крестьянской кредитной кооперации, осуществление демагогического в тех условиях лозунга «земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает», — законодательное оформление в большей или меньшей степени получило только первое из них. Среди причин этого — нехватка средств для проведения задуманной политики. Министр финансов жаловался в 1925 г.: что поделаешь, в целом суммы и для промышленников, и для ремесленников, и для крестьян были недостаточны¹⁴⁰.

Весьма пространным было рабочее законодательство в годы военно-фашистского режима. Проводя его, правительство Цанкова вряд ли имело серьезные намерения «в короткий срок» превратить рабочих в одну из опор своей власти. Оно не могло не ощущать всей глубины политического антагонизма между собой и пролетариатом, не смягчавшегося с течением времени, а, наоборот, все более углублявшегося.

Специфика рабочего законодательства правительства Цанкова состояла в том, что оно было predeterminedено международными обязательствами Болгарии, принятыми еще во времена правления Стамболийского. В 1921 г. Болгария вступила в Международную организацию труда и как член этой организации брала на себя обязательство проводить в стране основные ее рекомендации. В те годы это выразилось в ратификации ряда конвенций, направленных на законодательное определение прав рабочих и предпринимателей. Фактическая же выработка соответствующего законодательства происходила после прихода к власти правительства Цанкова.

¹⁴⁰ Стен. дневники на XXI ОНС, II р. с., кн. II, с. 950.

Весной 1924 г. был принят закон о социальном страховании, которое устанавливалось на случай несчастья, болезни, рождения ребенка¹⁴¹. Закон определял размеры пособия, выплачиваемого рабочему в случае получения им производственной травмы и в случае полной потери им трудоспособности. Определялись также условия выплаты пенсий по старости или инвалидности: право на пенсию по инвалидности имел рабочий, внесший в фонд 156 еженедельных взносов, а на пенсию по старости, назначавшуюся по достижении 60-летнего возраста, — внесший 1040 еженедельных взносов. Размеры пенсий зависели от получаемой зарплаты, но, разумеется, они были невелики. Современники прямо писали, что страховые суммы «совершенно недостаточны»¹⁴². В случае болезни каждый рабочий, непрерывно плативший взносы в течение 8 недель, имел право на протяжении 9 месяцев в году лечиться за счет фонда социального обеспечения. Сам фонд социального обеспечения составлялся из взносов застрахованных, взносов работодателей и государства. Последнее должно было обеспечить не менее 50% сумм фонда.

Подобный закон не был новинкой в Болгарии: впервые вопросы социального обеспечения получили законодательное выражение в 1918 г. По сравнению с первым новый закон значительно расширил круг лиц, подлежащих страхованию. Так, в законе 1924 г. не выдвигалось такого условия страхования, каким был раньше уровень зарплаты, в результате чего для всех рабочих и служащих общественных и частных заведений страхование становилось обязательным. Кроме того, разрешалось страховаться ремесленникам, крестьянам, работникам умственного труда, годовой доход которых не превышал 50 тыс. левов¹⁴³. Новшествами 1924 г. было также обеспечение по старости и инвалидности, увеличение отпуска женщинам в связи с рождением ребенка с 8 недель до 12.

В марте 1925 г. был принят закон об устройстве на работу и обеспечении в случае безработицы¹⁴⁴, которым впервые в Болгарии была сделана попытка регламентировать рынок труда¹⁴⁵.

¹⁴¹ Приложения към Стен. дневници на ХХI ОНС, I р. с., т. II, с. 31—36.

¹⁴² И. Я н у л о в. Правата на труда в България. — Списание на българското икономическо дружество. 1925, кн. 1—2, с. 25.

¹⁴³ Там же, с. 24.

¹⁴⁴ Държавен вестник, № 26, 5. V. 1925.

¹⁴⁵ Один из современников писал: «Этот закон в первое время встретил определенную оппозицию в буржуазных кругах, но правительство взяло на себя обязательство провести его и добилось своего, несмотря на долгие проволочки. Нельзя забывать, что Болгария ратифицировала Вашингтонскую конвенцию по безработице и должна была выполнить свое международное обязательство» (И. Я н у л о в. Указ. статья, с. 29).

Под устройством на работу закон понимал установление связи между рабочим и работодателем путем учета спроса и предложения рабочей силы, для чего создавались государственные биржи труда, в то время как частные закрывались¹⁴⁶. В небольших городах и населенных пунктах учреждались местные бюро по устройству на работу; кроме того, при каждом таком бюро создавался местный совет труда, в задачи которого входило изучение условий продажи рабочей силы в данном месте и поиски мер для того, чтобы избежать безработицы или смягчить ее и т. п.

Этим же законом предусматривалось уравнивание прав рабочего и работодателя при увольнении или уходе с работы — необходимо было двухнедельное предупреждение той и другой стороны. Право на пособие по безработице распространялось на рабочих и служащих, внесших в фонд социального страхования минимум 52 взноса в течение двух лет¹⁴⁷. В этом случае застрахованный мог получать пособие в течение 12 недель на протяжении одного года. Закон определял и размеры пособия. Они были также невелики: 16 левов в день на главу семьи и по 10 левов — на членов семьи.

Закон имел определенную политическую окраску. В частности, устанавливалось, что права на пособие лишались рабочие и служащие, ставшие безработными в результате или во время стачки. В некотором диссонансе с этим была другая статья, которая гласила: «Рабочий не теряет права на пособие по безработице, если он откажется поступить на работу, будучи приглашенным хозяином или предприятием, в котором происходит стачка или объявлен локаут». Как видно, законодатель не хотел отказываться от роли покровителя хозяев и рабочих одновременно.

В «интересах дела» закон предусматривал, что если рабочий не может устроиться на работу из-за недостатка квалификации, бюро по безработице может послать его на обучение в профессио-

¹⁴⁶ Държавен вестник, № 26, 5. V. 1925.

¹⁴⁷ Вот как характеризовал эти постановления закона Ст. Мошанов, активный член «Демократического сговора»: требование внести 52 еженедельных взноса говорит о том, что «пользоваться помощью в случае безработицы смогут только севшие, определившиеся, рабочие-профессионалы — только те, кто регулярно работал в течение двух лет. . . Но большая часть столь раздробленных у нас рабочих, которые сегодня берутся за работу, а завтра меняют своего хозяина, целая категория так называемых разнорабочих. . . не может пользоваться покровительством этого закона» (Стен. дневники на XXI ОНС, II р. с., кн. 1, с. 346). Как велика была эта часть, видно из подсчетов Л. Берова: к началу второй мировой войны, считает он, контингент временных рабочих, не порвавших с землей и находившихся на различных ступенях перехода от крестьянской бедноты к промышленному пролетариату, составлял ок. 36% всех рабочих (Л. Б е р о в. Указ. книга, с. 24).

нальное училище или на курсы и т. п. Оговаривалось лишь, что срок подготовки в училище не может быть дольше времени, в течение которого безработный имеет право на пособие. Профессиональные училища и курсы должны были создаваться по закону о торговом и промышленном образовании¹⁴⁸, принятом летом 1924 г. Политические мотивы в нем звучали гораздо более определенно: «Учащимся, — согласно ст. 46 закона, — запрещается быть членами партийных организаций или их молодежных групп, посещать политические собрания, митинги, участвовать в партийных шествиях, манифестациях и получать, переписывать и распространять не одобренные журналы, брошюры, книги и пр. Учащиеся, нарушающие эти установления, навсегда исключаются из училища».

Что касается вопроса о продолжительности рабочего дня, то указ 1919 г. об ограничении его 8 часами стал после переворота 1923 г. нарушаться самым беззастенчивым образом.

Характерны в этом отношении данные из отчетов окружных инспекций труда за 1925 г., свидетельствующие о том, что 8-часовой рабочий день не соблюдался, где больше, где меньше, в 80% предприятий¹⁴⁹. И хотя Болгария ратифицировала проект конвенции о 8-часовом рабочем дне еще в ноябре 1921 г., обязавшись принять соответствующий закон до 1 июля 1924 г.¹⁵⁰, это так и не было сделано за время существования военно-фашистского режима.

Несмотря на непоследовательность и неполноту рабочего законодательства, в целом оно означало известный прогресс в области медицинского обслуживания рабочих, условиях выхода их на пенсию¹⁵¹. Закон о социальном обеспечении определил профиль рабочего здравоохранения на последующие два десятка лет, вплоть до самого конца существования власти буржуазии в Болгарии¹⁵².

Дело было за осуществлением принятых законов. Но, как свидетельствует современник, недоставало именно строгого применения узаконенных мер¹⁵³. Это обстоятельство, наряду с общей тенденцией снижения реального содержания заработной платы, означало, что никакого серьезного улучшения материального

¹⁴⁸ Приложения към Стен. дневници на XXI ОНС, I р. с., т. II, с. 130.

¹⁴⁹ Л. Беро в. Положението на работническата класа в България при капитализма. С., 1968. с. 87.

¹⁵⁰ И. Янулов. Указ. статья, с. 30.

¹⁵¹ Л. Беро в. Указ. книга, с. 88.

¹⁵² См. Р. Каймакчиева. Българската прогресивна медицинска общественост и ленинските идеи в здравеопазването и медицината до 9. IX. 1944 г.: — В кн. В. И. Ленин и историческият път на България. С., 1970, с. 439.

¹⁵³ И. Янулов. Указ. статья, с. 31.

положения рабочих законодательство 1924—1925 гг. принести не могло. Тем не менее формально правительство Цанкова могло ставить себе в заслугу выполнение ряда пунктов социально-экономической программы, касавшихся «покровительства труду».

Определенное внимание власти уделили также положению пенсионеров, инвалидов, вдов и сирот военнослужащих, погибших в войнах¹⁶⁴.

Итак, можно говорить о довольно обширном социально-экономическом законодательстве, с помощью которого власти стремились укрепить свое положение, расширить опору режима, сделать ее массовой. Законодательство это имело в качестве адресата все основные группы населения тогдашней Болгарии, правительство Цанкова стремилось дать доказательство своей «надпартийности», «надклассовости».

Замысел таким образом был вполне идентичным тому, что проповедовалось и проводилось политиками фашизма во многих странах, притом фашизма не только ранней его стадии, но и гораздо более позднего времени и более развитых форм. Но в болгарском случае периода 1923—1925 гг. замысел этот привел совсем к иному результату, чем тот, на который он был рассчитан, ибо в конечном счете не оказалось такой категории населения, которая была бы удовлетворена социально-экономической политикой правительства.

Опыт других фашистских стран показывает, что успех в достижении этой цели зависит от ряда условий. Среди них — определенное соотношение демагогии и конкретных мер, при котором представления о результативности политики правительства в головах людей и, следовательно, их заинтересованность или незаинтересованность в поддержке режима базируются не только на личном опыте, контролируются не только толщиной собственного

---

¹⁶⁴ В мае 1925 г. был принят закон, на основании которого при военном министерстве учреждался специальный отдел по оказанию помощи инвалидам, вдовам и сиротам, родителям погибших в войнах. Закон подробно разрабатывал виды помощи. Так, для инвалидов предусматривалось снабжение нуждающихся землей, инструментами, машинами и пр., необходимыми для их занятий, оплата которых должна была производиться в рассрочку в течение десяти лет без процентов; устройство на работу тех, кто в этом нуждался; бесплатное лечение и бесплатное предоставление необходимых медикаментов; устройство в приюты; бесплатное обучение инвалидов и их детей во всех государственных средних учебных и высших технических заведениях. Для сирот — воспитание и образование до совершеннолетия по возможности в пансионатах и т. д. Ст. 16 провозглашала, что пансионы для сирот погибших и детей инвалидов должны быть открыты в каждом округе. (Държавен вестник, № 31, 12. V. 1925). Но насколько все это не было подготовлено материально, видно из последней статьи закона, гласившей, что все это должно быть осуществлено не позднее, чем через год после вступления в силу самого закона.

кошелька, но и питаются, корректируются и направляются массовой пропагандой.

Болгарские фашисты действовали во время, когда в стране не было еще радио — важнейшего средства массовой идеологической обработки населения¹⁵⁵. Отдельные публичные выступления руководителей режима носили бессистемный, эпизодический характер. Фашистская идеология, еще окончательно не выработанная и не сложившаяся, не выступала в качестве единственной признаваемой, освященной авторитетом государства, а пропаганда отдельных ее положений нередко парировалась благодаря устным и печатным выступлениям буржуазной оппозиции. И, конечно же, огромную роль играла массовость БКП (т. с.) и БЗНС, прочное приобщение именно к их идеологии широких слоев трудового народа.

Поэтому правительству Цанкова по существу не на что было опереться при проведении своей социально-экономической политики, кроме ее конкретных результатов. А результаты эти и не могли быть большими, так как осуществление намеченной программы требовало средств, и притом немалых. Но именно материальными средствами и возможностью свободно ими распоряжаться и не располагал военно-фашистский режим в Болгарии. Острота проблемы изыскания средств для внутренних надобностей государства усугублялась тем, что размеры платежей, которые необходимо было вносить в счет репараций и по выполнению других условий Нейнского мира, были очень велики. Попытка правительства Цанкова разрешить финансовую проблему путем получения иностранного займа оказалась безнадежной из-за непробиваемой международной изоляции его в этом вопросе, так что единственным каналом поступления доходов в государственную казну оставались внутренние ресурсы. А они в целом были невелики в стране, бедной собственными капиталами и в сильной степени зависевшей от импорта капиталов с Запада.

Тем не менее власти пытались мобилизовать внутренние ресурсы. Разумеется, в первую очередь за счет народных масс, за счет увеличения налоговых поступлений с них и т. п. Но они хо-

---

¹⁵⁵ В связи с этим напомним о той роли, которую отводили фашистской пропаганде руководители нацистской Германии. Весьма характерны и слова Геббельса, хотя они, вероятно, не лишены преувеличения: «Быть может, наши потомки будут вынуждены констатировать, что радио как средство духовного воздействия на массы имело в наше время такое же значение, как до реформации изобретение печатания. . . Без радио и самолетов завоевание и упрочение власти в нынешних условиях просто невысказано». (Цит. по: А. А. Г а л к и н. Германский фашизм. с. 387).

тели также, чтобы и капиталисты не забывали о своей «общественной функции». Речь идет в данном случае не о финансировании режима по своеобразным каналам, наверняка осуществлявшемся кругами монополистической буржуазии, тесно сросшимися с режимом, хотя свидетельства этого и не стали до настоящего времени достоянием гласности (вряд ли без такой материальной поддержки обошлись, например, организация предвыборной кампании 1923 г. или создание партии «Демократический сговор» и т. п.), а о том, что свою заинтересованность в существовании режима буржуазия в целом должна была подкреплять материально, активно участвуя в формировании приходной части бюджета, различных государственных и общественных фондов. Но насколько буржуазия, различные ее круги были готовы идти на материальные жертвы?

Выше мы говорили, что капиталисты получили в годы военно-фашистского режима большой простор для своей деятельности, что доходы крупных финансовых центров были в этот период высокими, что буржуазия имела целый ряд льгот благодаря социально-экономической политике правительства Цанкова, ядром которой были протекционистские меры, распространявшиеся на экспортную торговлю и на местную промышленность. Но, строго говоря, эти протекционистские меры, выражавшиеся главным образом в установлении соответствующих экспортно-импортных пошлинных барьеров, в большой степени зависели от колебаний конъюнктуры на внешнем рынке и от изменений самого этого рынка для Болгарии¹⁵⁶. При определенной неустойчивости товарообмена Болгарии, вообще из-за того, что она не имела ни одного торгового договора с каким-либо государством, сами эти барьерно-пошлинные мероприятия правительства, несмотря на всю их важность, были недостаточным средством для обеспечения миру предпринимательства постоянной перспективы обогащения, стабильных доходов. Кроме же этого режим не мог предложить никаких других мер по искусственному взбадриванию экономики. Никаких выгодных для буржуазии экономических новшеств, какими, например, в свое время явились в гитлеровской Германии милитаризация экономики или широкий размах общественного строительства, не предусматривалось, да и объективных условий для их проведения в Болгарии не существовало. Постоянные же призывы Цанкова

---

¹⁵⁶ Изменения эти вызывались как последствиями первой мировой войны, так и временной и частичной стабилизацией капитализма, начавшейся в Европе несколько раньше, чем в Болгарии. Они оказывали свое влияние и на структуру международных экономических связей, и на условия их осуществления.

к жертвам¹⁵⁷ вряд ли могли вызвать иное чувство, кроме пессимизма.

Узость и ограниченность возможностей, которыми располагал военно-фашистский режим для обеспечения болгарской буржуазии ее экономического процветания, были объективной реальностью. Они-то и привели, главным образом, к разногласиям по вопросам экономической политики между правительством Цанкова и значительными кругами буржуазии, — разногласиям, постепенно становившимся все более острыми.

Большое раздражение вызывало, в частности, то, что правящие сферы не могли добиться иностранного займа, без которого буржуазия не мыслила себе выхода из финансового тупика. Во время правительственных переговоров между Болгарией, Францией и Англией, завязавшихся в начале 1924 г., которые должны были расчистить путь для стабилизации кредита Болгарии на международных валютных биржах с целью последующего заключения займа, А. Ляпчев и А. Буров, связанные с весьма солидными кругами монополистов, потребовали удовлетворить без отлагательства жесткие условия кредиторов: буржуазия готова была идти на все, лишь бы получить заем. Буров телеграммой из Парижа предупреждал премьер-министра, что срыв переговоров будет «опасным, имеющим вредные последствия во всех отношениях»¹⁵⁸. Шаги Цанкова, не принявшего совета одного из влиятельнейших в финансовых и политических кругах лиц, способствовали разногласиям по этому вопросу в верхушке «Демократического сговора»¹⁵⁹.

Политика «социального мира», требовавшая больших государственных субсидий, также не вызывала в буржуазной среде особого восторга. Власти подвергались критике за то, что хотят сидеть сразу на двух стульях, за то, что делают «реверансы и налево и направо»¹⁶⁰. Эта политика характеризовалась некоторыми буржуазными деятелями как «преследование капитала и неуважение труда». Цанков пытался парировать подобные выпады: «ни налево, ни направо, я иду вперед по пути прогресса, потому

---

¹⁵⁷ Вот характерный образец: «Мы проповедуем бережливость и в нашей проповеди идем дальше и говорим: придется, господа, терпеть и лишения, запаситесь самообладанием, времена нынче тяжелые, мы должны быть готовы принести все жертвы и принесем их во имя будущего, во имя тех, кто придет после нас». (Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., с. 162).

¹⁵⁸ Цит. по: А. Л е о н и д о в. Чуждите кредитори и България след Първата световна война. — Исторически преглед, 1969, № 4, с. 23.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Стен. дневници на XXI ОНС, I р. с., с. 2210.

что представляю общие интересы нации — и интересы капитала, и интересы рабочего»¹⁶¹, но это мало кого успокаивало.

Если вначале недовольство различных кругов буржуазии проявлялось эпизодически, например, в связи с огромным ростом государственных расходов¹⁶² или из-за отсутствия торговых договоров с другими странами¹⁶³, если буржуазия пыталась выдвигать свои требования, в частности, «непрерывно привлекать иностранные капиталы», увеличивать экспорт, развивать местную хлопчатобумажную промышленность и т. п.¹⁶⁴, то с течением времени критика в адрес правительства стала раздаваться уже не по отдельным вопросам, а приобретала все более обобщенный характер. На собраниях софийских торговцев, проходившем в ноябре 1925 г., говорилось уже о «неопытных правителях», экономическая политика которых принесла только вред. Аргументами служили факты «необдуманных распоряжений» о вывозе зерновых, табака и сахара, «неразумная налоговая система», расточительство средств в связи со множеством командировок. Министерство финансов обвинялось в том, что во всех хозяйственных мероприятиях преследует только интересы фиска; Болгарский народный банк — в том, что препятствует инвестициям иностранных капиталов. Собрание констатировало: «ныне вообще нет устоявшейся хозяйственной политики»¹⁶⁵. В том же ключе подавала обзор состояния внешней торговли газета демократов «Знаме», заявляя, что «тяжелое положение», в котором оказалась внешняя торговля, связано в большой мере с «бесхозяйственностью нашей государственной политики»¹⁶⁶. Несколько раньше та же газета, подводя итоги экономической политики правительства, сосредоточивала внимание на отрицательных ее сторонах, выразившихся в нарушении производства сахарной свеклы, кризисе табачного производства, кризисе экспорта, удорожании товаров первой необходимости, финансовом кризисе¹⁶⁷. Газета резко выступала против вмешательства государства в хозяйственную жизнь.

Помимо объективных препятствий, встававших перед правительством Цанкова на пути проведения его социально-экономической политики, были еще и субъективные, а именно: отсутствие единства среди членов кабинета министров по хозяйственным

¹⁶¹ Стен. дневници на XXI ОНС, I р. с., с. 2210.

¹⁶² Там же, II р. с., с. 110.

¹⁶³ Знаме, 20. VII. 1925.

¹⁶⁴ Из резолюции IV съезда торговцев. Знаме, 9. VI. 1925.

¹⁶⁵ Знаме, 2. XI. 1925.

¹⁶⁶ Там же, 10. XII. 1925.

¹⁶⁷ Там же, 19. X. 1925.

вопросам. В ноябре 1924 г. представитель партии широких в парламенте констатировал: «В правительстве существует несколько течений и не только в политическом отношении. . . И в хозяйственной области мы видим, как одни тенденции опровергают другие, принижают их значение или же препятствуют им и ни одна из них не выходит на поверхность»¹⁶⁸. Демократы сетовали на то, что министр внутренних дел вмешивается в вопросы внешней торговли, в которых он некомпетентен и которые далеки от круга его прямых обязанностей¹⁶⁹.

В итоге за два с половиной года деятельности правительство Цанкова не только не смогло укрепить социальных связей с буржуазией, но в какой-то степени потеряло поддержку тех ее кругов, с помощью которых пришло к власти.

Об определенном расшатывании первоначальной социальной опоры режима свидетельствуют колебания, появившиеся и в среде военных. Часть их также выражала недовольство, и притом весьма недвусмысленно, некоторыми социально-экономическими мероприятиями. Так, в 1924 г. группа офицеров запаса направила ряду министров свое «Предопределение». Помимо критики по поводу внутривластных действий правительства, авторы документа раздраженно выступали против некоторых законов и, в первую очередь, против закона о жилищной нужде; он, по их мнению, — аморален и противоконституционен. «Лучше уж оставить старый закон, принятый при Стамболийском», — писали авторы «Предопределения»¹⁷⁰. Письмо кончалось угрозой: если и с законом о трудовой поземельной собственности, и с законом об отчуждении зданий дело обстоит таким же образом (в момент составления текста «Предопределения» авторы его еще не имели сведений об этом), «то здравомыслящие граждане и офицеры запаса должны будут задуматься о способе спасения отечества и от нынешнего режима. . .»¹⁷¹.

Конечно, этот документ еще не свидетельствует о том, что военные перестали быть опорой режима, но он позволяет говорить о недовольстве и колебаниях, появившихся в их среде, в среде тех, кто, по их собственным словам, «после 9 июня целиком поддержал господ министров»¹⁷².

---

¹⁶⁸ Стен. дневници на XXI ОНС. II р. с., с. 25.

¹⁶⁹ Знаме, 10. XII. 1925.

¹⁷⁰ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 754, л. 1.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же.

В кругах реакционной интеллигенции, очевидно, развивался подобный же процесс. Из-за недостатка конкретного материала сошлемся лишь на мнение Цанкова, констатировавшего конечный результат этого процесса. В дневнике о встречах с Ляпчевым и Буровым, состоявшихся в конце 1927 г., он записывает: «Интеллигенция — против нас и систематически работает против нас». И далее: «Интеллигенция покидает нас, более того, она больше не любит нас»¹⁷³.

Итак, социально-экономическая политика правительства Цанкова, не обеспеченная в достаточной мере материально, формировавшаяся без учета экономического потенциала и финансовых возможностей государства и неподкрепленная массовой идеологической обработкой населения, оказалась несостоятельной. Военно-фашистскому режиму не удалось с ее помощью создать себе массовой социальной опоры в лице средних слоев города и деревни. Более того, к концу периода деятельности кабинета Цанкова можно говорить об определенном расшатывании первоначальной социальной базы режима, состоявшей из кругов финансистов, военных, интеллигенции.

---

¹⁷³ АМВР, V0—42929.

Падение правительства А. Цанкова

1. Перелом в отношении политических кругов буржуазии к правительству Цанкова

Примирение буржуазной оппозиции с режимом, явившееся реакцией на взрыв Софийского собора, было временным.

Давно уже был «наведен порядок», арестованы и публично казнены участники террористического акта, а в стране продолжало сохраняться военное положение, по-прежнему происходили «бесследные исчезновения» по одному лишь подозрению в причастности к конспиративной организации, власти упорно продолжали действовать огнем и мечом. Террор свирепствовал по всей стране, несмотря на то, что развязан он был в связи с событиями локальными, ограниченными собственно столицей. В центре и на местах он приобрел самый широкий характер и был настолько откровенно произвольным, что даже представители буржуазии вынуждены были признать, что «многие из интернированных не были совсем ни в чем виновны и что этой мере они подверглись в результате происков своих недругов, сводивших с ними личные счёты»¹.

Оппозиция убеждалась в том, что все ее прежние рекомендации относительно методов «умиротворения» игнорируются, что режим не собирается отказываться от преимущественно силовых приемов при разрешении политических конфликтов, а это значило, что он просто не в состоянии добиться внутреннего спокойствия в стране. Между тем оно было необходимо буржуазии не только для «успокоения ее совести», но, в первую очередь, для ее нормальных занятий предпринимательской деятельностью: временная и относительная стабилизация капитализма, начав-

---

¹ Знаме. 10. XII. 1925.

шаяся в экономической сфере, требовала определенной устойчивости и в политической области. Между двумя этими моментами существовала прямая зависимость. Как писали демократы в своем органе, успокоение страны нужно было для того, чтобы «обеспечить полет сильным, занятым в области производства и обмена»². О том же говорил Н. Мушанов еще в декабре 1924 г.: спокойствие и внутренний мир необходимы для экономического развития и усиления страны³.

Из-за отсутствия в Болгарии нормальных политических условий страдали ее международные торговые связи. Так, болгарский посол в Париже в марте 1925 г. доносил в Софию: «Участившиеся в последнее время политические убийства в Болгарии и нападения вооруженных банд на некоторые пограничные села вызвали в местных торговых кругах беспокойство и сомнения в безопасности для их дел в нашей стране»⁴.

Разгул террора в Болгарии отнюдь не способствовал повышению авторитета ее правительства в правящих и деловых сферах Англии и Франции, а ведь именно на них возлагала болгарская буржуазия надежды как на возможных кредиторов. За границей же правительство Цанкова не имело «доброе имени ни в общественных кругах, ни в прессе. Нас считают недемократичным, реакционным и фашистским правительством. Это — общее мнение всех»⁵. Еще до взрыва Софийского собора репрессивный курс военно-фашистского режима в Болгарии вызвал беспокойство мировой демократической общественности. 9 апреля 1925 г. болгарский посол в Лондоне сообщил в свою столицу, что на заседании палаты общин, состоявшемся накануне, от имени лейбористов был сделан запрос о том, получены ли сведения от их представителя в Софии о событиях в этой стране после того, как ей было разрешено увеличить свои полицейские силы. И при этом, писал посол, «делались намеки на существование в Болгарии белого террора»⁶. Позже в Болгарию приехали лейбористские депутаты, чтобы на месте ознакомиться с обстановкой. В результате их доклада в парламенте английское правительство заявило, что даст соответствующие советы правителям Болгарии⁷.

---

² Знаме, 15. VII. 1925.

³ Стен. дневници на XXI ОНС, II р. с., кн. 1, с. 472.

⁴ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 202, л. 22.

⁵ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 313, л. 2—3. Так писал Цанков в конфиденциальном письме Калфову от 15. IX. 1924 г., ссылаясь на впечатления «наших друзей», вернувшихся с заседания межпарламентской конференции.

⁶ Там же, ед. хр. 591, л. 1—2.

⁷ М. К у м а н о в. Възстановяване на дипломатическите отношения

Французское правительство в свою очередь не проявляло никакой благосклонности к Болгарии, к ее просьбам помочь ей в преодолении ее трудностей. 20 июля 1925 г. болгарский посол доносил из Парижа: «Из-за больших внутренних и внешних затруднений, которые сейчас стоят перед французским правительством, оно действительно не может поддержать нас в вопросе [далее в тексте неразборчиво, но по смыслу «изменения» — Р. Г.] наборной системы нашей армии. . . Французское правительство также не сможет поддержать нас сейчас и по вопросу о снижении нашего репарационного долга. . .»⁸. Итак, никакого просвета в холодно-сдержанном отношении к болгарским правителям со стороны главных в то время европейских держав. Это обстоятельство наряду с давно копившимся недовольством болгарской буржуазии неудачами режима во внутренней, внешней и экономической политике, приобретшими полную очевидность к лету-осени 1925 г., и определило перелом в отношении преобладающих кругов буржуазии к правительству Цанкова.

После того, как в июне 1925 г. социал-демократы сделали в Народном собрании запрос о причинах непрекращающихся репрессий, развитие политической борьбы приобрело новую тенденцию. Хотя тогда, в июне 1925 г., парламентское большинство и встретило этот запрос в штыки, открытая постановка самого вопроса явилась началом большой антиправительственной кампании, в которую оказались втянутыми не только партии буржуазной оппозиции; в ходе ее прорвалось недовольство широких кругов буржуазии, в том числе представленных партией «Демократический сговор».

Интерпелляция не была удовлетворена, поскольку парламент был распущен на очередной летний отпуск. Это, однако, не уменьшило остроты положения. Не прошло и недели с момента прекращения работы Народного собрания, как в адрес Ляпчаева, председателя парламентской фракции «Демократического сговора», стали поступать письма от депутатов от провинциальных избирательных округов с описанием репрессий и бесчинств, происходивших на местах. «Из потерпевших и обвинителей, жаловались они, — мы превратились в глазах своих сограждан в обвиняемых»⁹. Депутаты требовали созыва парламента на чрезвычайную сессию для рассмотрения внесенной интерпелляции. Столичные депутаты «Демократического сговора» в свою очередь посетили Ляп-

между България и Турция (1923—1926). — Исторически преглед, 1971, № 2, с. 81—82.

⁸ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 202, л. 4.

⁹ Спомени на Ст. Мошанов. — АБАН, сб. IV, ед. хр. 163, с. 223.

чева и потребовали прервать парламентские каникулы, рассмотреть вопрос о беспрецедентных убийствах и осудить их, наказать виновных, а, кроме того, в связи с бездействием правительства в сложившейся ситуации выдвинули требование уволить в отставку министра внутренних дел И. Русева¹⁰.

Цанков, однако, сопротивлялся созыву чрезвычайной сессии. В еще большей мере сопротивлялись этому военные, так называемый эскадрон. Они не чувствовали за собой никакой вины, считая, что все средства, вплоть до массовых убийств, оправданы, т. к. служат «общественному благу», а таким благом, по их мнению, было возмездие за погибших при взрыве собора.

Обстановка накалялась. Оппозиция, в отличие от части представителей «демократического сговора», стала требовать не устранения отдельных лиц из кабинета министров, а смены «всей политической системы, всего политического курса»¹¹. Антиправительственная кампания широко развернулась в оппозиционной буржуазной печати. Правительство публично обвинялось в том, что в борьбе с «красной опасностью» опирается лишь на вооруженную силу, что линия на умиротворение страны, во имя чего, дескать, был совершен переворот, не приводит к желаемым результатам, а достигнутое в этом отношении оплачено слишком большими жертвами¹². Газета демократов писала: фактически положение характеризуется наличием государства в государстве, правительство стоит в стороне, ничего не предпринимая для прекращения политической вендетты¹³.

Цанков, собиравшийся осенью вновь поставить вопрос о финансовом положении Болгарии на сессии Лиги Наций, вынужден был отступить, чтобы не выглядеть слишком плохо на этом международном форуме: 4 сентября 1925 г. депутаты парламента собрались на заседание чрезвычайной сессии для обсуждения вопроса о массовых репрессиях в стране, которое вылилось в обсуждение политики правительства в целом.

Расстановка сил при этом сложилась очень непростая.

С одной стороны, — оппозиционные буржуазные партии, требовавшие смены всего политического курса. Впервые за все время существования военно-фашистского режима оппозиция единодушно выступила против правительства, проголосовав за недоверие ему в Народном собрании¹⁴. Согласно заявлению А. Малинова,

¹⁰ Спомени на Ст. Мошанов. — АБАН, сб. IV, ед. хр. 163. с. 225.

¹¹ Радикал, VII. 1925; Знаме, 10. VII, 15. VII, 31. VII. 1925.

¹² Знаме. 10. VII. 1925.

¹³ Там же, 29. VII. 1925.

¹⁴ См. интервью А. Малинова корреспонденту газеты Neue Freie Presse. — Знаме, 8. X. 1925.

оппозиция сообща потребовала создать новое коалиционное правительство, которое сможет добиться полного успокоения страны и энергично заняться оздоровлением финансов и экономики, «двумя самыми важными и, к сожалению, оставленными без внимания задачами».

С оппозицией по существу смыкалась линия части членов «Демократического сговора», тяготевшей к Ляпчеву. Пытаясь воздействовать на премьер-министра, эта группа направила к нему делегацию, задачей которой было предложить Цанкову уволить министра внутренних дел И. Русева в отставку, «ибо он и его администрация не предотвратили массовых убийств и не защитили граждан на местах, позволили «безответственным элементам» играть жизнью людей»¹⁵.

С другой стороны, им оказались противопоставлены премьер-министр с остальной частью «Демократического сговора», державшиеся цинично и не собиравшиеся отвечать на предъявленные им требования и обвинения. В ходе встречи с делегацией группы правительственной партии выяснилось, что Цанков не намерен проводить никакой смены курса. Наоборот, премьер-министр был возмущен требованием делегации, он заявил, имея ввиду коммунистическую партию, что зверь ранен, но еще не убит и что акция должна быть продолжена¹⁶.

В самом парламенте Цанков был поддержан членом «инициативной тройки» Военной лиги К. Георгиевым. Собственно именно по выступлению последнего в дискуссии, как и по выступлению А. Цанкова, можно судить о сложности расстановки сил, до сих пор казавшейся ясной. Позиции того и другого оратора выглядели противоречивыми. Было известно, что К. Георгиев не одобрял эксцессов. Теперь с трибуны Народного собрания он не только выступил в полную поддержку всей двухлетней деятельности правительства Цанкова, но и осудил тех членов «Демократического сговора», которые ставили ее под сомнение из-за массовых репрессий. Цанков со своей стороны объявлял, что причиной разнузданного террора является «большая душа народа». И хотя в частных беседах Цанков говорил о том, что в массовых убийствах виноваты исключительно Вылков и его окружение, в парламенте он всех их брал под защиту. Видимо, премьер боялся, что любая слабость его позиции в этом отношении вызовет действительный и очень опасный кризис его кабинета.

Однако были в речи Цанкова слова, в которых недвусмысленно проскальзывала натянутость его отношений как с Вылковым,

---

¹⁵ Из показаний Ст. Мошанова. — АМВР, II съд., д. 1556, т. III, л. 188.

¹⁶ Там же, л. 190.

так и с Борисом III. Означали ли они, что союз премьер-министра с военными переживал кризис? Выступление К. Георгиева в поддержку Цанкова было ответом на этот вопрос. Оно должно было означать, что единство армии и правительства нерушимо, и именно так было истолковано парламентским большинством. Ст. Мошанов пишет в своих воспоминаниях: никто из членов парламентского большинства не думал, что в результате обсуждения вопроса о репрессиях кабинет уйдет в отставку. Но мы думали, что резолюция будет принята в такой редакции, что будет поставлен вопрос о реконструкции кабинета, а это «послужит клапаном для недовольства, накипевшего среди кругов общественности у нас и за границей. Однако речь К. Георгиева лишила нас всяких иллюзий»¹⁷. В итоге все депутаты «Демократического съезда», включая и ту часть, которая ждала перемен, проголосовали за доверие правительству. Никто из них не рискнул настаивать на своих требованиях о реконструкции кабинета. Казалось, Цанков одержал победу. Демонстрируя свое единство с военными, он вскоре отправился на заседание Лиги Наций вместе с К. Георгиевым.

Но истинная цена этой победы определилась спустя несколько дней, когда дали знать о себе натянутые отношения премьер-министра с Вылковым и Борисом III. Установившуюся было расстановку сил нарушил царь. На созванном им торжественном ужине по поводу выпуска офицеров, он выступил с речью, смысл которой совершенно расходился с оценкой положения в стране, данной А. Цанковым и К. Георгиевым. Речь Бориса была выдержана в стиле требований умиротворения, а не умирения страны. Царь сделал то, чего не стал делать премьер: он признал, что армия, к сожалению, поддавалась «искушениям и увлечениям», но выразил надежду, что в будущем офицеры «сохранят и поднимут ее авторитет», что «любимая и уважаемая всем народом» армия будет безупречной¹⁸.

Итак, царь демонстрировал свое несогласие с общим внутриполитическим курсом и с его оценкой А. Цанковым и К. Георгиевым. В результате его выступления определилось противостояние с одной стороны, премьер-министра, опиравшегося на часть военных, в том числе на антимонархически настроенных членов руководства Военной лиги, и с другой стороны, могущественного военного министра и главы Военной лиги И. Вылкова и его патрона и покровителя — царя Бориса III.

Такая расстановка акцентов в политической ситуации сразу же получила резонанс: смирившиеся было члены части «Демокра-

¹⁷ АБАН, сб. IV, ед. хр. 163, с. 242—243.

¹⁸ Там же, с. 245.

тического сговора» поняли после выступления монарха, что блок Цанкова и военных имеет относительный характер, что позиции самого премьер-министра недостаточно крепки.

В результате, вмешательство царя сыграло важную роль в окончательном повороте значительной части политических кругов буржуазии в их отношении к правительству Цанкова. Этот поворот наметился еще летом 1925 г., когда изменилась линия поведения оппозиционных партий, которые от лояльной оппозиции перешли к более активной борьбе против правительства и осенью 1925 г. сумели даже выступить сообща. Он стал более определенным, когда часть членов правительственного «Демократического сговора» отошла от позиций поддержки Цанкова, в результате чего сам «Демократический сговор» раскололся, а политическая опора правительства таким образом сузилась. Следует отметить, что если вначале борьба внутри правительственной партии шла главным образом между разнородными частями, вошедшими в ее состав, то постепенно она изменила и усложнила свой характер и привела к значительной перегруппировке сил внутри «Демократического сговора». В итоге правительственная партия, избежав угрозы распада на свои составные части — прежние партии, к лету 1925 г. обнаружили явную тенденцию к расколу между двумя центрами: первый из них группировался вокруг шефа — А. Цанкова, второй все более определенно концентрировался вокруг А. Ляпчева — Ат. Бурова. Эти два деятеля не случайно возглавили лагерь недовольных Цанковым внутри «Демократического сговора»: будучи связанными более органично, чем Цанков, с финансовыми кругами, они выражали более полно интересы буржуазии, выступая за изменение ряда направлений экономической политики и, в первую очередь, за более гибкую политику в отношении стран Запада. На этом пути, считали они, легче добиться всеми желанного займа, урегулирования репарационных вопросов.

Уже летом 1925 г., когда парламентское большинство еще голосовало так, как это надо было правительству Цанкова, газета демократов констатировала наличие недовольства среди группировок самого этого большинства, частые разговоры о желательности ухода Цанкова¹⁹.

Осенью 1925 г. процессы внутри «Демократического сговора» привели эту партию к настоящему кризису. Начались расколы в провинциальных организациях²⁰. Социал-демократическая газета

---

¹⁹ Знаме, 10. VII. 1925.

²⁰ Знаме, 16. XI. 1925.

«Народ» со злорадством писала, что правительственная партия даже идет навстречу краху²¹. Так и не успев окончательно консолидироваться, «Демократический сговор» вступил в фазу затяжного внутреннего кризиса.

При этом лагерь Ляпчева-Бурова в парламенте был более многочисленным. Около Цанкова остались бывшие радикалы во главе с П. Тодоровым, часть военных и профессоров²². Но лагерь Ляпчева-Бурова был силен не только числом: он имел крепкие связи с ген. Вылковым и царем Борисом, а, кроме того, и с той частью ВМРО, которая после убийства Т. Александра была возглавлена Ив. Михайловым, но на этом мы остановимся ниже.

Процессы, происходившие в «Демократическом сговоре», представляются нам весьма важными для выявления некоторых особенностей развития фашизма в Болгарии.

Несомненно, что надежды, возлагавшиеся на «Демократический сговор» его организаторами, не оправдались как в том, что он станет одной единственной в государстве партией буржуазии, так и в том, что, сделав его политической опорой режима, удастся компенсировать хотя бы частично отсутствие массовой социальной базы. Процессы внутри правительственной партии в конечном счете привели к обратному результату, а именно к расползанию политической опоры правительства Цанкова, почва под ногами которого стала таким образом сильно оседать.

Кроме того, в отличие от фашистских партий ряда стран, «Демократический сговор» не приобрел признаков, характерных для фашистской партийной организации: железной дисциплины, беспрекословного выполнения инструкций, почитания вождя и т. п. По своей внутренней организации он мало чем отличался от традиционных болгарских буржуазных партий и в этом смысле не мог стать «новым образцом».

Цанков в качестве вождя партии также не мог похвастаться большим авторитетом. Слова Н. Мушанова, сказанные в 1924 г.: «...могу вас уверить, господа, что даже в самих партийных кругах авторитеты ценятся невысоко»²³, имели своим адресатом прежде всего руководство «Демократического сговора».

От старых буржуазных партий «Демократический сговор» унаследовал и такую черту, как постоянное «роение», дробление на множество группировок. Действительно, названные выше две группировки, концентрировавшиеся вокруг Цанкова и вокруг Ляпчева-Бурова, были только главными центрами тяготения.

²¹ Народ, XI. 1925 (Знаме, 26. XI. 1925).

²² Д. К а з а с о в. Видяно и преживяно. с. 359.

²³ Стен. дневници на ХХI ОНС, II р. с., кн. I, с. 472.

Фактически же группировок было больше, современники указывают на наличие в конце 1925 г. по крайней мере пяти²⁴.

В целом попытка построения «Демократического сговора» как партии «нового», фашистского типа в Болгарии оказалась неудачной. Создаваемый в противоположность «старым» партиям, приведшим либеральное буржуазное государство к кризису и неспособным вывести страну из кризисного состояния, «Демократический сговор», а вместе с ним в значительной степени и весь военно-фашистский режим 1923—1925 гг. не смогли порвать с традиционным парламентаризмом. Навыки парламентаризма, парламентарной демократии в том, что касалось политической жизни страны (мы не берем сейчас военную сторону режима), оказались сильнее и в целом предпочтительнее для класса буржуазии, чем то, что пытался ввести Цанков и его сторонники.

Конечно, это не значит, что сопротивление буржуазии фашизации было сознательным. Оно проистекало из конкретных условий, сложившихся в Болгарии: вначале — из нежелания старых партийных лидеров (а именно их поведение в большой мере определяло линию партий) уступать первенство политическим парвеню, а затем — из отсутствия объективных и субъективных условий для последних добиться успехов во внутренней, внешней или хозяйственной политике и приобрести таким образом политический авторитет, завоевать доверие широких кругов буржуазии.

Это не значит, с другой стороны, что Цанков, а, следовательно, его идеи, его методы не имели союзников среди буржуазии. Часть членов «Демократического сговора» сохранила верность своему шефу. Более того, и противоположный лагерь внутри «Демократического сговора» было бы неправильно называть лагерем чисто буржуазно-демократическим. Его лидеры Ляпчев и Буров внимательно следили за ходом фашизма в Италии, за проявлениями его в собственной стране и вовсе не отказывали ему в симпатиях. Ни отдельные буржуазные деятели, ни их партии не были отгорожены китайской стеной от тех, кто выступал в качестве носителей фашистских идей, кто пытался воплотить эти идеи практически. В целом процесс политического и идеологического взаимодействия между ними был настолько сложен, что не случайно болгарские историки до сих пор дискутируют вопрос о том, какие же слои буржуазии поддержали фашизм. Н. Генчев утверждает, например, что хотя отдельные буржуазные деятели поддержали фашизм как политическое движение, поддержали и его практическую деятельность, в целом старые буржуазные партии были изолированы от

---

²⁴ Д. К а з а с о в. Указ. книга, с. 358.

военно-монархического союза, который Н. Генчев считает гл́авной основой болгарского фашизма²⁵. Д. Казасов, участвовавший в научной дискуссии о фашизме в Болгарии, в свою очередь заявляет, что фашизм смог проникнуть только в часть буржуазии, выросшую в условиях выгодной послевоенной конъюнктуры, но не в «старую» буржуазию, представителями которой были Буров, Ляпчев и Малинов²⁶. Академик Ж. Натан, наоборот, подчеркивает, что наиболее крупными адептами фашизма в Болгарии были представители монополистического капитала, а к ним относились и деятели «старых» партий²⁷.

Такой разницей во мнениях говорит о том, что процесс фашизации болгарской буржуазии еще подлежит детальному изучению. Несомненно, однако, уже сейчас, что среди буржуазных политических деятелей, среди массы членов буржуазных партий сторонники Цанкова к концу периода деятельности его правительства составляли меньшинство.

2. Брожение среди военных

Сложные внутренние процессы происходили и среди массы военнослужащих, находившихся на действительной службе или уволенных в запас.

Несмотря на то, что именно военные произвели переворот 9 июня 1923 г. и что установившаяся в результате его власть в большой степени носила военный характер, осуществлялась с помощью военных, последние с течением времени начали испытывать недовольство, постепенно все нарастающее.

Разочарование массы отставных военных проистекало прежде всего из того, что их материальное положение, как и положение инвалидов войны, а также вдов и сирот, кормильцы которых погибли в боях, оставалось тяжелым: меры правительства в этом отношении оказались малорезультативными²⁸.

Но, может быть, в еще большей степени военные были недовольны тем, как реализовались на практике их политические

²⁵ Н. Генчев. Нужни са сериозни изследвания за фашизма в България. — Исторически преглед, 1968, № 4, с. 90.

²⁶ Д. Казасов. Фашизмът и политическите партии. — Исторически преглед, 1968, № 5, с. 100.

²⁷ Ж. Натан. Заключение и изводи по основните въпроси на дискусията за фашизма в България. — Исторически преглед, 1969, № 1, с. 110.

²⁸ См.: Резолюция на 20 редовен конгрес на Благотворителните запасни подофицерски дружества в България (28. VIII — 1. IX. 1925) — ЦДИА, ф. 11, ед. хр. 1087, л. 1.

идеалы. Авторы уже упоминавшегося «Предопределения» писали, что они «ждали выполнения обещанного, но остались разочарованными»²⁹. Рядовые члены Военной лиги считали, что Цанков не оправдал их надежд, т. к. управление страной оказалось в руках тех же самых сил, что и в прошлом, до войн, и что осуществлялось оно с помощью старых приемов³⁰. Сложившиеся методы внутренней политики казались военным совершенно недостаточными, чтобы преодолеть главного врага — коммунистическую опасность. В частности, авторы «Предопределения» недвусмысленно выражали свое недовольство тем, что «разрушительные элементы», несмотря на закон о защите государства, продолжают действовать³¹. Для окончательного разгрома коммунизма в стране надо было действовать, по их мнению, сильной рукой. Между тем вместо крепкой власти налицо была ожесточенная, как они считали, внутривластная борьба, ослаблявшая государство и способствовавшая упадку патриотических настроений. В резолюции 20 съезда благотворительных обществ унтер-офицеров по этому поводу говорилось: «Внутренняя партийная борьба из-за слабого политического воспитания нашего народа стала большим государственным злом, т. к. привела к разъединению партий, а ее ожесточенность подавила в болгарине элементарное чувство любви к нашей родине»³².

Усилия государства по воспитанию и культивированию в массах «патриотизма», которые при ограниченности тогдашних внешнеполитических возможностей Болгарии должны были оставаться главным средством для поддержания веры в будущее осуществление национального идеала, также представлялись военным недостаточными. Раздражала их и малая результативность проводившегося внешнеполитического курса. Они считали, что страны-победительницы слишком жестоко поступили с Болгарией и что для ликвидации несправедливого мирного договора правительство должно было бы выступить с более активных позиций.

Таким образом военные в массе своей оставались неудовлетворенными как отсутствием решительных сдвигов в улучшении их материального положения, так и сложившейся формой режима, методами внутренней и внешней политики, низкой их результативностью.

---

²⁹ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 754, л. 1.

³⁰ АМВР, Об. 21168, л. 1. Из полицейской справки о деятельности Военного союза.

³¹ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 754, л. 1.

³² Там же, ф. 11, оп. 1, ед. хр. 1087, л. 1.

Но если в критике буржуазии по поводу внутренней, внешней и социально-экономической политики правительства присутствовали, переплетаясь, оценки и с левых, и с правых позиций, то критика со стороны военных раздавалась в основном справа.

В сложившейся ситуации одной из главных задач многочисленных и разнообразных военных организаций стало культивирование «патриотических» настроений. Например, устав Общей федерации ветеранов войны и патриотических организаций Болгарии так определял цели федерации: а) защита народных идеалов, б) защита верховных интересов отечества, в) поддержание любви к родине и т. п.³³.

События, связанные со взрывом Софийского собора, послужили толчком к активизации организаций военных, причем к активизации их главным образом в крайне реакционном направлении. Ряд из них, в частности «Родна защита» и «Кубрат», в переломный для правительства Цанкова 1925 год, приобретают черты, характерные для открыто фашистских организаций.

В. Коцев, в 30-е годы выступавший в качестве одного из фашистских проповедников, считал усиление деятельности «Родна защиты» и «Кубрата» реакцией на неудавшуюся попытку Цанкова установить в стране фашистскую диктатуру. Оценивая переворот 9 июня 1923 г. и провозглашенное Цанковым начало «эры примирения сословий и классов», как радостный факт, означающий, что «фашизм у нас принимает реальное выражение и становится фактом»³⁴, В. Коцев сетует далее, что, к сожалению, этого не произошло. «Вместо фашизма, — говорит он, — на политическом горизонте Болгарии выдвинулась новая по виду, старая по идее и содержанию формация «Демократический сговор». . .»³⁵ Он отмечает, что запасное воинство, разочаровавшись в своих надеждах, «начало оформляться в надпартийные националистические организации «Кубрат» и «Родна защита» с целью приобщить массы к государственной идее»³⁶.

Активизацию «Родна защиты» В. Коцев связывает непосредственно с апрельскими событиями 1925 г., которые отставные военнослужащие расценивали как свидетельство того, что «партии не в состоянии справиться с родоотступниками». Сильным и непосредственным импульсом к этому была гибель под развалинами собора идейного вдохновителя и руководителя этой органи-

³³ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 550, л. 3.

³⁴ В л. Коцев. Фашизм, национализм, българизъм. С., 1928. с. 1.

³⁵ Там же, с. 2.

³⁶ Там же.

защиты генерала Нерезова. «Родна защита» стала особенно быстро разрастаться в ряде провинциальных городов — Ямболе, Бургасе, Русе, Тырнове и др. Ее организации появились и в деревне³⁷. Более удачливая, по мнению Д. Казасова, чем «Кубрат», в смысле завоевания себе почвы, «Родна защита» включала в себя «шовинистические элементы, офицеров запаса, заядлых германофилов национально-либерального происхождения, македонствующих и других»³⁸. Организация «распространила свою сеть по всей стране», имела свои «боевые ядра», проводила съезды и слеты, однако численность ее остается неизвестной.

«Кубрат» был сравнительно узкой организацией, вступление в него оговаривалось более строгими правилами. Организация в связи с переворотом 9 июня 1923 г. пережила кризис. Согласно сведениям того же Вл. Коцева, члены «Кубрата», участвовавшие в перевороте, вместо того, чтобы затем добиваться правления «с целью укрепления порядка и авторитета власти, не утруждающей себя интересом к тому, что происходит в партийных гнездах», подпали под влияние политиков и поддержали создание «Демократического сговора». В результате наиболее крупные деятели «Кубрата» либо вошли в состав «Демократического сговора», либо вообще остались в стороне. Это крушение идеи установления открытой диктатуры привело «Кубрат» в полный упадок³⁹. Но к 1925 г. организация возродилась. Этому способствовали решения съездов союзов офицеров и унтер-офицеров запаса, на основании которых последние стали массово вступать в «Кубрат», претендуя на руководящие посты в нем.

1925 год явился началом того трехлетнего периода, на который приходится, согласно полицейским оценкам⁴⁰, максимум активности «Кубрата». В это время происходит оформление лица этой организации, разрабатывается и принимается «Законник кубратиста», включавший в себя Катехизис, Устав организации, отдельный Дисциплинарный устав, правила внутренней жизни местных организаций, правила проведения собраний и т. п.

Разработаны эти документы, основные из которых кубратисты должны были заучивать наизусть, очень обстоятельно.

Катехизис насчитывал девять пунктов. Каждый член организации должен был раз в неделю читать этот Катехизис, «чтобы пробуждать в себе дух Кубрата, Крума и Симеона во славу Отечества». Заповедь первая гласила: «Я болгарин и горжусь тем,

³⁷ В л. Коцев. «Родна защита», «Кубрат». Бургас, б/д, с. 5.

³⁸ Д. Казасов. Указ. книга, с. 363—364.

³⁹ В л. Коцев. «Родна защита», «Кубрат», с. 4.

⁴⁰ АМВР. Об. 7287-а, л. 22.

что родился болгаринoм. За Болгарию и ее идеалы готов умереть»⁴¹.

В Уставе «Кубрат» характеризовался как общественная непoлитическая беспартийная организация, объединяющая всех болгар независимо от их классовой, сословной или общественной принадлежности во имя идеи, выражавшейся словами: Болгария и ее духовное и материальное могущество⁴². Главным организациoнным принципом «Кубрата» было иерархическое подчинение.

Местные организации, так называемые снопы, должны были состоять из 5—15 членoв, имеющих «крепкие духовные связи между собой». Каждoму снопу присваивалось имя какого-либо болгарского вoждя. Отсутствие на собраниях снопa члена его допускалось лишь со специального разрешения главаря. Если кубратист уезжал куда-либо, он должен был постоянно держать главаря в курсе того, где в данный момент находится.

На своих регулярных собраниях кубратисты должны были читать материалы «по вопросам идеологии кубратизма», подробно изучать принципы организации (дисциплина, иерархия, компетентность, труд и храбрость), изучать болгарскую историю, постоянно расширять свой кругозор. Предусматривался и значительный элемент военной игры: главарь должен был раздавать кубратистам специальные задачи в письменном виде. Члены «Кубрата» должны были заниматься различными видами спорта, устав обязывал каждый сноп устраивать туристические слеты, а раз в году — выезд в лагерь минимум на два дня⁴³.

Дисциплину должны были воспитывать такие правила: каждый кубратист должен был являться куда-либо с точностью до минуты, опоздавшие на заседание до 15 минут имели право лишь совещательного голоса, при опоздании больше чем на 15 минут — не допускались вообще. Каждое заседание начиналось с чтения Катехизиса, которое кубратисты выслушивали стоя.

Кубратисты должны были уметь быстро собраться, причем главари должны были озаботиться созданием такой надежной системы связи (с помощью телефона, курьеров, специальной сигнализации), чтобы в случае необходимости собрать свой сноп в течение 10 минут. Для чего все это было нужно? Соответствующий пункт устава столь характерен, что нелишне будет привести его целиком: «При народных бедствиях: пожаре, наводнении, катастрофе, землетрясении, *революции* [подчеркнуто мною — Р. Г.]

⁴¹ ЦДИА, ф. 264, оп. 2, ед. хр. 8066, л. 37.

⁴² Там же, л. 38.

⁴³ Там же, л. 45.

и т. п., каждый сноп должен немедленно, не ожидая приказа, собраться в своем помещении. Собраться следует в течение получаса с начала бедствия, после чего следует во главе с главарем отправиться к месту происшествия. . . По прибытии на место главарь связывается с органами власти и выполняет их указания. Если представителя власти еще нет на месте, до его прибытия главарь берет на себя руководство действиями»⁴⁴.

В обязанности главаря входило также посетить больного кубратиста и, в случае необходимости, привлечь весь сноп для оказания помощи ему. Всячески проповедовался дух братства и взаимной поддержки.

Для кубратистов устанавливались специальное приветствие и специальная форма защитного цвета, которую рекомендовалось носить всегда, а не только по официальным праздникам. Каждый кубратист должен был быть подписчиком газеты и журнала организации.

«Кубрат» был организацией монархической. Повсюду в помещениях устав обязывал вывешивать портреты царя, наряду с изображением ханов Кубрата, Аспаруха и т. п.

Судить о том, в чем выражалась конкретная деятельность «Родна защиты» и «Кубрата» из-за отсутствия необходимых материалов в настоящее время не представляется возможным. Но есть свидетельство того, что держали себя члены этих организаций вызывающе даже в отношении отдельных представителей правительства. Так, в марте 1925 г. министру иностранных дел Калфову было направлено письмо, подписанное: «офицеры Сговора и «Кубрат»». В нем выражалось требование «освободиться от влияния» двух лиц, неугодных авторам письма. Требование подкреплялось угрозой: «Не забудьте, что те, кто рисковал своей жизнью во имя 9 июня, не пожалеют ничьей головы, борясь за честь Сговора и интересы отечества»⁴⁵.

Другой организацией фашистского типа был «Союз бойцов». Он объединял бывших фронтовиков, которые должны были сплотиться во имя «национального величия» Болгарии⁴⁶.

«Союз бойцов» выступал за «авторитетную власть», за развитие в народе «национального и гражданского самосознания, самоотверженности, уважения к национальным героям, чувства законности и справедливости». Средством для достижения национального величия объявлялось «примирение классов через регу-

⁴⁴ ЦДИА, ф. 264, оп. 2, ед. хр. 8066, л. 47.

⁴⁵ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 350, л. 1.

⁴⁶ Работнически вестник, 5. I. 1924.

лирование и дисциплинирование классово-сословной борьбы». Излагая основные программные требования «Союза бойцов», орган коммунистической партии Болгарии подчеркивал, что они в большей своей части являются буквальным переводом программы итальянских фашистов.⁴⁷

В организационном отношении «Союз бойцов» был слабым и малочисленным. Пополнив своими членами ряды «Родна защиты» и «Кубрата», где они «надеялись найти реальное выражение своих фашистских идей»⁴⁸, «Союз бойцов» фактически распался.

Итак, в 1925 г. отмечается активизация организаций фашистского типа, членами которых в основном были бывшие военнослужащие. Одним из наиболее характерных направлений этой активизации было усиление их организационной деятельности: рост числа членов, выработка организационных принципов. Вместе с тем фашистские организации даже в период их наиболее активной деятельности оставались слабыми, разобщенными. Множественность этих однотипных организаций проф. В. Хаджиниколов называет «политическим плюрализмом болгарского фашизма», считая его существенным своеобразием страны⁴⁹. Этот плюрализм не был преодолен в годы военно-фашистского режима.

Однако при всей своей односторонности сама по себе активизация фашистских организаций была весьма симптоматичной. Она явилась следствием недовольства кругов военных малой результативностью внешней, внутренней и экономической политики правительства Цанкова. Будучи вовлеченными в процесс перегруппировки внутренних сил, военные в значительной своей части заняли крайне правые позиции. С этих позиций они и критиковали правительство Цанкова, что в свою очередь было свидетельством неудовлетворенности крайне правых сил степенью фашизации государственной и общественной жизни Болгарии, известным разрывом между фашистскими идеалами и их осуществлением.

Но были среди военных и такие, кто совсем иначе реагировал на порядки, установленные в Болгарии после переворота 9 июня 1923 г. «В армию была внесена бацилла разложения, — говорил в своих показаниях на процессе 1954 г. бывший член Военной лиги генерал запаса И. Дипчев. — Армия использовалась властями

---

⁴⁷ Работнически вестник. 5. I. 1924.

⁴⁸ В л. Коцев. Фашизм, национализм, болгаризм, с. 2. Но и в рамках «Родна защиты» и «Кубрата» члены Союза не могли обрести устойчивости. В 1927 г. Союз вновь появляется на поверхности теперь уже под названием «Союз болгар (бывших бойцов)». (Там же).

⁴⁹ В. Хаджиниколов. Още за фашизма и неговите особености в България. — Исторически преглед, 1968, № 6, с. 56.

для выполнения полицейских функций, чего раньше, кроме очень редких и исключительных случаев, не было»⁵⁰. Участие армии в осуществлении репрессий, в производстве арестов, обысков, убийствах многие военные считали позорящим офицерскую честь. Они были недовольны ген. Вылковым, требовавшим от армии выполнения несвойственных ей задач, покровительствовавшим македонским террористам. Они были недовольны тем, кто стоял за Вылковым — царем Борисом⁵¹. Члены Военной лиги, приезжая из провинциальных гарнизонов в столицу, сталкивались с глухим раздражением части своих коллег в связи с тем, что Вылков всеми делами вершит единоначально, минуя центральный орган Лиги⁵².

Однако процесс аккумуляции этого недовольства был медленным. Определенным толчком для него послужил опять-таки взрыв Софийского собора, после которого в Военной лиге началась внутренняя борьба⁵³. Правда, оформление недовольных Вылковым — в основном это были молодые офицеры — в отдельные группы некоторые бывшие члены Военной лиги датируют лишь концом 1925 — началом 1926 гг.⁵⁴. Но чрезвычайно важно отметить эту сторону внутренних процессов, происходивших в среде военных: слабо выраженная в 1924—1925 гг. борьба недовольных Вылковым и царем привела спустя несколько лет к совершенно новой расстановке сил среди военных, к распространению среди них части определенно антимонархических настроений. Истоки этого движения уходили в период деятельности кабинета Цанкова.

В целом, как видим, процессы среди военных также способствовали определенному размыванию почвы под ногами правительства Цанкова. Однако это было скорее угрозой, чем фактом, поскольку военным, привыкшим повиноваться приказам, было труднее позволить взять верх волновавшим их чувствам, во всяком случае до тех пор, пока военно-фашистское руководство страны демонстрировало свое единство. Положение изменилось, когда отношения внутри этого руководства открыто перешли в кризисную стадию.

---

⁵⁰ АМВР, II съд., д. 1556, т. X, л. 58.

⁵¹ Х р. С т о й к о в и др. Указ. соч., с. 213.

⁵² АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 301. Из показаний И. Ковачева.

⁵³ Там же, л. 304.

⁵⁴ Х р. С т о й к о в и др. Указ. соч., с. 224.

3. Кризис отношений в военно-фашистской верхушке

Период единства в руководящей верхушке государства был коротким. Стремление к единству превалировало в течение нескольких месяцев после переворота 9 июня 1923 г., когда угроза потери захваченной власти была реальной из-за вооруженного сопротивления трудящихся, когда механизм военно-фашистского режима находился еще в стадии своего становления.

Однако уже в 1924 г., когда положение режима несколько стабилизировалось, в правящей верхушке наметились серьезные разногласия по линии А. Цанков — И. Вылков. В основе их лежал разный подход к некоторым проблемам внешней политики и, в частности, к возможности урегулирования отношений с Югославией, а отсюда — разный подход к ВМРО. В 1928 г., согласно одному из документов о конфиденциальных переговорах между Ляпчевым и Цанковым, последний в ходе их говорил: «Вы знаете, г. Ляпчев, что во время моего правления г. Вылков саботировал мою внешнюю политику и мою политику в отношении этой организации [ВМРО — Р. Г.].» Он сообщал последней, что правительство хочет ее уничтожить, перебить ее главных руководителей. Меры по ее обезвреживанию, которые Вылков должен был предпринять, не только не осуществлялись, но Вылков предварительно извещал организацию о них⁵⁵.

Цанков обвинял далее Вылкова в использовании связей с «македонским комитетом» в личных целях, в том, что именно интриги Вылкова способствовали усилению в ВМРО внутренней борьбы, принявшей характер самоистребления.

Другим пунктом разногласий между Цанковым и Вылковым были некоторые вопросы, связанные с внутренней политикой. Нет необходимости повторять, что премьер-министр был за жесткий внутривластный курс, его не смущали репрессии в отношении десятков тысяч людей, осуществлявшиеся на «законном основании». Но он был против так называемых «неразумных исступлений» — политических убийств из-за угла, которые в основном организовывались 3-й секцией военного министерства по указанию Вылкова, а выполнялись сотрудниками секции совместно с македонскими террористами. Эти акты мешали, по мнению Цан-

---

⁵⁵ АМВР, VO—42929, папка «Речи Цанкова», л. 3—4. Документ, озаглавленный «Развитие министерского кризиса и кризиса «Демократического стовора», представляет собой небольшую брошюру. Изготовлена она, судя по содержанию, сторонниками Цанкова и отражает взгляды последнего на ход политической борьбы в связи с реконструкцией кабинета Ляпчева в 1928 г. и роль царя в ней.

кова, стабилизации его кабинета как внутри страны, так и вовне, мешали правительству завоевать расположение стран Запада, лишали надежд на получение займа.

Согласно цитируемому выше документу, Цанков в беседе с Ляпчевым говорил об этих своих расхождениях с Вылковым в таких выражениях: «Я обвиняю ген. Вылкова в политических убийствах; он сам поощрял убийство некоторых лиц, сам допустил такие убийства»⁵⁶. И в последующие годы Цанков не раз обращался к этому сюжету. В речи на съезде «Демократического сговора» в мае 1932 г. он жаловался: в моей борьбе против «неразумных исступлений» я не был поддержан никем⁵⁷. Тот же мотив звучит и в «Обращении к моим друзьям и единомышленникам», датированном 9 июня 1943 г.: «Ни кто иной, а один я с горсткой товарищей вел борьбу против преступных деяний, которые приписывают моему правлению. 20 лет спустя после этих событий я должен публично заявить, что именно в борьбе против этих крайностей я не был поддержан никем, наоборот, я был отстранен»⁵⁸.

Демагогический характер этих «обвинений» очевиден, поскольку само прекращение практики «неразумных исступлений» принципиально мало что изменило бы в том репрессивном курсе, который проводился в стране систематически и на законном основании и распространялся на массы людей, а не на единицы, и от которого Цанков и не думал отказываться. Приведенные же выше выдержки из документов важны главным образом для характеристики отношений внутри военно-фашистской верхушки.

Действия всемогущего военного министра были вмешательством в круг обязанностей министра иностранных дел Хр. Калфова и министра внутренних дел Ив. Русева. Для первого они становились преградой на пути достижения каких-либо успехов в улучшении отношений с Югославией. Второго они просто ставили в двусмысленное положение: ему приходилось принимать обвинения в полной неспособности и непригодности выполнять функции министра внутренних дел, в том, что несмотря на множество политических убийств, «ни одно из них не было раскрыто». Но не мог же он начать расследование по обвинению в организации политических убийств Ив. Вылкова! Не удивительно, что отношения между членами кабинета Цанкова завязывались в сложный узел.

В 1925 г. раскол в правительстве стал реальностью. Он отражал не простой распад коалиции гражданских и военных мини-

⁵⁶ АМВР, VO—42929, папка «Речи Цанкова», л. 3.

⁵⁷ I редовен конгрес на Демократически сговор. Речите на Ал. Цанков. Решенията на конгреса. С., 1932, с. 16—17.

⁵⁸ АМВР, VO—42929, б/л.

стров, созданной в 1923 г., но гораздо более сложные явления, связанные с первоначальной диффузией составных частей этой коалиции и последовавшим затем развалом союза трех военных, которые в 1923 г. вошли в правительство — Ив. Вылкова, Хр. Калфова, Ив. Русева. Оба последних оказались в стане премьер-министра и против Вылкова⁵⁹.

Из гражданских министров большинство стало на сторону Цанкова вполне определенно или имело тяготение к этой группировке, так что из 10 членов кабинета на группировку Вылкова приходилось только три (сам Вылков, Д. Христов и Цв. Бобошевский). Но большая численность сторонников премьера не была равнозначна большей его силе: правительство в системе военно-фашистского режима не играло первостепенной роли.

О внутренних процессах в Военной лиге, ведших к определенной перегруппировке сил в ней, мы уже упоминали выше. Они затронули также и руководство этой организации, отражением чего явилось выступление К. Георгиева в парламенте в сентябре 1925 г. в поддержку Цанкова. Хотя материалы, характеризующие эти процессы, крайне скудны, есть все основания считать, что некоторая часть военных тяготела к Цанкову. И все же оказывалось, что реальных результатов из складывавшейся расстановки сил можно было добиться только имея за собой поддержку царя.

Когда Цанков потерял благоволение монарха, точно установить трудно⁶⁰, но, бесспорно, что он потерял его. Среди дневниковых записей Цанкова о содержании его политических бесед 1927 г. с Ляпчевым находим такую: «Различия между нами и царем»⁶¹. Очевидно, что различия эти были того же свойства, что и различия, приведшие к разладу отношений премьера с военным министром, ибо линия последнего в большей степени была следствием выполнения им указаний Бориса III, чем его собственной. О характере взаимоотношений между царем и Вылковым современники свидетельствуют так: на процессе 1954 г. адъютант военного министра говорил: я не знаю, каковы были отношения Вылкова и Бориса III, «но считаю, что Вылков пользовался доверием царя»⁶². Порков, ближайший сподвижник Вылкова, которому последний поручил руководство 3-й секцией, показывал: царь

⁵⁹ В отношении Русева Вылков на процессе 1954 г. говорил, что они «за время совместной двухлетней службы в кабинете из друзей превратились в больших недругов. . .» (АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 193).

⁶⁰ Все поиски документального конкретного материала, характеризующего фактическую роль царя в событиях 1923—1925 гг., как и более позднего времени, оказываются до сих пор тщетными.

⁶¹ АМВР, VO—42929, л. 4 [записей].

⁶² АМВР, II съд., д. 1556. Т. IV, л. 29.

«не любил характеры, любил бесхарактерных, любил людей, которые ему служили. . .»⁶³

Но лучшим доказательством благоволения царя к Вылкову, и не кратко, а тянувшегося многие годы, является та позиция защиты военного министра, которую занимал Борис III на всем протяжении борьбы различных кругов за смещение Вылкова, борьбы, разыгравшейся в 1927—1928 гг., вплоть до так называемого «вылковского кризиса» 1928 г.

Разумеется, меньше всего это отношение царя к Вылкову базировалось на личных чувствах. Дело было связано с тем, что реальной гарантией власти, в том числе власти самого Бориса, после переворота 9 июня 1923 г. была армия, военные. Царь вполне контролировал эту силу, притом не только формально, по конституции, но и, что несравненно более важно, — фактически. И осуществлялось это в первую очередь через ген. Вылкова. Естественно, Вылков был нужнее царю, чем Цанков, и потому, когда отношения в руководящей верхушке режима зашли в тупик, монарх оказался именно за спиной Вылкова, а Цанков был принесен в жертву во имя сохранения реальной роли царя в делах страны.

Вылков был нужнее монарху еще и потому, что через него Борис III имел гарантированную связь с ВМРО, и через Вылкова монарх использовал ВМРО для организации некоторых политических убийств⁶⁴. Конечно, сам Вылков при этом должен был оставаться в тени, его связи с ВМРО были тщательно замаскированы. Личные встречи военного министра с Т. Александровым, а позже с Ив. Михайловым происходили тайно, чаще всего под покровом ночи. О них знали лишь несколько самых приближенных к Вылкову лиц.

Не лишенный политической прозорливости и коварный по натуре царь старался помешать укреплению любой силы, которая в будущем могла ограничить его собственную роль в государстве. С этой целью он вмешивался во внутренние дела различных политических группировок, натравливая одних деятелей на других. Борьба политических партий, ослаблявшая их, была на руку Борису III. Что касается «Демократического сговора», то неудача с превращением его в сильную, единую партию была связана не только с причинами, о которых говорилось выше, но в известной степени и с шагами, предпринимавшимися для этого царем. Порков утверждал в 1954 г., что царь приложил свою руку к расколу между Вылковым, с одной стороны, и Цанковым — Калфовым, с дру-

⁶³ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 45.

⁶⁴ Там же, т. X, л. 131.

гой, к расколу «Демократического сговора». «По моему мнению, — говорил Порков, — это происходило под диктовку царя»⁶⁵.

Участие военной верхушки в организации массовых репрессий 1925 г., способствовавших расползанию «Демократического сговора» между двумя центрами, разумеется, тщательно вуалировалось. Любые слухи о причастности военных к террористическим актам резко пресекались. Характерен в этом отношении приказ военного министра от 30 июля 1925 г., специально сделанный достоянием политических кругов. Он гласил: «. . . в связи с некоторыми убийствами, хотя их и немного, определенные лица, а может быть и группы, распространяют ложные слухи, тенденциозно обвиняя военные власти в этих убийствах. Приказывая принять самые серьезные меры против распространителей подобных слухов, преследуя виновных в судебном порядке. Я уверен, что армия останется верной самой себе и не поколеблет моей и народа веры в нее, что она не может допустить убийств, а тем более сама совершать их, что она стоит над всеми без исключения партиями и что преступники или виновные будут судимы только и только военным судом. Принять самые серьезные и энергичные меры для преследования преступников, независимо от того, кто они»⁶⁶. Так Вылков изворачивался, уходил от ответственности, перекладывая ее на министра внутренних дел (как тут было не посориться бывшим друзьям!) и на премьер-министра.

В результате военному министру и стоявшему за его спиной царю удавалось оставаться в тени. Цанков же вместе со своими сторонниками оказывались связанными в своих действиях и заявлениях, да и реальной силой для противодействия Борису III и Вылкову они не располагали. Более того, премьер вынужден был прикрывать эту игру и платить по собственным и чужим счетам, если желал сохранить свое кресло. Цанков вполне заслуженно получил в народе прозвище кровопийцы, на его совести — потоки крови антифашистов, сознательно пролитые в годы проведения его кабинетом репрессивного курса в отношении трудящихся. Ничто не может обелить его. Но рядом с Цанковым должны быть поставлены те, вина которых не меньше. Это — генерал Вылков. И это — царь Борис.

Летом 1925 г., когда почва под ногами правительства стала сильно колебаться, игра с Цанковым приблизилась к развязке. Решение задачи сохранения военного характера режима в существовавших условиях представлялось однозначным: уйти должен

⁶⁵ АМВР, II съд., д. 1556, т. II, л. 43.

⁶⁶ Знаме, 31. VII. 1925.

был Цанков, как олицетворение сложившихся порядков, как формально главная фигура режима. Существо же последнего, и в первую очередь военно-монархический союз, должны были остаться.

Особых трудностей с подысканием кандидатуры нового премьер-министра также не было, она напрашивалась сама собой — Ан. Ляпчев. Он возглавил часть «Демократического сговора», противостоявшую другой, количественно меньшей части во главе с Цанковым, и таким образом был как бы выдвинут правительственной партией взамен лидера, утратившего политический кредит. Представляя вместе с Буровым Болгарию за границей, он имел непосредственные контакты с финансовыми кругами Запада, располагал личным доверием представителей некоторых из них и готов был пойти на любые уступки, лишь бы добиться займа. Займа, необходимого в первую очередь буржуазии.

Кроме того, Ляпчев имел тесные связи с Военным союзом, с «руководящими генералами»⁶⁷, в том числе с Вылковым, выступал за сильную власть⁶⁸. Уроженец Ресена, он не разделял цанковского стремления нейтрализовать ВМРО⁶⁹.

Ляпчев обладал политическим и государственным опытом, дважды до этого входил в состав правительств.

Всеми этими качествами и обстоятельствами Ан. Ляпчев устраивал и основные политические круги буржуазии, и военных, и царя. В итоге расстановка четкие очертания. «Цанков, Калфов, Русев думали по-другому, чем я, Ляпчев, Буров и другие», — скажет об этом спустя десятилетия Вылков⁷⁰.

При такой определенности размежевания, при таком количественном и качественном (за счет царя) перевесе сил одной из группировок, смена действующих лиц была лишь делом механики. И этот механизм был запущен, когда царь выступил с речью в

---

⁶⁷ П. Вранчев. Спомени. С., 1968. с. 218.

⁶⁸ АМВР, II съд., д. 1556, т. VIII, л. 2. Протокол очной ставки Н. Вылкова с П. Шандановым.

⁶⁹ Ратник на свободата, 8. IV. 1924.

⁷⁰ АМВР, II съд., д. 1556, т. VIII, л. 2. Это признание Вылков сделал во время следствия 1954 г. при очной ставке с П. Шандановым, который заявил: «Предметом спора между двумя фракциями Сговора была внешняя политика последнего. Одна фракция была за более тесное сотрудничество с Югославией за счет ликвидации ВМРО, другая же во главе с Ляпчевым — ген. Вылковым была за статус кво и покровительство ВМРО на болгарской территории». Шанданов подчеркнул также, что фракция Ляпчева—Вылкова действовала с благословения монарха. Характерно, что эти констатации не вызвали никаких возражений со стороны Вылкова.

военном училище перед высшими чинами болгарской армии. Открыто выраженная позиция Бориса III сыграла большую роль в поведении военных в ходе последующих событий. Секретарь Ляпчава показывал на процессе 1954 г.: «Считаю, что поведение военных, поддержавших устранение Цанкова, было вызвано их убеждением, что этого изменения желает дворец»⁷¹. Генерал Вылков, действуя в свою очередь, сумел спровоцировать Цанкова в октябре 1925 г. на поездку в Югославию. Видимо, премьер-министр совсем лишился политического чутья, если отправился в Белград, не имея официального приглашения. Позже Цанков обвинял в коварстве Вылкова, который «вместе с бывшим сербским [югославским — Р. Г.] послом будто бы устроил мне приглашение посетить Белград, тогда как в сущности такого приглашения не было»⁷².

Обстановку, в которой Цанков поехал за границу, газета демократов «Знаме» оценивала следующим образом: в стране сохраняется военное положение, что затрудняет любую международную деятельность. «К несчастью, не только не прислушались к нашему требованию снять военное положение, но решили послать и премьер-министра за границу, что при существующей ситуации является роковой ошибкой, которой никогда бы не сделал предусмотрительный политик»⁷³.

За границей Цанков не смог встретиться ни с кем из видных государственных деятелей. Отсутствие же его в Софии было использовано его противниками для полной дискредитации незадачливого премьер-министра. Правительственная печать давала самую противоречивую и странную информацию о его пребывании за границей, из которой, по оценке демократов, нельзя даже было понять, с миссией ли какой-либо отправился Цанков или на отдых. В день его возвращения газета «Знаме» писала, что с какими бы впечатлениями ни вернулся премьер-министр, «мы знаем по заявлениям Ст. Радича, что о соглашении между Югославией и Болгарией нечего и думать при нынешнем правительстве, мы знаем и об отказе английских социалистов предоставить Болгарии заем, пока у власти находится правительство г. Цанкова»⁷⁴.

Вылков использовал отсутствие премьер-министра для того, чтобы, как позже говорил Цанков, «убедить с помощью своих агентов македонскую организацию и македонскую эмиграцию будто я поехал в Белград, чтобы продать Болгарию и Македонию

---

⁷¹ АМВР, II съд., д. 1556, т. X, л. 60.

⁷² АМВР, VO—42929, б/л.

⁷³ Знаме, 13. X. 1925.

⁷⁴ Там же.

сербам»⁷⁵. «Я был обвинен в сербофильстве», — жаловался Цанков в 1928 г. Ляпчеву.

Вернувшись в Софию ни с чем, премьер-министр изложил царю все, что думает о Вылкове и его коварстве и потребовал увольнения военного министра в отставку. И, конечно же, получил отказ⁷⁶.

Цанкову пора было понять, что его судьба премьера решена. Но он продолжал судорожно цепляться за министерское кресло, делать какие-то шаги для «спасения положения». Отказ царя уволить военного министра при требовании этого со стороны премьера по существу означал кризис кабинета. Оппозиционные газеты писали, что и парламентская группа «Демократического сговора» и центральное бюро этой партии «недвусмысленно дали понять Цанкову, что давно наступило время ревизовать положение его кабинета»⁷⁷.

Но Цанков и его сторонники делали вид, что ничего особенного не происходит. «... г. Цанков, несмотря на все, — удивлялась газета демократов, — не только остается у власти, но заявляет, что не оставит ее пока окончательно не «спасет» Болгарию»⁷⁸.

В те дни и Русев выступал с заявлениями, что никакой реконструкции кабинета не будет. В этой лихорадке, когда Цанков так и не мог решиться открыть кризис, он попытался по-своему выйти из трудного положения: предложил министерские портфели лидерам большинства «Демократического сговора» — Ляпчеву и Бурову с тем, чтобы сохранить в составе кабинета двух своих непопулярных министров — Русева и Калфова. Ляпчев и Буров однако, отказались⁷⁹. В отчаянии Цанков попытался использовать антимонархические настроения среди части военных, опереться на тех из них, кто считался его сторонниками. В декабре 1925 г. Цанков, минуя Вылкова, созвал в своем доме начальников гарнизонов и потребовал, чтобы они во главе с начальником штаба армии явились к царю и сообщили ему волю военных — Цанков должен остаться у власти, а Народное собрание должно быть распущено⁸⁰.

---

⁷⁵ АМВР, VO—42929, б/л.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Знаме, 9. XI. 1925.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Спомени на Ст. Мошанов — АБАН, сб. IV, ед. хр. 163, с. 256.

⁸⁰ Из свидетельских показаний Ст. Мошанова — АМВР, II съд., д. 1556. Т. X. л. 123. Подробнее см. его же «Воспоминания» (АБАН, сб. IV, ед. хр. 163, с. 256—258). Эту версию подтверждал на процессе 1954 г. и Вылков, только он говорил об обращении Цанкова к «высшим офицерам софийского

Офицеры проявили колебания. Они заявили, что не могут ничего решить без военного министра и что соберутся еще раз «в следующее воскресенье», но уже в присутствии Вылкова.

Местом последней битвы за власть явился парламент. Цанков попытался добиться того, чтобы на месяц прервать работу Народного собрания, но парламентское большинство ответило отказом. 30 декабря 1925 г. в Народном собрании произошел конфликт, в результате которого министр общественных зданий и благоустройства Ян. Стоенчев подал в отставку⁸¹. Урегулировать конфликт Цанков не смог. Он хотел протянуть время, хотя бы на несколько дней приостановить сессию Народного собрания. Но против этого предложения проголосовала вместе с оппозицией большая часть депутатов «Демократического сговора». Это было выражением недоверия Цанкову. 3 января 1926 г. Цанков подал в отставку. 4 января Ляпчев сформировал «давно подготовленный во дворце, — замечает Д. Казасов, — кабинет»⁸².

По сравнению с правительством Цанкова совет министров, возглавленный Ляпчевым, сильно обновился. Из прежнего состава в нем остались только противники Цанкова — Ив. Вылков, Цв. Бобошевский и Д. Христов. Военную лигу в правительстве представляли, кроме Вылкова, К. Георгиев и Сл. Василев, оба активные участники переворота 9 июня 1923 г. и члены руководства Лиги. Министерские кресла заняли также Вл. Моллов, близкий Ляпчеву, и конечно же, Ат. Буров. Остальные два министра — это Н. Найденов, бывший при Цанкове заместителем председателя Народного собрания, и Т. Кулев, «поднимавший» в 1922 г. вместе с Цанковым «Народный сговор».

Таким образом, в составе кабинета по-прежнему было трое военных, гражданские же министры все были членами «Демократического сговора». Камуфляжа перед мировой общественностью

гарнизона» с просьбой «воздействовать на царя, чтобы тот распустил Народное собрание и назначил новые выборы». (АМВР, II сѣд., д. 1556. Т. V, л. 249).

⁸¹ Вот как описывает в своих воспоминаниях эти драматические события Ст. Мошанов: в парламенте рассматривается законопроект о поощрении сельскохозяйственного строительства. Докладывает министр Я. Стоенчев, но никто его не слушает. Особый шум — среди парламентского большинства. Оно встревожено. Разнесся слух, что Цанков с помощью тройки — К. Георгиева, Д. Велчева и ген. Лазарова — сумел добиться поддержки софийского гарнизона. Ультиматум царю будет предъявлен сразу после нового года. Председательствующий не принимает мер к прекращению шума, сидит, задумавшись. Министр Стоенчев собирает свои бумаги, сходит с трибуны и покидает зал заседаний. Через некоторое время он возвращается и заявляет о своей отставке. (АБАН, сб. IV, ед. хр. 163, с. 261—262).

⁸² Д. К а з а с о в. Видяно и проживяно... с. 361.

больше не требовалось: «Демократический сговор» был самой сильной и многочисленной партией буржуазии, вобравшей в себя многие ее группировки. Террор и репрессии, осужденные либеральными кругами Англии и Франции, связывались не столько с «Демократическим сговором», сколько персонально с Цанковым. Замена последнего Ляпчевым, подчеркивавшим свое происхождение из демократической партии, личные связи Ляпчева с представителями деловых и политических кругов стран Запада, укрепившиеся во время многочисленных его командировок 1924—1925 гг. по делам государственной важности, — все это делало однопартийный кабинет вполне приемлемым с точки зрения международной.

С точки зрения внутривластной обращает на себя внимание сохранение военного характера правительства. Царь и Лига стремились к тому, чтобы и при новом совете министров военные играли бы преимущественную роль в государстве.

В результате, внешне смена правительства мало что меняла в режиме. На это обстоятельство обращал внимание ЦК БКП, выступивший с заявлением по поводу министерских перемен⁸³.

С полным основанием П. Вранчев пишет в своих «Воспоминаниях»: «Из состава правительства Ляпчева, сменившего в 1926 г. Цанкова, видно, что Военный союз и офицерство вообще, располагавшие вооруженными силами в стране, и впредь должны были быть главной политической опорой изменившейся власти»⁸⁴. И представляется, что мнение Я. Йоцова о том, что правительство Ляпчева, равно как и правительство Цанкова, получили свой мандат от Военной лиги и контролировались ею⁸⁵, имеет под собой веские основания. С одной только поправкой: так должно было быть, так планировалось руководством Военной лиги и ее закулисным дирижером царем Борисом. Но это не смогло быть осуще-

⁸³ Не боясь повториться, приведем некоторые оценки новых министров из этого документа: проф. Т. Кулев — председатель Народного собрания при Цанкове, циничный фашист; Ат. Буров — был шефом народняков — вдохновителей Цанкова, проповедник фашизма еще до 9 июня, представитель крупных банкиров; проф. Вл. Моллов — один из авторов ЗЗД; Н. Найденов — ренегат из радикальной партии, отъявленный фашист; Сл. Василев — физический убийца Стамболийского; К. Георгиев — один из первых вождей Военной лиги. «Но что придает, — говорилось в заявлении ЦК БКП, — действительный характер кабинету, — это оставление в нем ген. Вылкова, фактического диктатора в стране, шефа Военной лиги, организатора переворота 9 июня и непрерывного двухлетнего истребления народа». — Архив Музея революции СССР. Д—384—11 ж. № 18183/43, инв. 16—38/83.

⁸⁴ П. Вранчев. Спомени. С., 1968. с. 218.

⁸⁵ Я. Йоцов. По някой въпроси на българския фашизъм. — Исторически преглед, 1967, № 1, с. 94.

ствлено в полной мере, ибо нельзя уже было остановить процесса брожения и размежевания внутри силы, которой предназначалась роль главной опоры режима и при кабинете Ляпчева — среди военных вообще, в Военной лиге в частности.

Не совсем еще четкое и оформленное в последние месяцы существования правительства Цанкова это размежевание приобретает определенность в 1927 г. Границей его служит, главным образом, отношение к монарху. В таком состоянии Военная лига уже не может служить царю верой и правдой. В 1929 г. она вообще распадается. Военно-монархический союз расшатался. Правда, Н. Генчев относит это ко времени смены Цанкова Ляпчевым⁸⁶, что, на наш взгляд, является несколько преждевременным. Правильнее было бы говорить о том, что из-за антимонархических настроений среди части военных, появившихся в 1925 г., в 1927 г. военно-монархический союз дал сильную трещину, а в 1929 г. распался.

В конце 20-х годов распался не только военно-монархический союз. 9 декабря 1927 г. Цанков отмечает в своих записях о конфиденциальных переговорах с Ляпчевым и Буровым: «Полное разъединение и в партии («Демократическом сговоре» — *Р. Г.*), и в кадрах, и среди партийных масс. . . Ореол 9 июня исчезает — мы не создали сильного политического движения против дружбащей. . . мы бессильны бороться с ними. . . мы бессильны вовлечь партию («Демократический сговор» — *Р. Г.*) в политическую борьбу. Собрания не дают результатов»⁸⁷. Та же тема — во время встречи, проходившей двумя неделями раньше: «Чем можем мы затронуть народ: нет единодействия, нет (неразборчиво — *Р. Г.*), нет больших или малых социальных идей»⁸⁸.

Слова Цанкова были констатацией кризисного состояния фашистских сил Болгарии в конце 20-х гг. Они не смогли использовать пребывания у власти в 1923—1925 гг. для своего укрепления, для создания сильного фашистского государства. Важнейшую роль в этом сыграло активное вооруженное сопротивление народных масс Болгарии. В большой степени это было обусловлено и внутренними процессами среди буржуазии и части военных. Представляется, что в конечном счете истоки этих внутренних процессов лежали во временной и частичной стабилизации капи-

---

⁸⁶ Н. Генчев. Нужни са сериозни изследвания за фашизма в България. — Исторически преглед, 1968, № 4, с. 90.

⁸⁷ АМВР, VO—42929 (дневник Цанкова о встречах с Ляпчевым и Буровым), л. 5.

⁸⁸ Там же, л. 2.

тализма, когда фашизм как надстройка приносит господствующим классам не столько пользы, сколько вреда⁸⁹.

Это однако не означало, что фашизм исчез с политического горизонта Болгарии. И режим Ляпчева сохранил некоторые черты, присущие режиму Цанкова и К⁰, хотя Ляпчев и рекламировал отказ от «крайностей» Цанкова, назвав свой курс политикой «со кротце, со благо». Начало 30-х годов ознаменовалось в Болгарии, как и в ряде других стран, новым подъемом мутной волны фашизма, возникновением ряда партий и организаций, лидеры которых откровенно копировали немецкого фюрера. Болгарскому народу, всем его антифашистским силам во главе со славной БКП предстояло еще много трудных лет борьбы, прежде чем в 1944 г. они одержали окончательную победу над монархо-фашистской реакцией.

---

⁸⁹ См. А. А. Г а л к и н. Германский фашизм. с. 395—396.

Заключение

Главной, определяющей чертой кризиса буржуазной системы рубежа 10—20-х гг. был революционный кризис, потрясший капиталистические страны после первой мировой войны и углубившийся под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции в России. Подъем революционного движения был столь высоким, что в ряде государств было поставлено под угрозу само существование буржуазного или буржуазно-помещичьего строя. Там, где эта угроза приобрела реальные очертания, наступление контрреволюционных сил носило наиболее ожесточенный характер и в ряде стран привело к установлению режимов, в той или иной степени отмеченных печатью фашизма.

Среди стран, в которых силы крайней реакции пришли к власти на ранней стадии развития фашизма как международного явления, была и Болгария. Режим, утвердившийся в Болгарии в результате переворота 9 июня 1923 г., был военно-фашистским; ему, как показывает анализ его функций, были присущи многие черты, свойственные фашистскому государству.

Прежде всего режим 1923—1925 гг. в Болгарии был попыткой установить в этой стране диктатуру некоторых групп финансового капитала и части военных и интеллигенции, связанных с финансовыми кругами и, более того, имевших непосредственное отношение к такой государственно-монополистической организации, какой в годы первой мировой войны была Дирекция по снабжению и общему планированию (ДСГОП). Роль милитаристов в системе режима, возглавленного Цанковым, была очень велика. Именно их деятельность в значительной степени определяла характер власти, широко использовавшей чрезвычайные методы управления и опиравшейся главным образом на репрессивный аппарат.

Характерно, что военно-фашистское правительство Цанкова стремилось приспособить к собственным нуждам унаследованную им структуру государственной власти. С одной стороны, при внешнем сохранении основных ее звеньев, оно хотело несколько изменить ее характер с тем, чтобы поставить исполнительную власть

над законодательной. С другой стороны, наряду с традиционной системой, за ее пределами существовали органы внеконституционного порядка («Конвент», игравший роль закулисного правительства, тайный Военный союз, руководство которого было незримым дирижером событий, частично ВМРО). Армия фактически была превращена в автономный орган, служивший интересам части правящих кругов в лице царя Бориса и военной верхушки.

Вполне определено в режиме, возглавленном Цанковым, обнаруживаются и другие важнейшие черты — тенденции, присущие фашистскому государству. Это — стремление к коренной реорганизации политической жизни страны путем создания партии «Демократический сговор», которая поглотила бы все буржуазные партии и стала бы выступать монопольно на политической арене. Это также стремление правящей верхушки установить более или менее широкие связи с массами, расширить свою социальную опору с помощью политики социального лавирования.

Но в силу ряда причин эти черты фашистского государства не получили в Болгарии 20-х гг. полного выражения. Более того, противодействие их развитию было столь сильным, что попытка правительства Цанкова преобразовать политическую структуру общества в фашистском духе и добиться поддержки масс успехом не увенчалась.

Наконец, такое свойство фашистского государства как внешнеполитическая агрессивность в принципе было также присуще режиму Цанкова и К^о, тесно связанному с великобългарскими шовинистическими кругами, хотя эта черта тщательно вуалировалась, существовала, так сказать, потенциально, не имея возможности выйти в то время на поверхность.

Таким образом в режиме 1923—1925 гг. в Болгарии в той или иной степени оказались заложенными все основные качества государства фашистского типа. Но большая их часть не получила значительного развития в 20-е годы, а с падением кабинета Цанкова в начале 1926 г. фашистские силы, связанные с бывшим премьер-министром, потерпели крупное морально-политическое поражение.

Почему военно-фашистский режим 1923—1925 гг. оказался столь неустойчивым, а время его существования наиболее краткосрочным по сравнению с другими режимами подобного типа, возникшими примерно в те же годы, а именно по сравнению с режимами М. Хорти в Венгрии и Primo де Ривера в Испании?

Причины этого лежали в сложном переплетении социально-экономических и политических факторов, причем последние играли очень большую роль, не смягчая действия первых, но, наоборот,

усугубляя их. К факторам социально-экономического порядка относилась прежде всего общая экономическая отсталость Болгарии. В частности, бедность страны национальными капиталами не давала возможности фашистскому государству свободно распоряжаться средствами, необходимыми для проведения политики социального лавирования. Правительство Цанкова на протяжении 2,5 лет своего существования не смогло получить у великих держав займа, как ни старалось этого добиться. Оно не нашло также в их лице надежного, заинтересованного покровителя, что при узости социальной опоры правительства могло бы быть своеобразной гарантией более длительного его существования.

Внутренняя слабость и неустойчивость военно-фашистского режима в Болгарии в огромной степени определялась сопротивлением болгарского народа наступающему фашизму, которое носило характер активной вооруженной борьбы. Руководителем борьбы выступала Болгарская коммунистическая партия, уже в 1923 году выступавшая инициатором создания антифашистского блока труда в составе рабочих, крестьян, ремесленников, прогрессивной интеллигенции и др. В дни Сентябрьского восстания 1923 г., ставшего высшей точкой вооруженной антифашистской борьбы, боевой союз рабочих и крестьян был скреплен совместно пролитой кровью.

Четко обозначенная политическая конфронтация, противостояние широких масс народа и военно-фашистской верхушки было барьером для распространения влияния болгарских фашистов на массы, что усиливало шаткость положения режима.

В итоге первый приступ фашизма в Болгарии был весьма ограниченным по своим результатам с точки зрения фашизации страны. Падение кабинета Цанкова в начале 1926 года означало, что военно-фашистский режим в той форме, в какой он существовал на протяжении 1923—1925 гг., оказался малосостоятельным.

Указатель имен

- Аврамов Аспарух — 22
Аврамов Петр — 65
Аврамовский Живко (Avramovski Ž.) — 47, 219, 221, 240, 241
Алатри Паоло — 137
Александр, король Югославии — 219, 227
Александров Тодор — 78, 79, 116, 130, 141, 154, 159, 168, 171, 182, 230, 233—236, 240, 243—248, 312, 325
Антонеску Ион —
Аспарух, болгарский хан — 319
Атанасов Георгий — 249
Атанасов Недялко — 174
Багоцкий С. Ю. — 252
Бакалов Цанко — 85
Баралиев Христо — 146
Барос И. (Barros J.) — 258
Бенеш Эдуард — 229, 240
Беров Д. — 134
Беров Любен — 43, 55—57, 59, 61, 128, 132—134, 137, 266, 268, 269, 296, 297
Бианхи Л. — 24
Бирман М. А. — 33, 34, 37, 41
Битоски К. — 79
Бичев Панае — 187
Благоев Димитр — 59, 176
Близнаков Петко — 132—134, 263
Бобошевский Цвятко — 120, 216, 324, 330
Борис III Кобургский (Boris III), царь Болгарии — 7, 18, 28, 37, 81—83, 92, 113, 114, 123, 124, 140, 186, 217, 218, 245, 247, 310, 312, 321, 324—326, 328, 331, 335
Бояджиев Коста — 263
Брышлянов Ц. — 202, 266
Бурилков Желю — 263
Буров Атанас — 92, 100, 112, 113, 131, 134, 136, 203, 204, 256, 265, 301, 304, 311—314, 327, 329—332
Буров Иван — 134
Бычков Петр — 134, 282
Вазов Владимир — 77, 115, 265
Вакарельский — 227
Валев Л. Б. — 18, 21
Василев Алеко — 249
Василев Васил — 20, 221, 229, 258
Василев Григор — 96, 97, 100, 134, 253
Василев Славейко — 67, 70, 71, 94, 142, 262, 330, 331
Вебер Э. (Weber E.) — 26
Велев — 147
Велев Александр — 28, 32, 33, 35, 39, 53, 54, 56
Велчев Дамьян — 72, 73, 124, 125, 136, 141, 142, 330
Виллар К. (Willard C.) — 26
Влайков Т. Г. — 112, 201
Влахов Димитар — 168, 234, 244, 247
Вознесенский В. Д. — 18
Врангель П. Н. — 93, 94
Вранчев Петр — 327, 331
Вульф С. И. — 27
Вылков Георгий — 120, 141
Вылков Иван — 7, 29, 69, 73, 82, 94, 115, 116, 118, 119, 121, 123, 124, 136, 140, 141, 144, 151, 159, 164, 165, 170, 182, 183, 186, 188, 193, 220, 233, 245, 246, 249, 309, 310, 312, 321—331
Галкин А. А. — 12, 14—18, 25, 27, 28, 299, 333
Гарсиа Хосе — 14
Гейбельс Йозеф — 299
Генадиев Никола — 157, 159, 290
Генов Гаврил — 142
Генчев Николай — 81, 206, 313, 314, 332
Георгиев Атанас — 270
Георгиев Г. — 220
Георгиев Кимон — 72, 73, 82, 124, 136, 216, 309, 310, 324, 330, 331

- Гешев Иван — 179, 204
 Гинцберг Л. И. — 13, 15, 16
 Гиргинов Александр — 134, 274
 Гитлер Адольф — 18
 Гогов Д. — 283
 Горошкова Г. Н. — 15
 Греков Александр — 94, 95, 108, 120, 133
 Григоров Боян — 182, 211
 Гришина Р. П. — 5—9, 21
 Грынчаров Димитр — 172
 Губиделников Георгий — 134, 136, 204
 Гюлеметов Христо — 180
- Давидович Любомир — 250
 Дамянов Симеон — 20, 217, 223, 236
 Данаилов Г. Т. — 131, 134, 201, 202
 Данев Стоян — 112, 113, 179, 233
 Даскалов Д. — 92, 93
 Даскалов Райко — 35, 39, 54, 81, 85, 217, 220, 227, 228
 Дерменджиев Иван — 42, 43, 51, 57
 Димитров Александр — 54, 79
 Димитров Г. В. — 168, 181
 Димитров Г. М. — 11, 13, 14, 22, 39, 42, 50, 62, 63, 127, 141—143, 161, 163, 165, 168, 170, 171, 173—175, 185, 191, 209, 235, 250
 Димитров Илчо — 20, 215, 218, 220, 221, 230, 231, 233, 238, 254, 255
 Димитрова Стела — 22, 160, 163, 176, 184
 Димов Н. — 291
 Дипчев И. — 320
 Добрянов Тодор — 217, 218, 220, 223, 224
 Дойчев Недю — 61, 62, 72
 Домузчиев В. — 282
 Драгнев Димитр — 35, 171, 172
 Драгнев Г. — 234
 Драгойчева Цола — 29, 146, 248
- Евтимов Т. — 39
 Егоров Ю. В. — 15
 Елазар Давид — 22, 185
 Ерусалимский А. С. — 14, 15
- Жебокрицкий В. А. — 108
 Живков Тодор — 11
- Зародов К. И. — 12, 16, 17
 Зарчев Йордан — 166
 Зомбарт В. — 108
- Иванов Вылчо — 182
 Иванов Георгий — 64, 65, 70
 Иванов Никола — 136
 Иванов Р. — 52
 Илиев Н. — 82
 Исмет-паша — 227
- Йоцов Ярослав (Josov J.) — 18, 19, 54, 55, 57, 58, 89, 112, 132, 133, 136, 137, 184, 204, 263, 266—268, 331
- Казасов Димо — 68, 121—123, 154, 162, 168, 179, 192, 196—198, 208, 209, 248, 312—314, 317, 330
 Каймакчиева Р. — 297
 Калфов Христо — 29, 114, 121, 140, 156, 158, 159, 162, 169, 183, 193, 202, 203, 212, 217, 218, 220, 225—227, 231, 232, 235, 239, 245, 248—252, 254—257, 264, 306, 319, 323—325, 327, 329
 Капп Вольфганг — 83
 Каранджулов И. — 77, 256
 Кароль II, румынский король — 15
 Катаев Н. А. — 43, 50
 Кацаркова Вера — 130, 131
 Керенский А. Ф. — 156
 Кефизов — 100
 Киршевская А. Н. — 36, 43, 55, 92
 Кирьякидис Г. Д. — 15
 Квачев И. — 321
 Кожаров Г. — 265
 Кожухаров Кыню — 20, 52, 70, 136, 141
 Коларов В. П. — 11, 44, 50, 52, 71, 72, 93, 94, 113, 142, 148, 162, 168, 171, 173, 193, 235
 Колева Татьяна — 22, 60, 63
 Коломиец Г. Н. — 14
 Комолова Н. П. — 15
 Конрад И. — 108
 Корецкий А. В. — 252
 Косашки Нинко — 179, 185, 188
 Косев Димитр — 9, 20, 22, 63, 94, 125, 127, 181, 184, 215, 217—222, 230, 231, 244, 254, 255, 271
 Костов Павел — 22
 Костурков Стоян — 52, 154, 165, 177, 200, 202, 209, 211, 213
 Коул Д. Х. (Cole G. D. H.) — 26, 27
 Коцев Вл. — 77, 316, 317, 320
 Крум, болгарский хан — 317

- Кубрат, болгарский хан — 76, 317, 319
- Кукушкин Ю. М. — 14
- Кулев Тодор — 94, 330, 331
- Кульбакин В. Д. — 14, 15
- Куманов Милен — 20, 46, 47, 220, 224, 227, 236, 257, 306
- Кьорчев Д. — 172, 208, 210
- Кьосев Дино — 236
- Лазаров Велизар — 73, 125, 136, 141, 142, 144, 330
- Лазбера Р. (Lasierra R.) — 26
- Лацко М. (Lackó M.) — 24, 25, 260
- Лебедев Н. И. — 15
- Лейбзон Б. М. — 18
- Ленин В. И. — 40, 84, 297
- Леонидов Атанас — 301
- Литвинов М. М. — 252
- Личев — 71
- Лопухов Б. Р. — 15, 103, 158, 260
- Лосек Г. — 25
- Ляпчев Андрей — 7, 28, 99, 100, 112, 134, 203, 245, 256, 265, 270, 273, 301, 304, 307—309, 311—314, 322—324, 327—333
- Маврудиев М. — 62
- Маджаров Рашко — 112, 134, 195
- Макдональд Дж. Р. — 239
- Малинов Александр — 49, 100, 112, 113, 154, 155, 179, 189, 202, 203, 210—212, 233, 308, 314
- Манолов Христо — 56, 85, 172
- Манусевич А. Я. — 15
- Маринкович Воислав — 218, 251
- Масарик Томаш Г. — 229
- Матеев Борис — 51, 291
- Маус К. (Maus K.) — 160, 181
- Мерцалов А. М. — 25
- Милкова Фани — 168, 177
- Митев Йоно — 19, 20, 22, 50, 69, 72, 73, 75, 84, 85, 94, 108, 112, 120, 124, 125, 127, 141, 198, 216, 220
- Михайлов Иван — 78, 82, 92, 233, 238, 244, 246—248, 312, 325
- Мичев Добрин — 22, 184, 185
- Мичева Здравка — 173, 175
- Мишайков Димитр — 94, 137, 263
- Моллов Владимир — 134, 330, 331
- Моллов Янаки — 121, 131, 140, 183
- Мосс Г. Л. (Mosse G. L.) — 26
- Мошанов Стойчо — 116, 145, 148, 154, 200, 202, 203, 208, 216, 244, 266, 296, 307—310, 329, 330
- Муравиев Константин — 125
- Муссолини Бенито — 106, 138, 157, 158, 221, 231, 240, 254, 259, 260
- Мушанов Никола — 112, 134, 154, 155, 267, 306, 312
- Найденов Н. — 330, 331
- Нансен Фритьоф — 252
- Нарочницкий А. Л. — 25
- Натан Жак — 21, 28, 128, 132, 133, 137, 266, 268, 269, 314
- Начев Владимир — 142, 145
- Недев Недю — 19, 20, 22
- Нерезов, генерал — 317
- Нешич Л. — 228
- Никитин С. А. — 21
- Николов Г. — 147
- Николов К. — 272
- Николов Х. — 134
- Нинчич Момчило — 218, 231—233, 235, 239
- Нольте Эрнст (Nolte E.) — 27, 28
- Оббов Александр — 173, 174, 250
- Панайотов Любомир — 22, 185
- Панкевич Ф. И. — 83
- Панов Йордан — 169, 262
- Пастухов Крыстю — 120, 121, 195, 196
- Патев Д. — 156
- Пашич Никола — 221, 222, 230, 250
- Петков Петко — 172, 176, 182
- Петрини Николай — 172
- Петров П. — 142
- Петров Стоян — 22, 28
- Петров Ц. — 291
- Петрович Петр — 131, 134, 136, 204, 217, 263, 264, 267—270, 272, 273
- Пик Вильгельм — 14
- Пико Жорж — 216, 217
- Плюмьен Ж. (Plumyène G.) — 26
- Пожарская С. П. — 14
- Политик Николаус — 257
- Порков Д. — 66, 70, 73, 142, 144, 145, 186, 187, 246, 324, 326
- Примо де Ривера — 335
- Протогеров Александр — 77, 130, 244, 248
- Проектор Д. М. — 15
- Пушкаш А. И. — 15

- Раденкова Петра — 22, 185
 Радич Степан — 328
 Радолов Александр — 85, 174
 Радославов Васил — 35, 120, 223, 224, 233
 Радулов Стефан — 19, 90, 94, 115, 152—154, 156, 206
 Раушнинг Г. — 25
 Рахшмир П. Ю. — 26, 27
 Рачев Никола — 72—75, 116, 120, 124, 136, 142, 145, 186, 265
 Розанов Г. Л. — 14, 15
 Рубинский Ю. И. — 15
 Рузвельт Франклин — 87
 Русев Иван — 121, 122, 137, 140, 142, 145, 147, 160, 161, 183, 186, 308, 309, 323, 324, 327, 329
 Савов Михаил — 142
 Сакаров Никола — 269, 272
 Сакызов Янко — 57, 151, 152, 196, 205
 Салов В. И. — 25
 Сект Ханс — 83
 Семерджиев Г. — 276, 279
 Симеон, болгарский царь — 317
 Симидчиев О. — 270
 Славов К. — 209
 Смилев Боян — 121, 159, 168, 193, 207, 208
 Смирнов В. П. — 15
 Стайнов Петко — 97, 100
 Стамболийский Александр — 6, 8, 20, 33, 35, 36, 38—41, 43—47, 52—54, 58—60, 63, 68—72, 77, 79—82, 84—86, 88, 91, 92, 94, 97, 100, 108, 109, 112, 114—118, 123—126, 135, 138, 142, 144, 155, 159, 166, 172, 179, 190, 215—218, 222, 223, 233, 234, 236, 238, 243, 247, 256, 262, 267, 277, 294, 303, 331
 Стефанов Георги — 20, 215, 218, 221, 222
 Стефанов Стефан — 134
 Стоенчев Янко — 121, 131, 159, 233, 330
 Стойков Христо — 64—73, 79, 114, 115, 120, 124, 141, 142, 321
 Стоянов Кочо — 187
 Стоянов Петко — 112, 183, 282
 Стоянов Харалампи — 182
 Стоянов Христо — 125, 174
 Страшимиров Тодор — 182, 256
 Теодоров Теодор — 36, 100, 112, 113, 204
 Тишев Димитр — 22, 39, 60, 62
 Тодоров Коста — 173
 Тодоров Петр — 120, 131, 200, 201, 284, 312
 Тодоровский Цв. — 188
 Тольятти Пальмиро — 14
 Томов Коста — 56, 85, 117, 172
 Турлаков Марко — 56, 85, 172
 Турок В. М. — 15
 Узунов Иван — 20, 71, 72, 74, 216, 222, 254
 Ушаков В. Б. — 14, 15
 Фаденхехт Йосиф — 112, 201, 209
 Файнгар И. М. — 14, 15
 Фердинанд Кобургский, царь Болгарии — 33—37, 45, 76, 83, 219
 Филатов Г. С. — 15, 26
 Филчев Никола — 81
 Фомин В. Т. — 14, 15
 Хаджидимов Димо — 182, 248
 Хаджииванов П. — 64, 65, 70
 Хаджилиев Илия — 270
 Хаджиниколов Веселин — 22, 58, 185, 320
 Хорти Миклош — 335
 Христов Димитр — 112, 324, 330
 Христов Христо — 22, 32, 48, 65, 66, 110
 Цанков Александр — 5, 7, 11, 13, 19, 20, 28, 29, 94, 95, 108—111, 120, 121, 125, 130—133, 137, 140, 142, 144, 147—152, 155—160, 163—173, 176, 177, 181—183, 186, 188—193, 197, 198, 200—205, 207, 208, 212—219, 221—259, 264, 266, 271—278, 280, 282, 284—287, 290, 291, 294, 298—301, 303—316, 320—336
 Цанков Асен — 282
 Цонев — 265
 Цонев Стефан — 128, 131—134, 263
 Чаулев Петр — 248
 Чемширов Христо — 145
 Чернявский Г. И. — 92, 98

- Чичерин Г. В. — 253
Чупаринов Дончо — 246
Шанданов Перо — 159, 247, 327
Швехла Антонин — 229
Шелепугин М. В. — 253
Шириня К. К. — 18
Штехерт К. — 25
Энгель И. — 27
Ючорманский А. — 191
Язькова А. А. — 15, 46, 240
Янулов Илия — 295, 297
Ajnenkiel A. — 23
Eisenberg D. — 12
King R. — 80
Nikolaev N. P. — 82, 92
Palmer St. — 80
Ryszka F. — 24
Seton-Watson H. — 28
Żarnowski J. — 23

Содержание

Предисловие	5
Введение	11
Глава I. Политические и социальные условия формирования сил край- ней реакции в послевоенный период	31
1. Своеобразие разрешения революционной ситуации 1918— 1919 гг. в Болгарии	40
2. Влияние реформаторской деятельности правительства БЗНС на расстановку классовых и политических сил в стране	64
3. Складывание лагеря крайней реакции	64
Глава II. Консолидация сил реакции и военно-фашистский переворот 9 июня 1923 г.	83
1. Создание легальных центров борьбы против правительства БЗНС. Программные установки «Конституционного блока»	83
2. Программные положения «нового политического фактора» — «Народного сговора»	101
3. Подготовка государственного переворота и его осуществление	113
4. К проблеме связи между государственно-монополистической стадией развития капитализма в Болгарии и военно-фашист- ской властью	128
Глава III. Становление военно-фашистского режима	140
1. Формирование механизма власти	140
2. Репрессивный курс в отношении БКП (т. с.) и БЗНС — ле- вицы	166
3. Военно-фашистская власть и буржуазная оппозиция	189
Глава IV. Внешнеполитические аспекты деятельности правительства Цанкова	215
1. Международная реакция на акт государственного переворота 9 июня 1923 г. в Болгарии	215
2. Внешнеполитическая линия правительства Цанкова в отно- шении Королевства СХС	228
3. Общий характер и результативность внешней политики пра- вительства А. Цанкова	252
Глава V. Социально-экономическая политика	262
1. Отношения между государственной властью и монополисти- ческими кругами	262
2. Реформа налоговой системы	274
3. Основные направления социально-экономического законода- тельства	285
Глава VI. Падение правительства А. Цанкова	305
1. Перелом в отношении политических кругов буржуазии к правительству Цанкова	305
2. Брожение среди военных	314
3. Кризис отношений в военно-фашистской верхушке	322
Заключение	334
Указатель имен	337

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
68	9 сверху	Готовы ли к	Готовы ли вы к
81	7 сверху	пропаганда	пропаганде
99	4 снизу	,стоял	,состоял
108	5 сверху	Окончил	Окончив
110	17 сверху	поминают	понимают
112	15 снизу	исключились	исключались

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФАШИЗМА В БОЛГАРИИ

1919—1925 гг.

Р. П. Гришина

•
 Редактор *С. Прашкова*
 Художник *Г. Георгиев*
 Худ. редактор *Е. Станкулов*
 Техн. редактор *Ал. Иванов*
 Корректор *К. Алпер*

•
 Изд. индекс 6014
 Дадена за набор на 25. V. 1976 г.
 Подписана за печат на 30. VII. 1976 г.
 Формат 600×840/16   Тираж 1200
 ЛГ—II—6
 Печатни коли 21,50   Изд. коли 20,07
 Цена 3 лв.

•
 Набрана и отпечатана в Печатницата на Издателството на БАН
 1113 София, ул. „Акад. Г. Бончев“ Поръчка № 275

Возникновение фашизма в Болгарии